Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

ТОМ 3
Часть 1

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Полное собрание сочинений и писем

ТОМ 3
Часть 1

Стихотворения 1835 — 1844 годов

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Полное собрание
сочинений и писем

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Полное собрание
сочинений и писем

ТОМ 3
Часть 1

«Сумерки»
Стихотворения 1835 — 1844 годов
Juvenilia
Коллективное
Dubia

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Б 24

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 05-04-14315а, проект № 11-04-16031д

Руководитель проекта *А. М. Песков*
Редакторы 3-го тома *А. С. Бодрова, Н. Н. Мазур*
Подготовка текстов и текстологический комментарий — *А. С. Бодрова* при участии *А. Р. Зарецкого, Н. Н. Мазур* и *А. М. Пескова*
Сопроводительная статья *А. С. Бодровой*
Рецензент тома *Н. Г. Охотин*
В подготовке 3-го тома также участвовали *А. Ю. Балакин, О. В. Голубева, А. В. Дубровский, Р. А. Евстифеева, В. Н. Попов, М. В. Трунин*

Боратынский Е. А.

Б 24 Полное собрание сочинений и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. — Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835—1844 годов. Juvenilia. Коллективное. Dubia / Ред. тома А. С. Бодрова, Н. Н. Мазур; Подгот. текстов и текстологич. коммент. А. С. Бодровой при участии А. Р. Зарецкого, Н. Н. Мазур и А. М. Пескова. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 608 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0503-1

В третий том Полного собрания сочинений и писем Е. А. Боратынского входят все стихотворения, не опубликованные в начальных томах издания, — стихотворения, составившие сборник «Сумерки» (1842), тексты, не вошедшие в «Сумерки» или написанные после их выхода, а также сочиненные Боратынским в соавторстве с другими поэтами и приписанные ему. Все стихотворения сопровождаются текстологическими комментариями, содержащими исчерпывающие сведения о рукописных источниках и истории публикации текстов Боратынского (в специальной статье также детально рассматриваются проблемы текстологии его поздней лирики). В состав тома включены отклики критики на сборник «Сумерки», фотокопии автографов и вспомогательные указатели.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим томом, продолжающим Полное собрание сочинений и писем Е. А. Боратынского, завершается публикация корпуса его лирических стихотворений. Том включает в себя последний сборник Боратынского «Сумерки» (1842), печатаемый с сохранением авторской композиции (Раздел I), тексты 1835—1844 гг., не включенные в сборник или написанные после его выхода (Раздел II), юношеское стихотворение (Раздел III), стихотворения, сочиненные в соавторстве с другими поэтами (Раздел IV), а также тексты, принадлежность которых Боратынскому не может быть признана безоговорочно (Раздел V).

Каждое стихотворение сопровождается комментарием, включающим сведения об источнике, по которому воспроизводится текст, об известных автографах и авторитетных копиях, обо всех прижизненных публикациях, а также о публикациях в авторитетных посмертных собраниях сочинений. Комментарии также содержат обоснование предлагаемой датировки; ссылки на те издания и исследования, в которых были введены текстологические инновации, впервые даны библиографические и хронологические уточнения, или, наоборот, сообщена неточная или прямо ошибочная информация (в аппарат не включались сведения о *Справочном томе* [2003], поскольку помещенный там текстологический комментарий к поздней лирике Боратынского отразил начальную стадию работы над настоящим томом).

Историко-литературный и реальный комментарий к публикуемым текстам составит второй полутом третьего тома ПССиП.

В сопроводительной статье излагаются принципы, в соответствии с которыми был осуществлен выбор источника публикации, а также содержатся сведения об истории составления и цензурования сборника «Сумерки», об обстоятельствах поздних прижизненных и первых посмертных публикаций стихотворений, не вошедших в сборник, о формировании корпуса авторитетных семейных копий и истории первых посмертных собраний сочинений Боратынского.

В томе помещены фотокопии всех ныне доступных автографов публикуемых текстов и некоторых наиболее авторитетных списков, а также фотокопия первой рукописи сборника 1842 г., поданной на рассмотрение в Московский

цензурный комитет. В дополнение к этому публикуется роспись содержания альбомов и тетрадей жены поэта — Н. Л. Боратынской, представляющих первостепенное источниковое значение.

Стихотворения Боратынского печатаются с сохранением орфографии и пунктуации источников. Исправления сделаны только в тех случаях, когда правописание слов в источниках может быть квалифицировано как описка или опечатка. Изменения пунктуации носят минимальный характер и были продиктованы исключительно смыслоразличительными соображениями. Все исправления и изменения, сделанные в тексте источника, оговорены в текстологических примечаниях.

Тексты стихотворений проверены по всем доступным рукописным и печатным источникам. При составлении сводки вариантов, помимо автографов и прижизненных публикаций, учитывались также авторитетные копии из архивов Боратынского и его ближайших родственников, копии, предшествовавшие первой публикации и/или послужившие ее источником, а также посмертные издания, в которых тексты печатались по ныне утраченным автографам. В справочном аппарате не учитывались нерелевантные в текстологическом отношении позднейшие копии и копии, сделанные с печатных источников.

При наличии черновых автографов стихотворений дается сводка вариантов, отражающая последовательность авторской работы над текстом. Принцип подачи вариантов ориентирован на принятый в новейшем Академическом Полном собрании сочинений и писем А. С. Пушкина в 20-ти томах (см. *Пушкин 2004*. С. 123—128). В тех случаях, когда черновик дает законченное связное чтение, сначала приводится финальный вариант строки или строфы, а предшествующие и отброшенные варианты конкретных строк последовательно даются под соответствующей строкой, начиная с самых ранних (последовательность вариантов обозначена литерами *а*, *б*, *в* и т. д.). В случаях неоконченной правки, а также для выделения правки, производившейся «блоками» из нескольких строк, варианты также записываются в последовательности от ранних к позднейшим (но без вынесения финального варианта в начало сводки), и обозначаются прописными литерами: *А*, *Б*, *В* и т. д.

В отличие от первого и второго тома настоящего издания, где тексты публиковались в хронологическом порядке, стихотворения, вошедшие в сборник «Сумерки» (Раздел I), помещены в соответствии с авторской композицией книги. В качестве основной редакции для всех текстов этого раздела выбран печатный текст «Сумерек». Подробная мотивировка этого выбора дана в сопроводительной статье.

В других разделах тома сохранен хронологический порядок расположения стихотворений — по времени их создания или прижизненной публикации.

Все предлагаемые датировки мы старались основывать только на документированных фактах (собственных указаниях Боратынского, эпистолярных свидетельствах, цензурных документах и т. д.); гипотетические уточнения этих датировок, основанные на содержательной интерпретации текстов, будут предложены в историко-литературном комментарии.

В томе продолжена сплошная нумерация стихотворений, принятая в предшествующих томах настоящего издания, однако проведенные разыскания позволили уточнить датировки ряда публикуемых здесь стихотворений и заставили внести изменения в нумерацию, опубликованную в первом томе (*Боратынский 2002*. Т. 2. Ч. 1. С. 19—21).

Под каждым номером печатаются все редакции данного стихотворения в порядке, принятом в предшествующих томах: первой помещается последняя редакция стихотворения (для текстов, составивших Раздел I, это редакция «Сумерек»), затем тексты более ранних редакций полностью — в порядке их создания и публикации.

В отличие от предшествующих томов, мы датируем каждую редакцию отдельно. Если стихотворение подвергалось переработке значимой, но недостаточной для выделения отдельной редакции, под текстом в ломаных скобках указывается двойная датировка — время создания и время переработки. Если переработка носила точечный и несущественный характер, сообщение о времени ее появления помещается в комментариях к стихотворению.

При подготовке настоящего тома использованы материалы следующих архивов: Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Российский государственный архив литературы и искусства, научный архив музея-усадьбы «Мураново», Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Российский государственный исторический архив, Центральный исторический архив г. Москвы, Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, Отдел редких книг Научной библиотеки СПбГУ.

Данный том не мог бы быть подготовлен без многолетней помощи и заинтересованного участия коллег и друзей.

Особая признательность — сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) **Н. Н. Колесовой**, **Т. И. Краснобородько**, **Е. Р. Обатниной**, **М. М. Павловой**, сотрудникам РГАЛИ **Т. М. Горяевой**, **Д. В. Неустроеву**, **Е. Е. Чугуновой**, сотрудникам Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ **И. Л. Великодной**, **П. В. Кузнецову** и **А. И. Любжину**.

За благожелательное внимание, практические советы и научную поддержку от души благодарим **Д. П. Бака, А. С. Белоусову, В. В. Варганову, М. Б. Велижева, М. Н. Виролайнен, Н. М. Войнову, К. А. Головастикова, Т. П. Гончарову, С. А. Долгополову, А. А. Долинина, И. В. Завьялову, Г. В. Зыкову, М. А.** и **А. В. Климковых, А. А. Кобринского, А. В. Ковех, А. А. Костина, Е. О. Ларионову, Р. Г. Лейбова, Е. Э. Лямину, В. Ляпунова, А. Л. Осповата, С. И. Панова, И. А. Пильщикова, В. С. Полилову, Н. П. Сабадаш, Н. М. Сперанскую, Д. М. Хитрову, Е. В. Шаульского, Е. П. Шумилову, А. А. Щербакову**.

Подготовка этого тома началась при непосредственном участии инициатора и вдохновителя всего издания, **Алексея Михайловича Пескова**, безвременно покинувшего нас 22 октября 2009 года. Заканчивать работу нам пришлось без него, а значит, ответственность за все возможные ошибки и недочеты лежит только на нас. Однако самим фактом своего существования этот том обязан прежде всего А. М. Пескову.

— I —

Сумерки.

Сочиненіе Евгенія Боратынскаго

190

Князю
Петру Андреевичу
Вяземскому

Какъ жизни общіе призывы,
Какъ увлеченья суеты,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаянія мечты;
Понятны вамъ всѣ дуновенья,
Которымъ, въ морѣ бытія,
Послушна наша ладія:
Вамъ приношу я пѣснопѣнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты,
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.
Счастливый сынъ уединенья,
Гдѣ сердца вѣтреные сны,
И мысли праздныя стремленья
Разумно мной усыплены;
Гдѣ, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,
И позабылъ, какъ-бы во гробѣ,
Но добровольно шумный свѣтъ:
Еще, порою, покидаю
Я Лету созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой:
Ищу я васъ; гляжу: что съ вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы озарявшіе меня

И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ небо васъ?
И возношу молящій гласъ:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минетъ скорбный часъ!

Звѣзда разрозненной Плеяды!
Такъ, изъ глуши моей, стремлю
Я къ вамъ заботливые взгляды,
Вамъ высшей благости молю,
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

<Не позднее начала ноября 1834 (?); начало ноября 1836>

190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Какъ жизни общіе призывы...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 5—13; с исправлениями: ст. 36 *упоенье → упоенье,* -- ст. 42 *субьбы → судьбы*

Оформление текста в сборнике (заглавие вынесено на отдельную страницу, текст набран курсивом) знаменует дополнительную функцию стихотворения — оно исполняет роль посвящения ко всей книге.

В цензурной тетради (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 2—3 об.) текст под заглавием «К. Вяземскому» с ошибками в ст. 22 («въ гробѣ») и ст. 25 («Летою»); с иным написанием одного слова в ст. 38 («плеяды») — и с разночтением:

44 Хоть вамъ я прозою почтовой

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 141—142 (заглавие: «К. Вяземскому»).

Впервые опубликовано: Современник. 1836. Т. IV (ценз. разр. 11 ноября; ценз. билет 22 декабря — *Летопись*. С. 335). С. 216—218 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «Къ Князю П. А. Вяземскому» с иным написанием одного слова в ст. 33 («Провидѣнье») и с разночтением:

16 И мысли мрачныя стремленья

Копия С. Л. Энгельгардт (Путята), возможно, сделанная на основании текста, посланного ей Боратынским в ноябре 1834 г. (см. ниже; факт посылки не подтвержден), и отражающая раннюю стадию работы над стихотворением: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 53 об.—54 (заглавие «К. Вяземскому») — с описками в ст. 16 («празные» вместо «праздныя»), ст. 17 («усыпены» вместо «усыплены»), ст. 18 («міра» вместо «мира»), ст. 38 («разроненной» вместо «разрозненной») и с разночтениями:

3 Знакомы вамъ страстей порывы

5 И всѣ глухія дуновенья

11 Полна безумства, слѣпоты

14 Изъ моего уединенья

37 Да скоро минетъ горькой часъ!

43 Вниманье грозное хочу,

Завершение работы над ранним вариантом послания предположительно датируется на основании фразы в письме Е. А. Боратынского к С. Л. Энгельгардт от начала ноября 1834 г.: «По будущей почте пришлю тебе послание к Вяземскому...» (*Летопись.* С. 324); время переработки текста ограничивается датой первой публикации. Новый вариант ст. 16, вошедший в «Сумерки», был введен в текст до первого представления сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не позднее 10 января 1842 г.), внесенная в то же время поправка в ст. 44 (см. разночтение цензурной тетради) была затем отменена — в период между возвращением рукописи из первой цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 142—143 и *Изд. 1884. С. 228—229* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях; в ст. 33 «Провидѣнье», в ст. 34 «Небо» с заглавной буквы — так же в *Изд. 1884, Изд. 1914—1915*; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 147—148* (датировка: 1836 — повторено в *Изд. 1951*), *292—293* (отмечена публикация в «Современнике»). — *Изд. 1936. Т. I. С. 199—200* (текст набран курсивом — так же в *Изд. 1982*; в ст. 13 некорректное чтение «Любви, добра и красоты» — повторено в *Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000*; в ст. 16 некорректное чтение «Мысли праздные стремленья» — повторено во всех последующих изданиях; в ст. 38 «плеяды» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 266* (датировка: не позднее ноября 1834 г. на основании письма Боратынского к С. Л. Энгельгардт — так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*). — *Изд. 1951. С. 269—270* (заглавие: «К князю П. А. Вяземскому»), *580* (источником публикации назван текст «Современника», но не учтено разночтение в ст. 16; датировка: не позднее ноября 1836). — *Изд. 1982. С. 271—272, 480* (вариант цензурной тетради в ст. 44 — повторено в *Изд. 2000*).

191

Послѣдній Поэтъ

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Изчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ;
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальской ключь живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суэту:

Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити, Эолъ бурнопогодной,
Плодотворятъ онѣ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И за чѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонилъ:
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Человѣку не покорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И привѣтливо оно;

И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
На ней, пѣвецъ, мятежной думы полнъ,
Стоитъ.... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала...... тѣнь Сафо!... голосъ волнъ...
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастной жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой безполезный даръ!

И по прежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ:
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ;
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

<Не позднее февраля 1835; не позднее 6 марта 1842>

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 15—20; с исправлением ст. 66: *мятежный* → *мятежной* в соответствии с копиями Н. Л. Боратынской, а также с учетом чтения этой строки в автографе и первой публикации: «На ней Пѣвецъ, неясной думы полнъ» (см. ниже).

Заглавие стихотворения набрано, как и прочие заглавия «Сумерек», прописными буквами; в тексте слово «поэтъ» напечатано со строчной буквы; в оглавлении — с прописной: «Послѣдній Поэтъ»; так же написано заглавие в цензурной тетради (Л. 4) и в копиях Н. Л. Боратынской (см. ниже).

Текст в цензурной тетради (Л. 4—7; заглавие: «Послѣдній Поэтъ») с ошибкой в ст. 15 («не слышенъ»), с иным написанием отдельных слов в ст. 5 («Просвѣщенья») и ст. 62 («въ которой») и с разночтениями:

23 Послѣдній сынъ Аттической природы,

31 Лучше смертный! въ дни незнанья

40 Отъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

49 Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ. Персты

66 На ней пѣвецъ мятежный думы полнъ

В ст. 34 цензором В. П. Флеровым отмечено к исключению слово «благодать», однако в «Сумерках» этот стих был напечатан без изменений.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 92 об.—94 (ст. 32 пропущена, в ст. 66 «На ней пѣвецъ мятежной думы полнъ»); № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 48—49 (в ст. 66 «На ней, пѣвецъ мятежной думы полнъ,»); № 40. Л. 35—36 (в ст. 66: «На ней, пѣвецъ мятежной думы полнъ,»).

Копия Л. Е. Боратынского: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 5—6 (заглавие: «Послѣдній Поэтъ»; в ст. 18 «хладенъ» вместо «блѣденъ», в ст. 30 «цѣня» вместо «цѣля», в ст. 69 «погребло» вместо «погребла»).

Последние три копии записаны параллельно с автопереводом стихотворения на французский язык под заглавием «Le dernier Poète».

В тексте «Последнего Поэта» Боратынским были сделаны поправки уже после выхода «Сумерек» — в экземпляре сборника, который, по указанию Верховского, принадлежал Н. В. Путяте (*Верховский 1935*. С. 107), а затем хранился в Муранове. Этот экземпляр, очевидно, был в распоряжении сыновей Боратынского, когда они готовили Изд. 1869 и Изд. 1884, затем перешел к Н. И. Тютчеву (см.: Изд. 1936. Т. II. С. 267), впоследствии — к К. В. Пигареву (см.: Изд. 1951. С. 580; Изд. 1957. С. 366; Изд. 1982. С. 641), а сейчас находится во владении его наследников и для верификации недоступен.

Со ссылкой на этот экземпляр, но без указания на то, какие поправки учтены, стихотворение печаталось в Изд. 1936 (Т. I. С. 201—203), Изд. 1951 (С. 271—273), Изд. 1957 (С. 173—175), Изд. 1982 (С. 274—276; текст Изд. 1982 воспроизведен в Изд. 1989). М. Л. Гофману книга, вероятно, известна не была — в Изд. 1914—1915 она не упомянута. На мурановский экземпляр «Сумерек» как на источник авторских поправок и, соответственно, разночтений Изд. 1869 и Изд. 1884 впервые указал Г. О. Винокур (*Винокур 1927*. С. 105) со ссылкой на «Каталог выставки в ознаменование стодвадцатипятилетия со дня <...> рождения» Баратынского (*Каталог 1925*. С. 63). Перечень разночтений мурановского экземпляра «Сумерек» приведен в неопубликованном комментарии Ю. Н. Верховского (*Верховский 1935*. С. 107).

Согласно сообщению Л. Г. Фризмана (Изд. 1982. С. 571—572), «подлинный текст» «Последнего Поэта», с учетом всех поправок в этом экземпляре «Сумерек», был опубликован К. В. Пигаревым в издании: *Баратынский Е. А.* Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. и примечания К. В. Пигарева. Рис. Н. Н. Побединской. М., «Детская литература», 1975 (К 175-летию со дня рождения Е. А. Баратынского). С. 106—108.

За недоступностью мурановского экземпляра «Сумерек» приводим разночтения по публикации К. В. Пигарева, с указанием тех изданий, где соответствующие строки были напечатаны также с учетом этой правки.

[14] *Носит понт торговли груз,*

(так же — в основном корпусе текстов Изд. 1869; Изд. 1884; Изд. 1936; Изд. 1951; Изд. 1957; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

[43] *Бодрым* сердцем покоримся

(так же — в основном корпусе текстов Изд. 1982; Изд. 1989; Изд 2000)

[44] Думам *робким*, а не им!

(так же — в основном корпусе текстов Изд. 1869; Изд. 1884; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

[68] Сия скала... тень Сафо! *песни* волн...

(так же — в основном корпусе текстов Изд. 1869; Изд. 1884; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

[78] Человека *вал* морской,

(так же — в основном корпусе текстов Изд. 1936; Изд. 1951; Изд. 1957; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000; в разделе «Варианты» Изд. 1869 и Изд. 1884 с неверным указанием: «въ „Сумеркахъ“»)

Кроме того, в комментариях Верховского (*Верховский 1935*. С. 107) отмечен другой вариант ст. 43, затем, по-видимому, исправленный (см. также Изд. 1982. С. 481):

[43] [*Вещим*] Бодрым сердцем покоримся

В основном корпусе Изд. 1869 и Изд. 1884 имеется еще одно разночтение (см. также Изд. 1982. С. 481):

[43] *Гордымъ* сердцемъ покоримся

О хронологии поправок в мурановском экземпляре и их статусе см. подробнее в сопроводительной статье.

Впервые опубликовано: Московский наблюдатель. 1835. Ч. I. Март. Кн. 1 (ценз. разр. 19 февраля; ценз. билет 12 марта — *Летопись*. С. 326; вышел 16 марта — Московские ведомости. 1835. № 22. 16 марта. С. 1080). С. 30—32 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «Послѣдній поэтъ», с иным написанием отдельных слов: в ст. 16 («Музъ»), ст. 22 («Кастальскій»), ст. 24 («Поэтъ»), ст. 25 («простодушный»), ст. 28 («суету»), ст. 41 («зачѣмъ»), ст. 70 («несчастный»), опечаткой в ст. 71 («Такъ» вместо «Тамъ») и с разночтениями:

[5] Исчезнули предъ свѣтомъ просвѣщенья
[6] Поэзіи младенческіе сны,

[14] Дышетъ роскошь, дышетъ вкусъ;

[23] Послѣдній сынъ Аттической природы,

[31] Лучше смертный! въ дни незнанья

40 Отъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

49 Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ... Персты

52 Но предъ толпой главы не преклонилъ:

54 Въ безлюдный край, въ нѣмую глушь... но свѣтъ

66 На ней, Пѣвецъ, неясной думы полнъ

77 Но въ смятеніе приводитъ

Беловой автограф, соответствующий первой публикации, в тетради С. Л. Энгельгардт (Путята): РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 52—53 об. — без заглавия, с описками в ст. 43 («предадимся» вместо «покоримся»), ст. 62 («Аполонъ» вместо «Аполлонъ»), пропуском предлога «въ» в ст. 53, иным написанием отдельных слов (в ст. 5 «Изчезнули», в ст. 66 «пѣвецъ») и с разночтением:

49 Холодный смѣхъ ему отвѣтомъ... персты

Автограф был впервые учтен в комментариях Ю. Н. Верховского (*Верховский 1935*. С. 107).

Датируется по первой публикации и по времени повторного представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 143—146 (стихотворение напечатано по мурановскому экземпляру «Сумерек» — с указанными выше разночтениями; а также с иным написанием слова в ст. 28 [«суету»] — повторено во всех последующих изданиях; и с ошибками в ст. 31 «Лучше смертный, въ дни незнанья!»; ст. 35 «Какъ пажити Эолъ бурноподобной»; иным написанием окончаний в ст. 22 «Кастальскій», ст. 70 «несчастный жаръ» — повторено во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842), *211—212* (варианты «Московского наблюдателя» в ст. 6, 40, 52, 54, 66, 77; варианты «Сумерек»: ст. 14, 23 отмечены также как наличествующие «в рукописи», ст. 43, ст. 44 [ошибочно приведен вариант основного текста «Думамъ робкимъ» вместо «Думамъ хладнымъ» — повторено в *Изд. 1884*], ст. 68; вариант ст. 78 по мурановскому экземпляру [«валъ морской»] ошибочно назван вариантом «Сумерек» — повторено в *Изд. 1884*). — *Изд. 1884. С. 230—233* (текст *Изд. 1869* с разночтением в ст. 31 «Лучше, смертный, въ дни незнанья» — повторено во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1914—1915* — и с исправлением ошибки в ст. 35; разночтение в ст. 66 «На ней, пѣвецъ мятежный, думы полнъ,» исправлено в списке опечаток: «пѣвецъ, мятежной думы полнъ»; в ст. 69 опечатка: «лобовница Фаона»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 140—142* (текст «Московского наблюдателя» с исправлениями по тексту «Сумерек» — в ст. 5 «Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья», в ст. 14 «Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ», в ст. 40 «Изъ пѣнистой пучины»), *289—290* (варианты «Сумерек» в ст. 6, 23, 52, 54, 66 [с исправлением: «мятежной думы полнъ»], 77; отмечены разночтения по тексту *Изд. 1869* в ст. 14, 43, 44, 68; датировка: 1834). — *Изд. 1936. Т. I. С. 201—203* (текст по мурановскому экземпляру «Сумерек»; в ст. 52 некорректно воспроизведено окончание прилагательного «Но гордые главы не преклонил»; в ст. 66 исправлена опечатка: «На ней певец, мятежной думы полн,» — повторено во всех последующих изданиях). — *Изд. 1951. С. 271—273* (в ст. 25 «простодушный» вместо «простодушной» — повторено в *Изд. 1957*, *Изд. 1989*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1957.*

С. 173—175 (датировка: <1835> — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 274—276* (в ст. 48 ошибка: «Сострадальных небес» — повторено в *Изд. 2000*), *481—482* (варианты автографа ранней редакции в ст. 5—6, 14, 31—32 [ошибочно приведена пунктуация «Сумерек»], 40 [с ошибочным чтением «ненастной» вместо «пенистой»], 43—44, 49 [с ошибочным чтением «хладный» вместо «холодный»], 52, 54, 66, 68 [приведена только первая часть строки «Сия скала!»], 77; варианты «Московского наблюдателя» в ст. 6, 23, 52, 54, 66, 77; «Сумерек» в ст. 14 [ошибочно назван также представленным в «Московском наблюдателе»], 43, 44, 68, 78; чтение «автографа на экземпляре Сумерек» в ст. 43 «Вещим сердцем покоримся»; варианты основного текста *Изд. 1884* в ст. 43, ст. 78), *641* (отмечен автоперевод стихотворения на французский язык). — *Изд. 1989. С. 179—181* (с ошибкой в ст. 15 «И не слышны лиры звуки»).

192

1

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ;
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай.

<Не позднее 10 января 1842>

2

Ранняя редакция

Предразсудокъ

Предразсудокъ! Онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
Прагъ остался, а потомокъ
Смыслъ его не разгадалъ.

Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надмѣнной,
Не признавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца!

Воздержи младую силу!
Дней ему не сокращай,
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай.

<Не позднее середины марта 1841>

192.1. «Предразсудокъ! онъ обломокъ...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 21—22.

Текст в цензурной тетради (Л. 7 об.—8) соответствует напечатанному в «Сумерках».

Автограф неизвестен.

Копии, соответствующие тексту «Сумерек», с параллельной записью автоперевода на французский язык: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 49 об.—50 (французский текст под заглавием: «Le préjugé»); № 40. Л. 36 об. — рукой Н. Л. Боратынской; № 54. Л. 6 об. — рукой Л. Е. Боратынского.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

192.2. Предразсудокъ («Предразсудокъ! Онъ обломокъ...») *Ранняя редакция*

Печатается по тексту первой публикации: Отечественные записки. 1841. Т. XV. № 4 (ценз. разр. 28 марта; вышел 29 марта — *Боград 1985*. С. 117—118). Отд. III: Словесность. С. 258 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*).

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Отечественных записок»: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 12 об.—13 (в ст. 5 «холодный» исправлено на «надменной»).

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 146 и *Изд. 1884. С. 234* (текст «Сумерек»; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 212* и *Изд. 1884. Приложения. С. 36* (варианты «Отечественных записок» в ст. 3—4, 6, 10). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 162* (текст «Сумерек», но под заглавием «Предразсудокъ»; датировка: 1841 — так же во всех последующих изданиях), *302* (варианты «Отечественных записок», совпадающие, по указанию М. Л. Гофмана, с чтением «автографа Боратынского, хранящегося в бумагах И. Ф. Тютчева [Мурановский архив]»; по всей видимости, «автографом» ошибочно названа копия Н. Л. Боратынской). — *Изд. 1936. Т. I. С. 204* (текст «Сумерек» — так стихотворение напечатано в основном корпусе всех последующих изданий). — *Изд. 1957. С. 175—176, 367* (отмечена публикация в «Отечественных записках», но номер журнала и дата цензурного разрешения указаны неверно — повторено в *Изд. 1982*, *Изд. 1989*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 277, 482* (варианты «Отечественных записок» с необоснованной конъектурой в ст. 3 «Прах»; как источник тех же разночтений безосновательно указан «недошедший автограф», отмеченный в *Изд. 1914—1915*, — повторено в *Изд. 2000*), *642* (отмечен французский автоперевод стихотворения). — *Изд. 2000. С. 252. 432* (в списке разночтений ошибочное указание на источник публикации ст. 10 ранней редакции — альманах «Денница»).

193

1

Новинское.
А. С. Пушкину

Она, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь, отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.
Нѣтъ, это былъ сей легкой сонъ,
Сей тонкой сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

<Середина января — не позднее 6 марта 1842>

2

Ранняя редакция

Какъ взоры томные свои,
Ты на пѣвцѣ остановила,
Не думай, чтобъ мечта любви
Въ его душѣ заговорила!
Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
Сей чудный сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

<Середина 1820-х>

3

Промежуточная редакция

А. С. П......у

Когда, поэта, красота
Своей улыбкой оживила,
Не думай, чтобъ любви мечта
Его глаза одушевила;
Нѣтъ: это былъ сей легкой сонъ,
Сей тонкой сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

<Не позднее 10 января 1842>

193.1. Новинское. А. С. Пушкину («Она, улыбкою своей...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 23—24.

В «Сумерках» опубликовано впервые.

Текст цензурной тетради см. ниже (№ 193.3).

Автограф неизвестен.

Датируется временем между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

193.2. «Как взоры томные свои...» *Ранняя редакция*

Печатается по копии в альбоме неустановленного лица («кузины Натальи»): РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 234. Л. 3 (под текстом подпись: *E. Borat<insky>*); с исправлениями: в ст. 1 *томныя свои,* → *томные свои* -- ст. 2 *остоновила* → *остановила*, -- ст. 3 *Не думай* → *Не думай,* -- *мѣчта* → *мечта* -- ст. 5 *Нетъ* → *Нѣтъ,* -- *сонъ* → *сонъ,* -- ст. 6 *воображенья* → *воображенья,* -- ст. 7 *Аролонъ* → *Аполлонъ*

Стихотворение записано рукой владелицы альбома; в ст. 6 рукой поэта (?) слово «чудный» вписано вместо зачеркнутого «тонкій». В этом же альбоме — записи стихотворений «Я былъ любимъ, твердила ты...» (с датой: «31 ноября <так!> 1825» — см. примеч. к № 110) и «Судьбой наложенные цепи...» (с датой: «Мара. 1827. Juillet» — см. примеч. к № 129.1), а также списки стихотворений Пушкина и Языкова 1819—1825 гг.

Ст. 1—4 впервые опубликованы в Изд. 1869. С. 212 (раздел «Варианты»).

М. Л. Гофман, первым указавший в печати источник ранней редакции («альбомъ <...> кузины Натали»), считал запись автографом Боратынского (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 295). Ю. Н. Верховский, публикуя материалы Татевского архива, напротив, полагал, что это список и лишь поправка в ст. 6 принадлежит руке поэта (М. С. 4), но впоследствии ученый изменил свою точку зрения: «Печатая этот текст среди ма-

териалов татевского архива, мы не решились признать в нем автограф <...>; однако и конфигурации отдельных букв, и в особенности конечные слова 6 и 7 стихов <...> убеждают нас в том, что мы имеем дело с несомненным автографом, относительно ранним, несколько торопливым и небрежным» (*Верховский 1935.* С. 107). В позднейших изданиях эта атрибуция поддержки не получила: начиная с Изд. 1936 (Т. II. С. 268—269) запись в альбоме «кузины Натали» неизменно квалифицировалась как список.

Датируется предположительно, на основании датированных записей в том же альбоме.

193.3. А. С. П......у («Когда, поэта, красота...») *Промежуточная редакция*

Печатается по цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 8 об.; с исправлениями: в ст. 2 *оживила → оживила,* -- ст. 3 *Не думай → Не думай,*

Автограф неизвестен.

Ст. 1—4 впервые опубликованы в Изд. 1869. С. 212 (раздел «Варианты»).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 146 и *Изд. 1884. С. 235* (текст «Сумерек», в ст. 5—6 иное написание окончаний: «легкій», «тонкій» — повторено во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 212* и *Изд. 1884. Приложения. С. 36* (варианты ст. 1—4 по цензурной тетради и альбомной редакции, источник не указан; со ссылкой на *Изд. 1869* повторено в *Изд. 1989*). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 154* (текст цензурной тетради, заглавие «(Новинское). А. С. Пушкину»; в ст. 5—6 иное написание окончаний: «легкій», «тонкій»; датировка: предположительно 1837), *295* (варианты «Сумерек» и альбомной записи, названной автографом). — *Изд. 1936. Т. I. С. 205* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 136* (текст ранней редакции с ошибкой в ст. 5: «сладкий» вместо «легкий»; источник публикации — «Список в „Альбоме Натали“»), *268—269* (датировка ранней редакции: предположительно 1826, переработка: 1841—1842). — *Изд. 1951. С. 182, 567* (датировка: предположительно 1826). — *Изд. 1957. С. 176* (датировано: 1826, 1841), *367* (источник ранней редакции назван «Альбом кузины Наталии»). — *Изд. 1982. С. 277, 482* (варианты цензурной тетради и альбомной редакции с некорректными ссылками на «недошедший автограф» и «список из Мурановского архива»; датировка: предположительно 1826). — *Летопись.* С. 189 (датировка ранней редакции: 1827, февраль 8—14 или апрель, после 3). — *Изд. 2000. С. 253, 432—433, 487* (источник «вариантов в рукописи» *Изд. 1869* и *Изд. 1884* безосновательно назван «недошедшим автографом»; неверно указано местонахождение источника ранней редакции — Музей-усадьба Мураново; датировка ранней редакции: предположительно 1827).

194

1

Примѣты

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала:
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ одн имъ,
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму;
Вдался въ суету изысканій....
И сердце природы закрылось ему
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

<Не позднее 10 января 1842>

2

Ранняя редакция

Примѣты

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ: она
Любовью ему отвѣчала;
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала;
Со древа, предъ тайно-грозящей бѣдой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье;
Ширяясь надъ нимъ въ высотѣ голубой,
Орелъ ободрялъ дерзновенье;
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви предрекала;
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ,
Привѣтная жизнь въ ней дышала.
Но, чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій —
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

<Не позднее начала октября 1839>

194.1. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 25—27.

Текст цензурной тетради (Л. 9 об.—10 об.) совпадает с напечатанным в «Сумерках» — в ст. 22 иначе написано одно слово: «въ суэту».

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 86—86 об. (описка в ст. 12: «его» вместо «онъ»).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

194.2. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...»). *Ранняя редакция*

Печатается по тексту публикации в альманахе В. А. Владиславлева: Утренняя Заря, альманах на 1840 год. СПб., 1840 (ценз. разр. 14 октября; ценз. билет 28 октября 1839 — *Летопись*. С. 352; в продажу поступил 2 января 1840 — Северная пчела. 1840. № 1. 2 января. С. 4). С. 117—118 (подпись: *Е. Баратынскій*). В отличие от текста «Сумерек» текст «Утренней Зари» набран без пробелов между строфами и с иным чередованием отступов в строках.

Печатается с исправлением: ст. 15 *прочилъ* → *пророчилъ* (отмечено в списке опечаток).

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 147 и *Изд. 1884. С. 236—237* (текст «Сумерек»; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 212* и *Изд. 1884. Приложения. С. 36* (варианты «Утренней Зари» с ошибкой в ст. 11: «съ высоты голубой» вместо «въ высотѣ голубой»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 156—157* (текст ранней редакции; датировка: не позднее 1839), *298* (варианты «Сумерек»). — *Изд. 1936. Т. I. С. 206* (текст «Сумерек» — так же в основном корпусе всех последующих изданий); *Т. II. С. 269* (варианты «Утренней Зари»). — *Изд. 1957. С. 176—177* (датировка: <1839> — повторено в *Изд. 1989*), *367* (дата цензурного разрешения «Утренней Заре»).

195

Всегда и въ пурпурѣ и златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей:
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

<*Не позднее начала апреля 1840*>

195. «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 28.

Текст цензурной тетради (Л. 36 об.) совпадает с напечатанным в «Сумерках».

Запись стихотворения в тетради, вероятнее всего, была сделана уже после возвращения рукописи из первоначальной цензуры, о чем свидетельствует пробельная страница, отделяющая л. 36—36 об. от других текстов. Первоначально стихотворение было, вероятно, записано на одном из вырезанных листов в середине тетради. Первая строка: «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ» — была, кроме того, вписана рукою Н. Л. Боратынской на л. 10 об., вслед за текстом «Примет», в соответствии с местом стихотворения в «Сумерках», однако затем она была зачеркнута, а на свободном месте теми же чернилами был записан полный текст стихотворения «Ахиллъ» (№ 205). По всей видимости, запись строки была внесена в цензурную тетрадь уже после смерти Боратынского (подробнее см. в сопроводительной статье).

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 76 (под заглавием: «С. Ф. Т.»); № 38. Л. 47; № 40. Л. 33 об. (две последние — с параллельным текстом автоперевода на французский язык).

Копия Л. Е. Боратынского, также соответствующая тексту «Сумерек» и с параллельным текстом французского автоперевода: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 3 об.

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1840. Т. IX. № 4 (ценз. разр. 11 апреля; вышел 12 апреля — *Боград 1985*. С. 81). Отд. III: Словесность. С. 150 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — с иным написанием одного слова в ст. 5 («грацій») и с разночтениями:

1 Всегда, и въ пурпурѣ и въ златѣ,
6 И ночь твоя свѣтлѣй чѣмъ день:

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в «Сумерки», были сделаны не позднее повторного представления сборника в Московский цензурный комитет (6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 148 и *Изд. 1884. С. 238* (текст «Сумерек» с конъектурой в ст. 1. «Всегда и въ пурпурѣ и въ златѣ»; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 159* (текст «Сумерек»), *300* (отмечена публикация в «Отечественных записках», приведены варианты журнальной редакции в ст. 1, 6; датировка: 1840 — так же датировано во всех последующих изданиях). — *Изд. 1936. Т. I. С. 207* (текст «Сумерек»): *Т. II. С. 269—270* (отмечена копия Н. Л. Боратынской под заглавием «С. Ф. Т.»). — *Изд. 1951. С. 293* (текст «Сумерек» с конъектурой в ст. 1. «Всегда и в пурпуре и в злате» — так же в основном корпусе всех последующих изданий). — *Изд. 1957. С. 177, 367* (неверно указан номер «Отечественных записок» — повторено в *Изд. 1982, Изд: 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 280, 483, 643* (отмечен автоперевод на французский язык). — *Летопись. С. 365* (гипотетическая расшифровка инициалов в заглавии одной из копий Н. Л. Боратынской: С. Ф. Т.<имирязева>).

196

Увы! Творецъ непервыхъ силъ!
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже, въ жару нездравомъ, ты
Коверкать сталъ правописанье!

Неаполь возмутилъ рыбарь
И власть пріявъ, какъ мудрый царь
Двѣнадцать дней онъ градомъ правилъ;
Но что же? непривычный умъ,
Уставъ отъ вѣнценосныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставилъ!

<Не позднее 10 января 1842>

196. «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..»

Печатается по: *Сумерки*. С. 29—30.

В «Сумерках» стихотворение опубликовано впервые.

В цензурной тетради (Л. 11), а также в копиях Н. Л. Боратынской (см. ниже) иное написание одного слова в ст. 12 («тринатцатый») и разночтение:

11 Уставши отъ державныхъ думъ

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской — с тем же разночтением в ст. 11, что и в цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 55; № 40. Л. 58 об. (датировано: «въ 1838, 1839»); № 41. Л. 47 (помещено в разделе «Эпиграммы»).

В Изд. 1869 (С. 213) и Изд. 1884 (Приложения. С. 36) со ссылкой на неизвестную ныне рукопись («Въ рукописи читаемъ варіанты»), а также в Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 301) и Изд. 1936 (Т. II. С. 270) со ссылкой на копии Н. Л. Боратынской, наряду с указанным разночтением в ст. 11, приведено еще одно:

2 На двухъ романахъ утомилъ

Вероятно, «рукописью» в Изд. 1869 и Изд. 1884 названа копия Н. Л. Боратынской, которая была доступна М. Л. Гофману и Е. Н. Купреяновой и хранилась в Пушкинском Доме (тетрадь малого формата, 14 листов, под заглавием «Эпиграммы»,

старый шифр ПД. № 21733 — см. Изд. 1936. Т. II. С. 270; роспись содержания в материалах М. Л. Гофмана: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73. Л. 175—176), но была утрачена не позднее 1957 г. (см. Изд. 1957. С. 368).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 148 и *Изд. 1884. С. 239* (текст «Сумерек; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 36* (варианты в ст. 2 и 11). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 161* (текст цензурной тетради; датировка: предположительно 1840), *301* (варианты ст. 11 по «Сумеркам» и ст. 2 по неизвестным ныне копиям Н. Л. Боратынской, а также *Изд. 1869*). — *Изд. 1936. Т. I. С. 208* (текст «Сумерек» — так же в последующих изданиях); *Т. II. С. 270* (вариант ст. 2 по утраченной копии Н. Л. Боратынской). — *Бухштаб 1956.* С. 233—235 (адресатом назван И. И. Лажечников и высказано предположение о датировке: конец 1838 — начало 1839). — *Изд. 1957. С. 177—178* (датировка: 1838(?), на основании гипотезы Бухштаба), *368* (копия Н. Л. Боратынской с вариантом в ст. 2 названа утраченной). — *Изд. 1982. С. 280, 483* (неизвестная ныне рукопись, послужившая источником вариантов *Изд. 1869* и *Изд. 1884*, безосновательно названа недошедшим автографом — повторено в *Изд. 1989, Изд. 2000*; некорректно указан ЦГАЛИ как место хранения копии Н. Л. Боратынской с вариантом в ст. 2; отмечено разночтение в ст. 11 по цензурной тетради — повторено в *Изд. 1989, Изд. 2000*), 642 (датировка: 1838). — *Мазур 2002. С. 285—300* (оспорена гипотеза Бухштаба, предложена датировка: не ранее ноября 1835 — 1841).

197

1

Недоносокъ

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье зареветъ
И до облакъ сводъ небесный
Омрачившихъ, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный:
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое
Вьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ!
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій!

3 — 5341

Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянуся-ли на землю:
Грозно, чорно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Кличь враждующихъ народовъ,
Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачь недужнаго младенца...
Слёзы льются изъ очей:
Жаль земнаго поселенца!

Изнывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ!
Въ тучу прячусь я, и въ ней
Мчуся чуждъ земнаго края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу.... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

<Середина января — 6 марта 1842>

2

Ранняя редакция

Недоносокъ

Я изъ племени духовъ;
Но не житель Эмпирея:
Долетѣвъ до облаковъ,
Опускаюсь я слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ!
Знаю, рай за ихъ волнами
И ношусь — крылатый вздохъ —
Межъ землей и небесами.
    Веселъ я небесъ красой,
Но слѣпецъ я. Въ разумѣнье
Мнѣ завистливой судьбой
Не дано ихъ провидѣнье!
Духи высшіе, не я,
Постигаютъ тайны міра:
Мнѣ лишь чувство бытія
Средь пустыхъ полей эфира.
    Солнце блещетъ — радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ,
И, веселыми крылами,
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой!
    Но ненастье заревѣтъ
И до облакъ, сводъ небесный
Омрачившихъ, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный....
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое
Вьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое!

Бури грохотъ! бури свистъ!
Вихорь хладный! вихорь жгучій,
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій:
Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянуся-ли на землю,
Грозно, чорно тутъ и тамъ....
Вопль унылый я подъемлю.
Смутно слышу я порой....
Плачь недужнаго младенца....
Слезы льются изъ очей;
Жаль земнаго поселенца!
Изнывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ!
Въ тучу прячусь я, и въ ней
Мчуся чуждъ земнаго края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей,
Гласомъ бури заглушая.
Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу. На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!

<Не позднее второй половины апреля 1835>

3

Промежуточная редакция

Недоносокъ

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ,
Возлетѣвъ, паду слабѣя.

Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревѣтъ
И до облакъ, сводъ небесный
Омрачившихъ, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный:
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое
Вьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ!
Вихорь хладный, вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій!
Обращусь ли къ небесамъ,
Оглянуся ли на землю:
Грозно, чёрно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Кличь враждующихъ народовъ;
Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ бичемъ ихъ переходовъ;

Громъ войны и крикъ страстей;
Плачь недужнаго младенца...
Слезы льются изъ очей,
Жаль земнаго поселенца!

Изнывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ.
Въ тучу прячусь я, и въ ней
Мчуся, чуждъ земнаго края,
Страстный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу.... На землѣ
Оживлялъ я недоносокъ:
Отбылъ онъ безъ бытія,
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя
О, безсмысленная вѣчность!

<Не позднее 10 января 1842>

197.1. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 31—35; с исправлением в ст. 19 *Омрачившись* → *Омрачившихъ*

Текст цензурной тетради см. ниже (№ 197.3).

Автограф неизвестен.

По указанию Ю. Н. Верховского (*Верховский 1935*. С. 109), в мурановском экземпляре «Сумерек» (см. примечания к «Последнему Поэту» — № 191) рукой Боратынского были сделаны карандашные поправки: исправлена опечатка в ст. 19 (*Омрачившись* → *Омрачившихъ*; ср. ст. 27 ранней редакции), а также изменен ст. 45:

45 Въ тучу [прячусь] кроюсь я, и въ ней

К этому источнику, по всей видимости, восходит разночтение в ст. 45 в основном корпусе Изд. 1869 (С. 148—150) и Изд. 1884 (С. 240—242).

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек» (включая опечатку в ст. 19): ГИД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 44—46 — с описками в ст. 35 («безпечный» вместо «безпечныхъ»); ст. 39 («ихъ» вместо «изъ») и иным написанием окончания в ст. 32 («унылой»).

Датируется временем между возращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

197.2. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...») *Ранняя редакция*

Печатается по тексту первой публикации: Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 1 (ценз. разр. 30 апреля; ценз. билет 20 мая — ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89. Л. 113 об.—114; вышел 22 мая — Московские ведомости. 1835. № 41. 22 мая. С. 2047). С. 526—528 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Отсутствие двух заключительных строк (ср. редакции «Сумерек» и цензурной тетради), вероятно, объясняется цензурными причинами; другой пропуск (4 строки между ст. 41 и ст. 42 — ср. ст. 34—37 других редакций), скорее всего, следствие типографского недосмотра (выпавшие строки — на стыке страниц).

Автограф неизвестен.

Копия С. Л. Энгельгардт (Путята), соответствующая редакции «Московского наблюдателя»: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 47 об.—48 об. — с разночтениями:

6 Презрѣнъ мощными духами,
7 Я несусъ крылатый вздохъ,
10 Не слѣпецъ я. въ разуменье
17 Блещетъ солнце — радость мнѣ:
27 Омрачившисъ, вознесетъ
32 Мчитъ подъ небо гробовое.
35 Бьетъ меня [летучій <?>] дубровный листъ,

Между ст. 41—42:

Шумъ враждующихъ народовъ,
Поселянъ безумныхъ вой
Подъ бичемъ ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,

45 Унывающей тоской,
49 Въ тучу прячуся и въ ней
54 И природы отголосокъ
56 Оживлялъ я недоносокъ.
57 Отжилъ онъ безъ бытія:
59—60 Въ тягость роскошь мнѣ твоя
О, [безжизненная <?>] безсмысленная вѣчность!

Датируется по первой публикации.

197.3. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...») *Промежуточная редакция*

Печатается по первоначальному тексту копии в цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 11 об.—13 об.; с исправлениями: в ст. 10 *лучами,* → *лучами* -- ст. 18 *небесный,* → *небесный* -- ст. 19 *Омрачившись* → *Омрачившихъ* -- ст. 23 *вьетъ* → *вьетъ,* -- ст. 35 *Посѣлянъ* → *Поселянъ*

Автограф неизвестен.

В текст цензурной копии в два этапа были внесены авторские поправки, различающиеся по своему характеру и хронологии появления в рукописи.

Правка в ст. 3—4 (Л. 11 об.) была внесена светлыми чернилами и в окончательный текст «Сумерек» не вошла:

3 Подымусь до облаковъ,
4 И паду крыломъ слабѣя.

В ст. 4 сначала было внесено другое исправление, вписанное над зачеркнутым словом «Возлетѣвъ»: «И тотчасъ <?>» (см. Изд. 1914—1915. Т. I. С. 290) или «И потомъ <?>».

Датировка этой группы поправок затруднительна: нельзя исключать, что они могли быть сделаны непосредственно перед первым цензурным просмотром (ср. исправления светлыми чернилами в стихотворениях «Были бури, непогоды...» [№ 203] и «Здраствуй отрокъ сладкогласной...» [№ 209]), но вероятнее, что эта правка была внесена уже после возвращения рукописи из первоначальной цензуры (т. е. не ранее середины января), когда Боратынский перерабатывал сборник для повторной подачи в Московский цензурный комитет. Исходя из этого, вносить эти изменения в первоначальную редакцию цензурной тетради представляется некорректным.

В последней строке (ст. 56) цензором В. П. Флеровым было отчеркнуто слово «безсмысленная» (Л. 13 об.), Боратынский здесь же над строкой, темными чернилами, вписал новый вариант, перенесенный затем в текст «Сумерек»: «Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!» (см. № 197.1). Эту поправку, несомненно, можно датировать периодом между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Всеми издателями Боратынского, начиная с Изд. 1914—1915, исправление в ст. 56 последовательно трактовалось как вынужденно-цензурное, а следовательно, подлежащее отмене в критическом тексте. На этом основании в текст «Сумерек» вводилось чтение финального стиха по цензурной тетради. Вследствие такого решения в качестве основного текста «Недоноска» устойчиво печатался контаминированный текст, так как отличия текстов «Сумерек» и цензурной тетради к единственной поправке в ст. 56 не сводятся (ср. ст. 36, 47, 52 в № 197.1 и № 197.3, а также см. ниже правку в цензурной тетради в ст. 3—4). Учитывая факт цензурного влияния на правку, принятую в «Сумерках», и исходя из принципа воспроизведения «исторически подлинного» текста, в настоящем издании воспроизводим текст цензурной тетради как самостоятельную редакцию.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 148–150 и *Изд. 1884. С. 240—242* (текст «Сумерек» с разночтением в ст. 45 «Въ тучу кроюсь я, и въ ней»; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 37* (варианты «Московского наблюдателя»; вариант ст. 45 по «Сумеркам»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 143—144* (текст «Московского наблюдателя» с сохранением опечатки «Сумерек» в ст. 27: «Омрачившись, вознесетъ»; в ст. 17 вариант «Сумерек» [«Блещетъ солнце»], после ст. 41 вставка 4-х строк по цензурной тетради [в ст. 43 опечатка: «безпечный» вместо «безпечныхъ»], в ст. 56 вариант цензурной тетради: «оживлялъ» вместо «оживилъ»; Гофман считал вариант «оживилъ» опечаткой [*Изд. 1914—1915.* Т. I. С. 291]; ст. 59—60 восстановлены по цензурной тетради; датировка: 1835 — так же датируется во всех последующих изданиях), *290—291* (варианты цензурной тетради в ст. 3—4, 56; варианты «Сумерек» в ст. 3—4, 36, 56; датировка: не позднее 1835). — *Изд. 1936. Т. I. С. 209—210* (текст «Сумерек» с восстановлением ст. 56 по цензурной тетради — так же во всех последующих изданиях; с исправлением в ст. 19: «омрачивших» вместо «омрачившись»; вариант «Сумерек» квалифицирован как опечатка [*Изд. 1936*. Т. II. С. 270] — повторено в *Изд. 1951*; в ст. 45 «кроюсь» вместо «прячусь» — повторено в *Изд. 1951* и *Изд. 1957*). — *Изд. 1957*. С. 178—179 (датировка: <1835> — повторено в *Изд. 1989*). — *Изд. 1982. С. 281—282* (в ст. 34 ошибочно: «клик» вместо «клич» — повторено в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*), *483* (вариант цензурной тетради в ст. 47). — *Изд. 2000. С. 254—256* (в ст. 19 ошибка: «Омрачивши, вознесет»).

198

Алкивіадъ

Облокотясь передъ мѣдью образъ его отражавшей,
Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,
Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ, и смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали перстомъ;
Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно открытымъ,
Нехотя взоръ отводя, хмурили брови свои.
Онъ же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣди глядясь, а въ грядущемъ
Думалъ: къ лицу-ли ему будетъ лавровый вѣнокъ?

<Не позднее февраля 1836>

198. Алкивіадъ («Облокотясь передъ мѣдью образъ его отражавшей...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 36—37.

Текст цензурной тетради (Л. 14) соответствует опубликованному в «Сумерках».

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано (вместе со стихотворением «Бокалъ» — № 202): Московский наблюдатель. 1835. Часть V. Ноябрь. Кн. 1 (ценз. разр. 16 февраля; ценз. билет 21 февраля 1836 — *Летопись*. С. 331; вышел 26 февраля — Московские ведомости. 1836. № 17. 26 февраля. С. 371). С. 27 (подпись: *Баратынскій*) — под тем же заглавием и с разночтениями (опечатками?): в ст. 1 «Облокоченъ»; в ст. 3 «гордозадумчивъ»; в ст. 6 «жмурили».

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в «Сумерки», были сделаны не позднее первого представления сборника в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 150 и *Изд. 1884. С. 243* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 37* (варианты «Московского наблюдателя» в ст. 1, 3). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 146* (датировка: 1835 — так же во всех последующих изданиях), *291* (варианты «Московского наблюдателя» в ст. 3, 6). — *Изд. 1936. Т. I. С. 211; Т. II. С. 271* (ошибочно указано разночтение в ст. 2 вместо ст. 3). — *Изд. 1982. С. 283* (в ст. 7 пропуск союза «и»: «Он же глух был и слеп...» — повторено в *Изд. 1989, Изд. 2000*).

199

Ропотъ

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешся терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ?
Кто одарилъ тебя жаломъ властнымъ прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцалуй?
Ты изъ мечтателя мирнаго, нѣгъ Европейскихъ питомца,
Дикаго Скифа творишь, жаднаго смерти врага.

<Не позднее конца июня 1841>

199. Ропотъ («Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты...»)
Печатается по: *Сумерки*. С. 38—39.
В цензурной тетради (Л. 14 об.) — без заглавия и с разночтением:

30 Кто одарилъ тебя жаломъ властнымъ прервать своевольно

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1841. Т. XVII. № 7 (ценз. разр. 30 июня; вышел 2 июля — *Боград 1985*. С. 127). Отд. III: Словесность. Стихотворения. С. 155 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия, с тем же разночтением в ст. 3 («своевольно»), что и в цензурной тетради, и с иным написанием отдельных слов (в ст. 4: «жаркій» вместо «жаркой», ст. 5: «европейскихъ» вместо «Европейскихъ», ст. 6: «Скиѳа» вместо «Скифа»).

Датируется по первой публикации. Вариант ст. 3, вошедший в «Сумерки», был внесен в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 151 и *Изд. 1884. С. 244* (текст «Сумерек», в ст. 2 «Вьешься» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 163* (в ст. 4 «поцѣлуй» вместо «поцалуй»; датировка: 1841 — так же во всех последующих изданиях), *302* (вариант «Отечественных записок» в ст. 3). — *Изд. 1936. Т. I. С. 212* (в ст. 4 «поцелуй», в ст. 5, 6 «европейских» и «скифа» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 283, 484* (вариант цензурной тетради в ст. 3 — повторено в *Изд. 2000*).

200

Мудрецу

Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, философъ
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Намъ, изволеньемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно.
Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ;
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель!

<Не позднее начала 1840>

200. Мудрецу («Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, философъ...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 40—41.

В цензурной тетради (Л. 15; без заглавия) ст. 3 имел иное чтение:

> [3] Намъ, изъ ничтожества вызваннымъ творчества словомъ тревожнымъ,

Цензор В. П. Флеров отметил к исключению словосочетание «словомъ тревожнымъ». В «Сумерках» этот стих был полностью изменен.

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Современник. 1840. Т. XVIII. № 2 (ценз. разр. 6 марта; ценз. билет 18 апреля — *Летопись*. С. 365). Раздел V: Стихотворения. С. 253 (2-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия, с тем же чтением ст. 3, что и в цензурной тетради. Напечатано в разделе «Антологическія стихотворенія» вместе с «Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!..» (№ 211).

Датируется по первой публикации. Поправка в ст. 3, принятая в «Сумерках», была сделана в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 151 и *Изд. 1884. С. 245* (текст «Сумерек»; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 37* (вариант «Современника» в ст. 3). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 160* (текст «Сумерек» с исправлением ст. 3 по цензурной тетради — так же во всех последующих изданиях), *300* (разночтение в ст. 3 по «Сумеркам»; изменение ст. 3 квалифицировано как вынужденное цензурными требованиями; датировка: не позднее 1840). — *Изд. 1957. С. 180* (датировка: <1840> — повторено в *Изд. 1989*).

201

Филида, съ каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей:
И, Афродита гробовая,
Подходитъ, словно къ ложу сна,
За ризой ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

<Не позднее 10 января 1842>

201. «Филида, съ каждою зимою...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 42.

В «Сумерках» опубликовано впервые.

Текст в цензурной тетради (Л. 15 об.) соответствует напечатанному в «Сумерках».

Автограф неизвестен.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 151 и *Изд. 1884. С. 246* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 162, 302* (датировка: предположительно 1840). — *Изд. 1936. Т. I. С. 214; Т. II. С. 271—272* (прототипом героини стихотворения названа Е. М. Хитрово — повторено в *Изд. 1957, Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000*; датировано временем до ее смерти, однако год указан неверно: 1838 — повторено в *Изд. 1957*). — *Изд. 1945. С. 230* (датировка: 1842). — *Изд. 1957. С. 180—181* (датировка: 1838? — повторено в *Изд. 1989*). — *Хетсо 1973. С. 215—216* (оспорена адресация Хитрово; предположение об ином адресате — Е. Э. Лазарева; датировка: 1840 — по времени возможного знакомства). — *Изд. 1982. С. 284* (текст разбит на две строфы — так же в *Изд. 2000*), *645* (датировка: до смерти Хитрово — 3. V. 1839). — *Летопись. С. 383* (подвергнута сомнению связь героини стихотворения с Хитрово, оспорена адресация Лазаревой).

202

Бокалъ

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ.....
Ты не встрѣченъ братьей шумной
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной
Я сего дня пью одинъ.

Чѣмъ душа моя богата
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково оживленной,
Разногласною толпой:

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ,
Изліяньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Вотъ теперь со мной бесѣдуй
Своенравная струя!
Упоенья проповѣдуй,
Иль отравы бытія;

Сердцу милыя преданья
Благодатно оживи,
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови!

О, бокалъ уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья
Словно чашей круговой:
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней,
Иль небесныя мечты.

И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму, пророкъ,
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ безплодномъ развлеченьи
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеньи,
Мгла падетъ съ его очей!

<Не позднее февраля 1836>

202. Бокалъ («Полный влагой искрометной...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 43—46; с исправлением: ст. 38 *будешь* → *будишь*

Текст цензурной тетради (Л. 16—17 об.) соответствует напечатанному в «Сумерках», в ст. 38 «будишь»; в ст. 17 иное написание окончания: «неосторожной», в ст. 35 иное написание: «впѣчатленья».

Под стихотворением (Л. 17 об.) помета Боратынского: «Напечатано въ Московскомъ вѣстникѣ» — место первой публикации указано неверно (см. ниже).

Цензор В. П. Флеров требовал исключить в ст. 30 слово «Благодатно», в ст. 39 слово «Откровенья» и полностью ст. 42 («Не въ людскомъ шуму, пророкъ») и ст. 44 («Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ»), однако в «Сумерках» стихотворение появилось без изменений (см. подробнее в сопроводительной статье).

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 89—90.

Впервые опубликовано (вместе со стихотворением «Алкивіадъ» — № 198): Московский наблюдатель. 1835. Ч. V. Ноябрь. Кн. 1 (ценз. разр. 16 февраля; ценз. билет 21 февраля 1836 — *Летопись*. С. 331; вышел 26 февраля — Московские ведомости. 1836. № 17. 26 февраля. С. 371). С. 24—26 (подпись: *Баратынскій*) — с иным написанием окончаний в ст. 7 («вольнодумный») и ст. 17 («неосторожной») и с разночтениями:

27 Упоенье проповѣдуй,

35 Пошлой жизни ощущенья,

39 Или грезы преисподней,

45 Не въ безпутномъ развлеченьи

Датируется по первой публикации. Изменения, появившиеся в «Сумерках», были сделаны до первого представления сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не позднее 10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 152—153 и *Изд. 1884. С. 247—248* (текст «Сумерек» с исправлением опечатки в ст. 38: «будишь» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 37* (варианты «Московского наблюдателя» в ст. 35, 39, 45 — приведены также в *Изд. 1914—1915*, *Изд. 1982*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 145—146* (в ст. 17: «неосторожной» вместо «неосторожный» — повторено в *Изд. 1936*; датировка: 1835 — так же в последующих изданиях), *291* (указаны цензорские пометы в ст. 30, 39). — *Изд. 1945. С. 231—232* (в ст. 3 «кристалл» — так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*; в ст. 3 и 7 иное написание окончаний: «приветный», «вольнодумный» — повторено в последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 285—286* (иное написание окончаний в ст. 45, 47: «развлеченье», «упоенье» — повторено в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 182—183* (в ст. 16 опечатка: «разногласою» вместо «разногласною»).

203

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

Въ день ненастный, часъ гнетучій
Грудь подыметъ вздохъ могучій;

Бойкой пѣсню разольется:
Скорбь-невзгода распоется!

А какъ вѣкъ то, вѣкъ то старой
Обручится съ лютой карой;

Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой:

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ!

<Не позднее середины февраля 1839>

203. «Были бури, непогоды...»

Печатается по: *Сумерки.* С. 47—48.

В тексте цензурной тетради (Л. 18—18 об.), помимо иного написания в ст. 3 («гнѣтучій»), разночтения (ср. ниже варианты первой публикации):

5 Вольной пѣсню разольется

9 Крупный грузъ, съ груди усталой,

Написание «Крупный» вместо «Купный», скорее всего, является ошибкой переписчика (ср. в автографе и в первой публикации). В ст. 5 и 9 рукой Боратынского сделаны исправления:

5 [Вольной] Бойкой пѣсню разольется

9 [Крупный грузъ,] Грузъ двойной съ груди усталой,

Над текстом (Л. 18) — помета Боратынского: «Напечатано въ Современникѣ 1841 года»; указание года ошибочно (см. ниже).

Все стихотворение было отмечено цензором В. П. Флеровым к исключению, однако цензурный характер исправлений, сделанных Боратынским, остается сугубо предположительным.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 70 об. (под заглавием: «Молодые годы»).

Впервые опубликовано: Современник. 1839. Т. XV. № 3 (ценз. разр. 27 июня; ценз. билет 8 июля — *Летопись*. С. 351). Раздел VIII: Стихотворения. С. 158 (3-й пагинации) — с разночтениями:

5 Вольной пѣсныо разольется —

9 Купный грузъ съ груди усталой

Напечатано вторым в подборке из трех стихотворений — вместе с «Благословенъ святое возвѣстившiй!..» (№ 214) и «Еще какъ Патрiархъ не древенъ я; моей...» (№ 207) — под общим заглавием «Антологическiя стихотворенiя». Под последним стихотворением подборки подпись: *Ев. Баратынскiй.*

Беловой автограф, послуживший источником публикации в «Современнике», — в письме Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г. («Посылаю тебѣ нѣсколько небольшихъ пьесъ набросанныхъ мною на прошедшей недѣлѣ»): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 2—2 об. (в ст. 3 иное написание: «гнѣтучiй»); обоснование датировки письма см. *Летопись*. С. 350—351.

Датируется по письму к Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г. Авторская правка в цензурной тетради, перешедшая в «Сумерки», скорее всего, была внесена в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.), однако нельзя исключать, что поправки могли быть сделаны и непосредственно перед первым представлением рукописи в цензуру, т. е. около 10 января 1842 г. (подробнее см. в сопроводительной статье).

Изд. 1869. С. 153—154 и *Изд. 1884. С. 249* (текст «Сумерек»; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 37* (варианты цензурной тетради в ст. 5 и 9 ошибочно названы представленными в «Современнике»; год выхода журнала указан ошибочно: 1838). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 155* (текст цензурной тетради), *297* (варианты «Сумерек» в ст. 5 и 9; отмечены претензии цензора Флерова и исправления Боратынского в цензурной тетради, учтена копия Н. Л. Боратынской; датировка: не позднее 1839). — *Изд. 1936. Т. I. С. 217* (текст «Сумерек» с конъектурой по цензурной тетради в ст. 5: «Вольной песнью разольется» — так же в последующих изданиях); *Т. II. С. 272* (датировано 1839 г. на основании письма к Плетневу — так же во всех последующих изданиях; конъектура в ст. 5 мотивирована «цензурным искажением» в «Сумерках» — так же в *Изд. 1957, Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1951. С. 285* (в ст. 7 и 10 иное написание окончаний: «старый», «удалый» — повторено в *Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1957. С. 182—183, 369* (источником публикации названа цензурная тетрадь). — *Изд. 1982. С. 287, 484* (описка цензурной тетради в ст. 9 «Крупный груз» ошибочно отнесена к «Сумеркам»), *646* (год выхода «Современника» указан неверно — 1838).

204

На что вы дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.

Не даромъ ты металась и кипѣла
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустаго дня!

<Не позднее начала марта 1840>

204. «На что вы дни! Юдольный міръ явленья...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 49—50; с исправлением в ст. 13 *глядитъ* → *глядитъ*.

В тексте цензурной тетради (Л. 19—19 об.) — иное написание одного слова в ст. 7 («преждѣ») и разночтения (ср. ниже варианты первой публикации):

1 На что вы дни! Знакомый свѣтъ явленья

3 Всѣ тѣжъ они, и только повторенья

9 И бѣдный кругъ подлунныхъ впечатлѣній

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 47—47 об. — с заглавием: «На что вы дни!»; № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 48 и № 40. Л. 34 об. — без заглавия, с параллельным текстом автоперевода на французский язык.

Копия Л. Е. Боратынского, также с параллельным текстом французского автоперевода: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 4 об. (текст «Сумерек», с разночтением в ст. 3: «Все вѣдомо...»).

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1840. Т. IX. № 3 (ценз. разр. 14 марта; вышел 15 марта — *Боград 1985*. С. 78—79). Отд. III: Словесность. С. 1 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) с опечаткой в ст. 15 («Какъ мракъ» вместо «Какъ въ мракъ») и разночтениями:

1 На что вы, дни? — знакомый свѣтъ явленья

3 Все вѣдомо, и только повторенья

9 И, бѣдный кругъ подлунныхъ впечатлѣній

Датируется по первой публикации. Финальные изменения в тексте, вошедшие в «Сумерки», сделаны в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (середина января — 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 154 и *Изд. 1884. С. 250* (текст «Сумерек»; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 213* и *Изд. 1884. Приложения. С. 37* (варианты «Отечественных записок» в ст. 1, 3, 9). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 158—159* (текст «Отечественных записок»), *299* (варианты «Сумерек» в ст. 1, 3, 9; варианты цензурной тетради в ст. 3 и 9 приведены с неточностями; датировка: предположительно 1840). — *Изд. 1936. Т. I. С. 218* (текст «Сумерек» — так же в основном корпусе всех последующих изданий). — *Изд. 1945. С. 234* (датировка: 1840; так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 288, 485* (варианты «Отечественных записок» и цензурной тетради; в варианте ст. 1 по цензурной тетради ошибочное чтение «Юдольный» вместо «Знакомый» — так же в *Изд. 2000*), *646* (отмечен автоперевод на французский язык). — *Изд. 2000. С. 259, 435* (в варианте ст. 3 по цензурной тетради ошибочно «Всё» вместо «Все»).

205

Ахиллъ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли, долею своей
Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ!

<Не позднее июня 1841>

205. Ахиллъ («Влага Стикса закалила...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 51—52.

В оглавлении сборника заглавие набрано курсивом и снабжено примечанием: «*Ахиллъ* (напечатана 1841 года, въ Современникѣ, издаваемомъ Г. Плетневымъ, въ Санктъ-Петербургѣ)».

В цензурной тетради стихотворение первоначально было записано на л. 19б об.—20, на что указывают сохранившиеся на л. 20 ст. 12—15 и отпечаток записи с предыдущего листа (Л. 19б об.), скорее всего, содержавшей указание на место первой публикации стихотворения (ср. аналогичные пометы Боратынского под текстом «Бокала» (Л. 17 об.) и над стихотворениями «Были бури, непогоды...» (Л. 18), «Еще, какъ Патріархъ не древенъ я; моей...» (Л. 21), «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...» (Л. 21 об.), «Рифма» (Л. 34), а также примечание к заглавию «Ахиллъ» в оглавлении «Сумерек»). Два листа перед л. 20, по-видимому, были вырезаны еще до подачи рукописи в цензуру, о чем свидетельствуют карандашные пометы цензора на полях л. 20 (см. подробнее в сопроводительной статье).

Запись полного текста «Ахилла» (совпадающая с напечатанным в «Сумерках») на свободном месте л. 10 об., после стихотворения «Примѣты», рукой Н. Л. Боратынской, судя по всему, позднейшего происхождения.

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Современник. 1841. Т. XXIII. № 3 (ценз. разр. 10 июня; ценз. билет 27 июня — *Летопись*. С. 373). Раздел VI: Стихотворения. С. 180 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия (в оглавлении, вместе со следующим за ним стихотворением Н. М. Языкова «Изъ бездны морской бѣлоглавая встала...» значится под заглавием «Два стихотворенія. / Е. А. Баратынскаго. / Н. М. Языкова»), с ошибочным написанием в ст. 3 «Ахила» и с разночтениями:

2 Древней силы полноту —

4 Сопротивникамъ явила

В том же номере «Современника» (С. 182) опубликовано стихотворение «Скульпторъ» (№ 212).

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту первой публикации, на одном листе с записью ранней редакции «Скульптора»: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 80 об. (без заглавия; в ст. 3 «кипящаго» исправлено из «счастливаго»).

Датируется по первой публикации в «Современнике». Изменения, принятые в «Сумерках», сделаны не позднее повторного представления сборника в Московский цензурный комитет (6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 154—155 и *Изд. 1884. С. 251* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 214* и *Изд. 1884. Приложения. С. 38* (вариант «Современника» в ст. 4). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 164, 302—303* (варианты «Современника» в ст. 2, 4; датировка: предположительно 1841). — *Изд. 1945. С. 235* (иное написание окончания в ст. 8 «духовный» — так же в *Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000*; датировка: 1841 — так же в последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 289, 485* (варианты «Современника» с неверной нумерацией стихов и ошибкой: в ст. 4 «Сопротивником» вместо «Сопротивникам» — так же в *Изд. 2000*), *647* (указано местоположение записей стихотворения в цензурной тетради).

206

Сначала, мысль, воплощена
Въ поэму сжатую Поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтунья старая за тѣмъ
Она, подъемля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

<Не позднее конца марта 1838>

206. «Сначала, мысль, воплощена...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 53—54.

Текст стихотворения в цензурной тетради (Л. 20 об.) соответствует напечатанному в «Сумерках» — в ст. 2 иное написание одного слова: «поэта».

Впервые опубликовано: Современник. 1838. Т. IX. № 1 (ценз. разр. 29 марта; ценз. билет 27 марта — ОРКиР НБ СПбГУ, шифр J II 94, инв. 169586). С. 154 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «Мысль»; в ст. 2 «поэта» со строчной буквы.

Беловой автограф, послуживший источником журнальной публикации, на отдельном листке: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 47. Л. 1 (в ст. 2: «поэта»). Заглавие «Мысль» и подпись под текстом: «*Е. Баратынскій*» — рукой П. А. Плетнева, более темными чернилами.

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 155 и *Изд. 1884. С. 252* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1914—1915*; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 154* (текст «Современника»; датировка: 1837 — повторено в *Изд. 1957, Изд. 1989*), *296* (год выхода «Современника» указан неверно: 1837). — *Изд. 1936. Т. I. С. 220* (в ст. 2 «поэта» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 273* (год выхода «Современника» указан верно: 1838). — *Изд. 1945. С. 236* (в ст. 11 иное написание окончания: «нахальный» — так же в *Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000*; датировка: 1838). — *Изд. 1982. С. 290, 648* (отмечен автограф ПД).

207

Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей
Главы не умастилъ таинственный елей:
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенье!
И я даю тебѣ мое благословенье
Во знаменьи иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою главой склонись, о ты
Подобіе цвѣтовъ Царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

<Не позднее середины февраля 1839>

207. «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 55.

Текст в цензурной тетради (Л. 21) соответствует напечатанному в «Сумерках», в ст. 5 иное написание: «знамѣньи». Над стихотворением помета Боратынского: «Напечатано въ Современникѣ 1841» — указание года ошибочно (см. ниже). Все стихотворение было отмечено цензором В. П. Флеровым к исключению, однако в «Сумерках» оно появилось без изменений.

Беловой автограф, соответствующий тексту «Сумерек», — на отдельном листке, вклеенном в альбом княгини З. И. Юсуповой: ПД. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 38. В ст. 4 пропущено «я», в ст. 1 «патріархъ» вместо «Патріархъ»; над текстом рукой Боратынского римская цифра «V». На обороте листа — автограф стихотворения «Благословенъ святое возвѣстившій!..» (№ 214); обе записи, по всей видимости, сделаны в период между первой публикацией текстов (июль 1839; см. ниже) и подготовкой рукописи сборника для подачи в первую цензуру (10 января 1842 г.; обоснование датировки см. в примеч. к № 214).

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 75 об. (под заглавием: «К. Г.»; стихотворение перечеркнуто), Л. 76 (текст записан карандашом).

Впервые опубликовано: Современник. 1839. Т. XV. № 3 (ценз. разр. 27 июня; ценз. билет 8 июля — *Летопись*. С. 351). Раздел VIII: Стихотворения. С. 158 (3-й пагинации; подпись: *Ев. Баратынскій*) — с иным написанием отдельных слов в ст. 5 («во знаменьѣ»), в ст. 7 («царицы») и с разночтениями:

1 Еще какъ патріархъ не древенъ я. Моей
6 Подъ этой розою челомъ склонись, о ты,

Напечатано последним в подборке из трех стихотворений — вместе с «Благословенъ святое возвѣстившій!..» (№ 214) и «Были бури, непогоды...» (№ 203) — под общим заглавием «Антологическія стихотворенія».

Беловой автограф, соответствующий тексту «Современника», — в письме Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г. («Посылаю тебѣ нѣсколько небольшихъ пьесъ набросанныхъ мною на прошедшей недѣлѣ»): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 3; обоснование датировки письма см. *Летопись. С. 350—351.*

Датируется по письму Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г. Изменения, внесенные в «Сумерки», были сделаны не позднее первого представления сборника в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 155—156 и *Изд. 1884. С. 253* (текст «Сумерек»; в ст. 1 «патріархъ», в ст. 7 «царицы» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1914—1915*; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 155—156* (текст «Сумерек», но в ст. 6 вариант «Современника»), *297* (вариант «Сумерек» в ст. 6; датировка: не позднее 1839). — *Изд. 1936. Т. I. С. 221* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 273* (датировка: 1839, по письму к Плетневу — так же во всех последующих изданиях; отмечена копия Н. Л. Боратынской под заглавием «К. Г.»). — *Вацуро 1979. С. 31* (описание альбома Юсуповой; отмечен автограф Боратынского). — *Изд. 1982. С. 290* (в ст. 5 иная форма окончания: «Во знаменье» — повторено в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*).

208

1

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грёзъ, дѣтей волшебной тьмы,
    Видѣній дня боимся мы,
    Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

    Ощупай возмущенный мракъ:
    Изчезнетъ, съ пустотой сольется
    Тебя пугающій призракъ
И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

О сынъ Фантазіи! ты благодатныхъ Фей
Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ
Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
    Неосязаемыхъ властей:
    Мужайся, не слабѣй душою
    Передъ заботою земною:
Ей исполинской видъ даетъ твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою,
Изчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

<Не позднее 10 января 1842>

2

Ранняя редакция

Толпѣ — стогласный день привѣтенъ; но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ,
Не легкокрылыхъ грезъ, дѣтей волшебной тьмы, —

Видѣній дня боимся мы,
Земныхъ суетъ, заботъ юдольныхъ.
Ощупай возмущенный мракъ:
Исчезнетъ, съ пустотой сольется
Тебя пугающій призракъ,
И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.
О, сынъ фантазіи! ты, благодатныхъ фей
Счастливый баловень, и тамъ, въ духовномъ мірѣ,
Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
Неосязаемыхъ властей!
Передъ заботою земною
Мужайся, не робѣй изнѣженной душою;
Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта.
Призрака грубаго коснись твоей рукою, —
Исчезнетъ, а за нимъ — опять передъ тобою
Заочной области откроются врата.

<Не позднее начала февраля 1839>

208.1. «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 56—57; с исправлениями: в ст. 4 *грёзъ* → *грёзъ*, -- ст. 14 *Неосязаемымъ* → *Неосязаемыхъ*

В цензурной тетради (Л. 21 об.—22) разночтение:

18 Видѣнья грознаго коснись твоей рукою

В ст. 14 — исправное чтение (*Неосязаемыхъ*).

Над текстом помета Боратынского (Л. 21 об.): «Напечатана въ Утренней Зарѣ изд. Г-мъ Владиславлевымъ» — указание ошибочно (см. ниже примечание № 208.2).

В ст. 11 цензором Флеровым было отмечено к исключению слово «благодатныхъ», однако в «Сумерках» этот стих был напечатан без изменения.

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек», с исправлением опечатки в ст. 14 (*Неосязаемыхъ* вместо *Неосязаемымъ*): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 90 об. (под заглавием: «Видѣньи дня»); № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 49 об.; № 40. Л. 36—36 об. — последние две копии с разночтением в ст. 18 («безтрепетной» вместо» «нетрепетной») и с параллельным текстом автоперевода на французский язык.

Копия Л. Е. Боратынского: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 6 об. — также с исправлением опечатки в ст. 14, тем же разночтением в ст. 18 (см. выше) и с параллельным текстом французского автоперевода.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет. Вариант ст. 18, вошедший в «Сумерки», датируется временем между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

208.2. «Толпѣ стогласный день привѣтенъ; но страшна...» *Ранняя редакция*

Печатается по тексту первой публикации: Отечественные Записки. 1839. Т. II. № 2 (ценз. разр. 14 февраля; вышел 15 февраля — *Боград 1985*. С. 36). Отд. III: Словесность. Стихотворения. С. 1 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*).

Печатается с исправлениями опечаток: в ст. 1 *стогласый* → *стогласный* -- ст. 3 *владѣній* → *видѣній* -- ст. 7 *прахъ* → *мракъ* по копии Н. Л. Боратынской (см. ниже) и тексту поздней редакции.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Отечественных записок», на отдельном листе синей плотной бумаги: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 48. Л. 1 — с исправным чтением ст. 1, 3, 7 (см. выше), а также с иным написанием отдельных слов: в ст. 4 «грёзъ», в ст. 17 «исполинской», в ст. 19 «Изчезнетъ». На другой стороне листа — черновой автограф стихотворения «Обѣды» (№ 218); внизу современным почерком карандашная запись: «Из черн. <?> альб<ома> Souvenir».

Автограф неизвестен.

Боратынский писал об этом стихотворении П. А. Плетневу в конце февраля — начале марта 1839 г.: «Пьеса, напечатанная в „Отечественных Записках“ была у меня вырвана из-под пера братом моим Сергеем, <...> оттого-то она и несколько слаба слогом» (*Летопись*. С. 350). С. А. Боратынский был проездом в Москве несколько дней, начиная со 2 февраля 1839 г. (см. его письмо жене — ПД. Ф. 33. Оп. 2. № 2. Л. 29—29 об.), что служит основанием для датировки ранней редакции.

Изд. 1869. С. 156 (текст «Сумерек» с исправлением в ст. 4 и 14, в ст. 17 иное написание окончания: «исполинскій» — так же во всех последующих изданиях, в ст. 11 «фантазіи» со строчной буквы — также в *Изд. 1884*; датировка: 1835—1842), *214* (варианты «Отечественных записок» в ст. 1 [«стогласный» вместо «стогласый»], 3, 6, 7, 12, 15—16, 18, 20 [с опечаткой: «За этой» вместо «Заочной» — отмечено в списке опечаток]; разночтение в ст. 18 по «рукописи», совпадающее с вариантом цензурной тетради). — *Изд. 1884. С. 254; Приложения. С. 38* (исправлена опечатка *Изд. 1869* в варианте ст. 20). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 156, 298* (вариант цензурной тетради в ст. 18; среди разночтений «Отечественных записок» не учтен вариант ст. 7: «прахъ»; датировано: не позднее 1839). — *Изд. 1945. С. 238* (датировка: 1839 — также в *Изд. 1957, Изд. 1989*). — *Изд. 1957. С. 185—186* (в ст. 11 «фантазии» и «фей» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях), *371* (ошибочно указано место первой публикации: Отечественные записки. 1839. Т. 11 — повторено в *Изд. 1982, Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 291* (введена отбивка перед ст. 17 — повторено в *Изд. 1989*), *485—486* (разночтения «Отечественных записок» с пропуском

варианта в ст. 7; вариант ст. 18 по цензурной тетради некорректно назван представленным также в «недошедшем автографе» со ссылкой на *Изд. 1884*; вариант «Отечественных записок» в ст. 20 также ошибочно отмечен как имеющийся в «недошедшем автографе» — повторено в *Изд. 2000*), *649* (отмечен автоперевод на французский язык). — *Изд. 1989. С. 192—193, 423* (в обоснование датировки приведено письмо Боратынского к Плетневу от начала 1839 года).

209

Здраствуй отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Піиту!
Малолѣтную Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ.

Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ мой мальчикъ равенъ?
Только жавронокъ живой,
Чуткой грудію своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной!

<Не позднее 10 января 1842>

209. «Здраствуй отрокъ сладкогласной!..»

Печатается по: *Сумерки*. С. 58—59; с исправлением в ст. 6 *онъ* → *онъ*.

В «Сумерках» опубликовано впервые.

В цензурной тетради (Л. 22 об.) текст первоначально был записан с разночтениями:

4 Честь разцвѣтшему Піиту!

8 Кто тебѣ мой отрокъ равенъ?

В ст. 8 рукой Боратынского сделано исправление, вошедшее в печатный текст:

8 Кто тебѣ мой [отрокъ] мальчикъ равенъ?

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 77.

В Изд. 1869 (С. 214) и Изд. 1884 (Приложения. С. 38) со ссылкой на неизвестную ныне рукопись («Вар.<ианты> в рукописи»), наряду с указанным разночтением цензурной тетради в ст. 4, приведено еще одно:

4 Честь грядущему Піиту!

Согласно примечанию Н. Е. Боратынского, стихотворение адресовано старшему сыну поэта Льву — «по поводу первой его стихотворной этюды» (Изд. 1884. С. 255).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет. Правка, вошедшая в «Сумерки», по-видимому, была внесена в период между возвращением сборника из первоначальной цензуры и повторным представлением рукописи в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.), однако нельзя исключать, что авторское изменение ст. 8 в цензурной тетради могло быть сделано и непосредственно перед первым представлением рукописи в цензуру, т. е. около 10 января 1842 г. (подробнее см. в сопроводительной статье).

Изд. 1869. С. 156—157 (текст «Сумерек», в ст. 1 «Здравствуй» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842), *214* (варианты цензурной тетради и неизвестной ныне рукописи в ст. 4 — повторено в *Изд. 1884*). — *Изд. 1884. С. 255* (текст без разделения на строфы). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 165—166* (датировка: 1841 — так же в *Изд. 1957, Изд. 1989*), *303—304* (варианты цензурной тетради в ст. 4 и ст. 8; со ссылкой на *Изд. 1869* приведено еще одно разночтение в ст. 4). — *Изд. 1945. С. 239* (в ст. 1 иное написание окончания: «сладкогласный» — повторено в *Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000*; датировка: 1842). — *Изд. 1957. С. 186* (в ст. 4 «пииту» и ст. 5 «хариту» со строчной буквы — повторено в *Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 292, 486* (источник варианта ст. 4, отмеченного в *Изд. 1884*, безосновательно назван «недошедшим автографом» — повторено в *Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 200* (в ст. 5 некорректное написание: «Малолетнюю»).

210

Что за звуки? мимоходомъ,
Ты поешь передъ народомъ
Старецъ нищій и слѣпой!
И какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая
Издѣваясь надъ тобой.

А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ камены пѣсенъ,
И бесѣдовалъ ты съ ней
Безимянной, роковою,
Съ дня какъ въ первый разъ тобою
Былъ услышанъ соловей.

Бѣдный старецъ! слышу чувство
Въ сильной пѣсни..... Но искуство....
Старцевъ старѣе оно:
Эти радости, печали,
Музыкальныя скрыжали
Выражаютъ ихъ давно!

Опрокинь-же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!
Попеченья Геній твой
Да отложитъ въ здѣшнемъ мірѣ:
Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ
Звученъ будетъ голосъ твой!

<Не позднее середины апреля 1841>

210. «Что за звуки? мимоходомъ...»

Печатается по: *Сумерки*. С. 60—62.

Текст в цензурной тетради (Л. 23—24) соответствует опубликованному в «Сумерках», но сопровожден эпиграфом: «Vanitas Vanitatum» <Суета Сует>. В ст. 8 «Камены» — с заглавной буквы, в ст. 22 «здешнемъ».

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 42 об.—43 об. (заглавие: «Бѣдный старецъ»).

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1841. Т. XVI. № 5 (ценз. разр. 30 апреля; вышел 1 мая — *Боград 1985*. С. 121). Отд. III: Словесность. С. 71 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «VANITAS VANITATUM» с иным написанием отдельных слов: в ст. 8 («Камены»), ст. 10 («Безъимянной»), в ст. 14 («искусство»), ст. 17 («скрижали»), ст. 21 («геній») — и с разночтениями:

1 Что за звуки! Мимоходомъ,

11 Съ дня, какъ первый разъ тобою

13 Бѣдный старецъ! чую чувство

В части тиража «Отечественных записок» (см., например, экземпляр библиотеки ИРЛИ, шифр 495; экземпляр РНБ, шифр 1/317) ст. 11 напечатана как в «Сумерках».

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту первой публикации: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 13—13 об. — без заглавия, но с эпиграфом: «Vanitas Vanitatum...»; в ст. 11: «Съ дня, какъ въ первый разъ тобою».

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в текст «Сумерек», были внесены до первого представления рукописи в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.), эпиграф снят в период между возвращением рукописи из цензуры и повторной подачей сборника в цензурный комитет (6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 157 (текст «Сумерек» с иной пунктуацией в ст. 1—2: «Что за звуки мимоходомъ, / Ты поешь передъ народомъ,» — повторено в *Изд. 1884*; в ст. 8 «Камены» с заглавной буквы — повторено в *Изд. 1884*, *Изд. 1914—1915*; в ст. 10 «Безъимянной» — также в *Изд. 1884*; в ст. 4 опечатка «враждебных», отмеченная в списке опечаток; датировка: 1835—1842), *214* (заглавие «Vanitas vanitatum!...» по «Отечественным запискам» приведено с искажением пунктуации). — *Изд. 1884. С. 256—257* (в ст. 17 «скрижали» вместо «скрыжали» — так же в *Изд. 2000*). — *Брюсов 1899. С. 445* (отмечено изменение пунктуации в ст. 1—2 в *Изд. 1869* и *Изд. 1884*). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 163* (текст «Сумерек» под заглавием «Vanitas Vanitatum»; в ст. 10 «Безымянной» — так же во всех последующих изданиях), *302* (указаны год и номер тома «Отечественных записок»; датировка: предположительно 1841). — *Изд. 1936. Т. I. С. 224* (текст «Сумерек», но в ст. 8 «Камены» с заглавной буквы — так же в *Изд. 1945*, *Изд. 1951*, *Изд. 1957*). — *Изд. 1945. С. 210* (датировка: 1841 — так же в *Изд. 1957*, *Изд. 1989*). — *Изд. 1951. С. 299* (в ст. 10 «Безыменной» вместо «Безымянной»; в ст. 23 «в горном клире» вместо «в горнем клире» — повторено в *Изд. 1957*, *Изд. 1982*). — *Изд. 1982. С. 292—293* (текст «Сумерек», но в ст. 14 «песне» вместо «песни» — повторено в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*), *649—650* (эпиграф «Vanitas Vanitatum» в цензурной тетради некорректно обозначен как «заглавие»; в комментарии в ст. 23 верное правописание: «в горнем клире»). — *Изд. 1989. С. 198* (в ст. 21 ошибка: «Попеченья гений злой»).

211

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Всё тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечёмъ,
Мысль, острый лучь! блѣднѣетъ жизнь земная.

<Не позднее февраля 1840>

211. «Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!..»

Печатается по: *Сумерки*. С. 63—64.

Текст стихотворения в цензурной тетради (Л. 24 об.) соответствует опубликованному в «Сумерках».

Автограф неизвестен.

Копии, соответствующие тексту «Сумерек», с параллельным текстом автоперевода на французский язык: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 45 об.; № 40. Л. 30 об. — рукой Н. Л. Боратынской, № 54. Л. 1—1 об. — рукой Л. Е. Боратынского.

Впервые опубликовано: Современник. 1840. Т. XVIII. № 2 (ценз. разр. 6 марта; ценз. билет 18 апреля — *Летопись*. С. 365). Раздел V: Стихотворения. С. 254 (2-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — с иным написанием отдельных слов в ст. 3 («Все») и ст. 8 («мечемъ») — и с разночтениями:

4 И жизнь, и смерть, и правда безъ покрова.
5 Рѣзецъ, клавиръ, кисть! счастливъ, кто влекомъ

Напечатано в разделе «Антологическія стихотворенія» вместе со стихотворением «Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, философъ...» (№ 200).

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в текст «Сумерек», были внесены до первого представления рукописи в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 158 и *Изд. 1884. С. 258* (текст «Сумерек» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 214* и *Изд. 1884. Приложения. С. 38* (варианты «Современника» в ст. 4, 5). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 159, 300* (в сведениях о первой публикации неточно указана страница: 253 вместо 254; датировка: не позже 1840). — *Изд. 1945. С. 241* (датировка: 1840 — так же в *Изд. 1957, Изд. 1989*). — *Изд. 1982. С. 293, 486, 650* (отмечен автоперевод стихотворения на французский язык).

212

Скульпторъ

Глубокой взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но безконечно вожделенной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Нетороплива, постепенной
Рѣзецъ, съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

Въ заботѣ сладостно туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ.

Покуда страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

<Середина января — 6 марта 1842>

2

Ранняя редакция

Скульпторъ

Глубокой взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ —
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но, безконечно вожделѣнной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Неторопливой, постепенной
Рѣзецъ съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

И въ нѣгѣ сладостно туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ —

Пока, невольно пламенѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Осмѣлитъ страстнаго творца.

<Не позднее начала июня 1841>

212.1. Скульпторъ («Глубокой взоръ вперивъ на камень...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 65—66.

В цензурной тетради (Л. 25—25 об.) текст записан с разночтениями, соответствующими ранней редакции стихотворения:

10 И въ нѣгѣ сладостно-туманной
14 Пока невольно пламенѣя
17—18 Осмѣлитъ страстнаго творца.

Рукой Н. Л. Боратынской последний стих вычеркнут и ниже вписаны две заключительные строки по тексту «Сумерек». Однако эта запись, по всей видимости, позднейшего происхождения (см. подробнее в сопроводительной статье).

Автограф неизвестен.

Датируется временем между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

212.2. Скульпторъ («Глубокой взоръ вперивъ на камень...») *Ранняя редакция*

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1841. Т. XXIII. № 3 (ценз. разр. 10 июня; ценз. билет 27 июня — *Летопись*. С. 373). Раздел VI: Стихотворения. С. 182 (3-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*). В том же номере «Современника» напечатано стихотворение «Влага Стикса закалила...» (вошло в «Сумерки» под заглавием «Ахиллъ» — № 205).

Печатается с исправлением в ст. 5 *воздельнной* → *вождельнной*

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту первой публикации: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 80; ниже на этом же листе тем же почерком записано стихотворение «Влага Стикса закалила...» (№ 205).

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 158 и *Изд. 1884. С. 259* (текст «Сумерек», в ст. 1 иное написание окончания «глубокій» вместо «глубокой» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 241* и *Изд. 1884. Приложения. С. 38* (варианты «Современника»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 164—165* (в ст. 7 иное написание окончания «нетороплнвый» вместо «нетороплнвой» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1841 — повторено в *Изд. 1945, Изд. 1957, Изд. 1989*). — *Изд. 1936. Т. I. С. 226* (с изменением строфического деления: пробелом разделены ст. 8 и 9). — *Изд. 1945. С. 242* (в ст. 7 иное написание окончания «постепенный» — так же в *Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1957. С. 187—188* (в ст. 2 «нимфу» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 294, 486* (варианты в ст. 10, 14 по цензурной тетради и «Современнику»; разночтения в ст. 17—18 отмечены как представленные только в тексте «Современника»). — *Изд. 2000. С. 263—264, 436* (разночтения в ст. 10, 14, 17—18 по цензурной тетради и «Современнику»).

213

1

Осень

I

И вотъ Сентябрь! замедля свой восходъ,
    Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ
И лучъ его, въ зерцалѣ зыбкомъ водъ,
    Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ;
    Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ
    И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

II

И вотъ Сентябрь! и вечеръ года къ намъ
    Подходитъ. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
    Свои сребристые узоры:
Пробудится ненастливый Эолъ;
    Предъ нимъ помчится прахъ летучій,
Качаяся завоетъ роща: долъ
    Покроетъ листъ ея падучій,
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ запѣнится рѣка;

III

Прощай, прощай сіяніе небесъ!
    Прощай, прощай краса природы!

Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатыя воды!
Веселой сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

IV

А между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ.
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ
Подъ тяжкой ношею скрыпящихъ
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

V

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся:
Иди зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага:
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага:
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ,
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

VI

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды
Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты;

VII

Ты также-ли какъ земледѣлъ богатъ?
И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащеные лелѣялъ...
Любуйся-же, гордись воставшимъ имъ!
Считай свои пріобрѣтенья!...
Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

VIII

Твой день взошелъ и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,

Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

IX

Но если-бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ!

X

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ!... Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ:
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

XI

Какое-же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье:

Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ
Умъ безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ
И примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

XII

Иль, отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Цвѣтущій брегъ за мглою черной,
Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ
Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ
И, бытія мятежнымъ голосамъ
Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній, не понятъ былъ тобой;

XIII

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою не видящей границъ
И утоленнымъ разумѣньемъ:
Знай, внутренней своей во вѣки ты
Не передашь земному звуку
И легкихъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку:
Знай, горняя, иль дольная она
Намъ на землѣ не для земли дана.

XIV

Вотъ буйственно несется ураганъ
И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной,

И пѣнится, и ходитъ Океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ
И звучный отзывъ въ ней находитъ,
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
Что страстное земное перешолъ.

XV

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
Пусть замѣнитъ ее другая:
Не явствуетъ землѣ ущербъ одной,
Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекой вой,
Равно какъ въ высотахъ Эфира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ!

XVI

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы годины бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!

<Не позднее 10 января 1842>

2

Ранняя редакция

Осень

И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ,
    Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ
И лучь его, въ зерцалѣ зыбкомъ водъ,
    Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ,
    Росой затоплены равнины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ
    И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, безмолвны небеса.

И вотъ Сентябрь! И вечеръ года къ намъ
    Подходитъ: на поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
    Свои сребристые узоры.
Подымется ненастливый Эолъ:
    Предъ нимъ помчится прахъ летучій,
Качаяся завоетъ роща, долъ
    Покроетъ листъ ея падучій
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ, запѣнится рѣка!

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
    Прощай, прощай, краса природы,
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
    Златочешуйчатыя воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
    Вотъ эхо въ рощахъ обнаженныхъ
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ,
    И скоро снѣгомъ убѣленныхъ
Своихъ холмовъ и рощей зимній видъ
Свинцовый токъ туманно отразитъ.

А между тѣмъ, досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ,
Гуляетъ серпъ; на сжатыхъ бороздахъ,
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ,
Иль тянутся вдоль жнивы на возахъ
Подъ тяжкой ношею скрыпящихъ,
И хлѣбныхъ скирдъ, золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

Дни сельскаго святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага;
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага.
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ
Своихъ трудовъ благословенный плодъ.

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля,
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды,
Твой дольній подвигъ награждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты.

Ты такъ же ли, какъ земледѣлъ богатъ?
Какъ онъ, и ты съ надеждой сѣялъ;
Какъ онъ, и ты о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ.

Любуйся же, гордись возставшимъ имъ!
Считай свои пріобрѣтенья....
Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ,
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей, обмановъ и обидъ.

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Извѣдана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Алкаемыхъ неопытнымъ тобой,
Сердечныхъ нѣгъ вкусивъ отраву,
Ты, можетъ быть, любовью міровой
Пылая, звалъ и вѣдалъ славу?
О для тебя уже призраковъ нѣтъ,
Ихъ разогналъ неодолимый свѣтъ!

Кругомъ себя взоръ отрезвѣлый ты
Съ недоумѣніемъ обводишь;
Гдѣ прежній міръ? Гдѣ міръ твоей мечты?
Гдѣ онъ! ты ищешь, не находишь!
Ты нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь — и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель!
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

Но если бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ,
Вполнѣ торжественной и дикой;
Костями бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ зарыдавъ,
Игрушку-бъ выронилъ, и радость

Покинула-бъ чело его навѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ.

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ,
Спѣши, хозяинъ тароватый,
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ! Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ;
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души.

Какое-же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье;
Чѣмъ думъ и чувствъ не разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье;
Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ
Умъ, безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и позднихъ жалобъ въ немъ
Удушишь недостойный лепетъ,
И примешь въ грудь, какъ лучшій жизни кладъ,
Ты даръ его, мертвящій душу хладъ.

Иль отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя не вдали,
Вдругъ умиленной, вдругъ покорной,
Возмездій край благовѣстящимъ снамъ,
Довѣрясь чувствамъ обновленнымъ,
И бытія мятежнымъ голосамъ,
Всесильнымъ гласомъ, примиреннымъ,
Внимающій въ весельи и тиши,
Лучамъ небесъ раскрывшейся души,

Предъ Промысломъ оправданнымъ, ты ницъ
    Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
    И утоленнымъ разумѣньемъ;
Знай, внутренней своей во вѣки ты
    Не передашь земному звуку;
И темныхъ чадъ житейской суеты
    Не посвятишь въ свою науку;
Знай, дольная, иль горняя она
Намъ на землѣ не для земли дана.

Вотъ буйственно несется ураганъ,
    И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной
И пѣнится, и ходитъ океанъ
    И берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
    Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, дикій гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
    И страстный отзывъ въ ней находитъ,
Но высшаго понятія глаголъ
    Долъ носится, не отзываясь долъ.

Пускай, принявъ неправильный полетъ,
    И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонный мракъ падетъ;
    Пусть загорится въ нихъ другая.
Не явствуетъ землѣ ущербъ одной;
    Не поражаетъ ухо міра
Далекаго ея паденья вой;
    Какъ въ безпредѣльности эфира,
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ.

Зима идетъ, и тощая земля
    Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
    Златыми класами обилья

Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы годины бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей,
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Познай, тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

<Не позднее начала июня 1837>

213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 67—83; с исправлениями: в ст. 34 *поспѣшаетъ* → *поспѣшаетъ*. -- ст. 115 *край* → *край*, -- ст. 126 *звкуу* → *звуку* -- ст. 137 *гласъ* → *гласъ*,

В цензурной тетради (Л. 26—33 об.) текст записан без нумерации строф и с разночтениями:

30 Недвижный токъ туманно отразитъ.

125 Знай, внутренней твоей, во вѣки, ты
126 Не передашь живому звуку

151 Зима идетъ, а тощая земля

В ст. 136 ошибка переписчика: «Изъ умиленїя выводитъ» — поправлена Боратынским: «Изъ усыпленїя выводитъ» (Л. 32 об.). В ст. 1 и 11 «сентябрь» со строчной буквы, в ст. 10 иное написание: «безъзвучны», в ст. 18 «ея» рукой переписчика исправлено из «его», в ст. 33 иное написание «Смѣтавъ», в ст. 34 иное написание окончания (а следовательно, иная грамматическая форма) «въ полѣ», в ст. 59 «ея» вместо «ее», в ст. 64 «позлащенные», в ст. 91 «миръ» вместо «міръ», в ст. 114 иное написание: «чорной» вместо «черной», в ст. 121 и 133 «промысломъ» и «океанъ» со строчной буквы.

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 94 об.—98 — с пропуском строфы VI (ст. 51—60) и с разночтениями в ст. 80 («заглушонъ» вместо «задушонъ»), ст. 84 («торжественной» вместо «торжественный») и ст. 116 («чувствамъ» вместо «чувствомъ»).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет. Незначительные изменения, вошедшие в «Сумерки», были внесены в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

213.2. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...») *Ранняя редакция*

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1837. Т. V. № 1 (ценз. билет 15 июня 1837 — *Летопись*. С. 340; вышел 19 июня — Литературные прибав-

ления к Русскому инвалиду. 1837. № 25. 19 июня. С. 245). С. 279—286 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Печатается с исправлениями: ст. 23 *лѣсъ → лѣсъ*,

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации. Дата цензурного разрешения V тому «Современника» неизвестна, поскольку на оборот титула ошибочно перенесено цензурное разрешение предыдущему, IV тому: 11 ноября 1836 г. Цензорский билет V тому выдан 15 июня 1837 г. — ср. в письме Вяземского П. В. Нащокину 24 мая 1837 г.: «1-я книжка „Современника" подходит к концу» (Пушкин в прижизненной критике. [Вып. 4]. 1834—1837. СПб., 2008. С. 524).

Определить начало работы над стихотворением затруднительно: известно, что она заняла не один месяц (ср. в письме Боратынского Вяземскому: «Известие о смерти Пушкина застало меня на последних строфах этого стихотворения. <...> Брошенную на бумагу, но далеко на написанную, я надолго оставил мою элегию» — *Летопись*. С. 337); ранний вариант поэт прочел в начале февраля 1837 г. на свадебном обеде у Н. Ф. Павлова (ср. сообщение Е. М. Хомяковой в письме Н. М. Языкову от 9 февраля 1837 г.: «Баратынский написал, говорят, стихи „Осень" чудесные, он читал их на обеде у Павлова» — *Шапошников 1928*. С. 165—166); см. также более позднее сообщение С. П. Шевырева в письме к В. Ф. Одоевскому от 19 апреля 1837 г.: «Баратынскій написалъ славную вещь: „Осень", но я не знаю, для чего онъ ее назначаетъ. Знаю только, что она будетъ прочтена публично въ засѣданіи Общества любителей русской словесности» (Русская старина. 1904. Т. 118. № 5. С. 370).

Изд. 1869. С. 159—164 (текст «Сумерек» с поправкой в ст. 34 [повторено во всех последующих изданиях] и ст. 115 [так же во всех изданиях, кроме *Изд. 1936*] и иным написанием окончаний в ст. 25 и 147: «Веселый» и «далекій»; с опечатками в ст. 2 «хладныхъ» вместо «хладнымъ», ст. 7 «дубровъ» вместо «дубовъ», ст. 153 «радосто» вместо «радостно» [исправлена в списке опечаток]; датировка: 1835—1842), *215* («варианты в рукописи» ст. 125—126, ст. 151, совпадающие с разночтениями цензурной тетради; варианты «Современника» [нумерация ранней редакции] в ст. 15, 29—30, 56, 73, 75—84 [пропущены ст. 79—80]; ст. 117, ст. 118 [«Удушитъ» вместо «Удушишь»], ст. 119—120, ст. 124 [«умиленный» вместо «умиленной»], ст. 128—130, ст. 137, ст. 139, ст. 147—150, ст. 153—154; ст. 157—158; тот же список разночтений — в *Изд. 1884*). — *Изд. 1884. С. 260—266* (текст *Изд. 1869* с исправлением опечаток в ст. 2 и 153; в ст. 38 «скрипящихъ» вместо «скрыпящихъ» — так же в *Изд. 1914—1915*). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 149—153* (текст ранней редакции с непоследовательными многочисленными заменами по «Сумеркам»: в ст. 10 «Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!»; в ст. 56 контаминация двух редакций: «Трудъ, дольній подвигъ награждая,»; в ст. 70 конъектура: «Души твоей обмановъ и обидъ!»; в ст. 94 «торжественный» вместо «торжественной»; в ст. 125—126: «Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ / Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ» [с конъектурой: доставлена запятая], в ст. 144: «И въ берегъ», в ст. 170 «Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.»; с исправлением в ст. 125: «Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ», в ст. 102 «тороватый» — так же в *Изд. 1957* и *Изд. 1989*; в ст. 158 «эѳира» вместо «эфира»), *293* (варианты цензурной тетради, совпадающие с «Сумерками» с многочисленными неточностями и пропусками), *294* (отмечена правка в ст. 30, 135—136 в «Сумерках» относительно цензурной тетради; отмечена опечатка *Изд. 1869* и *Изд. 1884* в ст. 7; датировка: не позднее января 1837). — *Изд. 1936. Т. I. С. 229—233* (текст «Сумерек»; с ошибкой в ст. 63

«И так, как он»; в ст. 1 и 11, ст. 121, 133, 148 со строчной буквы: «сентябрь» [так же во всех последующих изданиях], «промыслом» [так же во всех изданиях, кроме *Изд. 2000*], «океан» [так же во всех изданиях, кроме *Изд. 1951*], «эфира» [так же во всех изданиях, кроме *Изд. 1951*]; в ст. 25 иное написание окончания «Веселый» — повторено во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 136—141* (текст ранней редакции с опечатками в ст. 61 [«Та так же ли, как земледел, богат?»]; ст. 79 [«признаков» вместо «призраков»]; ст. 136 [«предашь» вместо «передашь»] и иным написанием окончания в ст. 94 [«торжественный»] и ст. 124 [«умиленный»]; в ст. 93 некорректно модернизировано окончание: «сердечные», в ст. 118 [«Удушит» вместо «Удушишь» — как в вариантах *Изд. 1869* и *Изд. 1884*]; в ст. 131 «промыслом» со строчной буквы), *274—275* (датировка: конец 1836—1837 — так же в *Изд. 1945, Изд. 1957*). — *Изд. 1951. С. 279—283* (текст «Сумерек», с иным написанием в ст. 80 «задушен», в ст. 132 «шумный» и ст. 140 «перешел» — повторено во всех последующих изданиях). — *Изд. 1957. С. 188—193* (текст «Сумерек»; в ст. 92 «торноватый» — повторено в *Изд. 1989*; в ст. 147 «далекий» — повторено во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 295—301* (текст «Сумерек»), *487—488* (варианты «Современника» в ст. 56 контаминированный вариант «Труд, дольний подвиг награждая» [как в *Изд. 1914—1915*]; в ст. 108 «Удушит» вместо «Удушишь» [как в вариантах *Изд. 1869* и *Изд. 1884*, в *Изд. 1936*]; ст. 126 приведена по цензурной тетради; разночтения цензурной тетради: в ст. 30 ошибочно «в тумане» вместо «туманно»; в ст. 112 не соответствующее источнику чтение «Порывом муки животворной»; разночтение в ст. 160 [опечатка нумерации — 150; повторено в *Изд. 2000*], имеющееся в редакции «Современника», неверно отмечено как наличествующее в цензурной тетради; разночтения в ст. 125—126 и ст. 151, приводимые по *Изд. 1884*, безосновательно названы вариантами «недошедшего автографа»). — *Изд. 1989. С. 185—189* (текст «Сумерек», в ст. 84 «торжественной», в ст. 100 и 113 ошибочные чтения: «своей души» и «издали»; датировка: конец 1836 — начало февраля 1837; <1841>). — *Изд. 2000. С. 264—269, 437—438, 491* (неизвестная ныне рукопись, послужившая источником вариантов, напечатанных в *Изд. 1884*, безосновательно названа «не дошедшим до нас автографом»; датировка: февраль 1837).

214

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области: сіянія и тьмы
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикой смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намѣкъ.

<Не позднее середины февраля 1839>

214. «Благословенъ святое возвѣстившій!..»

Печатается по: *Сумерки*. С. 84—85.

В цензурной тетради (Л. 36) разночтение:

10 Насъ, въ страхъ ему, одинъ его намѣкъ

Из-за обрыва края листа не читается несколько последних букв в ст. 9 и не виден конечный знак препинания в ст. 10.

Запись стихотворения, по всей видимости, была сделана уже после возвращения рукописи из первоначальной цензуры, о чем свидетельствует пробельная страница, отделяющая л. 36—36 об. от других текстов, и отсутствие цензорских помет при явно уязвимой начальной строке (ср. запретительные пометы цензора Флерова в других стихотворениях). Очевидно, в раннем варианте сборника текст был записан на одном из вырезанных листов в середине тетради, а его итоговое место определено при окончательной подготовке книги (см. подробнее в сопроводительной статье).

На л. 33 об. вслед за текстом «Осени» записано начало первой строки: «Благословенъ», однако, вероятно, эта помета, сделанная рукой Н. Л. Боратынской, как и ряд других ее записей, — позднейшего происхождения.

Впервые опубликовано: Современник. 1839. Т. XV. № 3 (ценз. разр. 27 июня; ценз. билет 8 июля — *Летопись*. С. 351). Раздел VIII: Стихотворения. С. 157 (3-й пагинации) — с другой формой окончания в ст. 9 («дикій» вместо «дикой») и с разночтением:

10 Насъ иногда чуть явственный намѣкъ.

Напечатано первым в подборке из трех стихотворений — вместе с «Были бури, непогоды...» (№ 203) и «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...» (№ 207) — под общим заглавием «Антологическія стихотворенія». Под последним стихотворением подборки подпись: *Ев. Баратынскій.*

Беловой автограф, соответствующий чтению «Современника» и послуживший источником публикации, — в письме Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г. («Посылаю тебѣ нѣсколько небольшихъ пьесъ набросанныхъ мною на прошедшей недѣлѣ»): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 2 (в ст. 3 иная форма окончания: «неправедной»); обоснование датировки письма см. *Летопись.* С. 351.

Беловой автограф, переходящий в черновик, на отдельном листке, вклеенном в альбом княгини З. И. Юсуповой: ПД. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 38 об. Над текстом рукой Боратынского римская цифра «VI», на обороте листа (Л. 38) — автограф стихотворения «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...» (№ 207).

Первые восемь строк записаны набело и совпадают с печатными, ст. 9—10 подверглись интенсивной правке, не закончив которую Боратынский перечеркнул текст целиком.

Сводка вариантов ст. 9—10:

А Такъ въ дикой смы<с>лъ порока посвящаетъ
Насъ только намъ значительный намѣкъ.

Б Такъ въ дикой смы<с>лъ порока посвящаетъ
Прѣ<нрзб> одинъ его намѣкъ.

В Такъ въ дикой смы<с>лъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намѣкъ.

Г Такъ въ дикой смы<с>лъ порока посвящаетъ
Талантъ <?> ему лишь <?> явственный намѣкъ

Д *Начато* Такъ Генію Порокъ разоблачаетъ

Е Такъ къ трепету <?> Порока, посвящаетъ
Насъ, въ смыслъ его, одинъ его намѣкъ.

Ж Такъ въ дикой смыслъ Порока, посвящаетъ
Насъ, въ страхъ ему, одинъ его намѣкъ.

З Такъ въ дикой смыслъ Порока, посвящаетъ
Насъ, въ казнь ему, одинъ его намѣкъ.

Автограф из альбома Юсуповой был учтен в Изд. 1936, где Е. Н. Купреянова предложила наиболее точную транскрипцию черновых строк (Изд. 1936. Т. II. С. 275), и в готовившемся одновременно издании Ю. Н. Верховского, который дал его характеристику: «недовершенная переработка, <...> позднейшая, предпринятая уже по окончании, а может быть, и по напечатании пьесы» (*Верховский 1935.* С. 115). Автограф может быть датирован временем между первой публикацией

стихотворения и подготовкой первой цензурной рукописи, поскольку первоначальное чтение финальной строки «Насъ только намъ значительный намѣкъ» синтаксически и ритмически наиболее близко к тексту «Современника», а последние варианты ее переработки («Насъ, въ [страхъ] казнь ему, одинъ его намѣкъ») соотносимы с чтением цензурной тетради.

Указания, что в РГАЛИ хранится еще один автограф стихотворения (Изд. 1982. С. 651, Изд. 1989. С. 422, Изд. 2000. С. 492), новейшими разысканиями не подтверждаются.

Датируется по письму к Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г. Изменение в ст. 10, вошедшее в «Сумерки», было сделано в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 164 и *Изд. 1884. С. 267* (текст «Сумерек», в ст. 9 иное написание окончания: «дикій» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 216* и *Изд. 1884. Приложения. С. 39* (разночтение в ст. 10 по тексту «Современника»). — *Брюсов 1899.* С. 10 (предложена пунктуационная конъектура в ст. 3: «Какой-нибудь неправедный, изгибъ»; поддержана в *Изд. 1914—1915*; оспорена в *Изд. 1936*). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 155* (текст «Современника» с конъектурой в ст. 3), *296—297* (отмечены разночтения в ст. 10 по цензурной тетради и «Сумеркам»; датировка: не позднее 1839). — *Изд. 1936. Т. I. С. 234* (текст «Сумерек» — так же в основном корпусе последующих изданий); *Т. II. С. 275* (отмечен автограф из альбома Юсуповой; на его основании отвергнута конъектура Брюсова и Гофмана в ст. 3), *вклейка между С. 272—273* (воспроизведение автографа из альбома Юсуповой). — *Изд. 1945. С. 248* (датировка: 1839 — повторено во всех последующих изданиях). — *Изд. 1957. С. 193, 372* (обоснование датировки — письмо Боратынского Плетневу от начала 1839 года). — *Изд. 1982. С. 301, 488* (вариант цензурной тетради в ст. 10 воспроизведен с ошибкой: «Нас в страх ему один намек» — так же в *Изд. 2000*), *651* (отмечен не подтвержденный разысканиями автограф РГАЛИ — повторено в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*).

215

1

Рифма

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила:
Свободнымъ и широкимъ метромъ,
Какъ жатва зыблемая вѣтромъ
Его гармонія текла.
Толпа вниманіемъ окована была
Пока, могучимъ сотрясеньемъ
Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца
И струны звучныя пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.

А нынѣ кто у нашихъ лиръ
Ихъ дружелюбной тайны проситъ?
Кого за нами въ горній міръ
Опальный голосъ ихъ уноситъ?
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣшитъ вопросъ не разрѣшимый!
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, съ роднаго брега,

Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

<Не позднее декабря 1840>

2

Редакция издания 1869 г.

Рифма

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ Музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила.
Свободнымъ и широкимъ метромъ,
Какъ жатва, зыблемая вѣтромъ,
Его гармонія текла.
Толпа вниманіемъ окована была
Пока, могучимъ сотрясеньемъ
Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца
И струны звучныя пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.
Когда на Греческій амвонъ,
Когда на Римскую трибуну
Ораторъ восходилъ, и славословилъ онъ,
Или оплакивалъ народную Фортуну,
И устремлялися всѣ взоры на него,
И силой слова своего
Витія властвовалъ народнымъ произволомъ:
Онъ зналъ, кто онъ; онъ вѣдать могъ,
Какой могучій правитъ богъ
Его торжественнымъ глаголомъ.

Но нашей мысли торжищъ нѣтъ,
Но нашей мысли нѣтъ форума!..
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Высокъ полетъ его иль нѣтъ,
Велика-ль творческая дума?
Самъ судія и подсудимый,
Скажи: твой безпокойный жаръ —
Смѣшной недугъ иль высшій даръ,
Рѣши вопросъ неразрѣшимый.
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, Рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему́, съ роднаго брега,
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

<?>

215.1. Рифма («Когда на играхъ Олимпійскихъ...»)

Печатается по: *Сумерки*. С. 86—88.

Текст стихотворения в цензурной тетради (Л. 34—35) соответствует напечатанному в «Сумерках», но в ст. 3 иное написание: «Музъ», в ст. 15 разночтение (описка?): «Имъ». В ст. 12 рукой Боратынского дописан недостающий последний слог в слове «струны». Над стихотворением — помета Боратынского: «Напечатано въ Современникѣ 1841-го года» (Л. 34).

Цензор В. П. Флеров предлагал к исключению ст. 28—30: «Подобно голубю ковчега, / Одна, ему, съ роднаго брега / Живую вѣтвь приносишь ты» — и слово «божественнымъ» в ст. 31. Однако в «Сумерках» «Рифма» была напечатана без изменений.

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 88—88 об. (заглавие: «Риѳма»); с параллельным текстом автоперевода на французский язык под заглавием «La Rime»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 31 об.

Копия Л. Е. Боратынского, также с параллельным французским текстом: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 2 об.—3.

Впервые опубликовано: Современник. 1841. Т. XXI. № 1 (ценз. разр. 24 декабря 1840; ценз. билет 13 января 1841 — *Летопись*. С. 372; вышел 13 января — Северная пчела. 1841. № 11. 15 января. С. 44). Раздел VII: Стихотворения. С. 241—242 (2-й пагинации; подпись: *Е. Баратынскій*) — в ст. 3 «Музъ», в ст. 15 «Имъ» вместо «Ихъ» (ср. текст цензурной тетради), в ст. 27 опечатка: «родуешь»; в ст. 12 разночтение:

12 И лиру звучную пѣвца

Копия Н. В. Путяты, соответствующая тексту «Современника» (но в ст. 15 «Ихъ») и послужившая источником публикации: ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 22—22 об. Наверху Л. 22 — запись П. А. Плетнева: «Стихи для новой послѣдней четвертки, гдѣ они будутъ съ оглавленіемъ». Стихотворение было напечатано в последнем номере XXI тома «Современника», на одном развороте с оглавлением.

Копия Н. Л. Боратынской, также соответствующая тексту «Современника»: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 12 (заглавие: «Риѳма»; в ст. 15 «Ихъ»).

Датируется по первой публикации.

215.2. Рифма («Когда на играхъ Олимпійскихъ...») *Редакция издания 1869 г.*

Печатается по тексту публикации: Изд. 1869. С. 165—166; с исправлением: ст. 16 *словословилъ → славословилъ*

В Изд. 1869 (С. 216) и Изд. 1884 (Приложения. С. 40) с указанием «Вар.<ианты> в рукописи» приведены разночтения, рукописный источник которых ныне неизвестен:

2 На стогнахъ древнихъ городовъ

6 И вольнымъ и широкимъ метромъ

41 Одна съ восторженнымъ порывомъ

Копия Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 46 об. — с описками в ст. 17 («судьбину» вместо «Фортуну») и ст. 22 («какъ» вместо «какой»), иным написанием отдельных слов в ст. 3 («музъ»), ст. 14 («Греческой Амвонъ»), ст. 15 («Трибуну»), ст. 22 («Богъ»), ст. 36 («рифма») и с разночтениями:

18 И обращалися всѣ взоры на него

Вместо ст. 24—25

А нынѣ кто у нашихъ лиръ
Ихъ дружелюбной тайны проситъ?
Кого за нами въ горній міръ
Опальный голосъ ихъ уноситъ?

Вместо ст. 27—28

Его полетъ высокъ иль нѣтъ!

30 Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ

32 Рѣшитъ вопросъ неразрѣшимый!

Текст стихотворения, размещенный параллельно с его автопереводом на французский язык (заглавие: «La Rime»), изначально был записан в редакции «Сумерек» (см. выше). После ст. 13 («Дарила новымъ вдохновеньемъ») Н. Л. Боратынская сделала помету (более светлыми чернилами), обозначив вставку в текст: «* (пропущенные стихи цензурой)». Сам текст вставки (см. ст. 14—23 комментируемой редакции) записан внизу страницы в две колонки, теми же светлыми чернилами, начало текста отмечено звездочкой.

Известные факты не позволяют прийти к однозначному выводу о датировке этой редакции и ее соотношении с редакцией 215.1. Ни прижизненные публикации, ни их рукописные источники (см. выше, примеч. к № 215.1) не дают оснований считать, что Боратынский предполагал печатать выпущенный фрагмент в «Современнике» 1841 г. (см. копию Н. В. Путяты) или в первом варианте итогового сборника (см. цензурную тетрадь). Если не подвергать сомнению указание Н. Л. Боратынской о цензурном изъятии, можно предположить, что текстовые новации могли быть внесены в рукопись «Сумерек», подготовленную для повторного представления в Московский цензурный комитет, но не были пропущены вторым цензором сборника И. М. Снегиревым. Однако это предположение, не подтвержденное никакими иными источниками, плохо согласуется с известными сведениями о характере претензий Снегирева-цензора. Более того, теоретически нельзя исключить и другие «цензурные» версии событий: (a) Боратынский собирался печатать «Рифму» (начало работы над которой неизвестно) еще до 1841 г., но наткнулся на цензурные препоны и внес соответствующие изменения в текст, предназначенный для «Современника»; (b) Боратынский исправил текст стихотворения уже после публикации в «Современнике» (т. е. в течение 1841 г.) и, пытаясь напечатать новую редакцию в периодике, столкнулся с цензурными трудностями; (c) Н. Л. Боратынская собиралась напечатать отвергнутую по творческим причинам редакцию «Рифмы» уже после смерти поэта, но эта публикация не прошла цензуру, etc. Кроме того, может быть поставлено под сомнение и само показание Н. Л. Боратынской о цензурном изъятии (аберрации в ее свидетельствах нередки). Косвенным подтверждением внецензурного характера обсуждаемой правки является, например, тот факт, что выпущенный фрагмент никак не отразился во французском автопереводе, выполненном в Париже зимой 1843—1844 гг., когда Боратынский был полностью свободен от цензурного давления.

Таким образом, по поводу происхождения, датировки и статуса текста «Рифмы» в редакции 215.2 можно сделать лишь одно уверенное утверждение: надежными основаниями считать текст, напечатанный в Изд. 1869, отражением «последней авторской воли» мы не располагаем (вопреки мнению публикаторов, начиная с Изд. 1914—1915).

Изд. 1869. С. 165—166 и *Изд. 1884. С. 268—269* (датировка: 1835—1842); *Изд. 1869. С. 216* и *Изд. 1884. Приложения. С. 40* (варианты ст. 2, 6, 41 по неизвестной ныне рукописи — повторено в *Изд. 1914—1915, Изд. 2000*; вариант ст. 12 по редакции «Современника»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 160—161* (текст по копии Н. Л. Боратынской в альбоме «Souvenir», заглавие «Риѳма»; с сохранением описки в ст. 17 [«судьбину» вместо «Фортуну»] и с исправлением описки в ст. 22; датировка: 1840 — так же датируется во всех последующих изданиях), *301* (варианты *Изд. 1869* и *Изд. 1884*; вариант «Современ-

ника» в ст. 12 со ссылкой на «рукопись Е. А. Боратынского» — видимо, так названа копия Н. Л. Боратынской, ныне хранящаяся в РГАЛИ). — *Изд. 1936. Т. I. С. 235—236* (текст по *Изд. 1869* с исправлением ст. 16, но с опечаткой в ст. 2 «настогнах» и ст. 26 повторена дважды; написание со строчных букв: в ст. 1 «олимпийских» [повторено во всех изданиях до *Изд. 1982*], в ст. 2 «греческих» [повторено во всех последующих изданиях], в ст. 3 «муз» [повторено во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*], в ст. 14 «греческий» [повторено во всех последующих изданиях], в ст. 15 «римскую» [повторено во всех последующих изданиях], в ст. 17 «Фортуну» [повторено во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*], в ст. 36 «рифма» [повторено во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*]); *Т. II. С. 141* (варианты ст. 24—27 по «Современнику» и «Сумеркам»), *276—277* (отмечено несущественное разночтение между основным текстом и редакцией «Сумерек» в ст. 25). — *Изд. 1957. С. 193—194, 372—373* (указана дата выдачи цензурного разрешения «Современнику»; ошибочно указано разночтение между вариантами «Сумерек» и «Современника» в ст. 2; во фрагменте ст. 24—33, приведенных по «Сумеркам», опечатка: «нынче» вместо «ныне»). — *Изд. 1982. С. 302—303* (текст по копии Н. Л. Боратынской в альбоме «Souvenir» с исправлением описок в ст. 17 и 22 — так же в *Изд. 1989, Изд. 2000*), *488—489* (неизвестная ныне рукопись, послужившая источником разночтений в ст. 2, 6, 41 в *Изд. 1884*, безосновательно названа «недошедшим автографом»), *651—652* (отмечен автоперевод стихотворения на французский язык). — *Изд. 1989. С. 196—197* (в ст. 14 иное написание окончания: «греческой»). — *Изд. 2000. С. 269—270, 438—439* (ст. 17 копии Н. Л. Боратынской из альбома «Souvenir» приведена с пропуском: «Или оплакивал судьбину»).

— II —

Стихотворения 1835—1844 годов,

не вошедшие в книгу «Сумерки» или написанные после ее выхода

216

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтической древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа нетерпѣньемъ объята
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
Снятся упадшихъ чертоговъ колонны!

<?>

216. «Небо Италіи, небо Торквата...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 19 об. (в ст. 2 «древняго» исправлено из «гордаго»).

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 57 об. (датировано: «Въ 1830, 1831, 1832»); № 41. Л. 48 об. (карандашом надписано: «Мелкія стихотворенья. Тритцать пятое»); № 42. Л. 76 об.

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым по копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 57 об.): Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 154 (1-й пагинации) — в ст. 2 иное написание окончания: «поэтическій».

Стихотворение полностью процитировано в «Материалах для биографии Е. А. Баратынского», составленных сыном поэта Л. Е. Боратынским (Изд. 1869. С. 399; Изд. 1884. С. 484—485): «Италія, болѣе прочихъ странъ, привлекала поэта. Живые разсказы о ней дядьки Италіянца <...> еще съ дѣтства глубоко запечатлѣлись въ его воображеніи и навсегда сохранились въ памяти его. Историческія воспоминанія, роскошная природа и памятники искусствъ этой страны всегда манили его къ себѣ. Однажды, еще въ Москвѣ, онъ воскликнулъ экспромптомъ: <далее полностью цитируется текст стихотворения>».

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение, мы не располагаем. Согласно помете в одной из копий Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 57 об.), оно может быть предположительно отнесено к 1830—1832 гг., однако в комментаторской традиции, начиная с Изд. 1936, его создание прочно связывалось с планами поездки Боратынского в Италию и датировалось второй половиной 1830-х — началом 1840-х гг. или концом лета 1843 г.

Тургенев 1854. С. 154 (текст по копии Н. Л. Боратынской, в ст. 2: «поэтическій» — так же во всех изданиях). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена публикация в «Современнике»). — *Изд. 1869. С. 116* (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской; ука-

зано место первой публикации; датировка: 1831 — так же во всех последующих изданиях до *Изд. 1936*). — *Изд. 1894. Т. I. С. 100* (текст *Изд. 1869* под заглавием «Экспромтъ»; в ст. 2 опечатка: «поэтитескiй»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 118, 282* (сообщено, что текст печатается «по копиям Н. Л. Боратынской (4 в Казанском архиве)» [ныне — ПД]). — *Изд. 1936. Т. I. С. 317; Т. II. С. 295—296* (датировка: конец 1830-х — начало 1840-х гг.; автором «Материалов к биографии Е. А. Баратынского» в *Изд. 1869* и *Изд. 1884* ошибочно назван Н. В. Путята — повторено в *Изд. 1951*, *Изд. 1957*, *Изд. 1982*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1945. С. 80* (датировка: 1831). — *Изд. 1951. С. 268, 580* (датировка: 1835). — *Изд. 1957. С. 217* (датировка: 1843?), *380—381* (предположительное уточнение датировки: «незадолго до отъезда Баратынского за границу в сентябре 1843» — так же в *Изд. 1982* и *Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 219* (в конце ст. 2 — точка; такая же пунктуация в *Изд. 2000*; датировка: 1843?).

217

Мою звѣзду я знаю, знаю
    И мой бокалъ
Я наливаю, наливаю,
    Какъ наливалъ.
Судьбы гоненью, злобѣ свѣта,
    Смѣюся я:
Живетъ не здѣсь; въ звѣздахъ Моэта
    Душа моя!
Когдажъ коснутся устъ прелестныхъ
    Уста мои,
Не помню я ни звѣздъ небесныхъ,
    Ни звѣздъ Аи.

<Не позднее начала октября 1839>

217. «Мою звѣзду я знаю, знаю...»

Печатается по цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 9; с исправлениями: ст. 10 *мои* → *мои*, — ст. 11 *небесныхъ* → *небесныхъ*,

Текст записан между стихотворениями «А. С. П......ну» (№ 193.3) и «Примѣты» (№ 194). В окончательный состав «Сумерек» стихотворение не вошло (о возможных причинах его исключения из сборника см. в сопроводительной статье).

Впервые опубликовано вместе со стихотворениями «Примѣты» (№ 194) и «Обѣды» (№ 218) в альманахе В. А. Владиславлева: Утренняя заря на 1840 год (ценз. разр. 14 октября; вышел 28 октября 1839 — *Летопись*. С. 352; в продажу поступил 2 января 1840 — Северная пчела. 1840. № 1. 2 января. С. 4). С. 226 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «Звѣзды» с разночтениями:

[5] Гоненьямъ рока, злобѣ свѣта

[11] Не нужно мнѣ ни звѣздъ небесныхъ,

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту цензурной тетради, с ошибками в ст. 5 («Судьбѣ гоненья»): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 56; № 40. Л. 59 (датировано: «въ 1838, 1839»); № 41. Л. 50 об. (над текстом — карандашная помета: «Мелкія стихотворенія. Тритцать восьмое»); № 42. Л. 67 (текст, записанный на одной странице со стихотворением «Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой...» (№ 105.1), перечеркнут карандашом), Л. 65 (текст вписан карандашом на одной странице со стихотворением «Когда-бъ избрать возможно было мнѣ...» — № 118.1).

Ю. Н. Верховскому была доступна еще одна копия стихотворения, ныне не разысканная, — «на особом листке, принадлежавшем П. И. Бартеневу, <...> собственность его внучки И. Ю. Бартеневой», с вариантом в ст. 5: «Гоненью рока, злобе света» (*Верховский 1935*. С. 128).

В редакции цензурной тетради опубликовано И. С. Тургеневым по копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 59): Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 155 (1-й пагинации) — с сохранением ошибки в ст. 5 («Судьбѣ гоненью»).

В собраниях сочинений Боратынского текст печатается, начиная с Изд. 1894 (Т. I. С. 120; текст «Утренней зари»); в Изд. 1869 (С. 383) и Изд. 1884 (С. VII) стихотворение упомянуто в библиографии сочинений Боратынского, составленной М. Н. Лонгиновым.

Датируется по первой публикации. Варианты ст. 5 и 11, внесенные в текст цензурной тетради, датируются по времени первого представления рукописи в Московский цензурный комитет (т. е. не позднее 10 января 1842).

Тургенев 1854. С. 155 (текст по копии Н. Л. Боратынской, с ошибкой в ст. 5: «Судьбѣ гоненью»). — *Лонгинов 1864. Стб. 112* (отмечена публикация в «Утренней заре»). — *Изд. 1894. Т. I. С. 120* (текст «Утренней зари»; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 157—158* (текст «Утренней зари» — так же во всех последующих изданиях до *Изд. 1982*), *299* (варианты копий Н. Л. Боратынской в ст. 5 и 11, отмечена перепечатка стихотворения в «Современнике» 1854 г., но не учтено ее отличие от копий в ст. 5; датировка: не позднее 1839 г.). — *Изд. 1945. С. 209* (датировка: 1839 — так же в *Изд. 1957, Изд. 1989*). — *Изд. 1982. С. 338* (текст «Утренней зари» без заглавия — так же в *Изд. 1989, Изд. 2000*), *492* (некорректно приведен вариант ст. 5 — чтение основного текста и варианта совпадают — так же в *Изд. 2000*), *665* (отмечено место стихотворения в цензурной тетради, ошибочно названной источником публикации: в основном корпусе текст напечатан по «Утренней заре» — повторено в *Изд. 1989, Изд. 2000*).

218

Обѣды

Я не люблю хвастливые обѣды,
Гдѣ сто обжоръ, не вѣдая бесѣды,
Жуютъ и спятъ. Къ чему такой содомъ?
Хотите ли, чтобъ умъ, воображенье
Привелъ обѣдъ въ счастливое броженье,
Чтобъ духъ игралъ съ играющимъ виномъ,
Какъ знатоки Эллады завѣщали?
Старайтеся, чтобъ гости за столомъ,
Не менѣе Харитъ своимъ числомъ,
Числа Каменъ у васъ не превышали.

<Не позднее начала октября 1839>

218. Обѣды («Я не люблю хвастливые обѣды...»)

Печатается по единственной прижизненной публикации в альманахе В. А. Владиславлева: Утренняя Заря на 1840 год (ценз. разр. 14 октября, ценз. билет 28 октября 1839 — *Летопись*. С. 352; в продажу поступил 2 января 1840 — Северная пчела. 1840. № 1. 2 января. С. 4). С. 184 (подпись: *Е. Баратынскій*) — с исправлением ошибки в ст. 9 и 10 по автографу (в альманахе последние строки читались: «Не менѣе Каменъ своимъ числомъ, / Числа Харитъ у васъ не превышали»; ошибка в публикации впервые отмечена М. Л. Гофманом со ссылкой на указание Г. Г. Гельда — Изд. 1914—1915. Т. II. С. 272).

В той же книжке альманаха были опубликованы стихотворения «Примѣты» (№ 194) и «Звѣзды» («Мою звѣзду я знаю, знаю...» — № 217).

Черновой автограф на отдельном листе синей плотной бумаги, без заглавия: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 48. Л. 1 об.; на обороте листа — копия стихотворения «Толпѣ стогласный день привѣтенъ; но страшна...» (№ 208.2).

Я не люблю хвастливые обѣды.
Гдѣ сто гостей, не вѣдая бѣсѣды
а. [Содомъ] гостей, не вѣдая бѣсѣды
б. Гдѣ [сбродъ] гостей, не вѣдая бѣсѣды
Зѣвая спитъ <?> но дѣло не объ томъ
а. Жуетъ [у васъ] [зѣвая полнымъ] ртомъ
б. Жуетъ и спитъ <...> оплывши ртомъ
в. Жуетъ и спитъ [и ничего потомъ]

[Хотите-ли], чтобъ умъ, воображенье
Привелъ обѣдъ въ счасливое воображенье <так!>
Что <?> духъ игралъ съ играющимъ виномъ?
а. И духъ игралъ съ играющимъ виномъ?
Насъ древности завѣты руководятъ
а. [Въ томъ] древности [забытой] руководятъ
Такъ вѣдайте-жъ: Да гости за столомъ
а. [Насъ знатоки]: Да гости за столомъ
б. [Въ томъ знатоки]: Да гости за столомъ
Не мѣнѣе Харитъ своимъ числомъ
Числа Каменъ у васъ не превосходятъ.

Впервые автограф учтен М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 299).

Транскрипция чернового автографа впервые сделана Ю. Н. Верховским (*Верховский 1935*. С. 128); опыт построения на основе черновика связного текста первоначальной редакции предпринят Е. Н. Купреяновой в Изд. 1936 (Т. II. С. 143):

Я не люблю хвастливые обеды:
Содом гостей, не ведая беседы,
Жует у вас, зевая полным ртом.
Хотите ли, чтоб ум, воображенье
Привел обед в счастливое броженье
И дух играл с играющим вином?
В том древности забытой руководят
Нас знатоки: да гости за столом
Не менее Харит своим числом
Числа Камен у вас не превосходят.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие публикации «Утренней Зари» (включая ошибку в ст. 9—10): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 50 (карандашом надписано: «Смѣсь. Мелкія стихотворенія. Тритцать шестое»); № 42. Л. 73 об.

В собраниях сочинений Боратынского стихотворение печатается начиная с Изд. 1894 (Т. I. С. 119); в Изд. 1869 (С. 383) и Изд. 1884 (С. VII) оно упомянуто в библиографии сочинений Боратынского, составленной М. Н. Лонгиновым.

В Изд. 1900 (Ч. I. С. 354) стихотворение напечатано по неизвестному источнику — заглавие: «Обѣды», в ст. 9—10 исправлена ошибка первой публикации (в ст. 9 «харитъ» [в тексте «харишъ» — отмечено в списке опечаток]; в ст. 10 «каменъ»), в ст. 6—7 разночтения:

6 Играла-бъ мысль съ играющимъ виномъ?
7 Какъ знатоки Эллады завѣщали:

Датируется по первой публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 112 (отмечена публикация в «Утренней Заре»). — *Изд. 1894. Т. I. С. 119* (текст «Утренней зари»; датировка: 1835—1842). — *Изд. 1900. Ч. I. С. 354* (текст по неизвестному источнику, под заглавием «Объды», с вариантами ст. 6, 7 и исправлением в ст. 9—10). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 157* (текст «Утренней Зари с сохранением ошибки в ст. 9—10; датировка: 1839 — так же датируется во всех последующих изданиях), *299* (отмечен черновой автограф); *вклейка между С. 296—297* (факсимиле чернового автографа); *Т. II. С. 272* (отмечена опечатка в ст. 9—10). — *Изд. 1936. Т. I. С. 318* (текст «Утренней Зари» с исправлением смысловой ошибки в ст. 9—10 — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 143* (текст первоначальной редакции по черновому автографу). — *Изд. 1957. С. 195* (в ст. 9 и 10: «харит» и «камен» напечатано со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 339, 492* (варианты чернового автографа в ст. 2—3, 6—8, 10 по *Изд. 1936* — повторено в *Изд. 2000*), *665* (оговорено исправление ошибки «Утренней Зари» в ст. 9—10).

219

На все свой ходъ, на все свои законы.
Межъ люлькою и гробомъ спитъ Москва.
Но и до ней глухой дошла молва,
Что скученъ вистъ, и веселѣй салоны
Отборные, гдѣ есть уму просторъ,
Гдѣ властвуетъ не вистъ, а разговоръ.
И погналась за модой новосвѣтской,
Но погналась старуха не путёмъ;
Салоны есть, но этотъ смотритъ дѣтской,
А тотъ, увы! глядитъ гошпиталемъ.

<?>

219. «На все свой ходъ, на все свои законы...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 57 об.; с исправлениями: в конце ст. 3, 5, 7, 9 проставлены запятые.

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 59 об. (датировано: «въ 1838, 1839»); № 41. Л. 46 об.

По указанию Ю. Н. Верховского (*Верховский 1935*. С. 132), в архиве Боратынских имелась еще одна копия (ныне неизвестная) рукой Н. Л. Боратынской, с разночтением в ст. 1:

1 На всё есть ход, на всё свои законы.

Впервые опубликовано М. Л. Гофманом по копиям Н. Л. Боратынской: Изд. 1914—1915. Т. I. С. 158.

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение, мы не располагаем. Согласно помете в альбоме Н. Л. Боратынской (см. выше), стихотворение может быть предположительно отнесено к 1838—1839 гг.

Изд. 1914—1915. Т. I. С. 158 (текст по копиям Н. Л. Боратынской — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1840). — *Изд. 1936. Т. I. С. 241; Т. II. С. 279* (датировка: предположительно 1841). — *Изд. 1945. С. 175* (датировка: 1841). — *Изд. 1951. С. 303, 584* (датировка: предположительно 1840—1841). — *Изд. 1957. С. 196* (датировка: 1840 (?) — так же во всех последующих изданиях), *373* (отмечена копия в альбоме «Souvenir»). — *Летопись. С. 354* (предположительно датировано: 1840—1843).

220

Въ рукахъ у этаго педанта
Могильный заступъ, не перо:
Журнальнаго негоціанта
Какъ разъ подроетъ онъ бюро:
Онъ громогласный запѣвала,
Да запѣвала похоронъ.
Похоронилъ онъ два журнала
И третій похоронитъ онъ.

<?>

220. «Въ рукахъ у этаго педанта...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 55 об.

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 59 (датировано: «въ 1838, 1839»); РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 12 об. — на одном листе с копиями журнальных редакций стихотворений «Рифма», «Предразсудокъ» и «Что за звуки? мимоходомъ...» (№№ 215, 192.2, 210), с иным написанием окончания в ст. 5: «громогласной» и разночтением в ст. 6:

6 Но запѣвала похоронъ:

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым по копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 59): Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 160 (1-й пагинации) — под заглавием «На ***», с иным написанием отдельных слов: в ст. 1: «этого», ст. 3: «негоціянта», ст. 5, 6: «запѣвало».

В собраниях сочинений Боратынского печатается, начиная с Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 146—147).

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение, мы не располагаем. Помета Н. Л. Боратынской (см. выше) относит текст к 1838—1839 гг. Согласно гипотезе Е. Н. Купреяновой, отметившей сходство эпиграммы с остротой в письме Н. Ф. Павлова В. Ф. Одоевскому от 20 января 1840 г. («<...> для чего вздумалось вам <...> напрячь все силы, чтобы уничтожить плоды своего долготерпения, ума, души и трудов. Вы выписали Белинского. <...> Этот мортус отправил похороны „Телескопа“ и „Наблюдателя“»), поводом к ее созданию стало начало сотрудничества В. Г. Белинского в «Отечественных записках», что позволяет датировать текст концом 1839 — началом 1840 гг. (Изд. 1936. Т. II. С. 296—297; со ссылкой на наблюдение Купреяновой эта адресация впервые указана в сборнике:

Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 476). Если же считать, что эпиграмма направлена против С. П. Шевырева и связана с основанием «Москвитянина», то ее следует датировать концом 1840 — началом 1841 гг. (гипотеза выдвинута в: *Баратынские 1993*. С. 257).

Тургенев 1854. С. 160 (текст по копии Н. Л. Боратынской; заглавие: «На ***»). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена публикация И. С. Тургенева в «Современнике»). — *Изд. 1869. С. 384* (отмечена публикация в «Современнике»; номер страницы указан неверно: 150 вместо 160). — *Изд. 1884. С. VII* (упомянуто в редакторском предисловии Н. Е. Боратынского с неверным указанием на публикацию стихотворения в «Утренней Заре на 1840 г.»). — *Брюсов 1899. С. 448* (текст публикации в «Современнике» под заглавием «На Н***» и с неверной ссылкой на альманах «Утренняя заря на 1840 г.»). — *Изд. 1914–1915. Т. I. С. 146–147* (текст по копии Н. Л. Боратынской [ныне копия РГАЛИ], ошибочно названной автографом, под редакторским заглавием «На Н[адеждина]»), *292* (отмечены перепечатка в «Русском архиве» 1899 г. и ошибочное указание на публикацию в «Утренней заре»; датировка: предположительно 1835). — *Изд. 1936. Т. I. С. 320* (текст по публикации И. С. Тургенева, под заглавием «На ***», но в ст. 3 «негоцианта» — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 296* (предположение о В. Г. Белинском как адресате эпиграммы, на этом основании датировано: конец 1839 — начало 1840). — *Изд. 1945. С. 174* (датировка: 1840 — так же в *Изд. 1957*, *Изд. 1989*). — *Изд. 1957. С. 216* (в ст. 5 «запевала» — так же во всех последующих изданиях). —*Баратынские 1993. С. 257* (предположение об адресате: С. П. Шевырев, на этом основании датировка: конец 1840 — начало 1841).

221

1

Братайтеся, къ взаимной оборонѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены,
Но даръ прямой не братъ у васъ въ притонѣ
Бездарные писцы хлопотуны!
Наоборотъ союзнымъ на благое
Реченнаго достойные друзья,
Аминь, аминь, вѣщалъ онъ вамъ, гдѣ трое
Вы будете, не буду съ вами я.

<Не ранее ноября 1843 — не позднее июня 1844>

2

Ранняя редакция

Братайтеся, къ заботливой защитѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены
Бездарные писцы хлопотуны!
Но въ свой притонъ таланта не зовите:
Наоборотъ достойные друзья,
Рѣченнаго, союзнымъ на благое
Воистинну вѣщалъ онъ вамъ, гдѣ трое
Вы будете, не буду съ вами я.

<Не позднее 6 марта 1842 ?>

3

Промежуточная редакция

Котерія

Братайтеся! вы бдительной защитѣ
Ничтожности *своихъ* обрѣчены,
Бездарные писцы-хлопотуны!
Но въ свой притонъ таланта не зовите:

На-оборотъ, достойные друзья,
Рѣченнаго *союзнымъ на благое*,
Аминь, аминь, вѣщалъ онъ вамъ, гдѣ трое
Вы будете, не буду съ вами я.

<Не ранее 6 марта 1842 — не позднее начала ноября 1843>

221.1 «Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...»

Печатается по цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 19 об.; с исправлениями: в ст. 1 *Братайтеся → Братайтеся*, -- ст. 7 *вамъ → вамъ*,

Стихотворение вписано в тетрадь рукой Н. Л. Боратынской, ниже текста редакции № 221.2, более убористым почерком и другими чернилами (теми же, что и записи полного текста «Ахилла» и последних двух строк стихотворения «Скульпторъ» — см. примеч. к № 205, 212).

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Коттерiѣ»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 53 об.; № 41. Л. 8 (карандашом вписано: «Эпиграмма»); с параллельным текстом автоперевода на французский язык: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 47; № 40. Л. 33.

Копия Л. Е. Боратынского, также с параллельным текстом французского автоперевода: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 3 об. (заглавие: «Коттерiѣ»; в ст. 5 описка: «со злыми» вместо «союзнымъ»).

Копия А. Е. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 3 (заглавие: «Коттерiѣ»).

Устойчивое воспроизведение этой редакции в семейных копиях позволяет думать, что именно ее Н. Л. Боратынская считала окончательной. В пользу этого предположения свидетельствует также более позднее время внесения этой редакции в цензурную тетрадь по сравнению с № 221.2 (обоснование хронологии записей см. ниже, в комментарии к № 221.2) и отсутствие в ней исправлений.

В этой редакции, но с вариантами, восходящими к неизвестному источнику, впервые опубликовано: Русский архив. 1882. Кн. III. № 6. С. 252 — без заглавия и подписи, вторым в подборке «Изъ стихотворенiй былаго времени», где напечатаны, также без указания авторства, стихотворения К. К. Павловой «За деньги клясть и клясться рада...», Н. Ф. Щербины «Подражанiе Фету» («Руси дѣтское незнанье...»), Ф. И. Тютчева «Гуманный внукъ воинственнаго дѣда...».

Варианты публикации «Русского архива»:

3 Но здравый смыслъ не братъ у васъ въ притонѣ,

ст. 5—8

*

На оборотъ союзнымъ во благое
Реченнаго, любезные друзья,
«Аминь, аминь», сказалъ Онъ вамъ: «гдѣ двое
Вы будете, не буду съ вами Я».

К тому же источнику, очевидно, восходит и более ранняя копия П. И. Бартенева, который сообщал текст эпиграммы М. Н. Лонгинову в письме от 30 марта 1873 г.: «Вотъ Вамъ новые стихи Баратынскаго на Бѣлинскаго и К°. Только пожалуста не для Семевскаго. <далее записан текст эпиграммы, совпадающий с публикацией в «Русском архиве»> Не правда ли совсѣмъ узорочно; это листокъ изъ Сумерекъ» (ПД. № 23113. Л. 101; упоминание о копии рукой Бартенева см.: *Филиппович П. П.* Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917. С. 158). В 1873 г. публикации воспротивился Л. Е. Боратынский (см. его письмо Бартеневу от 22 апреля 1873 г. — РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 565. Ч. 1. Л. 251—251 об.). Бартеневу также принадлежит указание, что «тогдашняя цензура не пропустила <...> Баратынскому въ его стихахъ: Аминь, аминь, сказалъ Онъ вамъ: / Гдѣ двое вы будете, не буду съ вами Я» (Русский архив. 1911. Кн. 2. № 8. С. 512). Источник этих сведений Бартенева неизвестен.

С атрибуцией Боратынскому впервые напечатано: Русский архив. 1890. Кн. I. № 2. С. 326 — под заглавием «Е. А. Баратынскій. Объ одномъ литературномъ кружкѣ» с общим указанием «Изъ рукописнаго стихотворнаго сборника»; текст соответствует первой публикации в «Русском архиве». Повторно перепечатано В. Я. Брюсовым в приложении к статье «О собраниях сочинений Е. А. Баратынского» (Русский архив. 1899. Кн. III. № 11. С. 449) — под заглавием «Объ одномъ литературномъ кружкѣ».

В собрание сочинений Боратынского стихотворение впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 166).

Датируется — на основании соотношения с редакциями № 221.2 и № 221.3 и французским автопереводом, созданным во время пребывания Боратынских в Париже зимой 1843—1844 гг. (подробнее см. в примечаниях к № 221.3), — временем между созданием автоперевода и смертью Боратынского. Запись в цензурной тетради, по-видимому, была сделана уже вдовой поэта, после возвращения семейства из заграничного путешествия в 1844 г.

221.2 «Братайтеся къ заботливой защитѣ...» *Ранняя редакция*

Печатается по цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 19 об.; с исправлениями по аналогии с № 221.3: в ст. 1 *Братайтеся* → *Братайтеся,* -- ст. 3 *хлопотуны* → *хлопотуны!* -- ст. 4 *не зовите* → *не зовите:* -- ст. 7 *вамъ* → *вамъ,*

Текст эпиграммы записан Н. Л. Боратынской на свободном месте под стихотворением «На что вы дни!..» (№ 204). Ст. 1 подвергнут правке ее же рукой, но более убористым почерком: «Братайтеся къ [заботливой защитѣ] взаимной оборонѣ», ст. 3 вычеркнут, весь текст зачеркнут вертикальной линией, под ним записана редакция № 221.1.

Запись текста в цензурной тетради несомненно была сделана после возвращения сборника из первоначальной цензуры (об этом свидетельствует отсутствие запретительных помет цензора Флерова, протестовавшего против любых религиозных аллюзий — см. примеч. к № 191, 197, 200, 202, 203, 204, 207, 208, 215). Первоначально эпиграмма могла быть записана на одном из впоследствии вырезанных листов цензурной тетради; в таком случае ее изъятие из сборника могло объясняться как автоцензурными соображениями (соответствующие листы, скорее всего, были вырезаны до подачи рукописи в цензурный комитет —см. примеч. к № 205, а также сопроводительную статью), так и запретом цензора Флерова. Эпиграмма могла

быть сочинена Боратынским и в промежуток между первой и второй цензурой сборника, а исключение ее из «Сумерек» также может объясняться соображениями автоцензуры или возражениями цензора Снегирева.

Верхнюю границу записи этой редакции в цензурной тетради установить невозможно; несомненно, однако, что она была записана раньше, чем № 221.1, поскольку исправления в ст. 1 и ст. 3 сделаны в соответствии с редакцией № 221.1 (вероятно, Н. Л. Боратынская попыталась внести в текст частичную правку, а затем перечеркнула его целиком и записала новую редакцию ниже).

Автограф неизвестен.

Текст этой редакции по цензурной тетради впервые опубликован М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 304).

Датируется по времени повторного представления сборника в Московский цензурный комитет.

221.3 Котерія («Братайтеся! вы бдительной защитѣ...») *Промежуточная редакция*

Печатается по копии С. А. Соболевского, на отдельном листе: ПД. № 16033. Л. 1 об.; подпись «*Е. Баратынскій*» и исправления отдельных букв темными чернилами — рукой П. А. Плетнева, его же почерком вверху листа помета: «Непропущена». На обороте листа рукой Соболевского записана копия стихотворения «Когда твой голосъ, о Поэтъ...» (№ 226), послужившая источником публикации в «Современнике» (1843. № 12).

По всей видимости, стихотворение было послано Боратынским из-за границы в письме Соболевскому, который переписал его на отдельном листке для передачи в журнал Плетневу. Судя по помете Плетнева, появлению текста в «Современнике» помешал цензурный запрет.

Автограф неизвестен.

К этой редакции ближе всего текст французского автоперевода[1], выполненный в ноябре 1843 — марте 1844 г.:

> Fraternisez, veillez à la défense de vos médiocrités respectives, vous ineptes et intrigants écrivassiers, mais ne conviez pas le vrai talent à boire à votre coupe, il retournera contre vous les paroles du Seigneur: amen, amen, vous dira-t-il, où vous serez trois je ne serai pas avec vous (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 18 об.).
>
> [Братайтесь, заботьтесь <букв. бдите> об обороне ваших взаимных посредственностей, вы, глупые и коварные писаки, но не приглашайте истинный талант испить из вашей чаши, он обратит против вас <переиначит, обращаясь к вам> слова Господа: Аминь, Аминь, скажет он вам, где вы будете трое, не буду с вами я].

Однако мотив «взаимной обороны» — «la défense de vos médiocrités respectives», отсутствующий и в этой редакции, и в редакции № 221.2, но присутствующий в ре-

---

[1] Первая публикация французского автоперевода — одновременно самая ранняя публикация стихотворения с атрибуцией Боратынскому: Recueil de poésies d'Eugène Baratinsky. Traduites du Russe. Cette, Izar fils, imprimeur de la Mairie, 1858. P. 29 (заглавие: «A une Camaraderie»).

дакции № 221.1, позволяет заключить, что автоперевод был создан между редакциями № 221.3 и № 221.1, уточняя датировку последней.

Нижняя граница датировки этой редакции определяется по соотношению с редакцией № 221.2, верхняя — по аналогии с записанным на этом же листе стихотворением «Когда твой голосъ, о Поэтъ...» (№ 226); подробное обоснование верхней границы датировки см. ниже, в комментариях к № 226.

Изд. 1914—1915. Т. I. С. 166 (стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений Боратынского; текст поздней редакции по цензурной тетради, заглавие: «Коттеріи» — так же во всех последующих изданиях), *304—305* (текст ранней редакции по цензурной тетради; высказано предположение о том, что стихотворение не было пропущено цензурой; отмечены копии Н. Л. Боратынской, публикация в «Русском архиве» 1890 г.; датировка: конец 1841 — до 14 января 1842). — *Изд. 1936. Т. I. С. 242*; *Т. II. С. 141—142* (текст ранней редакции), *279—280* (приведено сообщение Бартенева о цензурном запрете; датировка: начало 1842). — *Изд. 1945. С. 176* (датировка: 1842 — так же в *Изд. 1957*). — *Изд. 1951. С. 306, 584—585* (датировка: конец 1841 — первые числа января 1842). — *Изд. 1957. С. 183—184* (текст поздней редакции под заглавием «Коттерие» — повторено в *Изд. 1982*, напечатан в числе стихотворений «Сумерек» — так же в *Изд. 1982*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 288, 485* (ранняя редакция по цензурной тетради приведена неточно: выпущен ст. 2 — так же в *Изд. 2000*), *646—647* (отмечен французский автоперевод). — *Изд. 1989. С. 216—217* (заглавие: «Коттерии» — так же в *Изд. 2000*; датировка: <1841>).

222

Съ книгою: Сумерки

С. Н. К.

Сближеньемъ съ вами на мгновенье
Я очутился въ той странѣ,
Гдѣ, *въ оны дни*, воображенье
Такъ сладко, складно лгало мнѣ.
На умъ, на сердце мнѣ излили
Вы благодатныя струи —
И чудотворно превратили
Въ день ясный *сумерки* мои.

<Конец мая — начало июня 1842>

222. Съ книгою: Сумерки С. Н. К. («Сближеньемъ съ вами на мгновенье...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Современник. 1842. Т. XXVII. № 3 (ценз. разр. 30 июня; ценз. билет 3 августа — *Летопись*. С. 387). Отд. V: Стихотворения. С. 95 (3-й пагинации) — подпись: *Баратынскiй*.

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту первой публикации: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 51 об. (заглавие: «Съ книгою *Сумерки* С. Н. Карамзиной»); № 40. Л. 57 (датировано: «Въ 1842 и въ 1843»), № 41. Л. 1 об. (карандашом надписано: «Смѣсь») — обе копии под заглавием «С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерковъ»; № 42. Л. 77 об. (заглавие: «С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерекъ»).

Копия А. Е. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 1 (заглавие: «С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерковъ»).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 57) стихотворение было вторично опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 154 (1-й пагинации) — под заглавием: «С—ѣ Н—ѣ К—ной, при посылкѣ „Сумерекъ“» и с разночтением (конъектура или ошибка):

[4] Такъ сладко, складно пѣло мнѣ.

Стихотворение было вписано С. Н. Карамзиной в ее альбом, ныне утраченный (описание см.: *Модзалевский Б. Л.* Из альбомной старины // Русский библиофил. 1916. № 6. Октябрь. С. 69). Текст альбомной копии соответствовал напечатанному

в «Современнике» и был снабжен примечанием Карамзиной: «Стихи присланные мнѣ Е. Баратынскимъ съ его сочиненiемъ Сумерки въ Ревель лѣтомъ 1842-го года» (Там же. С. 70).

Датируется по времени выхода «Сумерек» и по письму С. Н. Карамзиной от 26 июня 1842 г., в котором она благодарила Боратынского за присылку сборника и адресованное ей стихотворение (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 95. Л. 1—2 об.; отрывок из письма см.: Изд. 1914—1915. Т. I. С. 305; *Летопись*. С. 387).

Тургенев 1854. С. 154 (текст по копии Н. Л. Боратынской под заглавием: «С—ѣ Н—ѣ К—ной, при посылкѣ „Сумерекъ"», с разночтением в ст. 4; в ст. 3 и 8 курсив снят). — *Лонгинов 1864. Стб. 112* (отмечена публикация в «Современнике» 1842 г.). — *Изд. 1869. С. 167* (текст по одной из копий Н. Л. Боратынской под заглавием: «С. Н. Карамзиной. (При посылкѣ Сумерокъ)»; в ст. 3 и 8 курсив снят; датировка: 1842—1843). — *Изд. 1884. С. 270* (текст *Изд. 1869* под заглавием «С. Н. Карамзиной. (При посылкѣ Сумерекъ)»; датировка: 1842—1843). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 166* (текст «Современника» под заглавием «Съ книгою Сумерки С. Н. К[арамзиной]»), *305* (отмечена перепечатка стихотворения в «Современнике» 1854 г. с разночтением в ст. 4; датировано июнем 1842 г. на основании письма Карамзиной — повторено во всех последующих изданиях). — *Изд. 1936. Т. I. С. 239* (текст «Современника», заглавие: «С книгою „Сумерки" С. Н. Карамзиной»). — *Изд. 1951. С. 308* (текст «Современника»; заглавие: «С книгою „Сумерки" С. Н. К.» — так же в *Изд. 1957*). — *Изд. 1957. С. 374* (место первой публикации указано неверно: № 7 «Современника» вместо № 3 — повторено во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 339* (текст «Современника», но в ст. 3 курсив снят; заглавие: «С книгою „Сумерки" С. Н. К<арамзиной>» — так же в *Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 200* (текст «Современника» под заглавием «С книгою „Сумерки" С. Н. К<арамзиной>»; датировка: конец мая — начало июня 1842).

223

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я не усталый, но лѣнивый
Ужъ пилъ Летiйскiя струи.

Слегка сѣдѣющiй мой волосъ
Любилъ за право на покой,
Но вотъ къ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветъ и будитъ мой.

Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую
И человѣческимъ сынамъ
До сель безвѣстную пирую
Я въ зависть Флакку, въ славу вамъ!

<1842–1843 ?>

223. «Спасибо злобѣ хлопотливой...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 52 об.; с исправлениями: в ст. 1 *хлопотливой* → *хлопотливой*, -- ст. 6 *покой* → *покой*,

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 56 (датировано: «Въ 1842 и въ 1843»; в ст. 10 иное написание окончания: «богоизбранной»); № 41. Л. 7 об. (карандашом надписано: «Лирическое стихотворенье») — с поправкой в ст. 7:

7 Но вотъ къ борьбѣ [глухой вашъ] вашъ дикой голосъ

Эта копия впервые учтена в Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 305) и выбрана М. Л. Гофманом в качестве источника публикации (Т. I. С. 167; в ст. 7 иное написание окончания: «дикiй»), так как Гофман ошибочно считал, что исправление в ст. 7 внесено рукой Боратынского.

Еще одна копия, неустановленным почерком: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 6.

Стихотворение должно было войти в подборку, подготовленную И. С. Тургеневым для 10-го номера «Современника» 1854 г. (описание публикации см. в примечаниях к № 216—217, 220, 222, 224—226, 228—229), — оно упомянуто в рукописном варианте предисловия (ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 196. Л. 164—165; *Блинчевская М. Я.* Стихотворения Баратынского // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. 1. М.; Л., 1964. С. 239), однако, по неустановленным причинам, не было опубликовано в журнале, как и стихотворение «Когда, дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227), также упомянутое в рукописи предисловия.

Ст. 1—4 и 9—12 впервые опубликованы: Русская беседа. 1859. Кн. 14. № 2 (ценз. разр. 20 марта 1859). Отд. I. Изящная словесность. Стихотворения. С. 1 (1-й пагинации) — подпись: *Е. Баратынскій*, ст. 2 и 4 — разночтения:

2 Спасибо, недруги мои!

4 Ужъ пилъ забвенія струи.

Публикация сопровождалась редакторской заметкой: «Стихи эти присланы намъ П. И. Б—ымъ изъ Дрездена, при слѣдующемъ замѣчаніи: „Живя въ Москвѣ, Баратынскій нѣсколько мѣсяцевъ сряду не могъ ничего писать и все жаловался на скуку. Вдругъ журнальныя рецензіи, въ которыхъ почти никогда не отдавалось должной цѣны его произведеніямъ, или какія-то другія непріятности, пробудили его изъ этого усыпленія. Онъ снова и дѣятельно принялся за работу, и когда его разъ спросили, отчего произошла въ немъ такая быстрая перемѣна, онъ отвѣчалъ прилагаемымъ осьмистишіемъ, случайно уцѣлѣвшимъ въ памяти одной дамы, которая была коротко знакома съ Баратынскимъ. Съ ея позволенія я не преминулъ записать этѣ восемь строкъ, потому что и въ нихъ, хотя онѣ, можно сказать, обронены мимоходомъ, видна художественная замашка дорогаго, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненнаго поэта. Мнѣ кажется, что этимъ стихамъ не слѣдуетъ пропасть, какъ пропадаетъ многое, и потому я рѣшился послать ихъ вамъ. Пусть и они войдутъ въ полное собраніе сочиненій Баратынскаго, такъ давно ожидаемое почитателями его таланта“» (С. 1).

Корреспондент «Русской Беседы», приславший стихи из Дрездена, — П. И. Бартенев; «дама», сообщившая ему стихи Боратынского, очевидно, К. К. Павлова, с весны 1858 г. жившая в Дрездене и в ноябре того же года встречавшаяся с Бартеневым (отмечено Ю. Н. Верховским — *Верховский 1935*. С. 118).

Впервые опубликовано полностью: Изд. 1869. С. 168.

Датируется предположительно, на основании указания в альбоме Н. Л. Боратынской.

Русская беседа 1859. С. 1 (публикация ст. 1—4 и 9—12 с разночтениями в ст. 2 и 4). — *Изд. 1869. С. 168* и *Изд. 1884. С. 272* (полный текст стихотворения; датировка: 1842—1843); *Изд. 1869. С. 216* и *Изд. 1884. Приложения. С. 40* (варианты по тексту «Русской беседы» в ст. 2 и 4; в ст. 4 опечатка: «струю» вместо «струи»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 167* (текст по копии Н. Л. Боратынской [ныне ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 7 об.], в ст. 7: «вашъ дикій» вместо «глухой вашъ»), *305—306* (указан источник публикации — копия Н. Л. Боратынской; номер стиха с разночтением указан неверно: 9 вместо 7; отмечена

публикация в «Русской беседе»; при перепечатке сопроводительной заметки раскрыты инициалы П. И. Бартенева; датировка: предположительно 1842). — *Изд. 1936. Т. I. С. 243* (текст по *Изд. 1914—1915*; в ст. 7: «ваш дикий голос», в ст. 10 «еврей» — со строчной буквы — так стихотворение напечатано во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 280* (некорректные сведения о первой публикации в «Русской беседе» — в журнале стихотворение было опубликовано частично; датировка: 1841—1842). — *Изд. 1945. С. 177* (датировка: 1842). — *Изд. 1957. С. 196—197* (в ст. 4 «летийские» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1842? — повторено в *Изд. 1989*). — *Изд. 1989. С. 217, 429* (отмечено разночтение с *Изд. 1869*, но стих, имеющий иное чтение, указан неверно: 9 вместо 7).

224

Опять весна, опять смѣется лугъ
И веселъ лѣсъ своей младой одеждой,
И поселянъ неутомимый плугъ
Браздитъ поля съ покорствомъ и надеждой.

Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей,
Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды,
Ужь дольной міръ уходитъ отъ очей,
Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды.

Ужъ та зима главу мою сребритъ,
Что грѣетъ сѣвъ для будущаго міра,
Но прагъ земли не перешелъ піитъ,
Къ ея сынамъ еще взываетъ лира.

Великъ Господь! онъ милосердъ, — но правъ:
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья;
Прощаетъ онъ безумію забавъ,
Но никогда пирамъ злоумышленья.

Кого измялъ души моей порывъ,
Тотъ вызвать могъ меня на бой кровавой,
Но подо мной сокрытый ровъ изрывъ,
Свои рога вѣнчалъ онъ злобной славой!

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.

Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я,
Да кряжъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосенъ.

И пусть, простяся съ лирою моей,
Я вѣрую: ее замѣнятъ эти,
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучіе и сумрачные дѣти!

<Вторая половина 1842— первая половина 1843 ?>

224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 54—54 об.; с исправлениями: в ст. 2 *одеждой → одеждой,* -- ст. 7 *очей → очей,* -- ст. 9 *сребритъ → сребритъ,* -- ст. 10 *міра → міра,* -- ст. 11 *піитъ → піитъ,* -- ст. 17 *порывъ → порывъ,* -- ст. 21 *племенамъ → племенамъ,* -- ст. 23 *сердцамъ → сердцамъ,* (по аналогии с пунктуацией в сборнике «Вчера и сегодня») -- ст. 26 *крящь → кряжъ* (по автографу)

Последняя строфа записана отдельно под чертой, в основном тексте — вариант заключительного четверостишия с иным чтением ст. 29—30:

29 Пусть [думаю] вѣрую простясь я съ лирою моей
30 Что нѣкогда ее замѣнятъ эти

В другой копии Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 8 об.—9; см. ниже) к ст. 29 сделано примечание: «Этотъ стихъ невозможно было разобрать но примѣнились ко смыслу съ тѣми словами которые были не такъ связно написаны». Слова «невозможно было разобрать» относятся, очевидно, к черновому автографу стихотворения.

Черновой автограф, на отдельных листах большого формата, вместе с черновыми набросками стихотворения «Надъ дерзновенной головою...» (№ 225.2): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 1—1 об., 2, 3, 4, 6. Факсимиле еще одного листа черновика — Изд. 1869, на вклейке (по указанию М. Л. Гофмана, эта, ныне утраченная, часть чернового автографа принадлежала принцу А. П. Ольденбургскому — см. Изд. 1914—1915. Т. I. С. 306).

Автограф дает связное чтение ст. 1—20 (Л. 1 об.), отраженное в сохранившихся копиях; ст. 21—32 представлены несколькими черновыми вариантами.

Первые наброски Боратынский сделал на л. 1, где находится связный черновик первых трех строф (ст. 1—12), но уже в последней из них была начата интенсивная правка. Следующие две строфы, черновики которых также располагаются на л. 1, здесь окончательной обработки не получили — пять начальных строф Боратынский перебелил уже на обороте листа (Л. 1 об.). Работа над последующими строфами велась на нескольких листах; сохранившиеся наброски носят следы многослойной правки, которая в большинстве случаев осталась незавершенной. Ст. 21—24 были намечены еще на л. 1 об., затем, по-видимому, перенесены на л. 4. Наиболее законченный вид последние строфы приобрели на л. 3, где Боратынский пробовал несколько связных вариантов 6-й и 7-й строф, однако, судя по всему, остался ими недово-

лен и предпринял их новую переработку на л. 6. Еще один вариант 7-й строфы, где впервые появился образ «плодоносного кряжа», и набросок финальных строк были записаны на отдельном листе.

Подробную расшифровку чернового автографа предприняла И. Н. Медведева-Томашевская при подготовке Изд. 1936 (ОР РГБ. Ф. 645. Карт. 25. № 3. Л. 4 об.— 40 об.), однако в издании был опубликован лишь небольшой фрагмент черновика (варианты ст. 25—28; Изд. 1936. Т. II. С. 142). Сохранились также рабочие материалы М. Л. Гофмана с расшифровкой черновика: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73. Л. 216—219 об.

В помещенной ниже сводке, опирающейся на расшифровки Медведевой и Гофмана, приводим только варианты, поддающиеся уверенному прочтению.

I. Авторская сводка ст. 1—20 (Л. 1 об.), далее переходящая в черновик:

Опять весна; опять смѣется лугъ
И веселъ лѣсъ своей младой одеждой
И поселянъ неутомимый плугъ
Браздитъ поля съ покорствомъ и надеждой.

Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей
Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды;
Ужь здѣшній міръ уходитъ изъ очей:
Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды

Ужъ та зима главу мою сребритъ,
Что грѣетъ сѣвъ для будущаго міра
Но прагъ земли не перешелъ піитъ
Къ ея сынамъ еще взываетъ лира

Великъ Господь! онъ милосердъ; но правъ!
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья
Прощаетъ всѣ ли <?> оргіи забавъ,
Но никогда утѣхъ злоумышленья!

Толкнулъ глупца души моей порывъ:
Онъ вызвать могъ меня на бой кровавый,
Но подо мной сокрытый[2] ровъ изрывъ
Свои рога вѣнчалъ онъ подлой славой.

II. Черновые варианты ст. 1—20 (основной черновик на Л. 1):

ст. 1—4

А Еще весна опять [въ] передо мной
Блистаетъ <?> лѣсъ одеждой обновленной
И зеленъ лугъ

[2] Исправлено из «подземный ровъ изрывъ», эпитет «подземный» остался невычеркнутым.

Б Еще весна опять[3] и снова зеленъ <?> лугъ
И веселъ лѣсъ своей надеждой <?>

В Еще весна опять и снова зеленъ <?> лугъ
И веселъ лѣсъ младой своей одеждой
Браздитъ поля железный плугъ
а. Браздитъ <нрзб> <нрзб> плугъ
Одушевленъ веселою надеждой

Г Опять весна; опять смѣется лугъ
И веселъ лѣсъ своей младой одеждой
И поселянъ неутомимый плугъ
а. Опять <нрзб> неутомимый плугъ
Браздитъ поля съ покорствомъ и надеждой.

ст. 5—8

Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей[4]
Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды
Ужъ дольный <?> міръ уходитъ отъ очей
а. Начато До времени <?>
Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды

ст. 9—10:

А Но бодръ еще всевидящій слѣпецъ
<Нрзб>

Б Ужъ та зима главу мою сребритъ
а. Мою главу сребритъ ужъ та зима
Гдѣ зрѣетъ сѣвъ ужъ для другова міра
Но я живу

ст. 11—12:

Но прагъ земли не перешелъ піитъ
а. Но велика Всевышнего <нрзб>
Къ сынамъ ея еще вз<ывастъ?> лира

ст. 13—16:

Великъ Господь! онъ милосердъ! но правъ
Нѣтъ на землѣ ничтожности <?> мгновеній <?>
Прощаетъ < > безумію <?> забавъ
Но никогда безумству <?> размышленій <?>

---

[3] В рукописи это слово оставлено незачеркнутым.
[4] Над строкой сделано исправление: «Но нѣтъ уже въ душѣ моей весны»

ст. 17—19

<Нрзб> врага души моей <нрзб>
Онъ вызвать могъ меня на бой кровавой
Но подо мной незримый ровъ изрывъ

III. Черновые варианты ст. 21—28

ст. 21—24

1) начальные наброски ст. 21—24 на Л. 1 об.

ст. 21—22:

Я дни извелъ стучась къ сердцамъ людей
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ

ст. 23—24

возвышенныхъ страстей
<нрзб> высокъ но пустъ новѣйшихъ <нрзб> колосъ
Довольно! [можетъ быть] еще ты

2) продолжение работы над ст. 21—24 на Л. 4

А Высокъ, но пустъ племенъ новѣйшихъ колосъ

Б Имъ дочь небесъ гармонія чужда
а. [Имъ] [Гармонія чужда]
Начато Молчи же Фебъ! <нрзб>
Сихъ книжниковъ не будетъ и слѣда;
И на землѣ лучи твои <нрзб>
Ихъ не найдутъ, и нынѣ вотъ зачѣмъ
а. Ихъ не найдутъ, и вотъ за чѣмъ
Начато Покоренъ имъ
а. Подавленъ имъ
Бросаетъ <?> же младые племена!
О мать земля!

В Я дни извелъ стучась къ сердцамъ людей

Г Меня прельстилъ порфирою своей
Свѣтъ новый свѣтъ <?> пустой хоть гордой кол<осъ>
Я дни извелъ стучась къ сердцамъ людей
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ

3) авторская сводка с правкой (Л. 3)

А Ласкалъ душой все любящей моей
Я <нрзб> пусто<цвѣтный> колосъ
Я дни извелъ стучась къ сердцамъ людей
Всѣхъ лучшихъ чувствъ я подавалъ имъ голосъ.

Б Ласкалъ душой все любящей моей
Поэзии простой < > колосъ
а. Всякъ на землѣ имущій тощій колосъ
Извелъ я дни стучась къ сердцамъ людей
Всѣхъ думъ благихъ я подавалъ имъ голосъ

4) варианты ст. 21—24 в утраченной части черновика (Изд. 1869)

Душой моей летѣлъ я къ племенамъ:
а. Я къ братіямъ летѣлъ душой моей
Любилъ < > колосъ
Я дни извелъ стучась къ людскимъ сердцамъ
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ

ст. 25—28

1) начальные наброски строфы на Л. 4

Отвѣта нѣтъ! о мать земля....
О мать земля! смотри уже....
<нрзб>
Зародыши дубовъ несетъ...

2) продолжение черновой работы на Л. 3

А Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я
Но сынъ земли <нрзб> душой незлобный
Б Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я
Но <нрзб> любя любовію загробной
Все полнится <?> еще душа моя
<Нрзб> Эпохой преподобной

В Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я
Но не мечту; печальный но не злобный
а. Но не мечту! Печальный, но не злобный
Дождусь дождусь единый судія
а. *Начато* Еще живу!
б. И <нрзб> верховный судія
Въ Элизіи эпохи преподобной!
а. *Начато* Въ Элизіи дождусь ихъ <нрзб>

3) авторская сводка с правкой на Л. 6

Понятія возвышенныхъ страстей
О мать земля! твой высшій плодъ <?> несносенъ
Прими жъ прими жъ ты изъ руки моей
Зародыши дубовъ елей и сосенъ

Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ лиру я
Но на землѣ лелѣя міръ загробный
Еще <...> живетъ душа моя
Понятіемъ <?> о эрѣ преподобной

4) другой вариант ст. 25—28 (Л. 2)[5]

А между тѣмъ не пѣснями весна
Мной встрѣчена: мнѣ лирный строй несносенъ
Рука моя бросаетъ семена
Не спѣлыхъ думъ, но елей, сосенъ

5) варианты ст. 25—28 в утраченной части черновика (Изд. 1869)

А Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я....
И кряжъ иной мнѣ будетъ плодоносенъ
а. Вѣкъ для другихъ да будетъ плодоносенъ

Б Не песнями мной встрѣчена весна!

В Отвѣта нѣтъ отвергнулъ струны я!
а. Отвѣта нѣтъ отвергнулъ лиру я!

Г Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я
Да кряжь другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И въ день весны несетъ рука моя
а. Зародыши несетъ рука моя
Зародыши...
а. Дубовъ и сосенъ <?>
б. Медлительныхъ <?> дубовъ и сосенъ

Д Не гимнами встрѣчаю я весну:
Зародыши бросаю елей, сосенъ

Е Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я
Но не мечту; печальный но не злобный
Живу: <нрзб>
Понятіемъ эпохи преподобной.

---

[5] Л. 2 современной нумерации представляет собой нижнюю часть обрезанного Л. 3; таким образом, этот фрагмент был записан как непосредственное продолжение черновика на Л. 3 (см. выше).

ст. 29—32 (Изд. 1869)

Чтобъ <нрзб> надъ лирою моей
Что нѣкогда ее <   > смѣнятъ <?> эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучіе и сумрачные дѣти

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие первоначальной записи в альбоме «Souvenir»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 56 об. (в ст. 22 «колоссъ», в ст. 29—30: «Пусть вѣрую простясь я съ лирою моей / Что нѣкогда ее замѣнятъ эти»; — так же во всех остальных копиях); № 41. Л. 8 об.—9 (заглавие: «Лѣсъ. Элегія, 50» — записано карандашом; в ст. 28 разночтение: «Зародыши дубовъ, елей и сосенъ»; в ст. 19 описка: «рой» вместо «ровъ», после финальной строфы — строфа отточий); № 42. Л. 47 об.—49 (заглавие: «Лѣсъ»; в ст. 28 то же разночтение, что в предшествующей копии; в ст. 19 иное написание окончания: «сокрытой»).

Копия А. Е. Боратынской, соответствующая чтению большинства копий Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 2—2 об. (чтение ст. 22 и ст. 29—30 совпадает с предшествующими копиями; в ст. 11 описка: «прахъ» вместо «прагъ»; в ст. 7 и 18 иное написание окончаний: «дольній», «кровавый»).

Копия неустановленным почерком, также соответствующая чтению большинства копий Н. Л. Боратынской: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 5 (чтение ст. 29—30 совпадает с предшествующими копиями; в ст. 23 разночтение: «Я дни провелъ стучась къ чужимъ сердцамъ»; ст. 29 отчеркнута; в ст. 11: «прахъ» вместо «прагъ», в ст. 7 и 18 иное написание окончаний: «дольній», «кровавый»).

Впервые опубликовано: Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный Гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Кн. 2. СПб., 1846 (ценз. разр. 15 февраля; ценз. билет 17 февраля — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 278. Л. 10 об.). С. 68—69 — заглавие: «Опять весна», подпись: *Е. Баратынскій.*

Стихотворение сопровождалось примечанием: «Эти стихи были набросаны Е. А. Баратынскимъ въ то время, какъ онъ сажалъ въ деревнѣ сосновую рощу. — Хотя видно, что они не совсѣмъ еще были отдѣланы, но въ нихъ выражается та самоцвѣтная поэзія, которая знаменовала всѣ творенія нашего поэта, и читатели вѣрно не посѣтуютъ за помѣщеніе ихъ въ моемъ Сборникѣ. *Зам.<ѣчаніе> Изд.<ателя>*».

Судя по разночтениям публикации, она восходит к копиям Н. Л. Боратынской. В ст. 29—30 вариант большинства копий: «Пусть вѣрую, простясь я съ лирою моей, / Что нѣкогда ее замѣнятъ эти»; в ст. 26 «хрящь» вместо «крящь»; в ст. 7 и 18: «дольный», «кровавый», в ст. 19 опечатка: «надо мной» вместо «подо мной».

Из сборника «Вчера и сегодня» стихотворение было полностью перепечатано в «Русском инвалиде» (1846. № 59. 14 марта. С. 234; с сохранением заглавия и опечатки в ст. 19) и «Современнике» (1846. Т. XLII. № 4. С. 109—110; без заглавия и с исправлением ошибки в ст. 19); об этих публикациях см. также: *Грот. Плетнев. Переписка.* Т. 2. С. 710, 719, 728—729.

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 56 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 155—156 (1-й пагинации) — текст с соответствующими разночтениями в ст. 29—30; в ст. 26: «кряжъ», в ст. 7 и 18: «дольній», «кровавый».

В собраниях сочинений Боратынского стихотворение печатается, начиная с Изд. 1869.

Датируется предположительно второй половиной 1842 — первой половиной 1843 г. Реальным поводом для написания стихотворения, судя по всему, стала посадка леса в Муранове — см. издательское примечание во «Вчера и сегодня» и указание Плетнева: «Баратынскій это писалъ, насадивши въ деревнѣ рощу изъ дубовъ и елей...» (*Грот, Плетнев. Переписка*. Т. 2. С. 729). Соответствующий сюжет несколько раз возникает в письмах Боратынского весны — осени 1842 г.: «Я на хозяйстве. <...> Осенью буду садить деревья» (письмо Путятам от конца мая 1842 г.), «Этой осенью я испытаю наслаждение, прежде мне неизвестное, — буду сажать деревья» (письмо А. Ф. Боратынской лета 1842 г.); «Обстоятельства удерживают меня теперь в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и прекрасной окружающей меня природе <...>» (письмо Плетневу от 10 августа 1842 г. — *Летопись*. С. 386, 388, 390—391). На этих основаниях нижней границей создания стихотворения следует считать осень 1842 г. Косвенным подтверждением этой датировки может служить то обстоятельство, что для черновиков стихотворения использована такая же бумага, как и для поправок к поэме «Цыганка» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 50), датируемых 1842 г. на основании помет во всех известных копиях Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 [альбом «Souvenir»]. Л. 61—76; № 40. Л. 47—56; № 41. Л. 10—44; впервые отмечено М. Л. Гофманом). Однако нельзя исключить, что стихотворение было написано зимой 1842—1843 гг. или весной 1843 г. — до начала сборов Боратынских в заграничное путешествие.

Тургенев 1854. С. 155—156 (текст по копии Н. Л. Боратынской). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена публикация во «Вчера и сегодня»). — *Изд. 1869. С. 169—170* (текст по альбому «Souvenir»; последняя строфа — по варианту, приписанному ниже основного текста, со смыслоразличительными отличиями в пунктуации в ст. 29 [«И пусть! Простяся съ лирою моей»]; заглавие «На посѣвъ лѣса»; с разночтениями: в ст. 20 «грозной» вместо «злобной», в ст. 26 «хрящъ»; в ст. 7 иное написание окончания «дольный», в ст. 11 опечатка: «землѣ» вместо «земли» [отмечено в списке опечаток]; датировка: 1842—1843), *216* (варианты ст. 29—30 по тексту «Вчера и сегодня»). — *Изд. 1884. С. 274—275* (текст *Изд. 1869* с исправлением опечатки в ст. 11 и иным написанием окончания в ст. 19: «сокрытой»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 167—168* (текст по черновому автографу; заглавие: «(На посѣвъ лѣса)»; в ст. 7 «Ужъ здѣшній міръ уходитъ изъ очей», в ст. 17—18 «Толкнулъ глупца души моей порывъ, / Онъ вызвать могъ меня на бой кровавой», в ст. 20 «падшей» вместо «злобной», в ст. 26 «кряжъ»; в ст. 28 «Зародыши дубовъ, елей и сосенъ», ст. 29—30 как в тексте «Вчера и сегодня»; датировка: 1842), *306—307* (указан источник публикации: черновики из Казанского архива [ныне ПД], а также часть черновиков, принадлежавшая принцу А. П. Ольденбургскому [не разысканы]; приведены варианты «Вчера и сегодня» в ст. 7, 17—18, 20; отмечены копии Н. Л. Боратынской, перепечатка в «Современнике» 1854 г., варианты Изд. 1869 и Изд. 1884 в ст. 20, 29—30), *вклейка между С. 168—169* (факсимиле Л. 1 и Л. 1 об. чернового автографа). — *Изд. 1936. Т. I. С. 245—246* (текст по *Изд. 1884* с исправлением ст. 20: «падшей» [как в *Изд. 1914—1915*]; заглавие «На посев леса»; с опечаткой в ст. 5 [«в душей»] и с иным написанием отдельных слов: в ст. 7 [«дольний»]; в ст. 26 [«хрящь»], в ст. 13 «господь» со строчной буквы — так же текст

печатается во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 142* (варианты ст. 25—28 по черновому автографу — повторено в *Изд. 1989*). — *Изд. 1951. С. 310—311* (текст *Изд. 1936* с исправлением опечатки в ст. 5 и иным написанием окончаний в ст. 7 [«дольный»] и в ст. 18 [«кровавый»] — так же во всех последующих изданиях), *586* (источником публикации неверно названо *Изд. 1914—1915*: в действительности воспроизведен текст *Изд. 1936*; датировка: 1842). — *Изд. 1957. С. 198—199* (датировка: 1843?), *375* (отмечено местонахождение автографа — ПД), *вклейка между С. 192—193* (факсимиле Л. 6 чернового автографа). — *Изд. 1982. С. 341—342, 492* (отдельные варианты по черновому автографу в ст. 2, 17—28 — повторено в *Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 218* (датировка: 1842?). — *Изд. 2000. С. 297—298* (в ст. 17 «Господь», в ст. 19 «Он» с заглавных букв).

225

1

Люблю я васъ Богини пѣнья!
Но вашъ чарующій находъ,
Сей сладкой трепетъ вдохновенья,
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.

Любовь Каменъ съ враждой фортуны
Одно. Молчу! боюся я
Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили бы перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

И отрываюсь полный муки
Отъ музы ласковой ко мнѣ
И говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

<1842—1843 ?>

2

Ранняя редакция

Надъ дерзновенной головою,
Какъ надъ землей скопленный паръ,
Нависли тучи надо мною
И за ударомъ бьютъ ударъ.

Я бросилъ мирную порфиру,
Боюсь явленья бога струнъ,
Чтобъ персты, падшіе на лиру,
Не пробудили бы перунъ.

И отрываюсь, полный муки,
Отъ музы ласковой ко мнѣ
И говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

<1842—1843 ?>

225.1. «Люблю я васъ Богини пѣнья...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 52; с исправлениями: в ст. 1 *пѣнья* → *пѣнья!* -- ст. 7 *струны* → *струны,* -- ст. 8 *перуны* → *перуны,*

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту в альбоме «Souvenir»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 56 об. (датировано: «Въ 1842 и въ 1843); № 41. Л. 1 (заглавие: «Перуны. Элегія» — вписано карандашом); № 42. Л. 41 (заглавие: «Перуны»); РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 5.

Еще одна копия, также соответствующая тексту в альбоме «Souvenir», неизвестной рукой: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 6 — в ст. 3: «сладкій» и в ст. 4 разночтение: «Предтеча» вместо «Предтечей».

Впервые опубликовано по копии Н. Л. Боратынской, присланной ею П. А. Плетневу: Современник. 1844. Т. XXXVI. № 12 (ценз. разр. 1 декабря, ценз. билет 27 ноября — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 57 об.). С. 370 (подпись: *Евгеній Баратынскій*) — с иным написанием отдельных слов: в ст. 1: «богини», ст. 5: «Фортуны», ст. 11: «Музы» и с разночтением в ст. 8:

8 Не пробудили вновь перуны,

Копия Н. Л. Боратынской, послужившая источником публикации, на отдельном листе, прилагавшемся к письму Плетневу от 12 ноября 1844 г. (ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 1—2 об.; датировка по штемпелю): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25 (подписано: *Евгеній Баратынской*) — с иным написанием отдельных слов относительно «Современника»: в ст. 5 «фортуны» и в ст. 11 «музы» — со строчной буквы (так же, как в остальных копиях). В верхней части листа рукой Плетнева помета «напеч<атана>», на обороте листа — запись стихотворения «Молитва» (№ 230). Рукой Н. Л. Боратынской в текст копии внесены исправления, перешедшие в печатный текст:

1 Люблю я васъ [Б]богини пѣнья
6 Одно. Молчу[!]. [б]Боюся я
8 Не пробудили [бы] вновь перуны,

Исправления Н. Л. Боратынской не находят соответствия ни в одном из известных источников, а сопоставление с чтением других копий позволяет предполагать, что эта правка, носящая редакторский характер, принадлежит вдове поэта, а не восходит к утраченным рукописям Боратынского (подробнее см. в сопроводительной статье).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 56 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 148—149 (1-й пагинации) — с иным написанием отдельных слов (в ст. 1 «богини», в ст. 5 «каменъ») и с разночтениями, вероятно, отражающими редакторское вмешательство Тургенева:

3 Сей сладкій трепетъ вдохновенья —
4 Предтеча жизненныхъ невзгодъ.
7 Чтобъ персты, павшіе на струны,
10 И отрываясь, полный муки,
12 Я говорю: до завтра звуки —

Датируется предположительно, по соотношению с ранней редакцией (см. ниже).

225.2. «Надъ дерзновенной головою...» *Ранняя редакция*

Печатается по тексту первой публикации: Изд. 1936. Т. II. С. 142 (сводка по черновому автографу Е. Н. Купреяновой) — с восстановлением орфографии по автографу.

Черновой автограф, среди набросков стихотворения «Опять весна, опять смѣется лугъ...» (№ 224): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 6 об.

Расшифровку чернового автографа впервые предпринял М. Л. Гофман в подготовительных материалах к Изд. 1914—1915 (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73. Л. 216 об.—217), однако он смог прочесть лишь ст. 6—12 и отдельные словосочетания в следующей строфе и в издание этот фрагмент не включил.

Наиболее полная расшифровка черновика была подготовлена Ю. Н. Верховским (*Верховский 1935*. С. 119). Чтение первых трех строф совпадает со сводкой Е. Н. Купреяновой. Последующие обрывочные фрагменты, не дающие связного чтения (ср. Изд. 1936. Т. II. С. 142):

И
Я музу
Но рядом с ней идут
я знаком
Полночный

В Изд. 1957 (С. 375) также приведена расшифровка первых двух строф чернового автографа — с иным чтением ст. 3—5:

3 Нависли тучи надо мною,
4 И за ударом бьет удар.
5 Я бросил лирную порфиру.

Датируется предположительно, по расположению чернового автографа, записанного на тех же листах, что и наброски стихотворения «Опять весна, опять смѣется лугъ...» (№ 224), датируемого второй половиной 1842 — первой половиной 1843 г.

Тургенев 1854. С. 148—149 (текст по копии Н. Л. Боратынской с разночтениями в ст. 3—4, 7, 10, 12). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена публикация 1844 г. в «Современнике»). — *Изд. 1869. С. 168—169* и *Изд. 1884. С. 273* (текст по копиям Н. Л. Боратынской из семейного архива [ныне ПД. Ф. 33; РГАЛИ. Ф. 394]; в ст. 1 «богини», в ст. 5 «Фортуны», в ст. 11 «Музы»; в ст. 3 «сладкій» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1842—1843); *Изд. 1869. С. 216* и *Изд. 1884. Приложения. С. 40* (вариант «Современника» 1844 г. в ст. 8). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 168—169* (текст по копии Н. Л. Боратынской [ныне РГАЛИ], ошибочно названной автографом, в ст. 5 «Фортуны»), *307* (отмечены другие копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Перуны»; датировка: предположительно 1843). — *Изд. 1936. Т. I. С. 244* (текст по «Современнику» 1844 г. — так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1951*; в ст. 11 «музы» — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 142* (приведены ст. 1—12 ранней редакции), *280* (описание автографа ранней редакции), *вклейка между С. 144—145* (воспроизведение автографа ранней редакции). — *Изд. 1945. С. 101* (текст *Изд. 1936*; датировка: 1844 — повторено в *Изд. 1957*). — *Изд. 1951. С. 309* (текст по *Изд. 1884*). — *Изд. 1957. С. 199* (текст «Современника», в ст. 5 «камен» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях), *375—376* (указано местонахождение автографа — ПД, приведена иная расшифровка двух слов в ст. 4 и 5 — повторено в разделе «Варианты» *Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 343* (в ст. 1 «Богини» с заглавной буквы). — *Изд. 1989. С. 430* (датировка: предположительно 1843).

226

Когда твой голосъ, о Поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановитъ,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловитъ;

Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронетъ?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонетъ,

И тихій гробъ твой посѣтитъ,
И надъ умолкшей Аонидой
Рыдая пепелъ твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой?

Никто! — но сложится пѣвцу
Канонъ намеднешнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

<Не позднее начала ноября 1843>

226. «Когда твой голосъ, о Поэтъ...»

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Современник. 1843. Т. XXXII. № 12 (ценз. разр. 30 ноября; ценз. билет 1 декабря — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 275. Л. 60). С. 354 — подпись: *Е. Баратынскій*, редакторское заглавие: «Когда твой голосъ».

Автограф неизвестен.

Копия С. А. Соболевского, послужившая источником публикации, на отдельном листе: ПД. № 16033. Л. 1 (на другой стороне листа записано стихотворение «Котеріѣ» — № 221.3). Заглавие «Когда твой голосъ» и подпись «*Е. Баратынскій*» — рукой П. А. Плетнева, более темными чернилами; ему же принадлежат чернильные исправления отдельных букв и пунктуационные поправки: в конце ст. 1 и 15 доставлены запятые («Когда твой голосъ, о Поэтъ,» и «Уже кадящимъ мертвецу,») в ст. 6 и 8 переправлены знаки препинания («Во глубинѣ сердечной тронетъ [;]?»,Стѣсненной грудію возстонетъ [?],»). Над текстом, также рукой Плетнева карандашная помета: «Напечатан<а>». По всей видимости, стихотворения были посланы Боратынским

из-за границы в письме Соболевскому, который переписал их на отдельном листе для передачи в журнал Плетнева.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Современника»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 53 (без заглавия); № 40. Л. 56 (без заглавия; датировано: «Въ 1842 и въ 1843»); № 41. Л. 1—1 об. (заглавие: «Память Поэту. Элегія» — записано карандашом); № 42. Л. 39 об. (заглавие: «Память Поэту»).

Еще одна копия, также соответствующая тексту «Современника», неустановленным почерком: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 5 об. (без заглавия).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 56) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 147—148 (1-й пагинации) — под заглавием «На смерть Лермонтова» и ошибочным указанием, что стихотворение «появляется въ первый разъ» (С. 147).

Датируется по первой публикации с учетом времени доставки почты из Германии и Франции, где Боратынский находился в октябре — начале ноября 1843 г., в Петербург (подробнее см. *Бодрова 2010*. С. 111—112, 126).

Тургенев 1854. С. 147—148 (текст по копии Н. Л. Боратынской под заглавием «На смерть Лермонтова»; в ст. 1 «поэтъ», в ст. 14 «намеднишнимъ»). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена первая публикация в «Современнике» 1843 г.), *115* (указано, что стихотворение написано в 1841 году на смерть Лермонтова). — *Изд. 1869. С. 167—168* и *Изд. 1884. С. 271* (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской, без разделения на строфы; заглавие: «Память Поэту»; в ст. 14 «намеднишнимъ» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1842—1843). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 165* (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской под заглавием «Память Поэту»; датировка: 1841), *303* (отмечена перепечатка стихотворения в «Современнике» 1854 г.; основание датировки — свидетельство М. Н. Лонгинова). — *Изд. 1936. Т. I. С. 240* (текст по «Современнику» 1843 г. без заглавия — так же во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 277—278* (оспорена связь стихотворения со смертью Лермонтова; датировано 1842—1843; неверно указано место первой публикации: № 10 вместо № 12). — *Изд. 1945. С. 178* (датировка: 1843). — *Изд. 1951. С. 312, 586* (неверно указано место первой публикации: Современник. Т. XXII вместо XXXII). — *Изд. 1957. С. 197—198* (текст по «Современнику», без заглавия, в ст. 1 «поэт»; датировка: <1843>), *374—375* (номер «Современника» указан неверно: № 4 вместо № 12 — повторено в *Изд. 1982, Изд. 2000*). — *Изд. 1982. С. 340* (текст по «Современнику» 1843 г. без заглавия; в ст. 1 и ст. 14 «поэт» и «зоилом» со строчной буквы — так же в *Изд. 1989, Изд. 2000*).

227

Когда дитя и страсти и сомнѣнья
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя —
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.

Ты смѣлая и кроткая со мною
Въ мой дикой адъ сошла рука съ рукою:
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь!

О сколько разъ къ тебѣ святой и нѣжной
Я приникалъ главой моей мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь!

<Середина ноября 1843 — конец марта 1844>

227. «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 38 об.; с исправлениями по аналогии с пунктуацией в «Современнике»: в ст. 2 *тебя* → *тебя —* -- ст. 3 *волненья* → *волненья,* -- ст. 4 *полюбя* → *полюбя.* -- ст. 6 *рукою* → *рукою:* -- ст. 9 *мятежной* → *мятежной,*

Автограф неизвестен.

В альбоме «Souvenir» рукой Н. Л. Боратынской была сделана вторая копия стихотворения (№ 38. Л. 51 об.), содержавшая, вероятно, еще одну строфу, однако весь текст был выскоблен и затем зачеркнут, так что надежно читаются только отдельные слова.

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие записи в альбоме «Souvenir»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 37; № 41. Л. 6 об. (с подзаголовком: «Элегія» — вписан карандашом); № 42. Л. 57 об.

Копия С. Л. Путяты (Энгельгардт) на отдельном листе: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 8; копия А. Е. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 3; копия А. Ф. Боратынской, на отдельном листе, вложенном в письмо В. А. Рачинской: РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 525. Л. 14—14 об. Текст всех этих копий соответствует записи в альбоме «Souvenir».

Впервые опубликовано по копии Н. Л. Боратынской, переданной П. А. Плетневу: Современник. 1844. Т. XXXVI. № 10 (ценз. разр. 1 октября; ценз. билет 30 сентября — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 49 об.). С. 109 (заглавие: «Когда дитя»; вместо подписи три звездочки: ***). Текст публикации соответствует копии в альбоме «Souvenir».

Копия Н. Л. Боратынской, послужившая источником публикации, на отдельном листе: ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 24 (текст совпадает с записью в альбоме «Souvenir»). Наверху листа, над текстом рукой Плетнева вписано заглавие: «Когда дитя», а также сделана помета — «напеч<атано>»; под текстом — вместо подписи «***».

В следующем номере журнала появилась редакторская заметка Плетнева, озаглавленная «Для читателей „Современника"»: «Многимъ изъ читателей нашихъ любопытно было узнать имя автора, котораго стихи, начинающіеся словами „*Когда дитя*" и помѣщенные на 109 стран. XXXVI т. Современника, такъ поразительно запечатлѣны глубокимъ и сильнымъ талантомъ. Сколько для дополненія статьи нашей объ *Е. А. Баратынскомъ* (Т. XXXV. стран. 298—329), столько же и для удовлетворенія любопытству читателей, мы за долгъ свой признаемъ объявить, что авторъ этихъ стиховъ тоже Е. А. Баратынскій. Они были написаны имъ въ Парижѣ передъ отъѣздомъ въ Италію» (Современник. 1844. Т. XXXVI. № 11. С. 255—256); в соответствии с этим сообщением Плетнева, в оглавлении XXXVI тома «Современника» указано авторство: «*Когда дитя*. Е. А. Баратынскаго» (подробнее об истории публикации см. в сопроводительной статье).

Датируется временем пребывания Боратынского в Париже — на основании указаний Н. Л. Боратынской (ср. ее письмо к матери поэта от начала сентября 1844 г.: «la petite pièce pour moi a été faite à Paris» [небольшое стихотворение, обращенное ко мне, было написано в Париже] (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2). Скорее всего, к сообщению вдовы восходят пояснение Плетнева в редакторской заметке (см. выше), а также поздние свидетельства Л. Е. Боратынского и Н. В. Путяты: Изд. 1869. С. 395; *Баратынские 1993*. С. 237.

Лонгинов 1864. Стб. 113 (отмечена публикация в «Современнике»). — *Изд. 1869. С. 171* (текст под заглавием «Н. Л. Боратынской», в ст. 6: «дикій»; датировка: 1844), *395—396* (стихотворение полностью приведено в «Материалах для биографии Е. А. Баратынского», в ст. 10 «Небу» с заглавной буквы — повторено в *Изд. 1884*. С. 480). — *Изд. 1884. С. 277* (текст *Изд. 1869*; к заглавию «Н. Л. Боратынской» сделано подстрочное примечание: «Супругѣ поэта»). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 169* (текст по копии С. Л. Путяты; в ст. 6 «дикій» — так же во всех последующих изданиях; датировано: 1844), *308* (источником публикации назван «автограф, хранящийся в бумагах И. Ф. Тютчева [архив сельца Мураново]» — вероятно, автографом ошибочно названа копия С. Л. Путяты [ныне в РГАЛИ]; указано место первой публикации, но ошибочно отмечено, что стихотворение напечатано за подписью Боратынского — повторено в *Изд. 1936*). — *Изд. 1936. Т. I. С. 247; Т. II. С. 282* (датировано: 1844). — *Изд. 1957. С. 199—200, 376* (отмечено, что стихотворение было опубликовано в «Современнике» за подписью «***»). — *Изд. 1982. С. 344* (в ст. 3 опечатка: «решалась» вместо «решилась» — повторена в *Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 219—220* (датировка: январь — февраль 1844). — *Изд. 2000. С. 299* (в ст. 3 опечатка: «волненье» вместо «волненья»), *499* (датировка: зима 1843—1844).

228

Пироскафъ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны.
Вотъ надъ кормою сталъ капитанъ:
Визгнулъ свистокъ его. Братствуя съ паромъ,
Вѣтру нашъ парусъ раздался недаромъ:
Пѣнясь глубоко вздохнулъ океанъ!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роютъ волнистое лоно пучины.
Парусъ надулся. Берегъ исчезъ.
Наединѣ мы съ морскими волнами;
Только-что чайка вьется за нами
Бѣлая, рѣя межъ водъ и небесъ.

Только, вдали, океана жилица,
Чайкѣ подобно водъ его птица,
Парусъ развивъ какъ большое крыло,
Съ бурной стихіей въ томительномъ спорѣ,
Лодка рыбачья качается въ морѣ:
Съ брегомъ набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде-чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!

Съ-дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога;
Жадныя длани я къ ней простиралъ.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадитъ меня немочь морская:
Пѣною здравія брызжетъ мнѣ валъ!

Нужды нѣтъ, близко ль, далеко ль до брега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Ѳетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной!

<Конец апреля — середина июня 1844>

228. Пироскафъ («Дикою, грозною ласкою полны...»)

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1844. Т. XXXV. № 8 (ценз. разр. 1 августа, вышел 22 июля — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 39). С. 215—216 (подпись: *Е. Баратынскій* под текстом: *Средиземное море. 1844*).

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту первой публикации, с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 7 «колесы», в ст. 9 «изчезъ», в ст. 10 «Наѣдинѣ», в ст. 30 «здравья», в ст. 33 «Фетиду», в ст. 34 «ѣмлетъ»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 50; № 40. Л. 37—37 об. (в ст. 30 «здравія» переправлено из «здравья»); № 41. Л. 2—2 об. (карандашом надписано: «Мелкія стихотворенья. Тритцать третье»); № 42. Л. 78—78 об. (3-я строфа переписана дважды; в ст. 10 «Наединѣ»).

Копия А. Е. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 3 об.—4 — с теми же отличиями, что и копии Н. Л. Боратынской за исключением варианта в ст. 9; в ст. 3 «кормой» вместо «кормою».

Копия С. Л. Путяты: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 9—9 об., соответствующая публикации в «Современнике», но в ст. 30 «здравья».

Еще одна копия — неустановленным почерком: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 5—5 об. — с многочисленными отличиями в орфографии (в том числе в ст. 30 «здравія») и разночтением в ст. 14 («Чайкѣ подобна» вместо «Чайкѣ подобно»).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 37—37 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 149—150 (1-й пагинации) — под заглавием «Пароходъ»; в ст. 30: «здравья»; в ст. 11 разночтение (конъектура или ошибка):

11 Только лишь чайка вьется за нами,

Датируется по эпистолярным свидетельствам и дате первой публикации.

Первое упоминание о стихотворении содержится в письме Боратынского к Н. В. и С. Л. Путятам из Неаполя от конца апреля — начала мая с рассказом о морском путешествии из Марселя в Италию: «На корабле, ночью, я написал несколько стихов, которые, немного переправив, вам пришлю, а вас попрошу передать Плетневу для его журнала» (*Летопись*. С. 409). Ср. также сообщение о том, что «Пироскаф» был написан «на пароходе, когда <...> плыли из Марселя в Неаполь...»

в письме Н. Л. Боратынской к матери поэта от начала сентября 1844 г. («celle qui a pour titre Пироскафъ a été écrite sur le bateau à vapeur qui nous a conduits de Marseille à Naples» — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2).

Стихотворение было отослано для публикации в «Современнике» вместе с посланием «Дядькѣ Итальянцу» (№ 229) в одном из писем к Путятам: «Посылаю вам два стихотворения. Отдайте их Плетневу для его журнала (*Летопись*. С. 410; датировка: конец мая — июнь 1844 г.). Крайний срок отправки письма, учитывая примерно месячный срок доставки почты из Неаполя в Петербург, — середина июня (соответствующий номер «Современника» был отпечатан к 19 июля 1844 г.; дата свидетельства из типографии — ОРК НБ СПбГУ, шифр J II 94, инв. номер 13239).

Тургенев 1854. С. 149—150 (текст по копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Пароходъ» с разночтениями в ст. 11 «Только лишь», в ст. 30 «здравья»). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена публикация в «Современнике» 1844 г.). — *Изд. 1869. С. 171—172* (текст, соответствующий первой публикации, с разночтениями: в ст. 14 «Чайкѣ подобна, водъ его птица», в ст. 30 «здравья»; датировка: 1844; в списке опечаток — конъектура Л. Е. Боратынского в ст. 14 «Чайкѣ подобна водъ, его птица»). — *Изд. 1884. С. 278—279* (текст *Изд. 1869*; конъектура Л. Е. Боратынского не принята). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 170—171* (текст, соответствующий копии С. Л. Путяты; в ст. 2 «средиземныя» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях; в ст. 30 «здравья»), *308* (источником публикации назван «автограф, хранящийся в бумагах И. Ф. Тютчева», — по всей видимости, имеется в виду копия С. Л. Путяты [ныне в РГАЛИ]; отмечена первая публикация в «Современнике», датировка: весна 1844, в обоснование датировки приведено письмо Путятам). — *Изд. 1936. Т. I. С. 248—249* (текст, соответствующий напечатанному в *Изд. 1914—1915*, в ст. 23 «марсельских» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях; воспроизведена помета в «Современнике»: «Средиземное море 1844»); *Т. II. С. 282* (неверно указана дата выдачи ценз. разр. «Современнику» 1844 г. — 1 июля).— *Изд. 1951. С. 315—316* (в ст. 14 «чайке подобна»; в ст. 30 «здравья»). — *Изд. 1957. С. 200—201* (в ст. 14 «чайке подобна», в ст. 30 «здравия» — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982. С. 344—345, 668* (со ссылкой на свидетельство Ю. Н. Верховского сообщено, что «автограф <...> находился при письмах к Н. В. Путяте, которые <...> хранятся в ЦГАЛИ» [повторено в *Изд. 2000*], однако в сохранившихся комментариях Верховского, напротив, отмечено, что автографа в Мурановском архиве никогда не было [*Верховский 1935*. С. 119]; скорее всего, имелось в виду ошибочное указание Гофмана — см. выше). — *Изд. 1989. С. 201—202* (датировка: апрель 1844). — *Изд. 2000. С. 299—300* (в ст. 3 «Капитан» с заглавной буквы).

229

Дядькѣ Итальянцу

Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноградъ, лимонъ ея златой
Тревожно бросившій, корыстью уязвленный,
И въ край, суровый край, снѣгами покровенный,
Приставшій съ выборомъ загадочныхъ картинъ,
Гдѣ что-то различалъ и видѣлъ ты одинъ!
Прости нашъ здравый смыслъ: прости! мы та изъ націй,
Гдѣ брату вашему всѣхъ меньше спекуляцій:
Никто ихъ не купилъ. Вздохнувъ, оставилъ ты
Въ глушь сѣвера тебя привлекшія мечты;
За то воскресъ въ тебѣ сей умъ, на все пригодной,
Твой Итальянской умъ, и съ нашимъ очень сходной!
Ты счастливъ былъ, когда тебѣ кое-что далъ
Почтенный, для тебя богатый Генералъ,
Чтобъ, въ силу строгаго съ тобою договора,
Имѣлъ я благодать не-Русскаго надзора.
Благодаря боговъ, съ тобой за этимъ вслѣдъ
Другъ другу не были мы чужды двадцать лѣтъ.

Москва насъ приняла, разставшихся съ деревней.
Ты былъ вожатай мой въ столицѣ нашей древней:
Всѣхъ макаронщиковъ тогда узналъ я въ ней,
Ментора моего полуденныхъ друзей.
Увы! оставивъ тамъ могилу дорогую,
Опять увидѣли мы вотчину степную,
Гдѣ волею небесъ узналъ я бытіе,
О сынъ Авзоніи! для бурь, какъ ты свое;
Но гдѣ, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кровъ обрѣлъ, а позже гробъ спокойной.

Ты полюбилъ, тебя призрѣвшую, семью —
И, съ жизнію ея сливая жизнь свою,

Ея событьями въ глуши чужаго края
Былаго своего преданья заглушая,
Безропотно сносилъ морозы нашихъ зимъ.
Въ нашъ краткій лѣтній жаръ тобою былъ любимъ
Оврагъ подъ сѣнію дубовъ прохладовѣйныхъ.
Участникъ нашихъ слезъ и праздниковъ семейныхъ,
Въ дни траура главой сѣдой ты поникалъ;
Но ускорялъ шаги и членами дрожалъ,
Какъ въ утро зимнее, порой, съ предѣловъ свѣта,
Питомца твоего, недавняго корнета,
Къ колѣнамъ матери кибитка принесетъ —
И скорбный взоръ ея минутно оживетъ.

Но что! радушному предѣлу благодарной,
Нѣтъ! ты не забывалъ отчизны лучезарной!
Везувій, Колизей, гротъ Капри, храмъ Петра,
Имѣлъ ты на устахъ отъ утра до утра;
Именовалъ ты намъ и принцевъ и прелатовъ
Земли, гдѣ зрѣлъ дивясь Суворовскихъ солдатовъ,
Входящихъ, вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,
Что, по твоимъ словамъ, со стогновъ гонятъ псовъ,
Въ густой пыли побѣдъ, въ грозѣ небритыхъ бородъ,
Рядами стройными въ классической твой городъ;
Земли, гдѣ, годъ спустя, тебѣ предсталъ и онъ,
Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ,
Минутный царь царей, но дивный Кондотьери,
Ужъ зиждущій свои гигантскія потери.

Скрывая власти гладъ, тогда морочилъ васъ
Онъ звонкой пустотой революцьонныхъ фразъ.
Народъ ему зажегъ привѣтственныя плошки;
Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки,
Которыя, среди блестящихъ общихъ грезъ,
Ты контрибуціи назначенной принесъ:
Едва ты узнику печальному Британца
Простилъ военную систему Корсиканца.

Что на твоемъ вѣку, то ль благо, то ли зло,
Возникло при тебѣ — въ преданья перешло.
Въ Алпійскихъ молніяхъ пріемлемый опалой,
Свой ратоборный духъ, на битвы не усталой,
Въ картечи эпиграммъ Суворовъ испустилъ.
Злодѣй твой на скалѣ пустынной опочилъ.
Ты самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянныя дѣти;
Когда, свидѣтели превратностей земли,
Они глубокой взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждые за жизненною чашей,
На Итальянской гробъ въ оградѣ церкви нашей.

А я, я, съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей,
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей:
Во славѣ солнечной Неаполь твой нагорной,
Въ парахъ пурпуровыхъ, и въ зелени узорной,
Неувядаемой; амфитеатръ дворцовъ
Надъ яркой пеленой лазоревыхъ валовъ;
И Цицероновъ домъ, и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены суевѣру,
Гдѣ спитъ великой прахъ властителя стиховъ,
Того, кто, въ сей землѣ волкановъ и цвѣтовъ,
И ужасовъ и нѣгъ, взлелѣялъ эпопею,
Гдѣ въ мраки Тенара открылъ онъ путь Энею,
Явилъ его очамъ чудесный садъ утѣхъ,
Обитель сладкую тѣней блаженныхъ тѣхъ,
Что, крѣпки въ опытахъ земнаго треволненья,
Сподобились вкусить эѳирныхъ струй забвенья.

Неаполь! до него среди садовъ твоихъ
Сердца мятежныя отыскивали ихъ.
Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы,
Пріюты отдыховъ и Марія и Силлы.
И кто, безчувственный среди твоихъ красотъ,
Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсъ, иль гротъ,

Гдѣ бъ скрылся не на часъ, какъ эти полубоги,
Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги,
Но чтобъ незримо слить въ безмысліи златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.

И въ сей Италіи, гдѣ все — каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безыменный листъ такъ преданно обникъ
Давно изъ божества разжалованный ликъ,
Потомъ съ чела его повиснулъ полусонно —
Все беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не могъ! и, помня сладкой югъ,
Духъ предалъ строгому дыханью нашихъ вьюгъ,
Не сѣтуя о томъ, что за предѣлы міра
Онъ улетѣть бы могъ на крыліяхъ зефира!

О тайны душъ! межъ-тѣмъ, какъ сумрачный поэтъ,
Дитя Британіи, влачившій столько лѣтъ
По знойнымъ берегамъ груди своей отравы,
У миртовъ, у оливъ, у моря и у лавы
Молилъ разсѣянья отъ думы роковой,
Владѣющей его измученной душой,
Напрасно (устъ его, какъ древле устъ Тантала,
Струя желанная насмѣшливо бѣжала) —
Миръ сердцу твоему далъ пасмурный навѣсъ
Метелью полгода скрываемыхъ небесъ,
Отчизна тощихъ мховъ, степей и древъ иглистыхъ!
О, спи! безгрезно спи въ предѣлахъ нашихъ льдистыхъ!
Лелѣй по-своему твой подземельный сонъ
Нашъ бурнодышущій полночный аквилонъ,
Не хуже вѣющій забвеньемъ и покоемъ,
Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ!

<Конец апреля — середина июня 1844>

229. Дядькѣ Итальянцу («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1844. Т. XXXV. № 8 (ценз. разр. 1 августа, вышел 22 июля — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 39). С. 217—221 (подпись: *Е. Баратынскій*; под текстом: *Неаполь. 1844*).

Печатается с исправлениями: в ст. 7: *Прости нашъ здравый смыслъ: мы та изъ націй,* ⟶ *Прости нашъ здравый смыслъ: прости! мы та изъ націй,* ст. 100 *трегови* ⟶ *тревоги*

Автограф неизвестен.

Копия С. Л. Путяты, соответствующая тексту первой публикации: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 9 об.—11 об. (рукой С. Л. Путяты ст. 1—82; окончание — другим, неустановленным почерком) — с разночтениями: в ст. 88 «въ меракѣ», в ст. 96 «Сциллы», в ст. 117 «Моля»; к последнему стиху подписан вариант: «съ полуденнымъ алоемъ».

Копии Н. Л. Боратынской, с многочисленными разночтениями, возможно отражающими более ранний этап работы над текстом стихотворения (см. подробнее в сопроводительной статье):

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 50 об.—51 — с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 8 «спекулацій», ст. 10 «Севѣра», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 27 «Отчизны», ст. 28 «обрелъ», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 38 «члѣнами», ст. 47 «и Принцевъ и Прелатовъ», ст. 72 «взлелѣянные», ст. 81 «амѳитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 105 «безымянный», ст. 106 «Божества», ст. 109 «сладкій Югъ», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ»;

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 38—40: в ст. 8 «спекулацій», ст. 10 «Севѣра», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 27 «Отчизны», ст. 28 «обрелъ» и «спокойный», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 38 «члѣнами», ст. 47 «и Принцевъ и Прелатовъ», ст. 72 «взлелѣянные», ст. 81 «амѳитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 106 «Божества», ст. 109 «сладкій Югъ», ст. 126 «Аквилонъ»;

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 3—6 (карандашом надписано: «Посланіе»): в ст. 8 «спекулацій», ст. 10 «Севѣра», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 27 «Отчизны», ст. 28 «обрелъ», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 47 «и Принцевъ и Прелатовъ», ст. 67 «пріемлемой», ст. 72 «взлелѣянные», ст. 81 «амѳитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 109 «сладкій Югъ», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ»;

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 142 об.—145 (заглавие: «Дядькѣ Итальянцу изъ Неаполя»): в ст. 8 «спекулацій», ст. 10 «Севѣра», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 28 «обрелъ», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 47 «и Принцевъ и Прелатовъ», ст. 67 «пріемлемой», ст. 72 «взлелѣянные», ст. 81 «амѳитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 92 «Эфирныхъ», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 109 «сладкій Югъ», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ»;

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 150—151 об.: в ст. 3 «уязвленной», ст. 4 «покровенной», ст. 10 «севѣра», ст. 20 «вожатый», ст. 28 «обрелъ», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 58 «революціонныхъ», ст. 72 «взлелѣянные», ст. 91 «крепки», ст. 92 «эфирныхъ», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 106 «Божества», а также описка: «листъ» вместо «ликъ», ст. 109 «сладкій Югъ», ст. 121 «Міръ», ст. 122 «Мятелью», ст. 125 «Лелей», ст. 126 «Аквилонъ».

Одна из копий Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 38—40) послужила источником для повторной публикации стихотворения, подготовленной И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 149—150 (1-й пагинации).

Отличия публикации 1854 г. от публикации 1844 г. в написании отдельных слов: в ст. 8 «спекулацій», ст. 11 «пригодный», ст. 12 «итальянскій» [так же в ст. 76] и «сходный», ст. 14 «генералъ», ст. 20 «вожатый», ст. 28 «спокойный», ст. 31 «чужова», ст. 41 «колѣнямъ», ст. 43 «благодарный», ст. 48 «суворовскихъ», ст. 55 «кондотьери», ст. 63 «британца», ст. 64 «корсиканца», ст. 57 «алпійскихъ», ст. 74 «глубокій», ст. 81 «амѳитеатръ», ст. 84 «камены», ст. 85 «великій», ст. 94 «мятежные», ст. 109 «сладкій», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ».

Вариант в ст. 101 («въ *безсмысліи* златомъ») Тургенев счел ошибочным; по его просьбе (см. его письмо Анненкову от 18 октября 1854 г. — *Тургенев И.* С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 2: 1851—1856. М.; Л., 1987. С. 302) в следующем номере «Современника» (1854. № XI. С. 115) на это было указано в специальной заметке.

Под текстом копии рукой Тургенева сделано примечание к ст. 60: «По приказанію Бонапарта, все серебро (и ложки между прочимъ) должно было быть выдано французамъ» <записано карандашом>. «Прим. Ив. Серг. Тургенева» <записано чернилами, рукой Л. Е. Боратынского> (№ 40. Л. 39); скорее всего, Тургеневу принадлежат также карандашные поправки в ст. 68 («на битвѣ» вместо «на битвы») и ст. 88 («въ муракѣ» вместо «въ мраки»), вошедшие в текст публикации в «Современнике».

По копиям Н. Л. Боратынской стихотворение было напечатано и в семейных изданиях — Изд. 1869 (С. 173—176) и Изд. 1884 (С. 280—284), однако, по-видимому, в распоряжении сыновей поэта были также не дошедшие до нас рукописи — может быть, автографы Боратынского или неизвестные ныне копии, сделанные его женой.

В Изд. 1869 и Изд. 1884 иное написание отдельных слов: в ст. 10 «Сѣвера», ст. 11 «пригодный», ст. 12 «Италіянскій», «сходный», ст. 13 «коё-что», ст. 14 «генералъ», ст. 20 «вожатый», ст. 31 «чужова», ст. 47 «и Принцевъ и Прелатовъ», ст. 52 «классическій», ст. 55 «Царь Царей», ст. 58 «революціонныхъ», ст. 67 «Альпійскихъ», ст. 73 «судьбы» вместо «земли», ст. 74 «глубокій»; ст. 76 «Итальянскій», ст. 85 «великій», ст. 87 «Эпопею», ст. 92 «эфирныхъ» (только в Изд. 1869), ст. 105 «безымянный», «обликъ» вместо «обникъ», ст. 106 «Божества», ст. 109 «сладкій», ст. 112 «Зефира», ст. 126 «Аквилонъ».

Сводка текстовых разночтений по копиям С. Л. Путяты, Н. Л. Боратынской и первым посмертным публикациям (условные сокращения: **№ 38** — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 50 об.—51; **№ 40** — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 38—40; **№ 41** — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 3—6; **№ 42а** — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 142 об.— 145; **№ 42б** — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 150—151 об.; **Путята** — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 9 об.—11 об.; **Т. 1854** — Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Отд. I. С. 149—150; **Изд. 1869** — Изд. 1869. С. 173—176; **Изд. 1884** — Изд. 1884. С. 280—284; **Варианты Изд. 1869** — Изд. 1869. С. 216; **Приложение Изд. 1884** — Изд. 1884. Приложения. С. 40):

7 Прости нашъ здравый смыслъ: прости, мы *тѣ* изъ націй
(Т. 1854)

16 *Ты далъ мнѣ* благодать не русскаго надзора.
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 42б, Т. 1854, Изд. 1869, Изд. 1884)

27 Но гдѣ вдали твоей отчизны знойной
(№ 38, № 41, № 42а, № 42б, Т. 1854, Изд. 1869, Изд. 1884)

28 Ты мирный кровъ обрѣлъ, *и* позже гробъ спокойной.
(Изд. 1869, Изд. 1884)

36 Участникъ нашихъ слёзъ и *[праздниковъ] радостей* семейныхъ
(№ 42б)

50 Что *по словамъ твоимъ* со стогновъ гонятъ псовъ;
(№ 42б)

59 Народъ *зажёгъ ему* привѣтственныя плошки
(№ 42б)

61 Которыя *[среди] въ чаду* блестящихъ общихъ грёзъ
(№ 38)

61 Которыя *въ чаду* блестящихъ общихъ грёзъ
(№ 42б)

66 Возникло, при тебѣ въ преданья перешло.
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 42б)

66 Возникло — при тебѣ въ *преданья* перешло.
(Т. 1854)

66 Возникло, при тебѣ въ *преданье* перешло.
(Изд. 1869; Изд. 1884)

68 Свой ратоборный духъ, на *битвѣ* не усталой,
(Т. 1854, Изд. 1869, Изд. 1884)

68 Свой ратоборный духъ, *на битв[ы]ѣ* не усталой,
(№ 40)

88 Гдѣ *въ мрак[и]ѣ* Тенара открылъ онъ путь Энею,
(№ 40)

88 Гдѣ *въ мракѣ* Тенара открылъ онъ путь Энею,
(№ 42а, Пу́тята, Т. 1854, Изд. 1869)

88 *Что* въ мраки Тенара открылъ онъ путь Энею
(№ 42б)

88 Гдѣ *въ мраки Тартара* открылъ онъ путь Энею
(Изд. 1869. Список опечаток)

88 Гдѣ въ *мракѣ тартара* открылъ онъ путь Энею
(Изд. 1884)

96 Пріюты отдыховъ и Маріа и *Сциллы.*
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 42б, Путята, Т. 1854)

99 Гдѣ бъ скрылся, *не на [вѣкъ] часъ*, какъ эти полубоги,
(№ 40)

99 Гдѣ бъ скрылся, *не на вѣкъ* какъ эти полубоги
(№ 42б)

101 Но чтобъ незримо слить въ *безсмысліи* златомъ
(№ 40, Т. 1854, Изд. 1869, Изд. 1884)

101 *Но чтобъ вполнѣ забывъ о страстномъ и мірскомъ*
(Варианты Изд. 1869; Приложение Изд. 1884)

102 *Дремоту лѣни слить* съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.
(Варианты Изд. 1869; Приложение Изд. 1884)

103 И въ сей Италіи, гдѣ все [фонтаны] каскады, розы,
(№ 38)

108 Все *[сердца легкому] беззаботному дыханью* благосклонно
(№ 38)

108 Все *беззаботному дыханью* благосклонно
(№ 40, № 41, № 42а, № 42б, Т. 1854, Изд. 1869, Изд. 1884)

115 По *[тайнымъ] дальнымъ берегамъ* груди своей отравы
(№ 38)

115 По *тайнымъ берегамъ* груди своей отравы
(№ 40, Т. 1854)

115 По *[тайнымъ] знойнымъ берегамъ* груди своей отравы
(№ 41)

115 По знойнымъ берегамъ *души* своей отравы
(№ 42а)

115 По *дальнымъ берегамъ души* своей отравы
(№ 42б)

117 *Моля* разсѣянья отъ думы роковой,
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 42б, Путята, Т. 1854)

128 Чѣмъ вздохи южные *съ полуденнымъ алоемъ.*
(№ 38)

128 Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ.
<приписано ниже>: «*съ полуденнымъ алоемъ*»
(№ 40, Путята)

128 Чѣмъ вздохи южные *съ [полуден] душистымъ ихъ [упоемъ] алоемъ.*
(№ 41)

128 Чѣмъ вздохи южные съ *душистымъ ихъ алоемъ.*
(№ 42а)
128 Чѣмъ вздохи южные съ *[душистымъ ихъ] полуденнымъ алоемъ.*
(№ 42б)

Датируется по эпистолярным свидетельствам и первой публикации.

Стихотворение было отослано для публикации в «Современнике» вместе с «Пироскафом» (№ 228) в письме к Путятам от конца мая — июня 1844 г.: «Посылаю вам два стихотворения. Отдайте их Плетневу для его журнала (*Летопись*. С. 410). Крайний срок отправки письма, учитывая месячный срок доставки почты из Неаполя в Петербург, — середина июня (соответствующий номер «Современника» был отпечатан к 19 июля 1844 г.; дата свидетельства из типографии — ОРК НБ СПбГУ, шифр J II 94, инв. номер 13239).

Н. Л. Боратынская оставила два сообщения о времени создания текста, не вполне согласующиеся друг с другом, — ср. ее письмо к матери поэта от начала сентября 1844 г.: «l'épitre à Borghèse <a été écrite> peu de jours après notre arrivée en Italie» [послание к Боргезе <было сочинено> через несколько дней после нашего приезда в Италию] (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2) и позднейшие наброски биографии Боратынского: «иностраннымъ дядькой его былъ Итальянецъ Боргезъ которому написалъ посланіе изъ Неаполя за двѣ недѣли до кончины» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 66. Л. 1; ср. Изд. 1869. С. 391).

Тургенев 1854. С. 150—153 (текст по копии Н. Л. Боратынской, варианты см. выше в сводке разночтений). — *Лонгинов 1864. Стб. 113* (отмечена публикация в «Современнике» 1844 г.). — *Изд. 1869. С. 173—176* и *Изд. 1884. С. 280—284* (текст по копиям Н. Л. Боратынской; заглавие: «Дядькѣ-Италіянцу», варианты см. выше в сводке разночтений; с опечатками: в ст. 16 «наздора» вместо «надзора» [исправлена в *Изд. 1884*], в ст. 73 «судьбы» вместо «земли», в ст. 105 «обликъ» вместо «обникъ»; в *Изд. 1884* примечание к заглавию: «Жьячинто Боргезе»; датировка: 1844); *Изд. 1869. С. 216* и *Изд. 1884. Приложения. С. 40* (варианты ст. 16 и ст. 108 по «Современнику», варианты ст. 101—102 по неизвестной ныне рукописи). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 171—174* (текст под заглавием «Дядькѣ-Итальянцу», соответствующий копии С. Л. Путяты, ошибочно названной автографом из бумаг И. Ф. Тютчева, с заменами по *Изд. 1869*: в ст. 16 «Ты далъ мнѣ благодать...», в ст. 66 «Возникло, при тебѣ — въ преданье перешло», в ст. 101 «безсмысліи»; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 12 и 76 «Итальянскій», в ст. 16 «нерусскаго» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 20 «вожатый» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 52 «классическій» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 55 «Царь Царей», в ст. 67 «Альпійскихъ» [так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1989*, *Изд. 2000*], в ст. 74 «глубокій» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 75 «чуждыя», в ст. 85 «великій» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 87 «Эпопею» [так же в *Изд. 1936*], в ст. 88 «въ мракѣ» [так же в *Изд. 1936*], в ст. 96 «Маріа и Сциллы», в ст. 109 «сладкій» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 117 «Моля»), *308—310* (отмечены варианты «в рукописи» [копии С. Л. Путяты] в ст. 117 и 128, частично приведены разночтения по копиям Н. Л. Боратынской в ст. 27, 61, 103, 108, 115, 128; отмечены разночтения «Современника» 1844 г. в ст. 16, 96, 117 и *Изд. 1869* и *Изд. 1884* в ст. 27, 28 [с неверным номе-

ром 29], 58, 73, ошибочно названные «опечатками „Современника“»; отмечена перепечатка в «Современнике» 1854 г. и варианты *Изд. 1869* и *Изд. 1884* в ст. 101—102). — *Изд. 1936. Т. I. С. 250—252* (текст по «Современнику», но в ст. 66 «в преданье», в ст. 81 «Неувядаемый» [так же в *Изд. 1945*], в ст. 88 «в мраке»; заглавие: в основном тексте «ДЯДЬКЕ-ИТАЛЬЯНЦУ», в оглавлении «Дядьке итальянцу», в комментариях «Дядьке Итальянцу»; под текстом: *Неаполь 1844*; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 12 и 76 «итальянский» [так же во всех последующих изданиях], ст. 14 «генерал» [так же во всех последующих изданиях], ст. 28 «спокойный» [так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 1982*], в ст. 48 «суворовских» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 63 «британца» [так же во всех последующих изданиях]); *Т. II. С. 282—283* (учтена опечатка первой публикации в ст. 7; отмечены варианты *Изд. 1869* и *Изд. 1884* в ст. 16 и 88, ошибочно указано наличие разночтения в ст. 74, опечатка в ст. 105 «облик» названа разночтением). — *Изд. 1945*. С. 137—140 (текст *Изд. 1936*, но с опечаткой в ст. 96 «отдыха» вместо «отдыхов»; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 11 «пригодный» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 12 «сходный» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 43 «благодарный» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 68 «усталый» [так же в *Изд. 1957*, *Изд. 1989*], в ст. 79 «нагорный» [так же в *Изд. 1957*, *Изд. 1989*, *Изд. 2000*]; заглавие «Дядьке-итальянцу» — с таким же завглавием во всех последующих изданиях). — *Изд. 1951. С. 317—320* (текст по *Изд. 1884* с исправлением опечаток в ст. 73, 106, с разночтениями относительно *Изд. 1884* в ст. 27 «Но где, хотя вдали...», в ст. 28 «а позже», в ст. 58 «революцьонных», в ст. 68 «на битвы», в ст. 88 «в мраки Тартара»; с модернизацией написания — строчные буквы в ст. 10, 12, 47, 48, 55 [«царь царей»], 63, 76, 106; иное написание окончаний в ст. 28, 43, 68, 79). — *Изд. 1957. С. 201—204* (текст по «Современнику», но в ст. 16 «Ты дал мне благодать...»; в ст. 66 «Возникло, при тебе — в преданье перешло» [как в *Изд. 1914—1915*]; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 55 «кондотьери» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 64 «корсиканца» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 105 «безымянный» [так же во всех последующих изданиях]). — *Изд. 1982. С. 346—350* (текст по «Современнику», но в ст. 66 «Возникло, при тебе — в преданье перешло»; в ст. 9 опечатка [«Вздохнул» вместо «Вздохнув»]; между ст. 102 и 103 отсутствует отбивка — так же в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*), *493* (приведены разночтения в ст. 16, 101—102 [ошибочно названы 99—100], 108 [ошибочно назван 106], 128 по *Изд. 1884* и *Изд. 1914—1915*; источник вариантов в *Изд. 1884* и *Изд. 1914—1915* безосновательно назван недошедшим автографом — так же в *Изд. 2000*), *668* (со ссылкой на свидетельство Ю. Н. Верховского сообщено, что автограф находился в Мурановском архиве [повторено в *Изд. 2000*], однако в сохранившихся комментариях Верховского, напротив, отмечено, что автографа в Муранове никогда не было [*Верховский 1935*. С. 120]; скорее всего, имелось в виду ошибочное указание Гофмана — см. выше). — *Изд. 1989. С. 202—205* (текст по «Современнику», но в ст. 66 «Возникло, при тебе — в преданье перешло»; датировка: первая половина июня 1844). — *Изд. 2000. С. 300—303* (текст *Изд. 1982*, но лишняя отбивка между ст. 35 и 36, отсутствует отбивка между 42 и 43, а также опечатка: «дров» вместо «древ» в ст. 123).

230

Молитва

Царь небесъ! успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли
И на строгой твой рай
Силы сердцу подай.

<?>

230. Молитва («Царь небесъ! Успокой...»)

Печатается по копии Н. Л. Боратынской на отдельном листе, присланной П. А. Плетневу 12 ноября 1844 г. для публикации в «Современнике»: ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25; подпись: *Евгеній Баратынской*. На другой стороне листа — запись стихотворения «Люблю я васъ Богини пѣнья...» (№ 225.1).

Печатается с исправлениями: ст. 1 *небесъ* → *небесъ!* -- ст. 2 *болезненный* → *болѣзненный* -- ст. 3 *земли,* → *земли*

Впервые опубликовано по копии Н. Л. Боратынской: Современник. 1844. Т. XXXVI. № 12 (ценз. разр. 1 декабря; ценз. билет 27 ноября — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 57 об.). С. 368 (подпись: *Евгеній Баратынскій*) — вместе со стихотворением «Люблю я васъ Богини пѣнья...» (№ 225.1), с иным написанием слова «болѣзненной» в ст. 2.

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие публикации в «Современнике»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir») Л. 52; № 40. Л. 56 об.; № 41. Л. 7 (помечено: «Мелкіе стихотворенья. Тритцать четвертое»); № 42. Л. 91; РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 5.

Текст стихотворения был восстановлен Н. Л. Боратынской по памяти — см. ее указание в письме С. А. Боратынскому, брату поэта, от 11 ноября 1844 г. «Je vous transcris une prière d'Eugène qui n'a jamais été écrite et dont je me suis rappellée un jour que j'allais à la messe» [Записываю для вас молитву Евгения, которая записана никогда не была и которую я как-то вспомнила, когда шла к службе] <далее полностью текст, без заглавия, в ст. 1 «Небесъ» с заглавной буквы> (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 105. Л. 1 об.).

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение, мы не располагаем. По указанию Ю. Н. Верховского, «в экземпляре издания 1869 г., принадлежавшем сыну поэта Н. Е. Боратынскому, над этим стихотворением сделана помета. Сперва написано: 1840 г. и зачеркнуто; затем возле написано 1841 г.» (*Верховский 1935*. С. 116), однако источник сведений Н. Е. Боратынского неизвестен. Сообщение Н. Л. Боратынской в письме С. А. Боратынскому позволяет датировать

запись текста («не позднее 11 ноября 1844 г.»), но не время его сочинения. Подробнее об истории публикации стихотворения см. в сопроводительной статье.

Лонгинов 1864. Стб. 113 (отмечена публикация в «Современнике»). — *Изд. 1869. С. 170* и *Изд. 1884. С. 276* (текст по копиям Н. Л. Боратынской; в ст. 5 «строгій Твой»; датировка: 1842—1843). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 169* (текст по копиям Н. Л. Боратынской, в ст. 5 «строгій» — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1844), *307* (отмечена публикация в «Современнике»). — *Изд. 1936. Т. I. С. 254* (текст напечатан последним, после стихотворений 1844 г.); *Т. II. С. 283* (приведена датировка *Изд. 1869*: 1842—1843 — повторено в *Изд. 1951*, *Изд. 1957*, *Изд. 1982*, *Изд. 1989*). — *Изд. 1945. С. 212* (датировка: 1844). — *Изд. 1957. С. 197* (датировка: 1842 или 1843 — так же датируется в *Изд. 1989*). — *Изд. 1982. С. 340, 666* (отмечено, что «Молитва» была прислана Плетневу для публикации вместе со стихотворением «Люблю я вас, Богини пенья...»).

— III —

Juvenilia

231

Хоръ пѣтый въ день имянинъ
дядиньки Б.<огдана> Андр.<еевича>
его маленькими племянницами Панчулидзевыми

Родству пріязни нѣжной
Мы гласъ приносимъ сей,
Въ ней къ щастью путь надежной,
Вся жизнь и сладость въ ней.

Хоть чужды намъ искуства
Съ пріятствомъ говорить,
Но сердца могутъ чувства
Даръ тщетный замѣнить.

Изъ благъ богаты свѣта
Усердьемъ лишь однимъ,
Чѣмъ можемъ въ дѣтски лѣта
Мы праздникъ сей почтимъ.

Весны въ возобновленье
Средь рощей, средь полей
Такъ птички возвращенье
Поютъ цвѣтущихъ дней.

Увы! теперь природы
Унылъ, печаленъ видъ,
Хладъ зимней непогоды
Небѣсный кровъ мрачитъ.

И въ ведро и въ ненастье
Гнетутъ печали злыхъ,
Но истинное щастье
Ни гдѣ какъ въ насъ самихъ.

Смотрите, какъ сіяетъ
Во всѣхъ усердія духъ,
Какъ дышитъ все, блистаетъ
Веселостью вокругъ.

Средь громныхъ бурь смятеній
Хоть громъ въ дали шумитъ,
Душевныхъ наслажденій
Ничто не возмутитъ.

Хоть время невозвратно
Всѣхъ благъ лишаетъ насъ,
Увы! хоть слишкомъ внятно
Судебъ сей слышенъ гласъ.

О пусть всегда межъ нами
Жизнь ваша лишь течетъ,
И дружбы подъ цвѣтами
Слѣды сокроетъ лѣтъ.

<23 января 1817>

231. Хоръ пѣтый въ день имянинъ дядиньки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими племянницами Панчулидзевыми («Родству пріязни нѣжной...»)

Печатается по автографу в альбоме С. А. Рачинского: РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 69—69 об. — внизу подпись: «Соч. Евгеній Боратынскій» — и дата «1817». В верхнем углу Л. 69 еще уточненная дата: «23 Генв. 1817».

Печатается с исправлениями: в ст. 3 *надежной* → *надежной*, -- ст. 6 *говорить* → *говорить*, -- ст. 10 *однимъ* → *однимъ*, -- ст. 14 *рощей* → *рощей*, -- ст. 18 *видъ* → *видъ*, -- ст. 22 *злыхъ* → *злыхъ*, -- ст. 25 *Смотрите* → *Смотрите*, -- ст. 26 *духъ* → *духъ*, -- ст. 34 *насъ* → *насъ*,

Впервые опубликовано С. А. Рачинским: *Татевский сборник 1899*. С. 60—61 — с ошибками, восходящими к копии публикатора (см. ниже): в ст. 1 «Родства» вместо «Родству», в ст. 5 «чуждо ... искусство» вместо «чужды ... искуства», в ст. 9 «богатыхъ» вместо «богаты», в ст. 29 «грозныхъ» вместо «громныхъ». Заглавие публикации: «23 января 1817 года. — Хоръ, пѣтый въ день именинъ дядиньки Богдана Андреевича его маленькими племянницами Панчулидзевыми».

По замечанию Рачинского, это «самое раннее изъ сохранившихся его русскихъ стихотвореній (1817 года), поражающее своею неумѣлостью, въ сравненіи со стихами французскими <...>. Заслуживаютъ вниманія эти стихи лишь какъ свидѣтельство той

усиленной обработки, коей, вслѣдъ за тѣмъ, поэтъ подвергъ свою стихотворную рѣчь» (С. 60, 62).

Копия С. А. Рачинского в том же альбоме: Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 71—72 (заглавие: «Хоръ, пѣтый въ день имянинъ дяденьки Б. Андр. его маленькими племянницами Панчулидзывыми»; дата: 23 Янв. 1817; подпись: *Е. Боратынскій*) — с теми же вариантами ст. 1, 5, 9, 29, отражающими неверное прочтение автографа, что и в первой публикации (см. выше); в ст. 28 вместо зачеркнутого «дышетъ все» вписано «движется»; в ст. 3 и 23 иное правописание: «счастью», «счастье».

Копия В. А. Рачинской, на отдельном листе: Ф. 427. Оп. 1. № 1101. Л. 1—2 (заглавие: «Хоръ пропѣтый въ имянины дядиньки Б. А. его маленькими племянницами Панчулидзывыми»; дата: 28го <так!> Янв. 1817) — с вариантом в ст. 1 («Родства» вместо «Родству») и иным правописанием отдельных слов ст. 3 («счастью», «надежный») и ст. 23 («счастье»).

В собрание сочинений Боратынского введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 1—2).

Датируется согласно помете в автографе.

Татевский сборник 1899. С. 60—61 (текст по автографу из альбома С. А. Рачинского, с ошибками в ст. 1, 5, 9, 29). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 1—2* (текст по автографу, заглавие: «Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми»; датировка: 1817; с ошибочными чтениями в ст. 9 «богатыхъ», в ст. 29 «грозныхъ», в ст. 39 «дружба», а также иным правописанием отдельных слов: в ст. 3 и 23 «счастью», «счастье», в ст. 5 «искусства», в ст. 26 «усердья», повторенным во всех последующих изданиях), *211* (отмечена первая публикация), *вторая вклейка между С. ХС—1* (факсимиле автографа). — *Изд. 1936. Т. I. С. 257—258* (текст *Изд. 1914—1915*, заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича Баратынского его маленькими племянницами Панчулидзевыми»); *Т. II. С. 283* (автограф в альбоме Рачинского назван копией). — *Изд. 1957. С. 207—208* (текст *Изд. 1936* с ошибкой в ст. 5 «чуждо нам искусство» и иным правописанием окончания в ст. 3 «надежный» [так же в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*], заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича его маленькими племянницами Панчулидзевыми»; датировка: начало 1810-х годов [?]), *377* (оспорена датировка 1817 г., высказано предположение, что «стихотворение написано много раньше — в детские годы поэта»; в описании первой публикации в «Татевском сборнике» неверный номер страницы: 50 вместо 60 [повторено в *Изд. 1982*]; автограф из Татевского архива назван утраченным). — *Изд. 1982. С. 350—351* (текст *Изд. 1914—1915*, заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Б<огдана> Анд<реевича Боратынского> его маленькими племянницами Панчулидзевыми» — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1989. С. 206—207* (датировка: 23 января 1817 г.).

— IV —

Коллективное

232

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли),
Шли и твердили шутя: какое въ Россіянахъ чувство!

<Май 1821 — август 1822 ?>

232. «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ...»

Печатается по тексту воспоминаний А. П. Марковой-Виноградской (Керн), присланных в письме П. В. Анненкову: ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 51. Л. 7 об.—8 (с исправлением разбивки на строки). В пояснении к стихотворению указаны его авторы — Баратынский и Дельвиг: «Я вспомнила еще стихи, сообщенные мнѣ женою Барона Дельвига и сложенные когда то вмѣстѣ съ Баратынскимъ» (опубл.: *Модзалевский 1907*. С. 146; см. также: *Пушкин в воспоминаниях 1998*. Т. 1. С. 405).

Впервые опубликовано как принадлежащее А. С. Пушкину по рукописи из архива П. Я. Дашкова (современное местонахождение не установлено): Два неизданных стихотворения Пушкина // Исторический вестник. 1883. Т. 11. № 2. Февраль. С. 468 (текст с той же разбивкой на строки, что и в публикации Б. Л. Модзалевского, с отдельными отличиями орфографии — в ст. 6 «дожжикъ» и «трекотовыхъ»). См. также примечание к публикации: «Въ богатомъ собраніи автографовъ <...>, принадлежащемъ П. Я. Дашкову, находится, между прочимъ, небольшая четвертушка бумаги, на которой собственною рукою Пушкина, написаны два <...> небольшія стихотворенія [второй текст — экспромт Дельвига «Я в Курске, милые друзья...» (*Дельвиг 1986*. С. 170)]. Мы <...> не знаемъ, когда и по какому случаю они написаны, но самое содержаніе ихъ и то, что они написаны рукою Пушкина, удостовѣряютъ ихъ подлинность».

С опорой на публикацию «Исторического вестника» стихотворение было включено П. О. Морозовым в корпус пушкинских текстов (*Пушкин 1887*. Т. I. С. 347; *Пушкин 1903—1906*. Т. II. С. 11, 359). Авторство Пушкина утверждалось также в малодостоверных мемуарах Л. Н. Павлищева: Дельвиг и Боратынский «послужили Пушкину предметомъ слѣдующей пародіи, на размѣръ одной изъ балладъ Жуковскаго, если не ошибаюсь, „Аббадоны“ <далее — текст стихотворения>» (*Павлищев 1890*. С. 193).

Сообщение об «автографе» Пушкина из собрания Дашкова было опровергнуто П. А. Ефремовым, опиравшимся на заключение Л. Н. Майкова: «Л. Н. Майковъ за годъ до смерти говорилъ мнѣ, что онъ внимательно разсмотрѣлъ рукопись и нашелъ, что первое *несомнѣнно* писано Львомъ Сергѣевичемъ» (*Ефремов 1903*. С. 26). В этом контексте речь, очевидно, идет об авторе записи, а не об авторе стихотворения — но именно так сообщение Ефремова было понято М. Л. Гофманом («П. А. Ефремовъ считалъ авторомъ стихотворенія <...> Льва Сергѣевича» — Изд. 1914—1915. Т. I. С. 323) и Ю. Н. Верховским («П. А. Ефремов <...> приписал стихотворение Л. С. Пушкину» (*Верховский 1935*. С. 134).

Авторство Пушкина было окончательно отведено Н. О. Лернером (*Лернер 1911*. С. 667—669) на основании приведенного выше свидетельства А. П. Керн, а также воспоминаний К. А. Полевого: «Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата былъ литературный вечеръ <...>. Пушкинъ казался предсѣдателемъ этого сборища <...> вспоминалъ шутливые стихи Дельвига, Баратынскаго и заставилъ послѣдняго припомнить написанные имъ съ Дельвигомъ когда-то разсказы о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ. Его особенно смѣшило то мѣсто, гдѣ въ пышныхъ гексаметрахъ изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоихъ поэтовъ, которые „въ лавочку были должны, руки держали въ карманахъ (перчатокъ они не имѣли!)"» (*Полевой 1888*. С. 209; *Летопись*. С. 195). О совместном авторстве Боратынского и Дельвига свидетельствуют и мемуары А. И. Дельвига: «Дельвигъ жилъ нѣсколько времени съ извѣстнымъ поэтомъ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ въ Семеновскомъ полку, гдѣ они и вмѣстѣ и порознь писали много стиховъ, не попавшихъ въ печать. Тамъ сочинена пародія на стихотвореніе Рылѣева: Такъ въ Семеновскомъ полку / Жили они дружно...» (*Дельвиг 1912*. С. 48)[6].

В собрание сочинений Боратынского впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 200), где напечатано в разделе «Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами». Гофманом стихотворение также было опубликовано в книге «Неизданные стихотворения Дельвига» (Пг., 1922. С. 108; датировка — 1819). В составе собраний сочинений Дельвига печатается в рубрике «Коллективное», начиная с «Полного собрания стихотворений» 1934 г. (*Дельвиг 1934*. С. 429).

Датировку стихотворения традиционно связывают с реальным временем совместного «житья» Боратынского и Дельвига в 5-й роте Семеновского полка (ныне Рузовская улица). После публикации отрывка из письма Боратынского матери конца 1818—1819 гг. (Изд. 1914—1915. Т. I. С. XLIX), в связи с которым Гофман упомянул петербургский адрес поэта «въ домѣ кофишенка Ежевскаго», утвердилось мнение, что «домик низкий» и есть дом В. Ежевского (Гижевского) — см. Изд. 1936. Т. II. С. 298. Однако из того же письма поэта следует, что в этом доме Боратынский квартировал не с Дельвигом (который в 1818—1819 гг. жил на одной квартире с П. Л. Яковлевым в Троицком переулке — *Шубин 1985*. С. 32), а со своим сослуживцем по Егерскому полку А. И. Шляхтинским (о нем см. примечания к № 12). Кроме того, дом Ежев-

[6] Самое раннее известное к настоящему моменту упоминание об этих шуточных гекзаметрах — неточная цитата из стихотворения в письме В. Г. Белинского Н. В. Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 г. (*Белинский 1953—1959*. Т. XI. С. 405).

ского располагался не в 5-й роте, а на углу Гошпитальной улицы и Среднего проспекта (ныне угол Бронницкой улицы и Клинского проспекта — *Шубин, Файбисович 1982. С. 150—151; Шубин 1985*. С. 49).

Можно предположить, что после отъезда Шляхтинского из Петербурга в конце августа 1819 г. (*Летопись*. С. 92) Боратынский стал искать новую квартиру, чтобы поселиться вместе с Дельвигом, но ввиду хлопот о переводе в армию и, соответственно, скорого отъезда это представляется маловероятным. Более основательно предполагать, что вместе с Дельвигом он квартировал в следующий свой длительный приезд в Петербург — с мая 1821 г. по август 1822 г. Упоминание о том, что Боратынский «живет вместе с бароном Дельвигом» и «поменял квартиру», см. в письме С. А. Боратынской матери от 30 мая 1822 г. (*Летопись*. С. 113). Семеновский полк как место жительства поэтов в 1821 г. называл князь Д. А. Эристов (*Гаевский 1853. № 5*. С. 40), косвенно подтверждается это и стихами Н. М. Коншина «К нашим» (1821—1822): «Пришла мне мысль благая / Вас звать в *Семеновский* на чай» (*Поэты 1820 — 1830-х*. Т. 1. С. 352).

Изд. 1914—1915. Т. I. С. 200 (текст по публикации Б. Л. Модзалевского; в ст. 8 отсутствует выделение курсивом — так же во всех последующих изданиях), *323—324* (датировка: 1819 — так же во всех последующих изданиях; отмечена публикация П. О. Морозова). — *Изд. 1936. Т. I. С. 323*; *Т. II. С. 297—298* (отмечена первая публикация в «Историческом вестнике»). — *Изд. 1957. С. 311* (в ст. 2 опечатка: «жили» вместо «жил»). — *Изд. 1982. С. 368* (текст *Изд. 1936* — так же во всех последующих изданиях).

233

Пѣвцы 15 класса

Князь Шаховской согналъ съ Парнасса
И Мелодрамму и Журналъ;
Но жаль, что только не согналъ
Пѣвца 15 класса.

Но я бы не согналъ съ Парнасса
Ни Мелодрамму, ни Журналъ,
А хорошенько бъ откаталъ
Пѣвца 15 класса.

Не могъ онъ осѣдлать Пегаса;
За то Хвостова осѣдлалъ
И вотъ за что я не согналъ
Пѣвца 15 класса

(Теперь пѣвцы говорятъ сами:)

Хотя и согнанъ я съ Парнасса,
Все на Пескахъ я молодецъ:
Я предсѣдатель и отецъ
Пѣвцовъ 15 класса.

Я перевелъ порусски Тасса,
Хотя его не понималъ
И по достоинству попалъ
Въ пѣвцы 15 класса.

Во снѣ я не видалъ Парнасса,
Но я Идилліи писалъ
И черезъ нихъ уже попалъ
Въ пѣвцы 15 класса.

Поймавъ въ Парижѣ Сенъ-Томаса,
Я съ нимъ исторію скропалъ
И общимъ голосомъ попалъ
Въ пѣвцы 15 класса.

Я конюхомъ былъ у Пегаса,
Навозъ Расиновъ подгребалъ
И по Ѳедорѣ я попалъ
Въ пѣвцы 15 класса.

Я самъ Княжевичь отъ Пегаса
Толчки лихіе получалъ
И за терпѣніе попалъ
Въ пѣвцы 15 класса.

Хотелъ достигнуть я Парнасса;
Но Фебъ мнѣ оплеуху далъ,
И ужь за деньги я попалъ
Въ пѣвцы 15 класса *)

Кой-что я Русскаго Парнасса,
Я не прозаикъ, не пѣвецъ,
Я не 15 класса —
Я цензоръ — сиречь — я подлецъ.

Сочинилъ унтеръ-Офицеръ
Евгеній Баратынскій съ артелью.

*) Въ Сенатѣ третьяго я класса,
А здѣсь въ 15й попалъ. *Прим. Соч.*

<10—31 июля 1822>

233. Пѣвцы 15 класса («Князь Шаховской согналъ съ Парнасса...»).

Печатается по списку А. Е. Измайлова из архива В. И. Яковлева: ПД. Ф. 357. Оп. 2. № 18. Л. 3—4 (почерк установлен В. Э. Вацуро — *Вацуро 1975*. С. 155).

Печатается с исправлениями: в ст. 6 *Журналъ* → *Журналъ*, -- ст. 42 *пѣвецъ* → *пѣвецъ*,

Другой список, неустановленным почерком, приложенный к списку Измайлова и дающий тот же текст: ПД. Ф. 357. Оп. 2. № 18. Л. 1—2.

Список В. Л. Пушкина в письме П. А. Вяземскому от 19 сентября 1822 г. («Посылаю тебѣ стихи Баратынскаго, которые очень забавны»): РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2611. Л. 139—140 (с пропуском ст. 25—28).

Во всех этих списках вслед за стихотворением помещен устойчивый набор «ответных» сатирических текстов: «Куплеты прибавленные посторонними» («Баронъ я, баловень Парнасса...») и эпиграмма на Боратынского «Остеръ какъ унтерской тесакъ...» А. Е. Измайлова, а также «Надпись къ портрету сочинителя сихъ куплетовъ» («Онъ щедро награжденъ Судьбой!..») Н. Ф. Остолопова (тексты см.: *Летопись*. С. 119—120).

Соавтором Боратынского был, по всей видимости, А. А. Дельвиг — он прямо упомянут в ответных «Куплетах, прибавленных посторонними». Может быть, в сочинении куплетов также принимали участие ближайшие знакомые Боратынского и Дельвига Н. М. Коншин и Д. А. Эристов (см. Изд. 1936. Т. II. С. 298).

Наиболее раннее известное упоминание о стихотворении в печати — указание В. Я. Брюсова, назвавшего автором куплетов (очевидно, «Куплетов, прибавленных посторонними») О. М. Сомова: «его [Сомова] груб[ая] сатир[а]: „Пѣвцы 15-го класса“, гдѣ тоже задѣтъ Баратынскій» (*Брюсов 1901*. С. 348).

Впервые опубликовано по копии из архива Яковлева и введено в собрание сочинений Боратынского И. Н. Медведевой и Е. Н. Купреяновой (Изд. 1936. Т. I. С. 325—326; раздел «Стихотворения, написанные совместно с другими поэтами»).

Написано в период между 10 и 31 июля 1822 года. Поводом для сочинения стихотворения стал пролог в стихах и прозе А. А. Шаховского к спектаклю, посвященному памяти И. А. Дмитревского, «Новости на Парнасе, или Торжество Муз», который был представлен 10 июля 1822 г. (см. *Летопись*. С. 115). Верхняя граница датировки определяется временем отъезда Боратынского из Петербурга (*Летопись*. С. 118).

Изд. 1936. Т. I. С. 325—326 (первая публикация текста по списку из архива Яковлева; в ст. 20 опечатка: «класс» вместо «класса»; в ст. 2 «мелодраму» и «журнал», в ст. 22 «идиллии» со строчной буквы [так же во всех последующих изданиях]); *Т. II. С. 298—299* (соавторами Боратынского названы Дельвиг, Коншин, Эристов; датировка: 1823 — начало 1824 [повторена в *Изд. 1982*, *Изд. 2000*]). — *Изд. 1957. С. 311—312* (заглавие: «Певцы 15-го класса» [так же во всех последующих изданиях]; исправлена опечатка *Изд. 1936* в ст. 20 и последовательно исправлено написание «Парнас» — так же стихотворение печатается во всех последующих изданиях; датировка: 1822). — *Вацуро 1975. С. 155* (установлен автор одного из списков из архива Яковлева — А. Е. Измайлов). — *Изд. 1989. С. 309—310, 437—438* (датировка: 1823?). — *Летопись. С. 115—116* (датировка: между 10 и 31 июля 1822 г.).

234

(а)

Нашъ пріятель, Пушкинъ Лёвъ
Не лишенъ разсудка —
И съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

<?>

234.а. «Нашъ пріятель, Пушкинъ Лёвъ...»

Печатается по списку в тетради Лонгинова-Полторацкого: ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 89 об.—90 (С. 178—179 по внутренней нумерации тетради). Заглавие — «На него же» (т. е. «На Льва Сергѣевича Пушкина», в соответствии с заглавием предшествующей эпиграммы «Всё измѣнилося подъ нашимъ Зодіакомъ...» — Л. 89 об.).

Рядом с записью текста — атрибутирующие пометы С. Д. Полторацкого: «Замѣтка Соболевскаго: Дельвига, Баратынскаго, Плетнева, самаго Льва и Компаніи», «*Не* Пушкина, *а Компаніи*». Почти тот же состав авторов Соболевский назвал в письме М. Н. Лонгинову от июня — июля 1858 г.: «*Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ* — точно также написанъ Алек. Пушкинымъ, какъ тобой. Этихъ куплетовъ цѣлыя сотни; они импровизировались у Плетнева по субботамъ Баратынскимъ, Дельвигомъ, Ертелемъ и Львомъ Пушкинымъ *именно тогда*, когда Алек. не было въ Питерѣ» (ПД. № 23513. CLXXб.10. Л. 51—51 об.; опубл.: *Соболевский 1927*. С. 42—43). Далее Соболевский приводит еще один куплет, «въ томъ же родѣ и той же фабрики <?>»:

Ну зачѣмъ тутъ на стѣнѣ
Ты повѣсилъ Абелярда
....
И стократъ пріятнѣй мнѣ
Потопленная въ винѣ
Жирная пулярда.

Совместное авторство Боратынского и Дельвига утверждалось в мемуарах А. И. Дельвига: «Онъ <Л. С. Пушкин> любилъ много ѣсть и пить вина, вслѣдствіе чего Дельвигъ одно изъ стихотвореній, написанныхъ имъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ,

началъ слѣдующею строфою [Далее цитируется текст; в ст. 5 „Намъ докажутъ и безъ словъ...", в ст. 7 „Силою желудка (bis)"]» (*Дельвиг 1912*. С. 52).

Стихотворение впервые опубликовано без указания авторства (отмечено: *Каллаш 1907*. С. 115—116): Русский вестник. 1842. Т. I. Январь. № 1 (ценз. разр. 31 декабря 1841; ценз. билет 7 января 1842 — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 274. Л. 2). Отд. IV: Извѣстія и смѣсь. Листокъ полезнаго и забавнаго веществословія. С. 22—23 (4-й пагинации), под заглавием «Эпиграмма» и с вариантами:

[1] Нашъ пріятель Пустяковъ

[3] Но съ шампанскимъ жирный пловъ

[5] Вамъ докажутъ, лучше словъ,

Сочинение эпиграммы неоднократно приписывалось А. С. Пушкину, под именем которого текст распространялся в списках и рукописных сборниках:

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 4. Л. 135 (С. 299 старой нумерации) — список в тетради П. И. Бартенева («Записи П. И. Бартенева о Пушкине. 1851 г.»); заглавие: «Льву Сергѣевичу Пушкину», с вариантом ст. 3 «Но съ шампанскимъ...». Опубл.: *Цявловский 1936*. С. 518;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 43. Л. 7 — список в тетради «Неизданные стихотворения Пушкина», заглавие: «Льву Сергѣевичу Пушкину»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 60. Л. 7 — список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина (т. н. Якушкинская тетрадь); заглавие: «Льву Серг. Пушкину», датировано: «1819 г.»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...», в ст. 5 «докажетъ»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 63. Л. 50 — список в «Сборнике стихотворений А. С. Пушкина» середины XIX в.; заглавие: «Льву Сергевичу Пушкину»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...», в ст. 5 «докажетъ»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 92. Л. 100—100 об. — список в сборнике П. Александрова («Сочинения Пушкина, не вошедшие в Собрания его сочинений: посмертное и П. Анненкова, с приложением некоторых материалов для его биографии. Москва, 1857 г.»); заглавие: «Л. С. Пушкину»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. Л. 21 об. — список в сборнике копий произведений А. С. Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина. Рукой Е. И. Якушкина; заглавие: «На него же» (т. е. «На Льва Пушкина»); в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...», в ст. 5 «докажетъ»;

Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 69 — список рукой П. А. Ефремова на листах, вклеенных в 7-й том «Сочинений» А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова; заглавие: «Л. С. Пушкинъ», в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...».

Под именем Пушкина текст неоднократно публиковался:

Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 12. Стлб. 370 (заглавие: «Льву Сергѣевичу Пушкину»; в общей рубрике «Мелкія стихотворенія А. С. Пушкина [Изъ рукописныхъ сборниковъ]»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»);

Полярная звезда на 1858, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. IV. Лондон, 1858. С. 272 (заглавие: «Льву Сергѣевичу Пушкину», в подборке «Неизданныя

стихотворенія А. С. Пушкина»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»; под стихотворением дата без последней цифры: «181...»);

Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. С. 44 (текст по «Полярной звезде»; подпись: «А. Пушкинъ»);

Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 92 (заглавие: «Льву Сергѣевичу Пушкину»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»);

Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 120 (заглавие: «Льву Сергѣевичу Пушкину», в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»; так же во 2-м издании [*Гербель 1870*. С. 120]).

Публикация Гербеля вызвала возражение П. А. Вяземского, который на полях 2-го издания сборника приписал: «не должно быть Пушкина. Про брата не сказалъ бы онъ: Нашъ пріятель...» (Старина и новизна. Кн. VIII. СПб., 1904. С. 38; об экземпляре книги из Остафьевской библиотеки — см.: Там же. С. 8).

Впоследствии сам Гербель указал на ошибочность атрибуции эпиграммы Пушкину: «выяснилось, что долго приписываемыя Пушкину стихотворенія „Цапли“, „На мнимую смерть Л. С. Пушкина“, „Къ Л. С. Пушкину“ (*Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ*) <...> принадлежатъ не ему» (*Гербель 1876*. С. 206; курсив оригинала). На это указание Гербеля возражал П. А. Ефремов: «с о в е р ш е н н о б е з д о к а з а т е л ь н о отрицается г. Гербелемъ принадлежность Пушкину нѣкоторыхъ стихотворныхъ замѣтокъ, тогда какъ многія изъ нихъ, по имѣющимся указаніямъ, несомнѣнно принадлежатъ Пушкину, напримѣръ: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ“» (*Ефремов 1879*. С. 732; разрядка оригинала). Принадлежность стихотворения Пушкину утверждал и Л. Н. Павлищев (*Павлищев 1890*. С. 99—100; текст без заглавия, в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»).

Однако затем Ефремов изменил свою точку зрения и назвал автором стихотворения С. А. Соболевского — см. *Пушкин 1903—1905*. Т. VII. С. 199 («Кстати приводимъ и характеристику, сдѣланную Соболевскимъ <далее цитируется текст куплета — в ст. 3 „Но съ шампанскимъ...“>»). Той же атрибуции придерживался и В. В. Каллаш, включивший текст в сборник Соболевского «Эпиграммы и экспромты» (*Соболевский 1912*. С. 35; заглавие «На Л. С. Пушкина (брата поэта)»; в ст. 3 «Но съ шампанскимъ...»). Атрибуцию текста Соболевскому упоминал и Л. Н. Майков: «эпиграмма, приписываемая то его брату [А. С. Пушкину], то Соболевскому» (*Майков 1899*. С. 26; текст без заглавия, в ст. 3: «Но съ шампанскимъ...»).

В корпус текстов Боратынского текст введен М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 201; раздел «Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами) на основании записи С. А. Соболевского на полях тетради Лонгинова-Полторацкого. В собраниях сочинений А. А. Дельвига куплет «Наш приятель Пушкин Лев...» печатается в рубрике «Коллективное», начиная с издания 1934 г. (*Дельвиг 1934*. С. 430).

О датировке текста см. в примечаниях к № 234.6.

(б)

Өедоръ Глинка молодецъ
    Псалмы сочиняетъ;
Его хвалитъ Богъ-Отецъ,
    Богъ-сынъ потакаетъ;
Духъ Святой, извѣстный льстецъ,
Говоритъ, что онъ пѣвецъ....
    Болтаетъ, болтаетъ!

<?>

234.б. «Өедоръ Глинка молодецъ...»

Печатается по списку в тетради Лонгинова-Полторацкого: ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 92 (С. 183 по внутренней нумерации тетради). Заглавие — «На Өедора Николаевича Глинку». На полях запись рукой С. Д. Полторацкого: «Замѣтка Соболевскаго: Той же Компаніи, что и № LXIX» (т. е. куплет «Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ...»).

Участие Дельвига и Боратынского в сочинении куплета на Глинку утверждалось в мемуарах А. И. Дельвига: «За этою строфою [„Нашъ пріятель, Пушкинъ Левъ...“] слѣдовала строфа о поэтѣ Өеодорѣ Николаевичѣ Глинкѣ, извѣстномъ тогда перелагателѣ въ стихи псалмовъ Царя Давида» (*Дельвиг 1912*. С. 52; текст эпиграммы [без заглавия, в ст. 3 «Внемлет ему бог отец», в ст. 7 «Болтает (bis)»] воспроизведен только в советском издании: *Дельвиг 1930*. Т. 1. С. 73). На коллективное авторство эпиграммы указывал также Н. В. Гербель: «сочинена цѣлою компаніею: Дельвигомъ, Баратынскимъ и другими...» (*Гербель 1861а*. С. X; *Гербель 1861б*. С. XI; *Гербель 1870*. С. IX—X).

Как и предыдущий куплет, куплет о Федоре Глинке распространялся под именем А. С. Пушкина:

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 60. Л. 7 — список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина (т. н. Якушкинская тетрадь); заглавие: «Ө. Н. Глинкѣ», датировано: 1819 г.;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 63. Л. 47 — список в «Сборнике стихотворений А. С. Пушкина» середины XIX в.; заглавие: «Ө. Н. Глинкѣ», текст зачеркнут;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. Л. 21 об. — список в сборнике копий произведений А. С. Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина. Рукой Е. И. Якушкина; заглавие: «Ө. Н. Глинкѣ», в ст. 5 «лжецъ»;

РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 61. Л. 103 — список в «Сборнике произведений А. С. Пушкина» («вторая Долгоруковская тетрадь»); заглавие: «Ф. Н. Глинкѣ», с вариантами ст. 3—7: «Ихъ читаетъ Богъ-отецъ / Богъ-сынъ не читаетъ: / Говоритъ, что онъ, подлецъ, / Насъ съ отцомъ лишь надуваетъ!» (ср. ниже вариант, опубликованный В. Н. Орловым);

РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. № 1. Л. 60 — список в сборнике «Вакханалический певец И. С. Барков — биография с приложением его произведений и произведений других авторов»; заглавие «Ѳ. Н. Глинки», с пропусками и сокращениями в ст. 3—5 («Б—ецъ», «...... потакаетъ», «Д—ой») и примечаниями переписчика: «Въ рукописи у насъ находящейся <...> въ числѣ другихъ стихотвореній, слѣдующіе три съ подписью Пушкина», «здѣсь <...> подразумеваются какіе-нибудь личности, вѣроятно изъ писателей»;

Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 68 об.—69 — список рукой П. А. Ефремова на листах, вклеенных в 7-й том «Сочинений» А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова; заглавие: «Ѳ. Н. Глинка»; текст записан в двух вариантах, один из которых совпадает с записью в тетради Лонгинова-Полторацкого; второй вариант см. ниже; текст сопровождается пометой Ефремова: «Приписыв. Соболевскому».

Стихотворение впервые опубликовано Н. П. Огаревым, также под именем Пушкина: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 85 (заглавие: «Ѳ. Глинкѣ»; с вариантами в ст. 5 «Духъ святой, извѣстный лжецъ» и ст. 7 «Онъ болтаетъ, все болтаетъ»).

Авторство Пушкина последовательно отводил Н. В. Гербель (поначалу отстаивавший пушкинскую атрибуцию куплета № 234.а): «Намъ <...> положительно извѣстно, что нижепоименованныя эпиграммы написаны не Пушкинымъ, хотя общественное мнѣніе упорно приписываетъ ихъ ему. Помѣщаемъ здѣсь начальныя строки этихъ эпиграммъ: — «Ѳедоръ Глинка молодецъ...» (*Гербель 1861а*. С. IX—X; *Гербель 1861б*. С. XI; *Гербель 1870*. С. IX—X; ср. также *Гербель 1876*. С. 206)

Иной вариант текста был опубликован В. Н. Орловым (*Эпиграмма и сатира*. Т. 1. С. 405; подпись: «[Аноним]»; в примечаниях (С. 480) со ссылкой на мемуары А. И. Дельвига оговорено авторство Боратынского и Дельвига):

Федор Глинка — молодец,
Оды богу сочиняет;
Их читает бог-отец,
А бог-сын их не читает:
Говорит, что «он, подлец,
Нас с папашей надувает».

Близкий к опубликованному вариант куплета сохранился в записи С. Д. Полторацкого: ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 11. № 64. Л. 1 об. — без заглавия, с вариантами ст. 2—6: «Богу псалмы сочиняетъ / Ихъ читаетъ Богъ отецъ / Богъ же сынъ ихъ не читаетъ / Говоритъ, что Глинка льстецъ / Насъ съ папашей надуваетъ», а также в списке рукой П. А. Ефремова (Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 69; в ст. 2: «Гимны сочиняетъ», в ст. 4 «Богъ-Сынъ — не читаетъ»).

В собрание стихотворений Боратынского текст впервые введен И. Н. Медведевой и Е. Н. Купреяновой (Изд. 1936. Т. I. С. 328), где напечатан вместе с куплетом о Льве Пушкине в разделе «Стихотворения, написанные совместно с другими поэтами» (источник текста не указан). В корпус сочинений А. А. Дельвига куплет «Фе-

дор Глинка молодец...» впервые введен Б. В. Томашевским, отметившим совместное авторство Дельвига и Баратынского (*Дельвиг 1934*. С. 430; раздел: «Стихотворения, написанные совместно с другими», текст, соответствующий публикации Огарева, — в ст. 5 «Дух святой, известный лжец...»).

По воспоминаниям А. И. Дельвига, после строф о Льве Пушкине (№ 234.а) и Федоре Глинке (№ 234.б) «слѣдовали строфы о другихъ лицахъ и, между прочими, о Соколовѣ, непремѣнномъ Секретарѣ бывшей Россійской Академіи»:

Непремѣнный Секретарь
Соколовъ Россейской,
О запачканная тварь
Съ харей фарисейской *и т. д.*

Цит. по рукописи: ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 3018. Т. I. С. 100 (ср. *Дельвиг 1912*. С. 52; *Дельвиг 1930*. Т. 1. С. 74).

Однако еще Б. В. Томашевский предположил, что А. И. Дельвиг в данном случае ошибочно припомнил текстуально близкую к записи куплета строфу о П. И. Соколове из сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», и на этом основании не включил эти строки ни в основной текст, ни в примечания (*Дельвиг 1934*. С. 502). Ср. текст Воейкова (цит. по: *Поэты 1790—1810-х*. С. 804):

Вот он с харей фарисейской
Петр Иваныч осударь,
Академии Расейской
Непременный секретарь.
Ничего не сочиняет,
Ничего не издает,
Три оклада получает
И столовые берет

Позиция Томашевского была поддержана всеми последующими издателями Дельвига и Боратынского, не включавшими этот куплет в соответствующие издания. Не оспаривая сложившейся издательской традиции, отметим, что строфа о Соколове в сатире Воейкова появилась позднее, чем были сочинены комментируемые куплеты (а именно, в промежутке между 1828 и 1834 гг. — *Балакин 2007*. С. 202), и могла, в свою очередь, опираться на их текст.

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать куплеты, а также решить, были ли они сочинены в одно время, мы не располагаем. Верхняя граница их создания может быть установлена по времени женитьбы Дельвига (30 октября 1825 г.; предложено Ю. Н. Верховским — *Верховский 1935*. С. 135) и переезда Боратынского в Москву (начало октября 1825 г. — *Летопись*. С. 163).

Изд. 1914—1915. Т. I. С. 201 (текст куплета о Льве Пушкине по тетради Лонгинова-Полторацкого), *325* (указан источник публикации: «рукописный сборник Лонгинова», датировка:

1825—1826). — *Изд. 1936. Т. I. С. 328* (текст двух куплетов — о Льве Пушкине и Федоре Глинке по тетради Лонгинова-Полторацкого; в ст. 3 куплета о Глинке «бог-отец», в ст. 5 «святой» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях, кроме *Изд. 2000*); *Т. II. С. 300—301* (отмечена первая публикация куплета о Льве Пушкине и перепечатка в «Библиографических записках», приведено свидетельство Соболевского и А. И. Дельвига об авторстве куплетов). — *Изд. 1982. С. 371—372, 494* (приведены разночтения по «Русскому вестнику» в ст. 1 и 5). — *Изд. 1989. С. 311* (датировка: 1825), *438—439* (отмечена перепечатка куплета о Льве Пушкине в «Полярной звезде»). — *Изд. 2000. С. 319* (в ст. 3 «Его хвалит Бог отец»), *507* (датировка: предположительно 1821—1824 гг.).

235

Быль

Встарь, жилъ-былъ Пѣтухъ Индѣйскій:
Цаплѣ руку предложилъ;
При Дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.

Онъ дѣтей молилъ, какъ дара —
И услышалъ богъ боговъ:
Родилася цаплей пара,
Неродилось пѣтуховъ.

Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ;
Длинны, очень длинны стали,
И глядятъ на куликовъ.

Вотъ отцу пришла забота
Цаплей за мужъ выдавать;
Онъ за каждой два болота
Могъ въ приданое отдать.

Кулики къ нему летали
Изъ сосѣднихъ, дальнихъ мѣстъ;
Но лишь кормъ они клевали, —
Не глядѣли на невѣстъ.

Цапли вяли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу вздохнувъ:
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

<Не ранее начала октября 1825 — не позднее начала ноября 1826>

235. Быль («Встарь, жилъ-былъ Пѣтухъ Индѣйскій...»)

Печатается по единственной прижизненной публикации: Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». 1831. № 6. 21 января (ценз. разр. 17 января). С. 46—47 (заглавие: «Быль»; подпись: *Сталинскій*).

Копия, представленная на рассмотрение цензуры и послужившая источником публикации, рукой А. Ф. Воейкова: ОР РНБ. Ф. 831. № 8. Л. 34—34 об. (заглавие: «Быль»; подпись: *Сталинскій*; в ст. 6 иное правописание одного слова: «Богъ»; на полях пометы: «въ Газету», «въ Литтер.<атурныя> прибав.<ленія> къ рус.<скому> инвал.<иду>»). В копии также отметки цензора П. И. Гаевского: «По журналу 18 ноября <1830>», «Можно 18 ноя.<бря 1830>»; внизу под стихотворением подпись: «Цензоръ Гаевскій. 29 Ноя.<бря> 1830».

Гаевский подавал запрос Воейкову о личности автора стихотворения: «18 Янв. <аря><1831>. Спрашивалъ у Г. Воейкова, кто имянно *Сталинскій*, подписавшійся подъ статьею *Быль*, въ 6 № Литт. Приб. къ Русскому Инвалиду. Онъ отвѣчалъ письменно, что онъ полагаетъ, что статья сія принадлежитъ Александру Ник.<олаевичу> Сталинскому, воспитывавшемуся вмѣстѣ съ нимъ въ Моск. Университетскомъ пансіонѣ. — Статья сія получена имъ изъ Москвы до Высочайшаго повелѣнія о подписи именъ Авторовъ. — Я вносилъ сіи стишки въ Ценз. Комитетъ, который одобрилъ ихъ по Журналу 18 Ноя.<бря> 1830 г.» (Секретный журнал Цензора Гаевского, об именах Авторов и Переводчиков» — ОР РНБ. Ф. 831. № 7. Л. 57 об.—58). Гаевский вынес «*Быль о Пѣтухѣ Индѣйскомъ и Цапляхъ*, соч. Сталинскаго въ стихахъ» на рассмотрение цензурного комитета, так как «сомнѣвался не заключается ли въ оныхъ какихъ нибудь личностей. Засѣданіе Комитета, признавая обѣ упомянутыя статьи за общія сатирическія сочиненія положило: допустить къ напечатанію» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 271. Л. 229; см. также РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 979. Л. 58).

Происхождение воейковского списка не установлено; вероятно, публикация в «Литературных прибавлениях» была осуществлена без авторского согласия.

Обнаружение копии рукой Воейкова, а также публикация его объяснений, поданных на запрос цензора, об авторе стихотворения (Отчет ИПБ 1892. С. 158; ср. выше) послужили основанием приписать авторство текста самому Воейкову (*Витберг 1903*. С. 245—247; *Пушкин 1907—1915*. Т. IV. С. XII, примечания Н. О. Лернера).

Стихотворение было сочинено Боратынским и С. А. Соболевским, о чем свидетельствует указание последнего на полях тетради Лонгинова-Полторацкого: «Эти стихи написаны Е. А. Баратынскимъ и мною въ 1825 году, до пріѣзда Пушкина изъ деревни. С. Соболевскій» (ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 79). См. также примечания к стихотворению в некоторых списках: «Эту эпигр.<амму> написали собща <так!> Барат.<ынскій> и Соболевскій и выдали за пушкинскую. Солнцевъ обидѣлся и почти поссорился съ Пушк.<инымъ>, такъ что авторы должны были объяснить истину» (сборник П. А. Ефремова — РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 55. Л. 175); «Стихотвореніе это написано Баратынскимъ и Соболевскимъ — и тогда же было приписано Пушкину» (сборник из библиотеки В. Е. Якушкина — ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. Л. 24 об.). Эти позднейшие указания косвенно подтверждаются словами Вяземского в письме Пушкину от 26 июля 1828 г., из которых следует, что герои стихотворения — семейство тетки Пушкина Елизаветы Львовны и М. М. Сонцова — действительно считали автором

Пушкина («Золотарева <...> представляла мне в лицах, как Сонцева жаловалась ей на тебя за стихи Жил да был петух Индейский <...>» — *Пушкин 1937—1959.* Т. XIV. С. 23).

Известна помета самого Пушкина на списке стихотворения, скопированном в тетради П. И. Бартенева (описание см. ниже): «Это не я, это Левушка [и] Баратынскій, а я только поправлялъ» (указание на авторство Л. С. Пушкина — ошибка памяти: его не было в Москве в 1825—1826 гг.).

Под именем Пушкина стихотворение распространялось в списках и включалась в рукописные сборники его неизданных стихотворений — см., например:

РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5210. Л. 1—1 об. — отдельная копия, заглавие: «Исторія С......Семейства»; подписано: А. Пушкинъ;

РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. № 84. Л. 53 об.—54 — список в тетради из архива С. П. Шевырева, без заглавия; подписано: Пу<шкинъ>;

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 4. Л. 152 (С. 333 старой нумерации) — список рукой П. И. Бартенева в его тетради («Записи П. И. Бартенева о Пушкине. 1851 г.»); без заглавия, подпись: «А. Пушкинъ»; ниже скопирована помета, очевидно, самого Пушкина (см. выше); опубл.: *Цявловский 1936.* С. 522;

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. № 451. Л. 1—1 об. — отдельная копия из коллекции П. И. Бартенева; без заглавия, подписано: А. Пушкинъ;

РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 39. Л. 2 об. — список на отдельном листе, вместе с эпиграммами на Булгарина (заглавие: «Басня», подписано: А. Пушкинъ);

РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 61. Л. 86 об.—87 — список в «Сборнике произведений А. С. Пушкина» («вторая Долгоруковская тетрадь»); заглавие: «Индѣйскій пѣтухъ»; текст перечеркнут, на полях помета: «Е. Баратынскаго»;

ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 79—79 об. (С. 157—158 по внутренней нумерации тетради) — список в тетради Лонгинова-Полторацкого, заглавие: «Цапли»; о первоначальной атрибуции текста Пушкину свидетельствует его включение в сборник;

ОР РГБ. Ф. 218. № 253. Л. 95 — список в тетради «Разные сочинения»; заглавие «Цапля»; подписано: А. Пушкинъ;

ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 118. № 5. Л. 22—22 об. — список в тетради «Стихотворении А. Пушкина» из коллекции В. Я. Брюсова; без заглавия; подписано: «Пушкина»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 21. Л. 5—5 об. — список в тетради копий из архива Л. Н. Майкова; заглавие: «Невѣсты», подписано: А. Пушкинъ;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 43. Л. 6—6 об. — список в тетради «Неизданные стихотворения Пушкина», заглавие: «Цапли»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 52. Л. 4 об. — список среди копий стихотворений А. С. Пушкина на отдельных листах, из материалов В. П. Гаевского, поступивших в архив В. Е. Якушкина; заглавие: «Цапли»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 100. Л. 84 — список в сборнике Н. А. Долгорукова «Стихотворения А. С. Пушкина, вовсе не напечатанные или измененные в печати, или ему приписываемые»; заглавие: «Индѣйскій пѣтухъ»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. Л. 24 об.—25 — список в сборнике копий произведений Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина; заглавие: «На Солнцевыхъ»;

Копия Грота в письме П. А. Плетневу от 3 апреля 1850 г. («стихи, написанные Пушкинымъ на его родственницъ С—выхъ въ Москвѣ», без заглавия; опубл.: *Грот, Плетнев. Переписка*. Т. 3. С. 505—506);

Под именем Пушкина текст печатался в заграничных сборниках: Полярная звезда на 1858, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. IV. Лондон, 1858. С. 271 (заглавие: «Цапли», в подборке «Неизданныя стихотворенія А. С. Пушкина»); Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. С. 3—4 (заглавие: «Цапли», подпись: «А. Пушкинъ»).

На ошибочность атрибуции стихотворения Пушкину и авторство Боратынского в печати впервые указал П. В. Анненков: «Многое приписывается у насъ и въ рукописныхъ сборникахъ и даже печатно Пушкину, что ему не принадлежитъ. <...> Экспромты о „націяхъ“ <...> столь же мало принадлежатъ ему, какъ и стихи извѣстной сатирической пьесы: „Цапли“, находимые во всѣхъ сборникахъ съ помѣткой: А. П., а между тѣмъ написанные Баратынскимъ» (*Анненков 1855—1857*. Т. VII. С. 10; атрибуция Анненкова была принята Н. В. Гербелем: *Гербель 1861а*. С. VIII—IX; *Гербель 1861б*. С. IX—X; *Гербель 1876*. С. 206).

Авторство Боратынского также специально отмечал П. А. Вяземский: «стихи <...> „Жилъ да былъ пѣтухъ Индѣйской“ напрасно приписываютъ А. С. Пушкину. Они принадлежатъ Баратынскому» (Русский архив. 1866. № 6. Стлб. 862). Эта публикация Вяземского вызывала возражения Л. Е. Боратынского, просившего Бартенева в письме от 8 июня 1866 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8. № 41. Л. 1—1 об.) напечатать опровержение, которое было опубликовано в 10-м номере «Русского архива» за 1866 г. (Стлб. 1506—1507): «Сынъ поэта <...> проситъ насъ заявить, что по его соображеніямъ, стихи эти отнюдь не могутъ принадлежать отцу его», однако возражения Л. Е. Боратынского, основанные лишь на отсутствии рукописей стихотворения в семейном архиве, малоубедительны (см.: *Каллаш 1902*. С. 197; *Цявловский 1936*. С. 523).

С атрибуцией Боратынскому текст был впервые напечатан: Библиографические записки. 1858. № 8 (ценз. разр. 10 апреля 1858). Стлб. 237 (заглавие: «Цапли», подзаголовок: «Неизданное сатирическое стихотвореніе, приписанное Е. А. Баратынскому»). Под его же именем было опубликовано в сборниках: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 271; заглавие: «Цапли (Баратынскаго)»; *Лютня II*. С. 290—291; заглавие «Цапли», подпись: *Баратынскій*.

С подписью Боратынского стихотворение иногда распространялось и в списках: РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 55. Л. 175 (заглавие: «Цапли (отрывокъ изъ сказки)», сверху другими чернилами подписано: «(На Солнцевыхъ)»; подпись: Е. Баратынскій); см. также: РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. № 1. Л. 58 об.—59 (заглавие: «Цапля. Сатирическое стихотворение, приписываемое Е. А. Баратынскому»).

Текст публикации в «Литературных прибавлениях» отражает наиболее исправный и полный в сюжетном и текстовом отношении вариант стихотворения. Тот же вариант — с разночтениями и неточностями — в публикации «Библиографических записок», списке Грота, отдельном списке из коллекции Бартенева (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. № 451), списке из собрания Л. Н. Майкова (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 21), списке в сборнике из библиотеки Якушкина (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104), списке в тетради барковианы (РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. № 1).

Однако на каком-то этапе текст получил хождение и в другом варианте, основные отличия которого — иной зачин («Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской...») и отсутствие предпоследней строфы («Кулики къ нему летали...»). Ср. текст копии в тетради Лонгинова-Полторацкого (ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 79—79 об.):

Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской,
Цаплѣ руку предложилъ,
При Дворѣ взялъ чинъ лакейской
И въ супружество вступилъ.

Онъ просилъ у Неба дара
Вотъ его услышанъ зовъ
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.

Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ
Длинны очень длинны стали
И глядятъ на пѣтуховъ.

Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать
Онъ за каждой два болота
При замужствѣ хочетъ дать.

Цапли вяли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу, вздохнувъ:
На болотахъ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

В таком виде текст фиксируется некоторыми ранними списками и многочисленными позднейшими копиями — см. список в тетради из архива Шевырева с записями 1827—1829 гг. (РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. № 84); список в тетради Бартенева (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 4), список из архива Вяземских (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5210), список из пушкинской коллекции РГАЛИ (Ф. 384. Оп. 1. № 39), список в тетради из коллекции Брюсова (ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 118. № 5), список в тетради «Разные сочинения» (ОР РГБ. Ф. 218. № 253), список в сборнике Н. А. Долгорукова (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 100).

Другая группа списков отражает попытку заполнить сюжетную лакуну, связанную с отсутствием предпоследней строфы, без которой финал («Цапли вяли, цапли сохли...») остается не вполне мотивированным. Четвертая строфа наращивается двумя дополнительными строками, дающими необходимую сюжетную мотивировку, — см. списки в сборнике П. А. Ефремова (РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 55), в материалах В. П. Гаевского (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 52), в тетради «Неизданные стихотворения Пушкина» (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 43) публикации в «Полярной звезде», «Новых стихотворениях Пушкина и Шавченки», «Русской потаенной литературе», а также варианты «Библиографических записок»:

вместо ст. 17—20

Но кому-жъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?

В собрание сочинений Боратынского стихотворение впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 325), напечатавшим его по публикации в «Литературных прибавлениях» в разделе «Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами».

Датируется по первой публикации и указанию С. А. Соболевского в сборнике Лонгинова-Полторацкого. Нижняя граница датировки определяется временем приезда Боратынского в Москву (*Летопись*. С. 163), верхняя — по наиболее раннему известному упоминанию стихотворения в письме Пушкина Соболевскому от 9 ноября 1826 г. («На голос: *Жил да был петух индейской*» — *Пушкин 1937—1957*. Т. XIII. С. 302—303).

Изд. 1914—1915. Т. I. С. 200—201 (текст по «Литературным прибавлениям»; с перестановкой слов в ст. 13: «Вотъ пришла отцу забота»; датировка: 1825), *324—325* (текст по копии Лонгинова-Полторацкого, воспроизведены пометы С. А. Соболевского; приведены варианты по «Библиографическим запискам»). — *Изд. 1936. Т. I. С. 327* (текст под заглавием: «Цапли» с вариантами: ст. 1 «Жил да был петух индейский», ст. 5—6 «Он молил детей как дара / И услышал Саваоф», ст. 13 «Вот пришла отцу забота», ст. 15—16 «Он за каждой три болота / При замужстве хочет дать», ст. 18—20 «Из далеких, ближних мест; / Но лишь корм один клевали — / И не смотрят на невест», ст. 22 «И увы! скажу, вздохнув»); *Т. II. С. 299—300* (назван источник текста: «Библиографические записки» с поправками по сборнику «Русская потаенная литература»; подпись под первой публикацией ошибочно передана как «Стравинский»). — *Изд. 1957. С. 313* (текст по «Литературным прибавлениям», в ст. 13 «Вот пришла отцу забота», в ст. 18 «дальных»; датировка: 1825). — *Изд. 1982. С. 370—371* (текст по *Изд. 1936* под заглавием «Быль» с вариантами: в ст. 15—16 «Он за каждой два болота / Мог в приданое отдать», в ст. 19—20 «Но лишь корм они клевали — / Не глядели на невест», — так же в *Изд. 2000*). — *Изд. 1989. С. 311—312* (текст по «Литературным прибавлениям», с вариантами: в ст. 6 «И услышал Саваоф», ст. 13 «Вот пришла отцу забота», ст. 20 «Не смотрели на невест»; датировка: 1825), *439—440* (поправка в ст. 6 необоснованно мотивируется цензурным искажением в публикации).

236

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Елегію семьѣ своей читалъ,
А козачекъ огарокъ свѣчки сальной
Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищалъ. —
Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!
Онъ дочерямъ въ восторгѣ закричалъ. —
Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры,
Ахъ! что слезой твой осребрило взоръ?
А тотъ ему въ отвѣтъ: *мнѣ хочется на дворъ!*

<15 мая 1827>

236. «Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный...»

Печатается по записи в дневнике И. М. Снегирева под 15 мая 1827 г.: ПД. Ф. 361. № 64. Л. 96 (впервые опубл.: *Лернер 1911*. С. 3; см. также *Лернер 1913*. С. 50); с исправлениями в ст. 1 *Шаликовъ* → *Шаликовъ*, -- ст. 2 *сѣмьѣ* → *семьѣ*

В дневнике Снегирева (Л. 95 об.—96) содержится рассказ об обстоятельствах сочинения эпиграммы: «къ Погодину на завтракъ, гдѣ я нашелъ Пушкина, К. Вяземскаго <...>. За столомъ Пушкинъ съ Баратынскимъ написали на Шал.<икова> слѣд.<ующее> по случаю разсказаннаго анекдота <далее записан текст>». О том же эпизоде на завтраке у Погодина см. также в записках В. Ф. Щербакова: «Г. Погодин, делая прощальное угощение Пушкину перед отъездом сего последнего из Москвы, пригласил многих литераторов: как-то Боратынского, польского поэта Мичкевича <так!>, Полевого, Муханова и проч. Они все вместе сочинили эпиграммы на кн. Шаликова. Между прочим был рассказан анекдот о последнем: „Однажды князь читал нежную свою элегию жене своей, козачок, паж Шаликова, светил ему за стулом. Среди чтения князь услыхал, что мальчик плачет. «Друг мой, неужели ты тронулся стихами? Скажи мне, что более всего тебя поразило, что более всего заставило плакать?“» — Мне захотелось, ваше сиятельство, на двор, — отвечал простодушный паж» (Цит. по: *Верховский 1935*. С. 137).

Свидетельство Снегирева представляется веским аргументом для атрибуции эпиграммы совместно Пушкину и Боратынскому.

Тем не менее сочинение эпиграммы долгое время приписывалось единолично Пушкину. Под его именем текст распространялся в списках (ср. *Пушкин 1937—1959*. Т. III. Кн. 2. С. 1296—1297):

ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 2. Л. 47 об. (С. 476 по внутренней нумерации) — список в тетради Лонгинова-Полторацкого; заглавие: «Эпиграмма»;

ОР РГБ. Ф. 299. № 318. Л. 125 об. — список в тетради Н. С. Тихонравова «Избранные стихотворения А. С. Пушкина»; без заглавия;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 34. Л. 49 — список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина, под названием «А. С. Пушкинъ. Стихотворенія (нецензурныя)». Из собрания П. Я. Дашкова (т. н. «тетрадь Дашкова»); заглавие: «Nа Кн. Шаликова»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 60. Л. 12 — список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина (т. н. Якушкинская тетрадь); без заглавия;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 63. Л. 48 — список в «Сборнике стихотворений А. С. Пушкина середины XIX столетия»; заглавие: «На Кн. Шаликова»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 91. Л. 30 об. — список в сборнике «Всякая всячина. Ч. 6. Сборник копий сочинений разных авторов 1852 г.»; заглавие: «Мнѣ хочется на дворъ»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 92. Л. 29 — список в сборнике П. Александрова («Сочинения Пушкина, не вошедшие в Собрания его сочинений: посмертное и П. Анненкова, с приложением некоторых материалов для его биографии. Москва, 1857 г.»); заглавие: «Эпиграмма на Князя Шаликова»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. Л. 22 об. — список в сборнике копий произведений А. С. Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина. Рукой Е. И. Якушкина; без заглавия;

Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 70 об.—71 — список рукой П. А. Ефремова на листах, вклеенных в 7-й том «Сочинений» А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова; заглавие: «Кн. Шаликовъ».

Впервые опубликована — под именем Пушкина — Н. В. Гербелем: Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 109 (без заглавия); см. также *Гербель 1870*. С. 109; *Гербель 1876*. С. 226.

По другому источнику эпиграмма была напечатана в сборнике: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 87 (заглавие: «Шаликову»)

Публикация Гербеля в «Русском архиве» (Гербель 1876) вызвала возражения П. А. Ефремова: «какъ Пушкинское стихотвореніе, онъ [Гербель] напечаталъ эпиграмму на кн. Шаликова <...>, тогда какъ это ничѣмъ не подтверждается» (*Ефремов 1879*. С. 731; ср.: *Ефремов 1903*. С. 5—6; *Пушкин 1903—1905*. Т. VIII. С. 111—112). В авторстве Пушкина сомневался и П. А. Вяземский: «Врядъ ли Пушкина, развѣ Соболевскаго съ содѣйствіемъ Пушкина» (Старина и новизна. Кн. VIII. СПб., 1904. С. 37). На основании этого указания Вяземского В. В. Каллаш включил эпиграмму в число текстов Соболевского: *Соболевский 1912*. С. 13.

В дальнейшем наибольшее внимание издателей Пушкина привлек ранний список эпиграммы, приложенный к письму П. П. Свиньина А. И. Михайловскому-Данилевскому от 30 августа 1827 г.: ПД. Ф. 527. Оп. 1. № 101. Л. 19. Список, выполненный писарским почерком, помещен на отдельном листке, вместе с другой эпиграммой Боратынского на князя Шаликова («Грузинской Князь, газетчикъ руской...», № 126), но не содержит указания на авторство:

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный
Элегію въ семьѣ своей читалъ,
А козачокъ огарокъ свѣчки сальной
Передъ пѣвцомъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищалъ.
«Вотъ, вотъ примѣръ съ кого берите дуры!»
Князь дочерямъ растрогавшись сказалъ:
«Откройся мнѣ о! милый сынъ натуры!
«Что, что слезой твой оросило взоръ?
А тотъ ему: Мнѣ хочется на дворъ!»

В отличие от записи в дневнике Снегирева и других известных списков, в тексте из архива Михайловского-Данилевского десятистишие состояло из равностопных строк (5-стопный ямб). Это давало основание предполагать, что эпиграмма изначально была написана равностопным ямбом, а все другие известные списки содержат метрическое искажение, подлежащее исправлению в критическом тексте. Видимо, исходя из подобных соображений, редакторы научных собраний сочинений Пушкина регулярно использовали список Свиньина и список Снегирева для создания контаминированного текста эпиграммы (см., например: *Пушкин 1937—1959*. Т. III. Кн. 1. С. 484; Кн. 2. С. 1296—1297). Однако, нельзя исключать, что стихотворение написано не равностопным, а вольным ямбом и, тем самым, контаминация не «исправляет», а искажает авторский текст.

В собрание сочинений Боратынского текст впервые введен М. Л. Гофманом с опорой на публикацию отрывка из дневника Снегирева (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 201; раздел «Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами»). В собраниях сочинений Пушкина эпиграмма печатается, начиная с издания под редакцией С. А. Венгерова (*Пушкин 1907—1915*. Т. V. С. XLIX; публикация Н. О. Лернера с указанием совместного авторства Пушкина и Боратынского).

Датируется по записи в дневнике Снегирева.

Гербель 1861. С. 109 (первая публикация текста за авторством Пушкина). — *Лернер 1911* и *Лернер 1913. С. 50* (текст по записи в дневнике Снегирева, указано совместное авторство Боратынского и Пушкина). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 201* (текст по публикации Лернера, в ст. 2 «Элегію», в ст. 3 «казачокъ» — так же во всех последующих изданиях) — *Изд. 1936. Т. I. С. 329*; *Т. II. С. 301* (указана первая публикация в сборнике Гербеля; датировка 15 мая 1827 г. — повторено в *Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000*). — *Изд. 2000. С. 320* (в ст. 9 ошибка: «серебрило» вместо «осребрило»).

237

Журналистъ Фиглярииъ и Истина

Онъ точно, онъ безспорно:
Фиглярииъ Журналистъ,
Марающій задорно
Свой безтолковый листъ!
А это что за дура?
Вѣдь Истина, ей, ей!
Давно-ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьемъ наведена,
Занятіямъ мараки
Пришла мѣшать она.

<4—19 мая 1827>

237. Журналистъ Фиглярииъ и Истина («Онъ точно, онъ безспорно...»)

Печатается по тексту первой публикации: Московский телеграф. 1827. Ч. XV. № 9 (ценз. разр. 5 мая, ценз. билет 6 июня 1827 — *Летопись.* С. 196; вышел 8 июня — Московские ведомости. 1827. № 46. 8 июня. С. 1839). Отд. II. С. 5 (2-й пагинации) — без подписи.

Автограф, послуживший основой публикации, — запись А. С. Пушкина с поправками его рукой и рукой Боратынского на отдельном листке, вшитом в цензурную рукопись соответствующего номера «Московского телеграфа»: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. Л. 49. Заглавие вписано рукой Н. А. Полевого; под текстом помета цензора: «читалъ И. Снегир<евъ>». На обложке рукописи — отметка: «№ 136. Подано 30 мая 1827».

Первоначальные варианты автографа и поправки: в ст. 9 и 10 — рукой Пушкина, в ст. 3 и 11 — рукой Боратынского.

3 Марающій [позорно] [упорно] задорно
9 На [бѣшеныя] чепуху и враки
10 Чутьемъ [приведена] наведена
11 [Безстыдному] Занятіямъ мараки

На соседнем листе цензурной рукописи (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. Л. 48) стихотворение в окончательной редакции скопировано писарским почерком; на копии помета

рукой Полевого: «Сіи стихи нарочно переписаны для набора, а при семъ прилагается и черновой списокъ, [по которому пр] подписанный Цензоромъ».

Автограф и материалы цензурной рукописи «Московского телеграфа» впервые опубликованы и описаны Т. Г. Цявловской (*Цявловская 1961.* С. 120—124).

Позднейшие копии Н. Л. Боратынской в ее альбомах: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 58, № 40. Л. 57—57 об. — заглавие: «На виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину»; № 41. Л. 46 — заглавие: «На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ а подлѣ него Истину» (помещено в раздел «Эпиграммы»).

Копия А. Е. Боратынской: Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 1 об. (заглавие: «На виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, *а подлѣ него* Истинну»).

Разночтения копий Н. Л. и А. Е. Боратынских:

4 Свой оглашенный листъ.

12 Мѣшать пришла она.

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 57—57 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым за единоличным авторством Боратынского: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 159 (1-й пагинации) — под заглавием: «На виньетку, представляющую господина за письменнымъ столомъ, а возлѣ него Истину» — с ошибочной пунктуацией в ст. 1 («Онъ точно! Онъ безспорно») и с разночтениями:

2 Зоиловъ журналистъ,

4 Свой оглашенный листъ.

12 Мѣшать пришла она.

Вплоть до обнаружения совместной записи Пушкина и Боратынского автором эпиграммы считался Боратынский. В собрание сочинений поэта текст — за его единоличным авторством — был введен в Изд. 1894 (Т. I. С. 77) по тексту публикации Тургенева. Как коллективное сочинение Боратынского и Пушкина эпиграмма печатается в изданиях Боратынского, начиная с Изд. 1982 (С. 373).

Автограф в цензурной рукописи «Московского телеграфа» — веское свидетельство в пользу соавторства Боратынского и Пушкина (ср. другую совместную эпиграмму, сочиненную на завтраке у Погодина 15 мая 1827 г. — «Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальной...»; № 236).

Датируется временем между выходом первого тома «Сочинений Фаддея Булгарина» с виньеткой, представляющей сочинителя и Истину (цензорский билет — 24 апреля 1827 г., поступило в продажу в Москве 4 мая — Московские ведомости. 1827. № 36. С. 1450; указано в: *Цявловская 1961.* С. 127) и отъездом Пушкина из Москвы 19 мая 1827 г. Точечная датировка эпиграммы 16 мая, предложенная Т. Г. Цявловской на основании записи в дневнике И. М. Снегирева о вечере у Полевого, где присутствовали Пушкин и Боратынский (*Цявловская 1961.* С. 129; поддержана: *Летопись.* С. 195; *Летопись Пушкина.* Т. 2. С. 265; также см. выше примеч. к № 236), представляется недостаточно обоснованной.

Тургенев 1854. С. 159 (текст по копии Н. Л. Боратынской с разночтениями в ст. 2, 4, 12; заглавие: «На виньетку, представляющую господина за письменнымъ столомъ, а возлѣ него Истину»). — *Изд. 1894. Т. I. С. 77* (текст по публикации Тургенева с ошибкой в ст. 2 «Зотовъ журналистъ»; заглавие: «Журналистъ Фигляринъ и Истина»; указано место первой публикации стихотворения). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 95* (текст по копиям Н. Л. Боратынской с соответствующими разночтениями в ст. 4 и 12; заглавие: «На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину»; датировка: 1827), *269—270* (введено искажение в ст. 2: «Зотовъ журналистъ», ошибочно названное представленным в «Московском телеграфе» и «Современнике» 1854 г.). — *Изд. 1936. Т. I. С. 306* (текст по *Изд. 1914—1915*); *Т. II. С. 290—291* (чтение ст. 2 в публикации Тургенева [«Зоилов журналист»] ошибочно названо представленным в «Московском телеграфе» — повторено в *Изд. 1989*; датировка: май 1827). — *Изд. 1957. С. 132* (текст по *Изд. 1914—1915*, но заглавие «Журналист Фиглярин и Истина»; с изменением написания отдельных слов в ст. 2 «Фиглярин-журналист» и в ст. 7 «конура» [так же в последующих изданиях]; датировка: 1827). — *Цявловская 1961. С. 120—133* (публикация автографа; установлено совместное авторство Боратынского и Пушкина; датировка: 16 мая 1827). — *Изд. 1982. С. 373* (текст по первой публикации — так же в *Изд. 1989* и *Изд. 2000*), *494* (варианты ст. 3, 9—11 по автографу; разночтения копий Н. Л. Боратынской в ст. 4 и 12 ошибочно названы представленными в «Московском телеграфе»), *683—684* (отмечено совместное авторство Боратынского и Пушкина со ссылкой на статью Т. Г. Цявловской; датировка: 16 мая 1827). — *Изд. 2000. С. 320, 444* (приведено несуществующее заглавие «Журналист Зоилов и Истина»; варианты публикации Тургенева ошибочно названы представленными в «Московском телеграфе»).

238

КУПЛЕТЫ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ КНЯГИНИ ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ 3го ДЕКАБРЯ 1828 ГОДА,

сочиненные въ Москвѣ *Кн. П. А. Вяземскимъ, Е А. Баратынскимъ, С. П. Шевыревымъ, Н. Ф. Павловымъ и И. В. Киреевскимъ*

Друзья! теперь видѣнья въ модѣ
И я скажу про чудеса:
Не разъ явленьями въ народѣ
Намъ улыбались небеса.
Они намъ улыбнулись мило
Небеснымъ гостемъ подаря:
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Вокругъ эѳирной колыбели,
Гдѣ гость таинственный лежалъ,
Невидимые хоры пѣли,
Незримый дымъ благоухалъ.
Зимой, весеннее свѣтило
Взошло безоблачно горя.
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Оно зашло и звѣзды пали
Съ небесъ высокихъ — и свѣтло́
Вѣнцомъ магическимъ вѣнчали
Младенца милое чело.
И ихъ сіяньемъ озарило
Судьбу младаго бытія:
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Одна ей пламя голубое
Въ очахъ плѣнительныхъ зажгла:
И вдохновеніе живое
Ей въ душу звучную влила.
Въ очахъ зажглось любви свѣтило,
Въ душѣ поэзіи заря:
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Звѣздой полуденной и знойной
Слетѣвшей съ Тассовыхъ небесъ,
Даны ей звуки пѣсни стройной,
Даръ гармоническихъ чудесъ:
Явленье это не входило
Въ невѣрный планъ календаря:
Но знаемъ мы, что это было
Оно на третье Декабря.

Земли небесный поселенецъ,
Росла плѣнительно она,
И что пророчилъ въ ней младенецъ,
Свершила дивная жена.
Не даромъ геніевъ кадило
Встрѣчало утро бытія:
И утромъ чуднымъ, утро было
Сегодня третье Декабря.

Мы, написавши эти строфы,
Еще два слова скажемъ вамъ,
Что, если наши филосо́фы
Не будутъ вѣрить чудесамъ,
То мы еще хранимъ подъ спудомъ
Имъ доказательство, друзья:
Она насъ подарила чудомъ
Сегодня въ третье Декабря.

Такая власть въ ея владѣньѣ,
Какая Богу не дана:
Намъ сотворила воскресенье
Изъ понедѣльника она.
И въ праздникъ будни обратило
Веселье кругъ нашъ озаря:
Да будетъ вѣчно такъ какъ было
Днемъ чуда третье Декабря!

<Не позднее 3 декабря 1828>

238. Куплеты на день рожденія княгини Зинаиды Волконской въ понедельникъ 3-го декабря 1828 года, сочиненные въ Москвѣ Кн. П. А. Вяземскимъ, Е. А. Баратынскимъ, С. П. Шевыревымъ, Н. Ф. Павловымъ и И. В. Киреевскимъ («Друзья! теперь видѣнья въ модѣ...»).

Печатается по первой публикации: Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной княжны Белосельской. Париж; Карлсруэ, 1865. С. 155—157; с исправлением: *И. Ф. Павловымъ* → *Н. Ф. Павловымъ* -- ст. 29 *свѣтило* → *свѣтило*.

Автограф неизвестен.

В собрание сочинений Боратынского впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 202—203), где напечатано в приложении в разделе «Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами».

Датируется по указанию в заглавии.

Изд. 1914—1915. Т. I. С. 202—203 (текст по первой публикации — так же во всех последующих изданиях; в заглавии сохранена опечатка в инициалах Павлова: «И. Ф. Павловым»; в ст. 8, 16, 24, 32, 40, 48, 56, 64 «декабря» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1936. Т. I. С. 330—332* (исправлена опечатка в инициалах Павлова, но опечатки в ст. 4 «улыбнулись» и в ст. 5 «улыбались»; в ст. 58 написание «богу» со строчной буквы — так же во всех последующих изданиях до *Изд. 2000*). — *Изд. 1957. С. 314—316* (исправлены опечатки *Изд. 1936*). — *Изд. 1982. С. 373—375* (в заглавии опечатка в инициалах Шевырева: «С. В. Шевырев»). — *Изд. 1989. С. 313—314* (в ст. 5 ошибочное чтение: «улыбнутся»). — *Изд. 2000. С. 321—322* (в ст. 58 написание «Богу» с заглавной буквы).

— V —

Dubia

239

je voudrais bien ma mère
célébrer tes vertus,
que de la main divine
en naissan tu reçus;
Pourrais-je m'en défendre,
voyant ta bonté.
ton ame douce et tendre,
ton esprit, ta beauté.
je pense, au nom de Flore,
de Vénus, de Psyché,
de Pallas et d'Aurore,
mais hélas, quel péché!
comparerais-je un être
si vrai, si beau, si bon;
aux beautés, dont peut être,
n'existe que le nom.
une beauté celeste,
si pleine de vertu,
si douce et si modeste
que toi n'existe plus.

<1806—1807 (?) или 1812—1813 (?)>

239. «Je voudrais bien ma mère...»

Печатается по копии Л. Е. Боратынского в альбоме Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 99 об.; с исправлениями: в ст. 5 *Pourrai je* → *Pourrais-je* -- ст. 9 *flore* → *Flore* -- ст. 10 *de vénus, de psyché* → *de Vénus, de Psyché,* -- ст. 11 *de pallas et daurore* → *de Pallas et d'Aurore,* -- ст. 12 *mais hélas quel péché* → *mais hélas, quel péché!* -- ст. 13 *comparerais je* → *comparerais-je* -- ст. 16 *necxista* — *n'exista* -- ст. 16 *le nom* → *le nom.* -- ст. 17 *beautés* → *beauté* -- ст. 19 *duce* → *douce*

Перевод: Я хотел бы, маменька, / Воспеть твои добродетели, / Данные тебе при рождении / Божественной десницей. / Могу ли я не петь, / Зная твою доброту, / Твою кроткую и нежную душу, / Твои ум и красоту? / Я вспоминаю имена Флоры, / Венеры и Психеи, / Паллады и Авроры, / Но — увы и ах! — / Сравню ли я существо / Столь искреннее, прекрасное и доброе /

С красавицами, существующими / Только на словах? / Другой небесной красоты, / Столь же добродетельной, / Кроткой и скромной, / Как ты, — нам не сыскать.

Стихотворение, записанное под № 4, помещено в подборке копий детских писем Боратынского родителям и старшим родственникам. Под предшествующими номерами — письмо отцу и матери от начала ноября 1806 г. (*Летопись*. С. 52; автограф: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 75. Л. 4), приписка Евгения в письме С. А. Боратынской от конца ноября — начала декабря 1806 г. (*Летопись*. С. 53; автограф: Там же. Л. 5 об.), письмо «тетиньке», Ек. А. Боратынской, от конца ноября 1807 г. (*Летопись*. С. 54; автограф: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 78. Л. 11—12). Судя по примечанию переписчика: «1, 2, 3 и 4 нумера написаны на двухъ линейкахъ», стихотворение, как и письма, было записано на линованном листе (двойные линейки для детского почерка), что свидетельствует в пользу ранней датировки, близкой ко времени написания писем.

Источник сведений об иной датировке, сообщенных С. А. Рачинским («Вотъ стихотворенiе, написанное имъ къ матери, когда ему было двѣнадцать лѣтъ» — *Татевский сборник 1899*. С. 59), неизвестен. Однако в распоряжении Рачинского была также копия стихотворения (ныне не разыскана), по которой текст был опубликован впервые: *Татевский сборник 1899*. С. 59—60 — с разночтением:

14 Si vrai, si pur, si bon

Как отмечал М. Л. Гофман, в копии Татевского архива в этом стихе первоначальное «beau» исправлено на «pur» другой рукой (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 320).

В собрание сочинений Боратынского было введено М. Л. Гофманом, напечатавшим текст по копии из альбома Н. Л. Боратынской (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 190) — под редакторским заглавием «Дѣтское стихотворенiе Е. А. Боратынскаго». Однако уже в Изд. 1936 самостоятельное авторство Боратынского было отвергнуто: «Стихотворение явно списано из какой-то французской хрестоматии с заменой в первом стихе мадригала собственного имени» (Т. I. С. 357). На этом основании стихотворение было исключено из корпуса текстов поэта и в последующие собрания не входило.

Близость стихотворения к поздравительным текстам из детских хрестоматий, а также его местонахождение среди самых ранних писем поэта (см. выше) заставляет сомневаться в авторстве Боратынского, однако авторитетные семейные указания, а также то обстоятельство, что прямой источник до сих пор не обнаружен, не позволяет окончательно исключить текст из корпуса сочинений Боратынского. На этом основании помещаем его в раздел «Dubia».

Датируется предположительно: в соответствии с указанием Л. Е. Боратынского в альбомной копии — наиболее вероятное время создания текста — 1806—1807 гг.; другая вероятная датировка — 1812—1813 гг. — основана на сведениях С. А. Рачинского.

Татевский сборник 1899. С. 59—60 (текст по копии из Татевского архива; в ст. 14: «pur» вместо «beau»; датировка: 1812). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 190* (текст по копии в альбоме Н. Л. Боратынской; все строки — с заглавных букв, в ст. 9—11 все имена собственные — также с заглавных букв: Flore, Vénus, Psyché, Pallas, Aurore), *320* (отмечена альбомная копия; указано место первой публикации; отмечен вариант Татевского сборника и копии из Татевского архива).

240

Я унтеръ, други! — точно такъ,
Но не люблю я бить баклуши,
Всегда исправенъ мой тесакъ,
Такъ берегите — уши!

<1822–1823?>

240. «Я унтеръ, други! — точно такъ...»

Печатается по первой публикации: Отечественные записки. 1865. Т. 161. № 8. Отд. II. С. 291.

Текст экспромта напечатан М. И. Семевским со ссылкой на сообщение А. Н. Креницына (1801—1865), товарища Боратынского по Пажескому корпусу. Согласно рассказу Креницына, «однажды надъ Баратынскимъ, когда онъ служилъ еще унтер-офицеромъ, вздумалъ заносчиво величаться и глумиться какой-то знакомый. Баратынскій отвѣчалъ <далее приводится текст эпиграммы>» (С. 291; о Креницыне см. комментарии к № 9).

В собрание сочинений Боратынского стихотворение введено И. Н. Медведевой и Е. Н. Купреяновой (Изд. 1936. Т. I. С. 285), где помещено в основной корпус текстов (раздел «Стихотворения, не включенные в сборники») — так же эпиграмма печаталась во всех последующих изданиях (Изд. 1957. С. 210; Изд. 1982. С. 354; Изд. 1989. С. 209; Изд. 2000. С. 307). Более осторожное и корректное решение было предложено Ю. Н. Верховским — в подготовленном им издании текст предполагалось поместить в разделе «Стихотворения, приписываемые Боратынскому»: «Не подвергая сомнению факта принадлежности экспромта Боратынскому, мы помещаем его в отделе Dubia, не зная, в какой мере достоверна точность самого текста» (*Верховский 1935*. С. 138).

По предположению, высказанному одновременно Ю. Н. Верховским (*Верховский 1935*. С. 138) и И. Н. Медведевой (Изд. 1936. Т. II. С. 286), поводом к сочинению стихотворения могли стать литературные выпады против унтерства Боратынского из круга «Благонамеренного» (подробнее см. *Вацуро 1975*. С. 154—156; *Летопись*. С. 120). На этом основании сочинение эпиграммы можно предположительно датировать временем наиболее острой полемики с кружком Измайлова — летом 1822—1823 гг.

Семевский 1865. С. 291 (первая публикация текста). — *Изд. 1936. Т. I. С. 285* (текст по публикации Семевского — так же печатается во всех последующих изданиях); *Т. II. С. 286* (год издания «Отечественных записок» [так же в *Изд. 1989*] и инициалы Креницына приведены с ошибками: «А. В. Креницын» вместо «А. Н. Креницын» [так же в *Изд. 1957*]). — *Изд. 1957*. С. 210 (датировка: 1822? — так же во всех последующих изданиях). — *Изд. 1982*. С. 354, 673 (в описании первой публикации неверно указан номер страницы: 285 вместо 291). — *Летопись. С. 122* (предположение о датировке: 1823, первая половина года). — *Изд. 2000. С. 307, 502* (исправлены ошибки предшествующих изданий в указании года первой публикации и инициалах Креницына).

241

Съ неба чистая, золотистая,
Къ намъ слетѣла ты,
Все прекрасное, все опасное
Намъ пропѣла ты.

<1823–1825?>

241. «Съ неба чистая, золотистая...»

Печатается по первой публикации: Изд. 1869. С. 394.

Отрывок впервые напечатан Л. Е. Боратынским в составе «Материалов для биографии Е. А. Баратынского» со следующим примечанием: «въ Петербургѣ, Евгеній Абрамовичъ познакомился съ нѣкоторыми изъ Декабристовъ, съ Кюхельбекеромъ ближе чѣмъ съ прочими; но ни онъ, ни Дельвигъ, не были посвящены въ тайны существовавшаго уже тогда политическаго общества, хотя Баратынскій, въ молодыхъ годахъ, не раздѣляя ихъ цѣли, со всѣмъ увлеченіемъ своихъ лѣтъ, сочувствовалъ тому, что заключается великодушнаго, въ обширномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ значеніи слова „свобода". — Вотъ нѣсколько стиховъ, дошедшихъ до насъ по воспоминанію, на эту тему, внушенныхъ ему на одномъ изъ ужиновъ этой молодежи <далее приводится текст>» (Изд. 1869. С. 394).

Одновременно было опубликовано в составе более раннего варианта статьи Л. Е. Боратынского в книге: Портретная галерея русских деятелей / Издание А. Мюнстера. Т. 2: Сто биографий. СПб., 1869. С. 70—73; текст стихотворения: С. 71.

В собрание сочинений Боратынского впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 204), где напечатано в разделе «Стихотворенія, приписываемыя Е. А. Боратынскому», под заглавием «(Экспромптъ)» со ссылкой на свидетель ство Л. Е. Боратынского и с оговоркой, что помимо этого свидетельства «мы <...> не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній» на принадлежность текста Боратынскому (Т. I. С. 327).

Датируется предположительно — временем наиболее активного общения Боратынского с литераторами декабристского круга: 1823 — начало 1825 г.

Изд. 1869. С. 394 (первая публикация текста в составе биографического очерка). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 204* (текст по *Изд. 1869*, заглавие: «(Экспромптъ)»; стихотворение помещено в разделе «Dubia»), 327 (указано место первой публикации). — *Изд. 1936. Т. I. С. 335* (текст в разделе «Dubia» под заглавием: «Экспромпт», но в оглавлении и комментарии: «Экспромт»); *Т. II. С. 301* (неверно указаны номера страниц в первой публикации). — *Изд. 1951. С. 8* (текст стихотворения — «приписываемый Боратынскому экспромт о свободе» — приведен во вступительной статье К. В. Пигарева; без заглавия, с иным делением на строки: «С неба чистая, / Золотистая...»). — *Изд. 1957. С. 317* (текст по *Изд. 1869*, без заглавия, с той же разбивкой на строки, что и в *Изд. 1951*, — так же во всех последующих изданиях; датировка: 1823—1824?). — *Изд. 1989. С. 315* (датировка: между 1823 и 1825). — *Летопись. С. 122* (датировка: 1823—1825?). — *Изд. 2000. С. 323, 509* (датировка: предположительно 1823—1825 гг.).

242

Пріютъ отъ свѣтскихъ посѣщеній
Надежной дверью запертой,
Но съ благодарною душой
Открытый дружеству и дѣвамъ вдохновеній.

<Не позднее 22 декабря 1833>

242. «Пріютъ, отъ свѣтскихъ посѣщеній...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 98; с исправлением: *запертой* → *запертой,*

Стихотворный отрывок — фрагмент письма к И. В. Киреевскому от 22 декабря 1833 г. (датировка по штемпелю — см.: *Летопись*. С. 320): «Кстати объ уединеніи. Ты возобновляешь вопросъ о томъ, что предпочтительнѣе: свѣтская жизнь или затворническая? Та и другая необходимы для нашего развитія. <...>. Ты принадлежишь новому поколенію которое жаждетъ волненій я старому, которое молило Бога отъ нихъ избавить. <...> я охотнѣе вижу счастіе въ покоѣ. <...>. Подъ уединеніемъ я не разумѣю одиночества — я воображаю <далее — стихотворный фрагмент>. Таковой я себѣ устрою рано или поздно и надѣюсь что ты меня въ немъ посѣтишь» (Л. 97—98).

Впервые опубликовано в составе письма к Киреевскому: *Татевский сборник 1899.* С. 53 (с ошибочной датой: «4 дек. 1833»). Как отдельное четверостишие процитировано М. Л. Гофманом во вступительной статье к Изд. 1914—1915 (Т. I. С. LXXVI).

В качестве самостоятельного стихотворного текста отрывок из письма был напечатан Л. Г. Фризманом в Изд. 1982 (С. 376) в разделе «Dubia». По замечанию Фризмана, источник стихотворного отрывка «ни у кого из современников или предшественников Баратынского обнаружить не удалось», но с другой стороны — авторство Боратынского нельзя считать установленным окончательно (Изд. 1982. С. 685).

Датируется по письму к Киреевскому.

Татевский сборник 1899. С. 52—53 (первая публикация текста в составе письма; датировка: 4 декабря 1833). — *Изд. 1914—1915. Т. I. С. LXXVI* (текст полностью процитирован во вступительной статье). — *Изд. 1982. С. 376* (текст по Татевскому сборнику, в разделе «Dubia», с ошибкой в ст. 3: «Но благодарною душой» — так же в *Изд. 1989* и *Изд. 2000*), *685* (датировка: 4 декабря 1833 — так же в *Изд. 1989*, *Изд. 2000*). — *Изд. 1987. С. 251—252* (по штемпелю уточнена датировка письма: 22 декабря 1833). — *Летопись. С. 320* (датировка письма Киреевскому: 1833, декабрь, до 22).

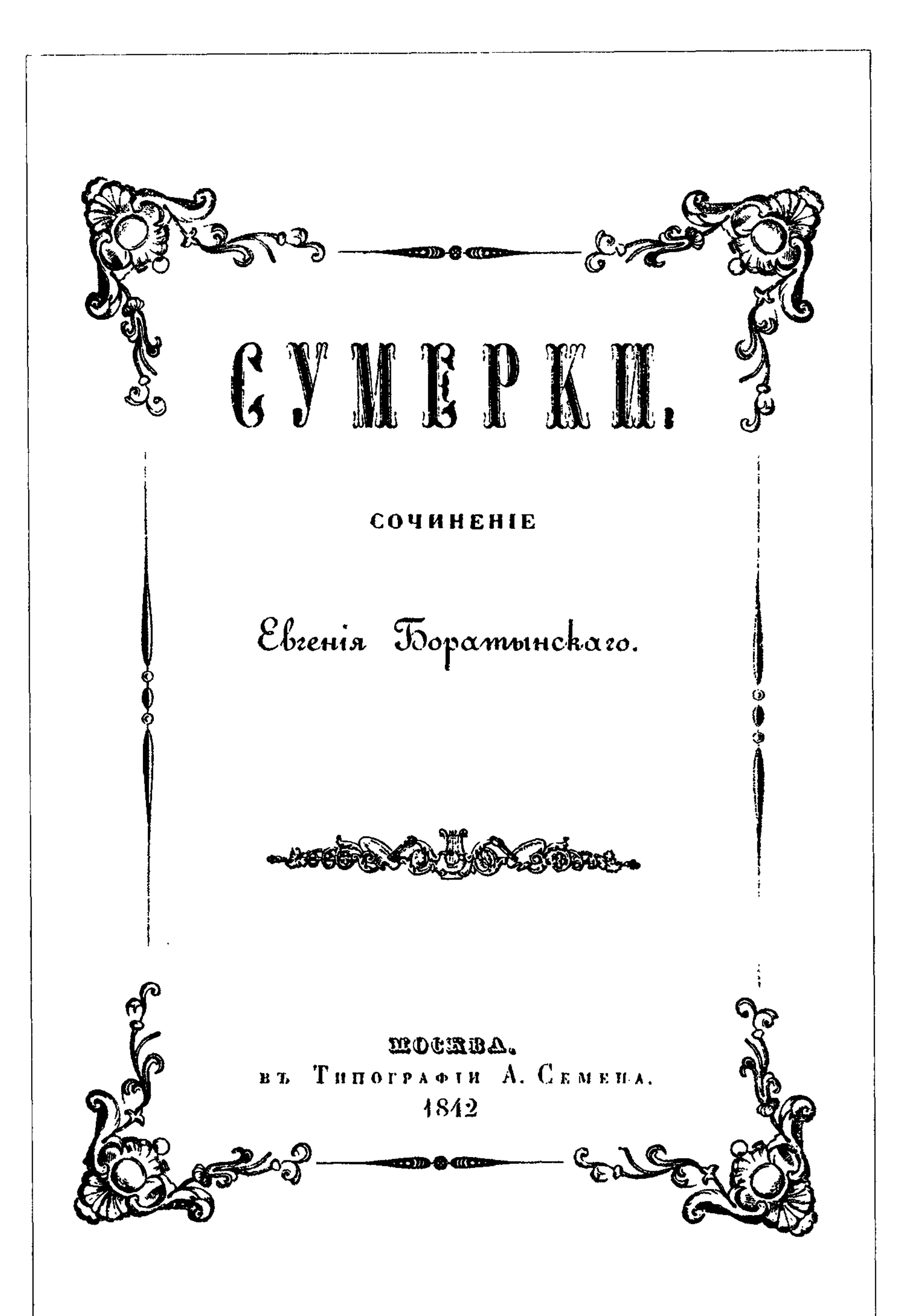
ПРИЛОЖЕНИЯ

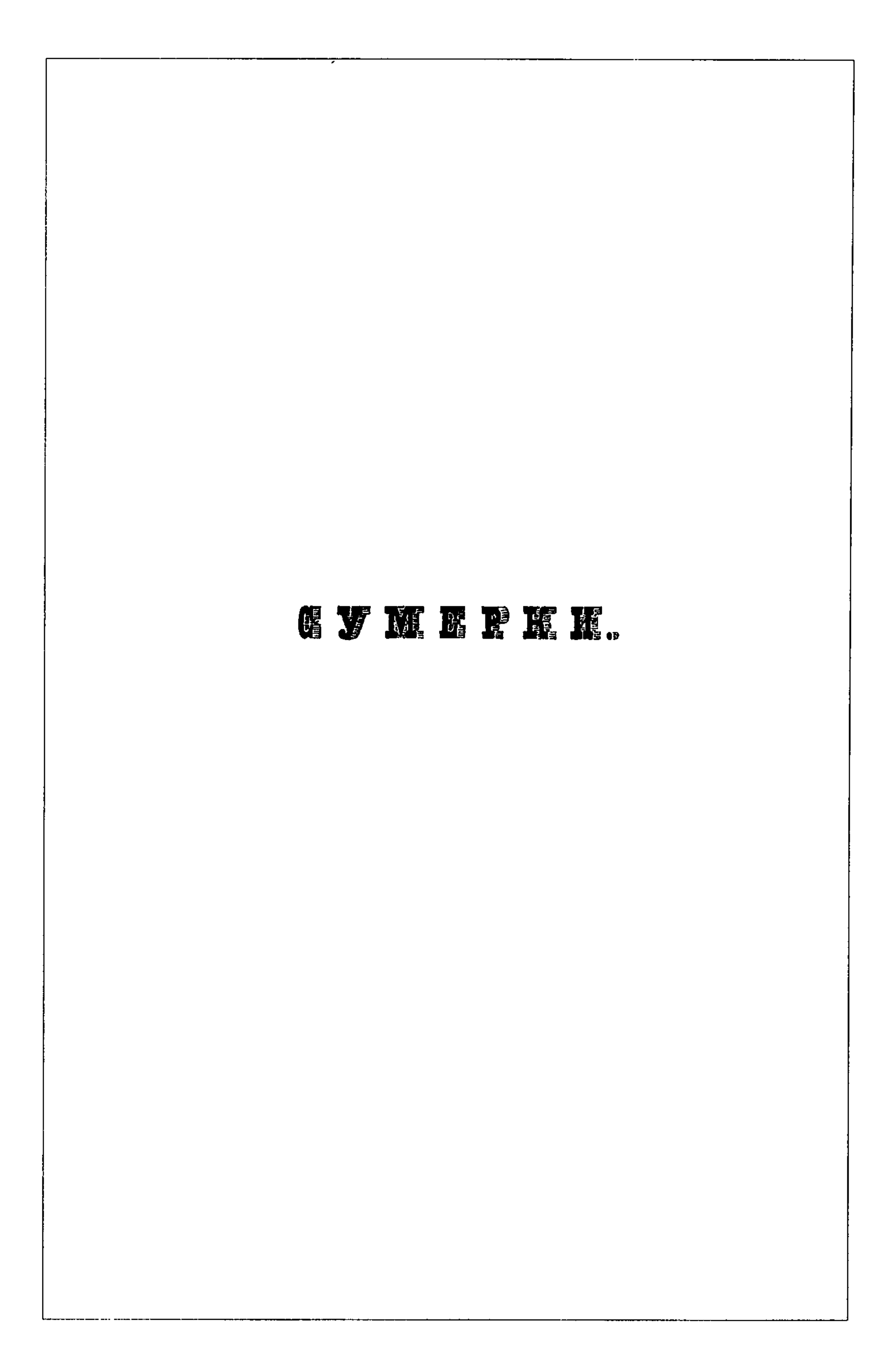
— I —

Сумерки.

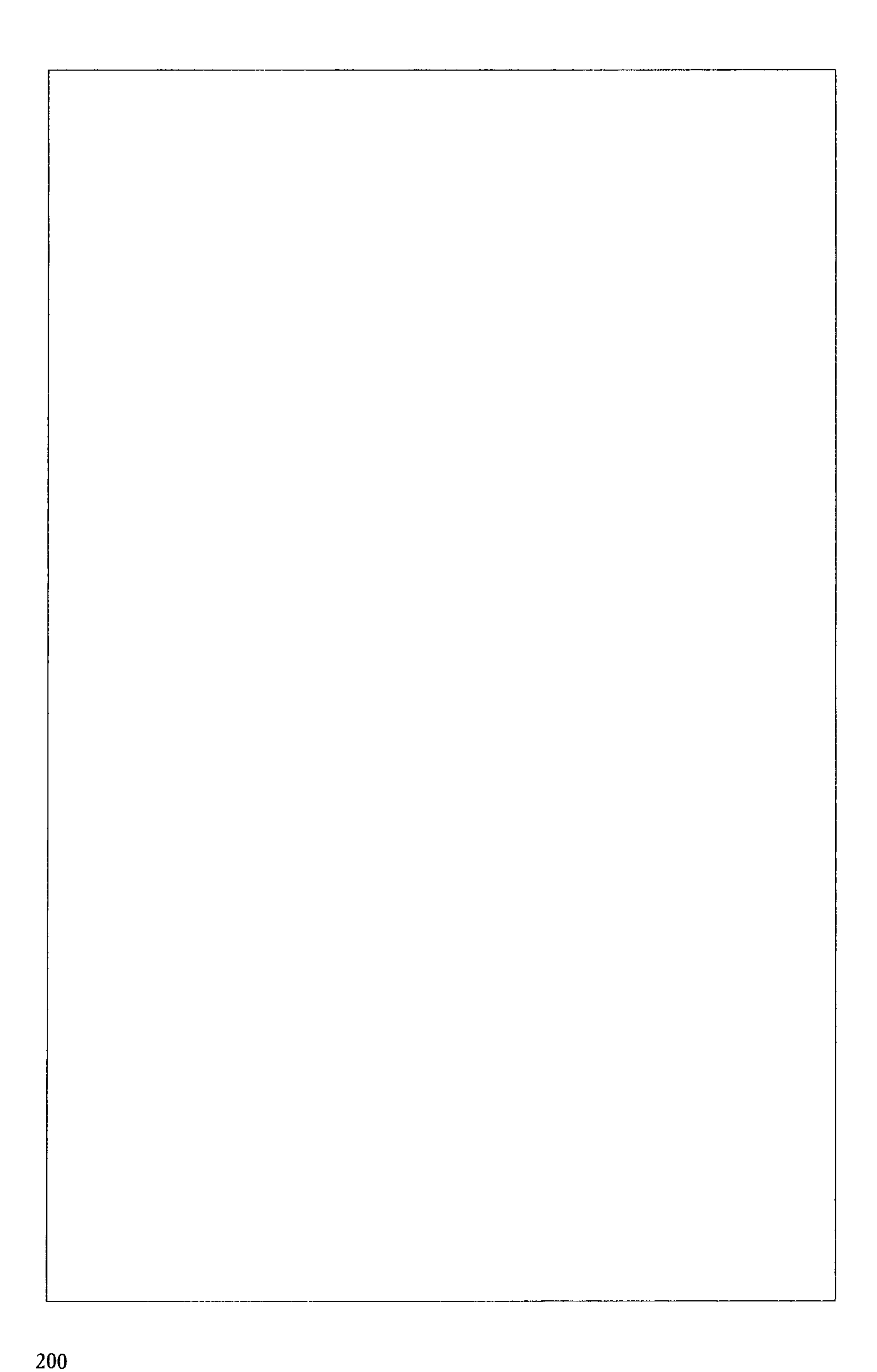
Сочиненіе Евгенія Боратынскаго

Репринтное воспроизведение

СУМЕРКИ.
СОЧИНЕНІЕ
Евгенія Боратынскаго.
МОСКВА.
въ Типографіи А. Семена.
1842

СУМЕРКИ.

СУМЕРКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Евгенія Боратынскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1842 года, Марта 10 дня.

Ценсоръ И. Снегиревъ

КНЯЗЮ

ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ.

Какъ жизни общіе призывы,
Какъ увлеченья суеты,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаянія мечты;
Понятны вамъ всѣ дуновенья,
Которымъ, въ морѣ бытія,
Послушна наша ладія:

Вамъ приношу я пѣснопѣнья,

Гдѣ отразилась жизнь моя:

Исполнена тоски глубокой,

Противорѣчій, слѣпоты,

И между тѣмъ любви высокой,

Любви добра и красоты.

Счастливый сынъ уединенья,

Гдѣ сердца вѣтреные сны,
И мысли праздныя стремленья
Разумно мной усыплены;
Гдѣ, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,

И позабылъ, какъ-бы во гробѣ,
Но добровольно шумный свѣтъ:
Еще, порою, покидаю
Я Лету созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой:
Ищу я васъ; гляжу: что съ вами?

Куда вы брошены судьбами,
Вы озарявшіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ небо васъ?
И возношу молящій гласъ:

Да длится ваше упоенье
Да скоро минетъ скорбный часъ!

Звѣзда разрозненной Плеяды!
Такъ, изъ глуши моей, стремлю
Я къ вамъ заботливые взгляды,

Вамъ высшей благости молю,
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Изчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

16

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ,
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальской ключь живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

17

Воспѣваетъ простодушной

Онъ любовь и красоту,

И науки, имъ ослушной,

Пустоту и суэту:

Мимолетныя страданья

Легкомысліемъ цѣля,

Лучше смертный, въ дни незнанья,

Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной

Поетъ, увы! онъ благодать страстей:

Какъ пажити, Эолъ бурнопогодной,

Плодотворятъ онѣ сердца людей;

Живительнымъ дыханіемъ развита,

Фантазія подъемлется отъ нихъ,

Какъ нѣкогда возникла Афродита

Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

18

И за чѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонилъ:
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

19

Человѣку не покорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И привѣтливо оно;
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
На ней, пѣвецъ, мятежный думы полнъ,
Стоитъ.... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала..... тѣнь Сафо!.... голосъ волнъ...
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастной жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой безполезный даръ!

20

И по прежнему блистаетъ
Хладной роскошiю свѣтъ:
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ;
Но въ смущенiе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ;
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,

Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай

НОВИНСКОЕ.

А. С. ПУШКИНУ.

Она, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь, отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.

24

Нѣтъ, это былъ сей легкой сонъ,
Сей тонкой сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

ПРИМѢТЫ.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:

2

26

О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала:

27

Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ,
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму;
Вдался въ суету изысканій....
И сердце природы закрылось ему
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

2*

Всегда и въ пурпурѣ и златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей:
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

Увы! Творецъ непервыхъ силъ!
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже, въ жару нездравомъ, ты
Коверкать сталъ правописанье!

Неаполь возмутилъ рыбарь
И власть пріявъ, какъ мудрый царь

30

Двѣнадцать дней онъ градомъ правилъ;
Но что же? непривычный умъ,
Уставъ отъ вѣнценосныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставилъ!

НЕДОНОСОКЪ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

32

Блещетъ солнце: радость мнѣ!

Съ животворными лучами

Я играю въ вышинѣ

И веселыми крылами

Ластюсь къ нимъ какъ облачко;

Пью счастливо воздухъ тонкой:

Мнѣ свободно, мнѣ легко,

И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревётъ

И до облакъ сводъ небесный

Омрачившись, вознесетъ

Прахъ земной и листъ древесный:

Бѣдный духъ! ничтожный духъ!

Дуновенье роковое

Вьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ !
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій !
Обращусь-ли къ небесамъ ,
Оглянуся-ли на землю :
Грозно, чорно тутъ и тамъ ;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Кличь враждующихъ народовъ,

34

Поселянъ безпечныхъ вой

Подъ грозой ихъ переходовъ,

Громъ войны и крикъ страстей,

Плачь недужнаго младенца...

Слёзы льются изъ очей:

Жаль земнаго поселенца!

Изнывающій тоской,

Я мечусь въ поляхъ небесныхъ

Надо мной и подо мной

Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ!

Въ тучу прячусь я, и въ ней

Мчуся чуждъ земнаго края,

Страшный гласъ людскихъ скорбей

Гласомъ бури заглушая.

35

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу.... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

АЛКИВІАДЪ.

Облокотясь передъ мѣдью образъ его отра-
жавшей,
Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,
Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ,
и смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали пер-
стомъ;

37

Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно открытымъ,

Нехотя взоръ отводя, хмурили брови свои.

Онъ же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣди глядясь, а въ грядущемъ

Думалъ: къ лицу-ли ему будетъ лавровый вѣнокъ?

РОПОТЪ.

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешся терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ?
Кто одарилъ тебя жаломъ властнымъ прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцалуй?

Ты изъ мечтателя мирнаго, нѣгъ Европейскихъ питомца,
Дикаго Скифа творишь, жаднаго смерти врага.

МУДРЕЦУ.

Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смер-
тью, философъ
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей:
покой.
Намъ, изволеньемъ Зевѐса брошеннымъ въ мiръ
коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье
одно.

41

Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ;
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель!

Филида, съ каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей:
И, Афродита гробовая,
Подходитъ, словно къ ложу сна,
За ризой ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

БОКАЛЪ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ.....
Ты не встрѣченъ братьей шумной
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной
Я сего дня пью одинъ.

44

Чѣмъ душа моя богата
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково оживленной,
Разногласною толпой:

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ,
Изліяньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

45

Вотъ теперь со мной бесѣдуй
Своенравная струя!
Упоенья проповѣдуй,
Иль отравы бытія;
Сердцу милыя преданья
Благодатно оживи,
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови!

О, бокалъ уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья
Словно чашей круговой:
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будешь ты
Откровѣнья преисподней,
Иль небесныя мечты.

46

И одинъ я пью отнынѣ!

Не въ людскомъ шуму, пророкъ,

Въ нѣмотствующей пустынѣ

Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!

Не въ безплодномъ развлеченьи

Общежительныхъ страстей,

Въ одинокомъ упоеньи,

Мгла падетъ съ его очей!

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

Въ день ненастный, часъ гнетучій
Грудь подыметъ вздохъ могучій;

Бойкой пѣснью разольется:
Скорбь — невзгода распоется!

А какъ вѣкъ то, вѣкъ то старой
Обручится съ лютой карой;

Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой:

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ!

На что вы дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.

Не даромъ ты металась и кипѣла
Развитіемъ спѣша,

3

50

Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безсмысленно глядитъ какъ утро встанетъ
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустаго дня!

АХИЛЛЪ.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли, долею своей

3*

52

Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ!

Сначала, мысль, воплощена
Въ поэму сжатую Поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена

54

Въ свободной прозѣ романиста;
Болтунья старая за тѣмъ
Она, подъемля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей
Главы не умастилъ таинственный елей:
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенье!
И я даю тебѣ мое благословенье
Во знаменьи иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою главой склонись, о ты
Подобіе цвѣтовъ Царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грёзъ дѣтей волшебной тьмы,
Видѣній дня боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Ощупай возмущенный мракъ:
Изчезнетъ, съ пустотой сольется

57

Тебя пугающій призракъ
И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

О сынъ Фантазіи! ты благодатныхъ Фей
Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ
Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
Неосязаемымъ властей:
Мужайся, не слабѣй душою
Передъ заботою земною:
Ей исполинской видъ даетъ твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою,
Изчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

Здраствуй отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Піиту!
Малолѣтную Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ

Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ мой мальчикъ равенъ?

59

Только жаворонокъ живой,
Чуткой грудiю своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной!

Что за звуки? мимоходомъ,
Ты поешь передъ народомъ
Старецъ нищій и слѣпой!
И какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая
Издѣваясь надъ тобой.

61

А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ камены пѣсенъ,
И бесѣдовалъ ты съ ней
Безимянной, роковою,
Съ дня какъ въ первый разъ тобою
Былъ услышанъ соловей.

Бѣдный старецъ! слышу чувство
Въ сильной пѣсни..... Но искуство....
Старцевъ старѣе оно:
Эти радости, печали,
Музыкальныя скрыжали
Выражаютъ ихъ давно!

Опрокинь-же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!

Попеченья Генiй твой
Да отложитъ въ здѣшнемъ мiрѣ:
Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ
Звученъ будетъ голосъ твой!

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный
слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Всё тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто вле-
комъ

Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечёмъ,
Мысль, острый лучь! блѣднѣетъ жизнь земная.

СКУЛЬПТОРЪ.

Глубокой взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но безконечно вожделенной,
Уже онъ властвуетъ собой:

Неторопливой, постепенной
Рѣзецъ, съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

Въ заботѣ сладостно туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣднiй не падетъ.

Покуда страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

ОСЕНЬ.

I.

И вотъ Сентябрь! замедля свой восходъ,
Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ
И лучъ его, въ зерцалѣ зыбкомъ водъ,
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ;

Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

II.

И вотъ Сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходитъ. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры:
Пробудится ненастливый Эолъ;

Предъ нимъ помчится прахъ летучій,
Качаяся завоетъ роща: долъ
Покроетъ листъ ея падучій,
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ запѣнится рѣка;

III.

Прощай, прощай сіяніе небесъ!
Прощай, прощай краса природы!
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатыя воды!
Веселой сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!

Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

IV.

А между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ

Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ
Подъ тяжкой ношею скрыпящихъ
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

V.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся:
Иди зима! на строги дни себѣ

Припасъ оратай много блага:
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага:
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ,
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

VI.

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды

Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты;

VII.

Ты также-ли какъ земледѣлъ богатъ?
И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащеные лелѣялъ....
Любуйся-же, гордись воставшимъ имъ!

4

Считай свои пріобрѣтенья!. ..
Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

VIII.

Твой день взошелъ и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,

Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

IX.

Но если-бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ

Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ!

X.

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!

77

Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ!... Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ:
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

XI.

Какое-же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье:
Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ

Умъ безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ
И примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

XII.

Иль, отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Цвѣтущій брегъ за мглою черной,
Возмездій край благовѣстящимъ снамъ

79

Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ
И, бытія мятежнымъ голосамъ
Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній, не понятъ былъ тобой;

XIII.

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою не видящей границъ
И утоленнымъ разумѣньемъ:
Знай, внутренней своей во вѣки ты

Не передашь земному звкуу
И легкихъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку:
Знай, горняя, иль дольная она
Намъ на землѣ не для земли дана.

XIV.

Вотъ буйственно несется ураганъ
И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной,
И пѣнится, и ходитъ Океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ

Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ вѣщатель общихъ думъ
И звучный отзывъ въ ней находитъ,
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
Что страстное земное перешолъ.

XV.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
Пусть замѣнитъ ее другая:
Не явствуетъ землѣ ущербъ одной,

Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекой вой,
Равно какъ въ высотахъ Эѳира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ!

XVI.

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,

83

Всѣ образы годины бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области: сіянія и тьмы
Изслѣдовать равно стремимся мы.

85

Плодъ яблони со древа упадаетъ:

Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!

Такъ въ дикой смыслъ порока посвящаетъ

Насъ иногда одинъ его намѣкъ.

РИФМА.

Когда на играхъ Олимпiйскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ музъ, онъ пѣлъ среди ва-
ловъ
Народа жаднаго восторговъ мусикiйскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствiе жила:
Свободнымъ и широкимъ метромъ,

Какъ жатва зыблемая вѣтромъ
Его гармонія текла.
Толпа вниманіемъ окована была
Пока, могучимъ сотрясеньемъ
Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца
И струны звучныя пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.

А нынѣ кто у нашихъ лиръ
Ихъ дружелюбной тайны проситъ?
Кого за нами въ горній міръ
Опальный голосъ ихъ уноситъ?
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?

Рѣшитъ вопросъ не разрѣшимый!

Среди безжизненнаго сна,

Средь гробоваго хлада свѣта,

Своею ласкою поэта

Ты, рифма! радуешь одна.

Подобно голубю ковчега,

Одна ему, съ роднаго брега,

Живую вѣтвь приносишь ты;

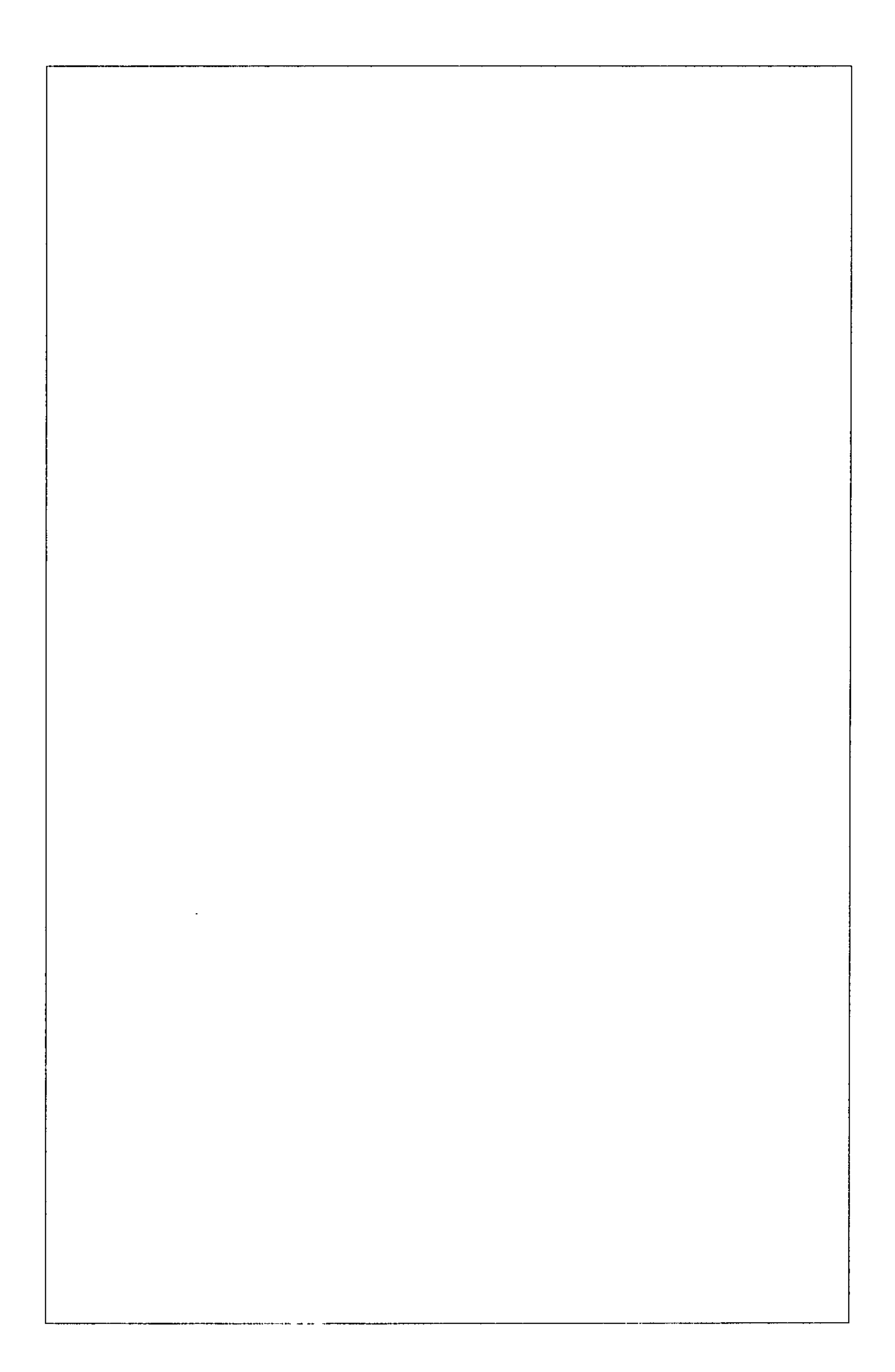
Одна съ божественнымъ порывомъ

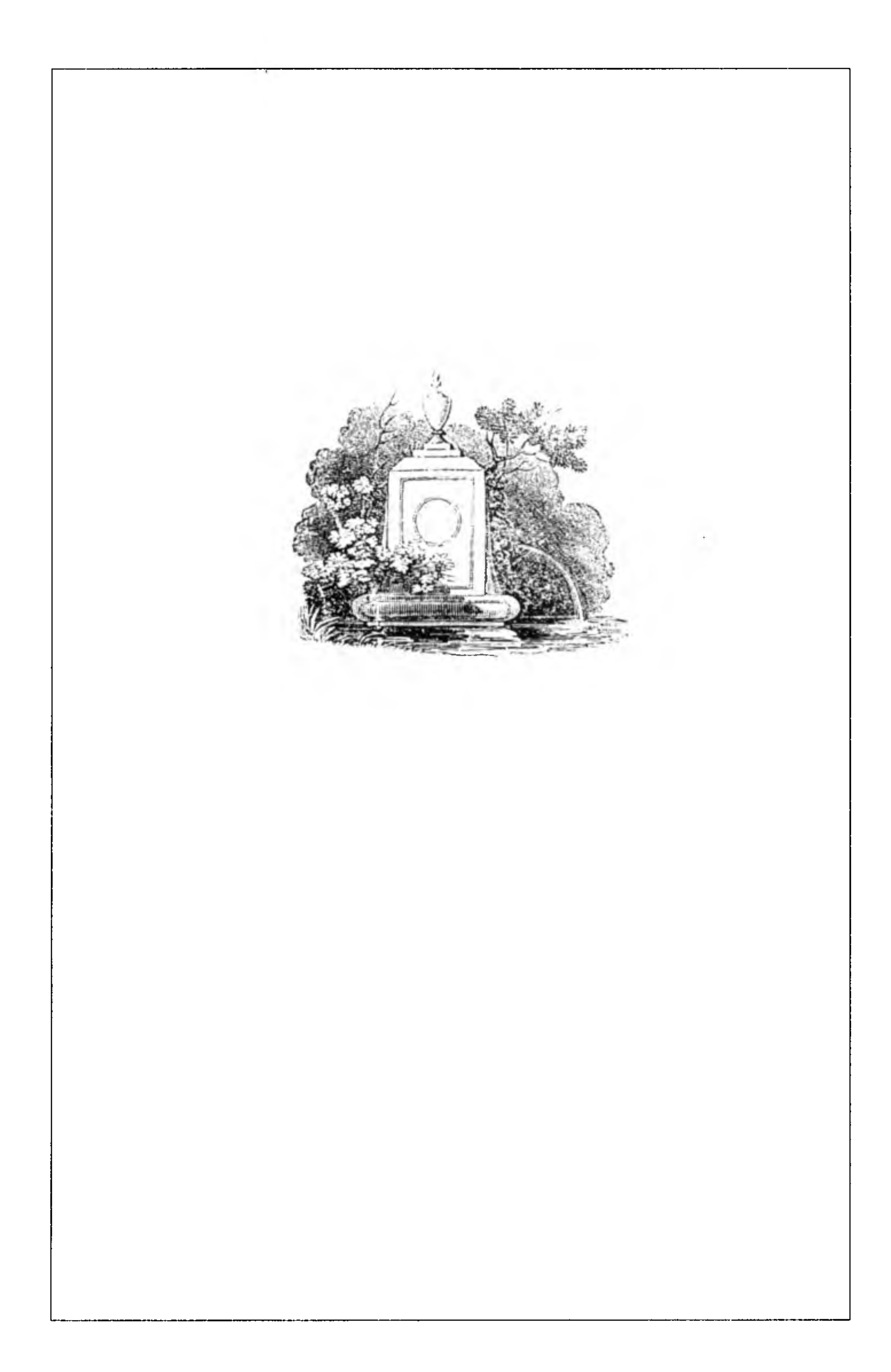
Миришь его твоимъ отзывомъ

И признаешь его мечты!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

— II —

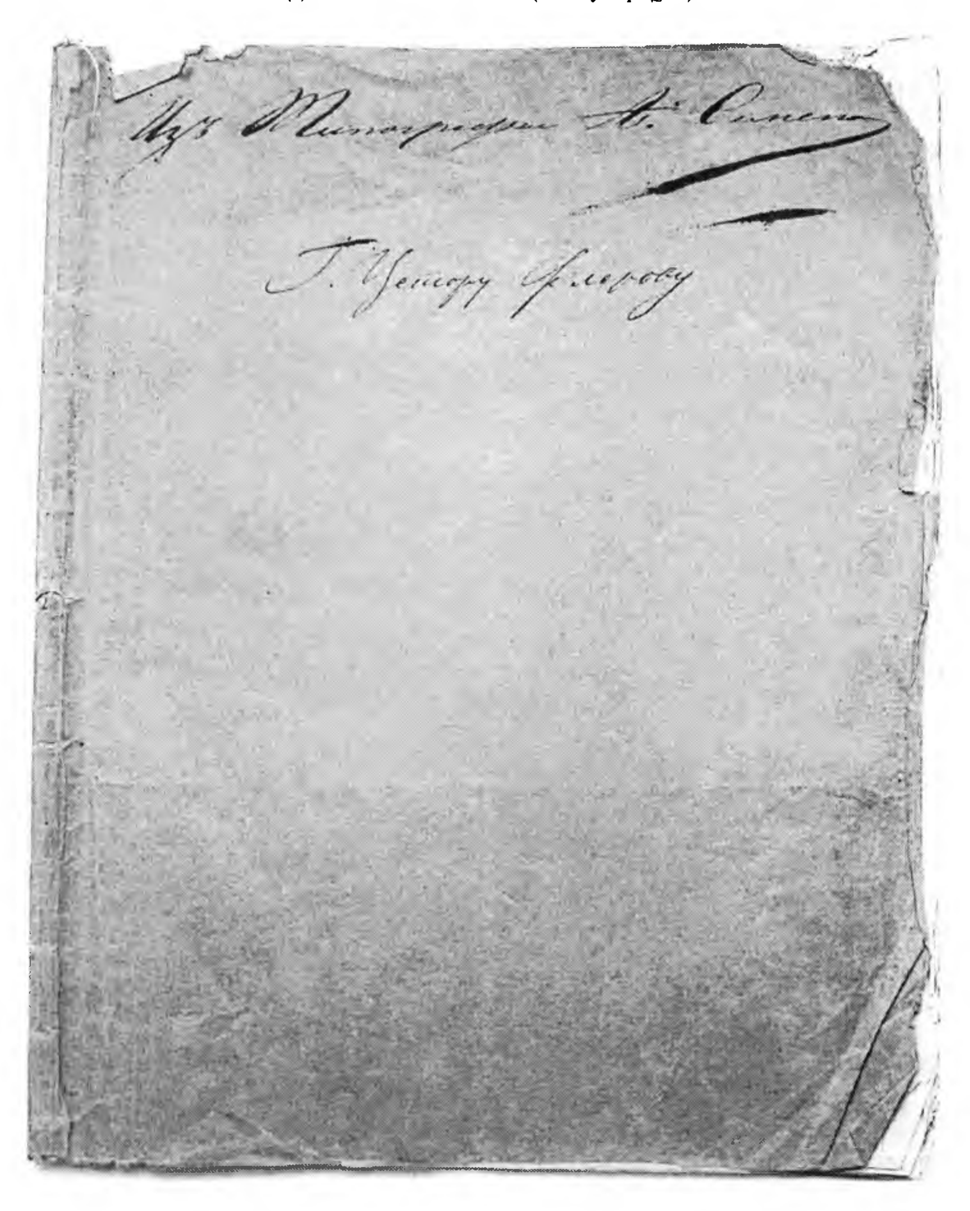
Фотокопии рукописных источников

1. Цензурная тетрадь
2. Автографы
3. Авторитетные списки

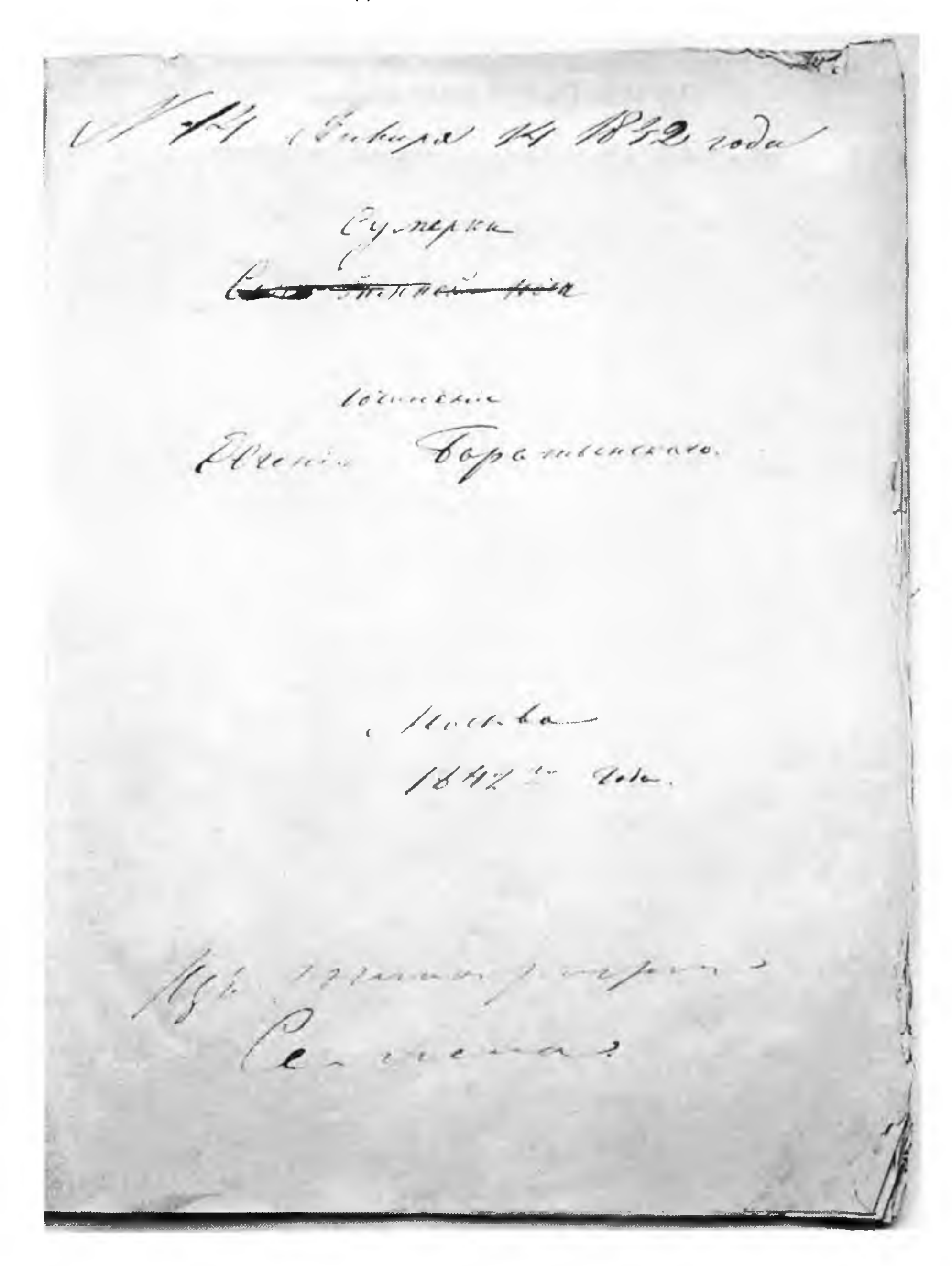
19 — 5341

1. Цензурная тетрадь

Цензурная тетрадь. Обложка
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43 (без нумерации)

Цензурная тетрадь. Титульный лист
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 1

№ 14 Генваря 14 1842 года

Сумерки

~~… Сельской ночи~~

сочинение

Евгения Баратынского.

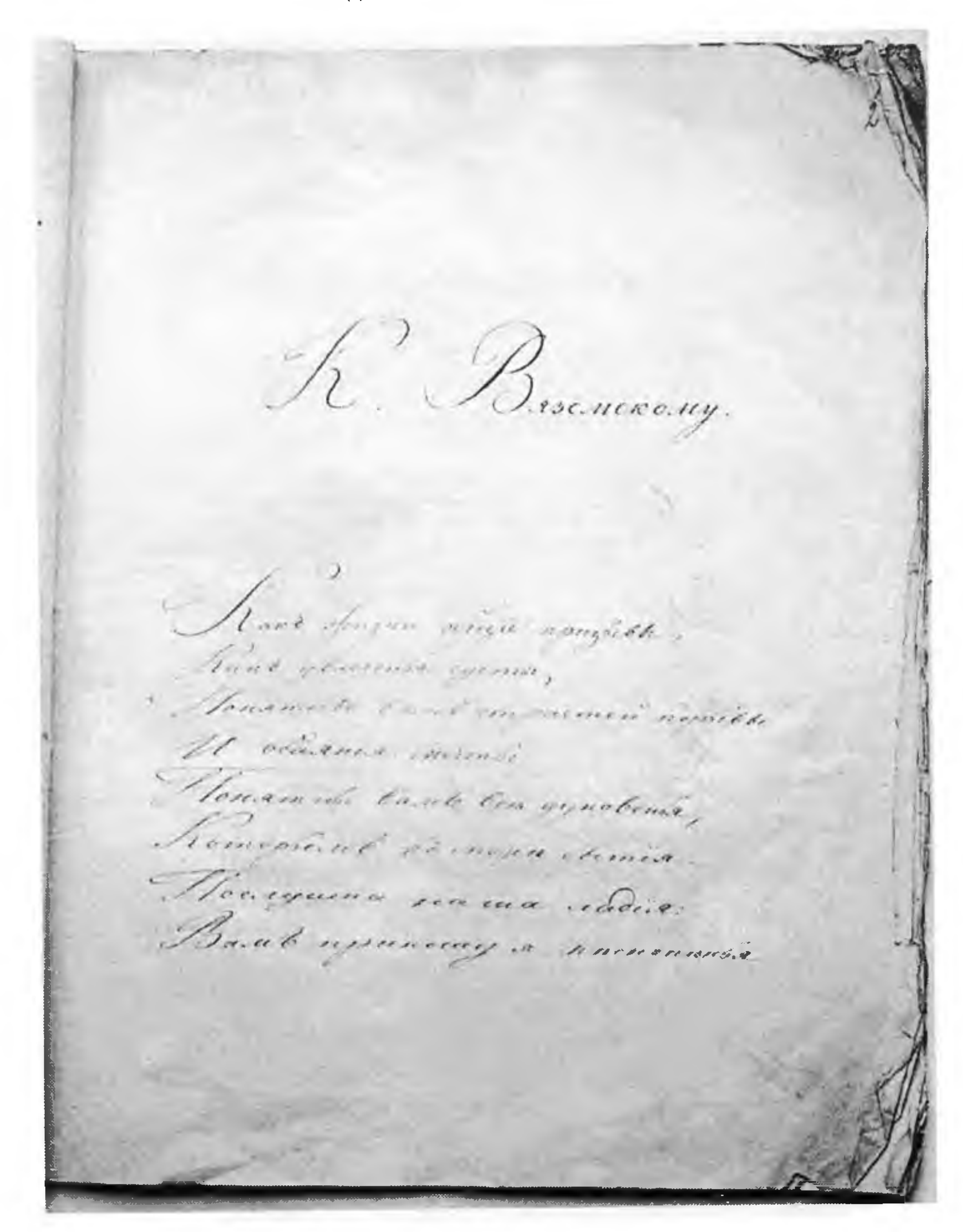
Москва

1842го года.

Въ типографіи

Семена.

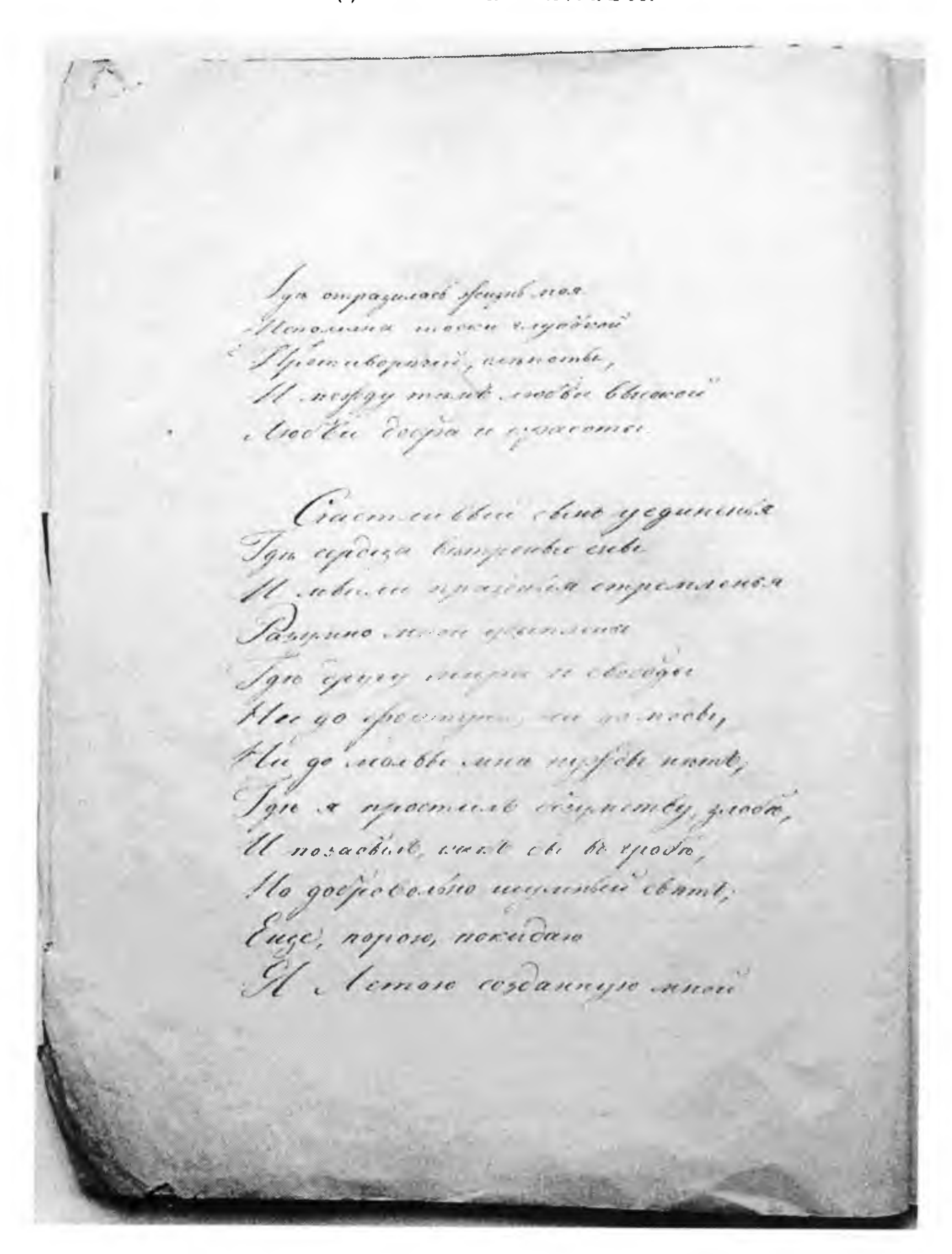
190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Какъ жизни общіе призывы...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 2

К. Вяземскому.

Какъ жизни общіе призывы,
Какъ увлеченья суеты,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаянья мечты;
Понятны вамъ все дуновенья,
Которымъ въ морѣ бытія
Послушна наша ладія.
Вамъ приношу я пѣснопѣнья

190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Какъ жизни общіе призывы...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 2 об.

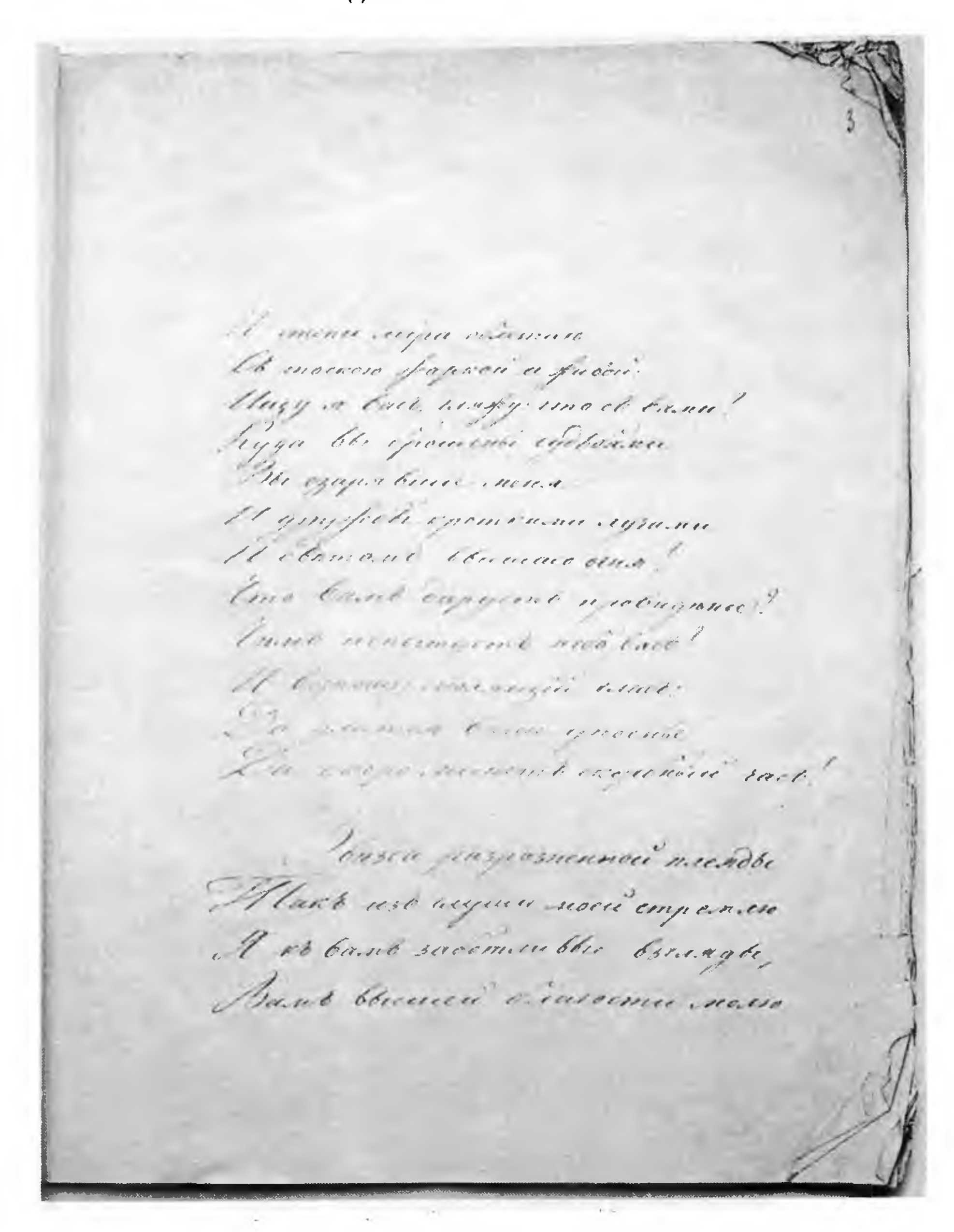

17.

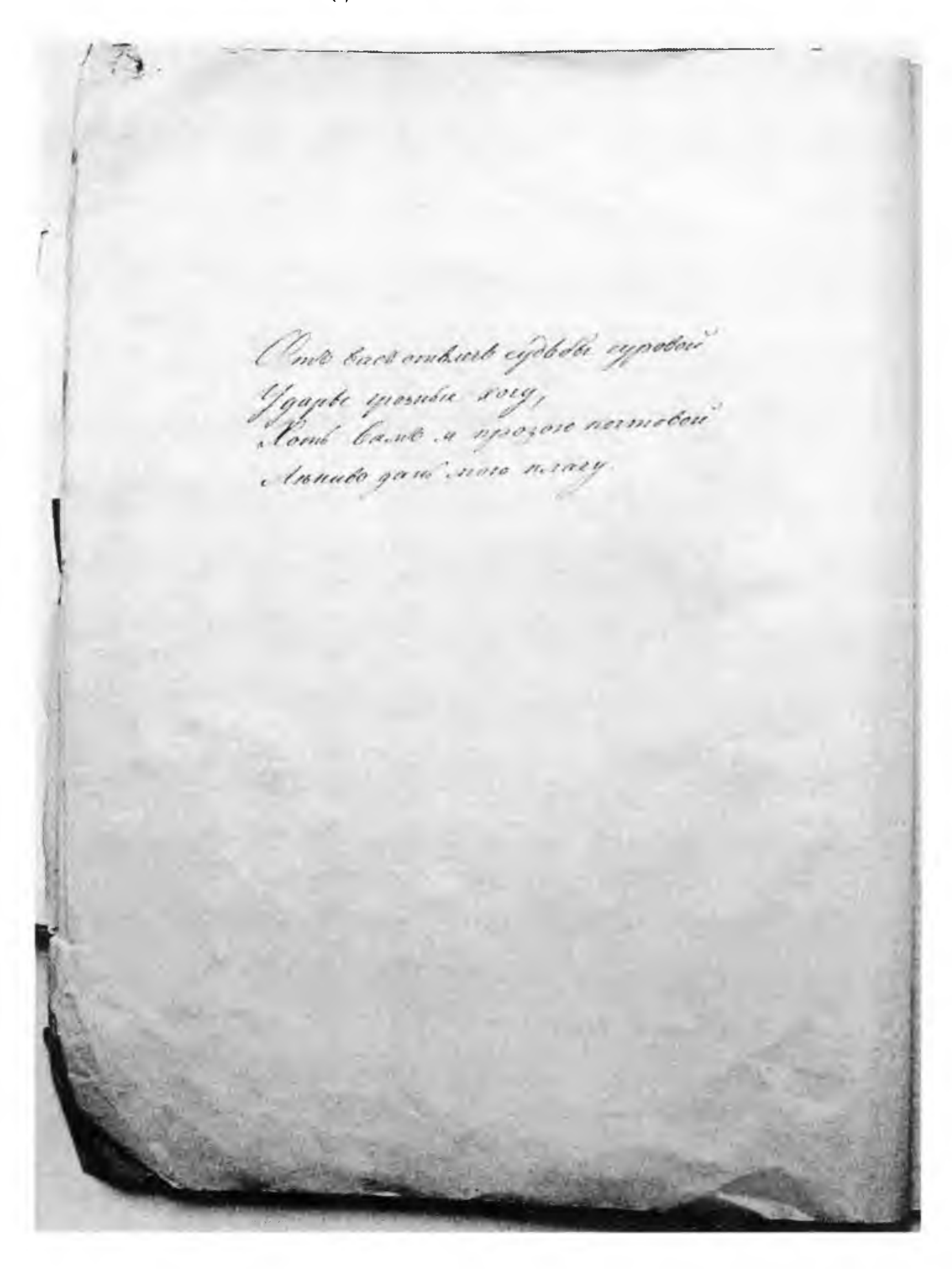
Гдѣ отразилась жизнь моя
Исполнена тоски глубокой
Противорѣчий, слѣпоты,
И между тѣмъ любви высокой
Любви добра и красоты.

Счастливый сынъ уединенья
Гдѣ сердца вѣтреные сны
И мысли праздныя стремленья
Разумно мною усыплены
Гдѣ другу мира и свободы
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мирской нужды нѣтъ,
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,
И позабылъ, какъ бы во гробѣ,
Но добровольно шумный свѣтъ;
Еще, порою, покидаю
Я Лету созданную мной

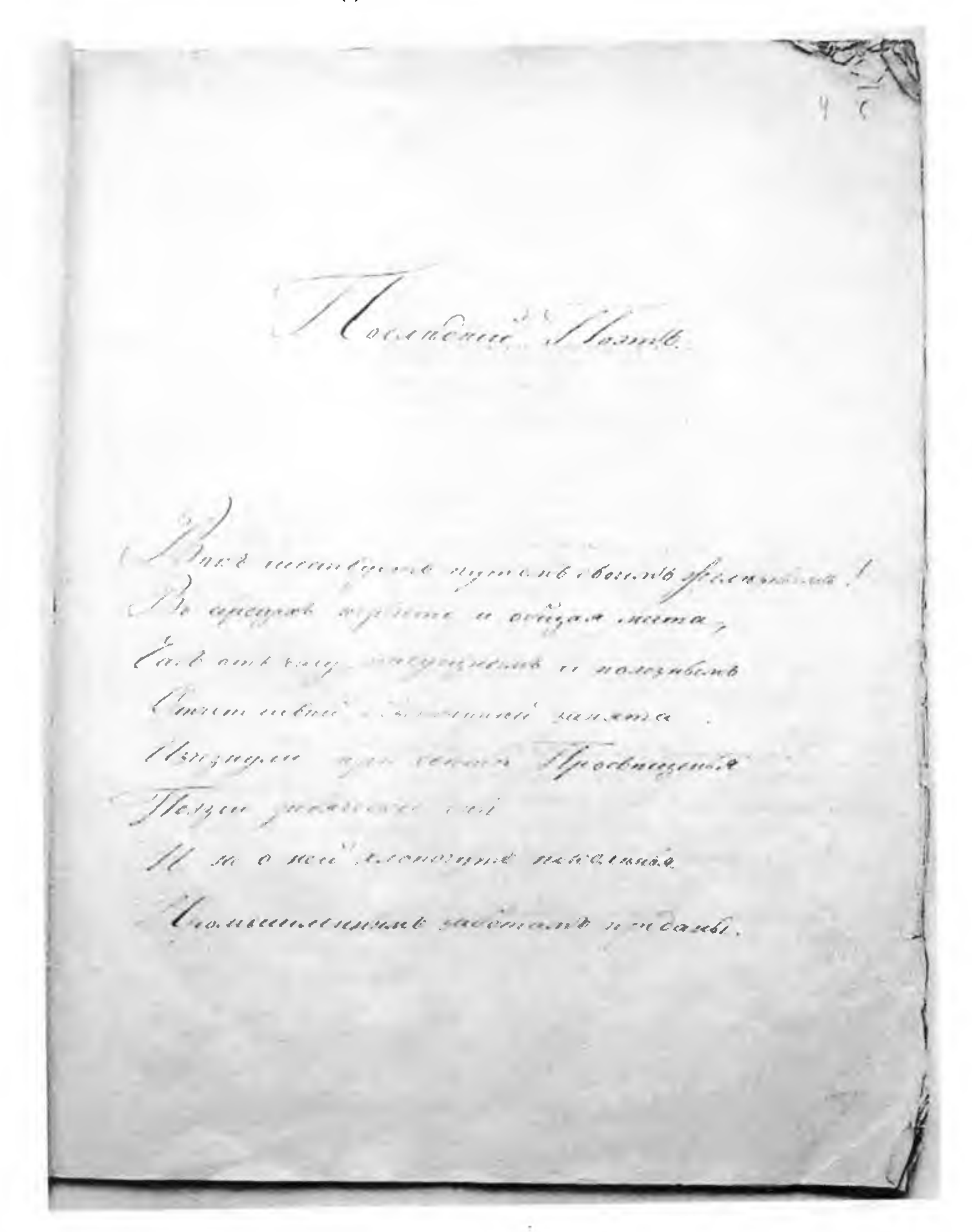
190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Какъ жизни общіе призывы...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 3

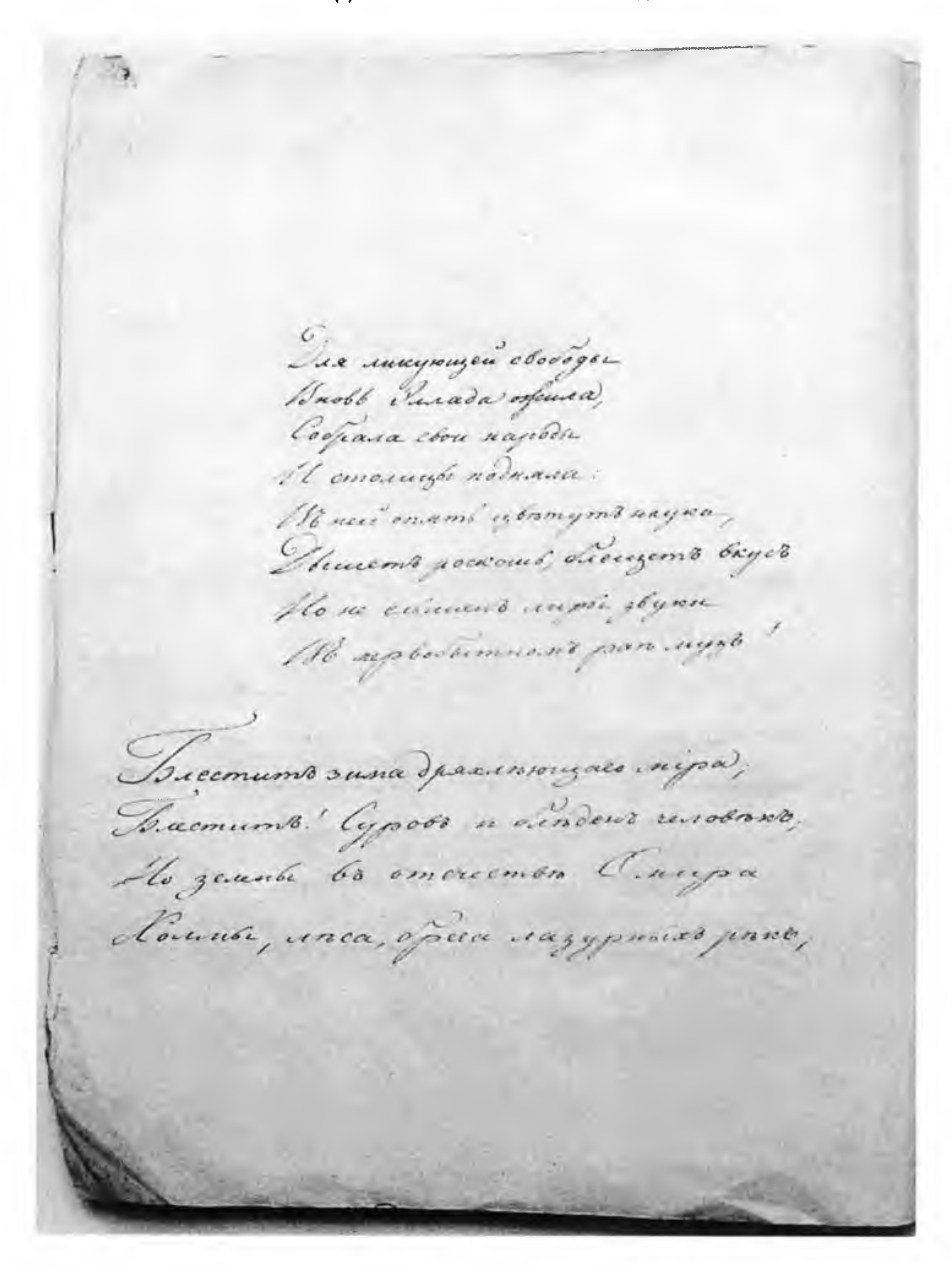
190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Какъ жизни общіе призывы...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 3 об.

Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хоть вамъ я прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 4.

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 4 об.

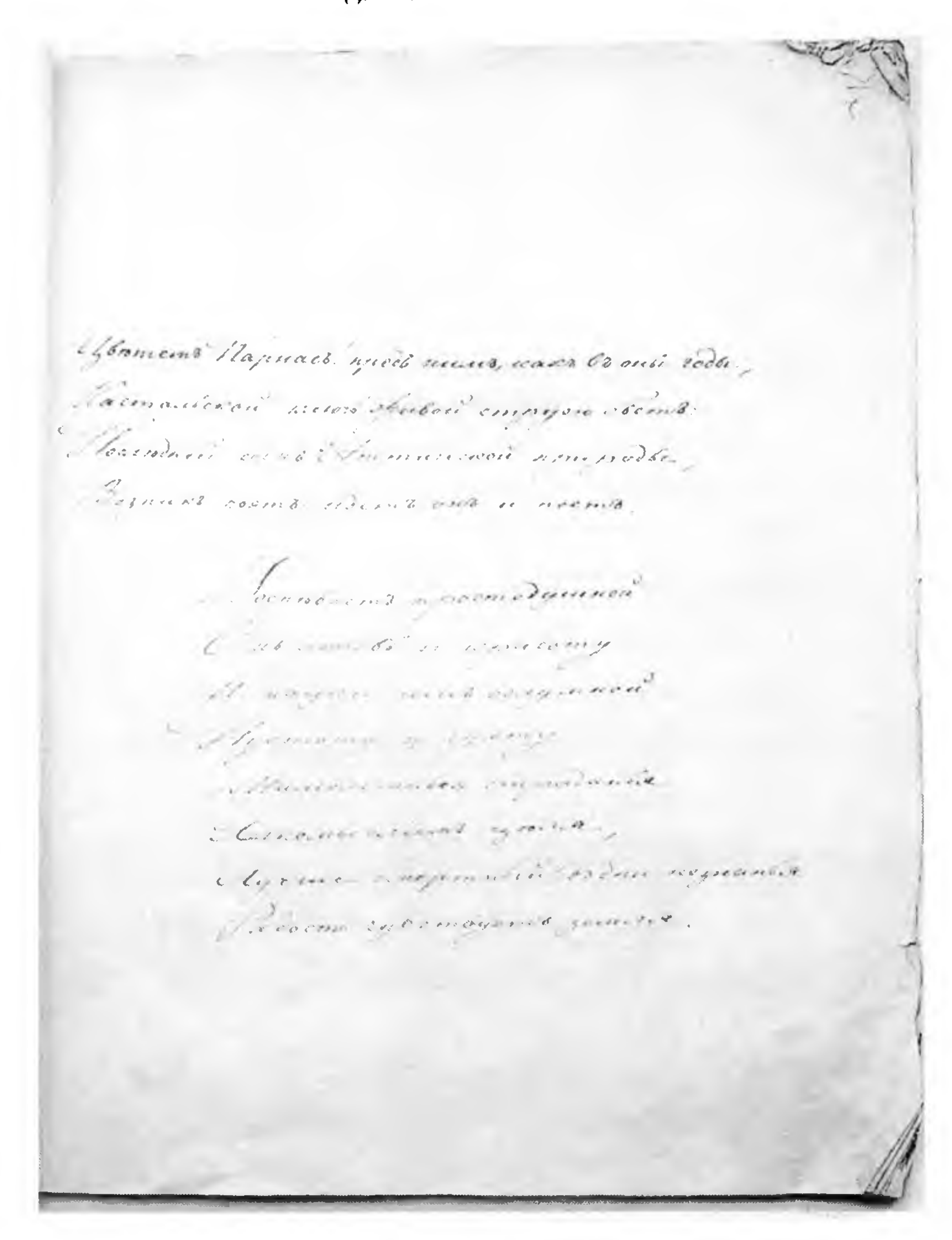
6

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

7

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ,
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ,

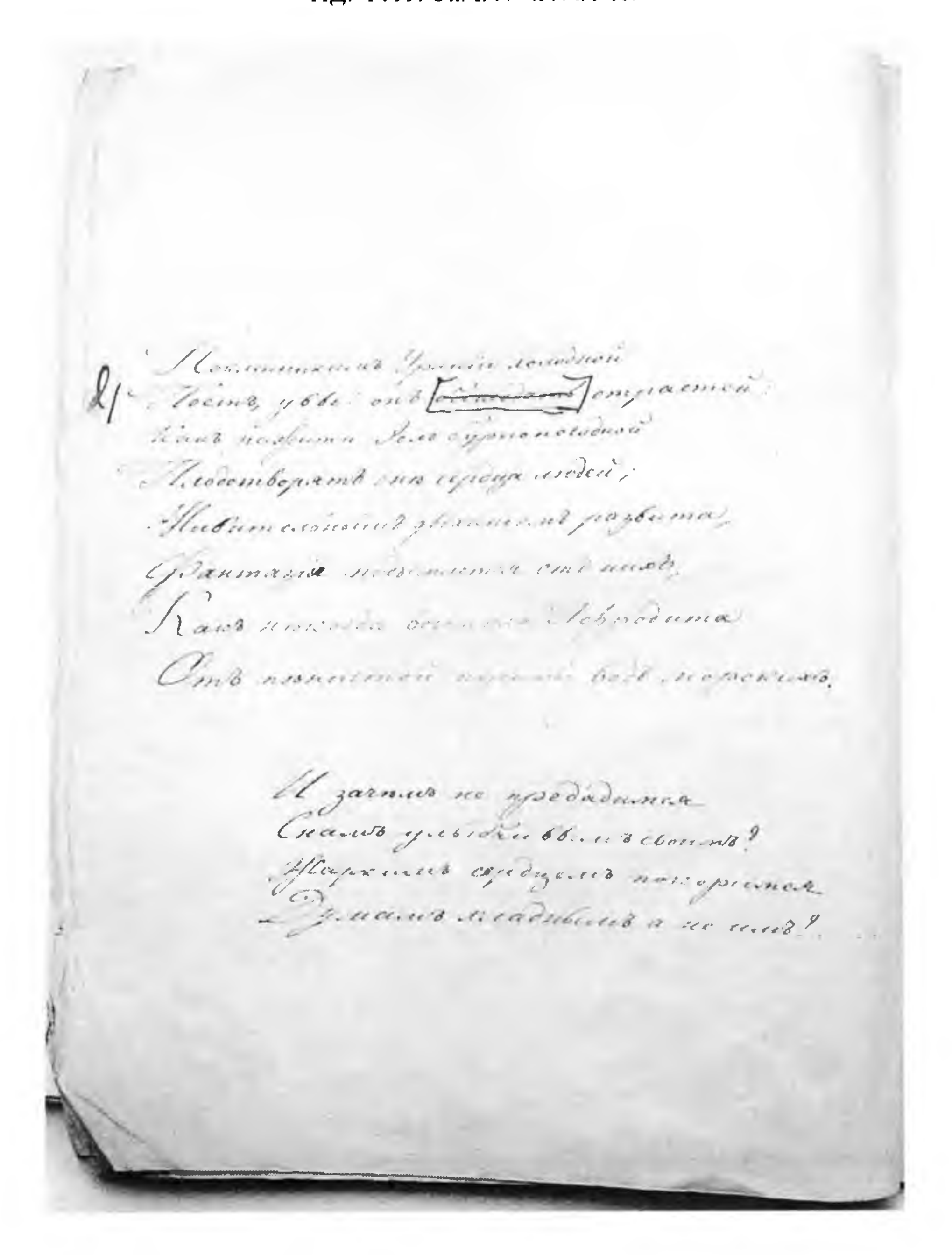
191. Послѣднiй Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 5.

Цвѣтетъ Парнасъ предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальской ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы,
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше — смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.

191. Послѣднiй Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 5 об.

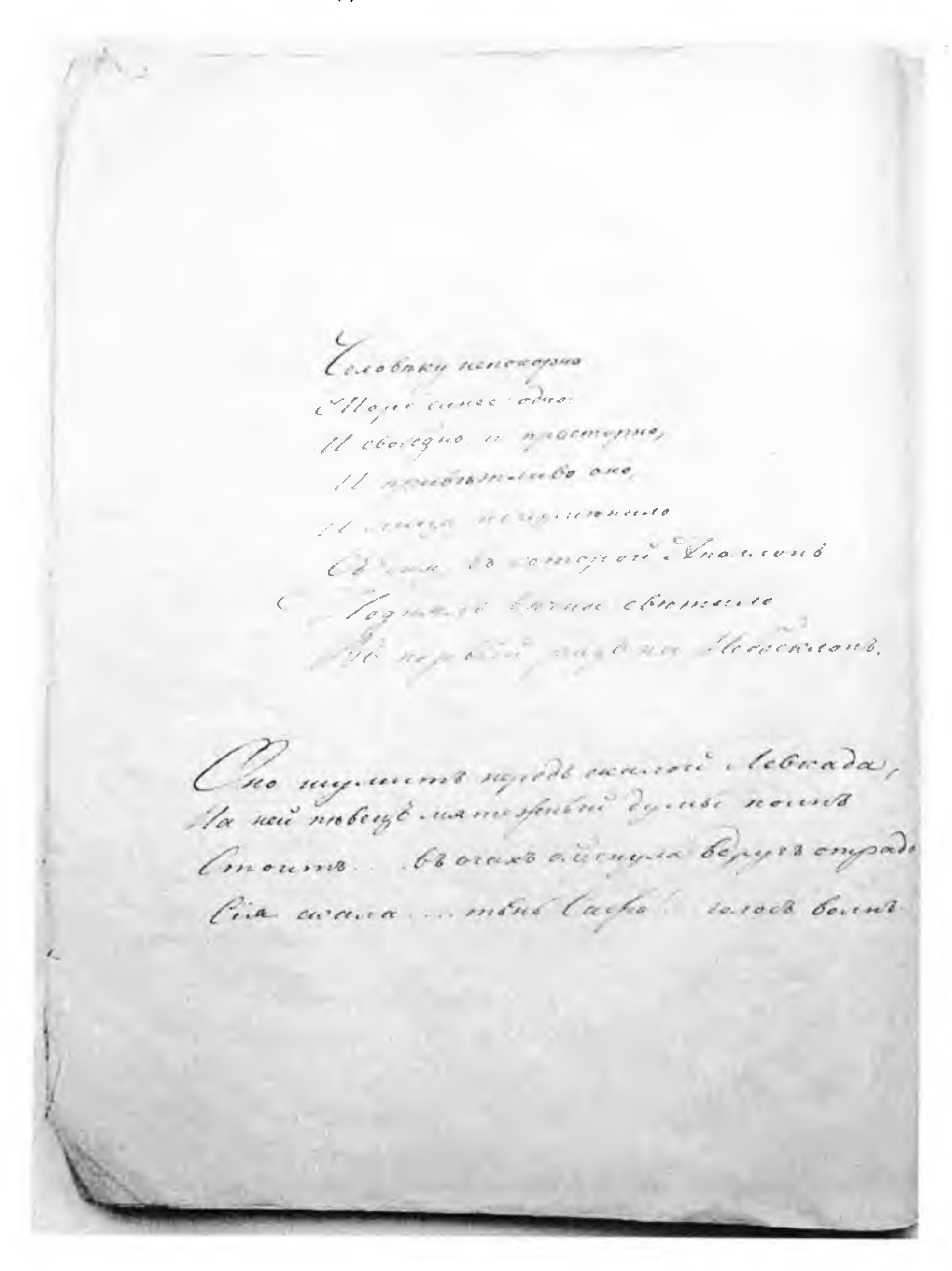
191. Послѣднiй Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 6.

[illegible]
Этихъ ласкающихъ очесъ
И отрадными откровеньями
Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ. Персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонилъ:
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
Уж праздного вертепа не являетъ
И на землѣ уединенья нѣтъ!

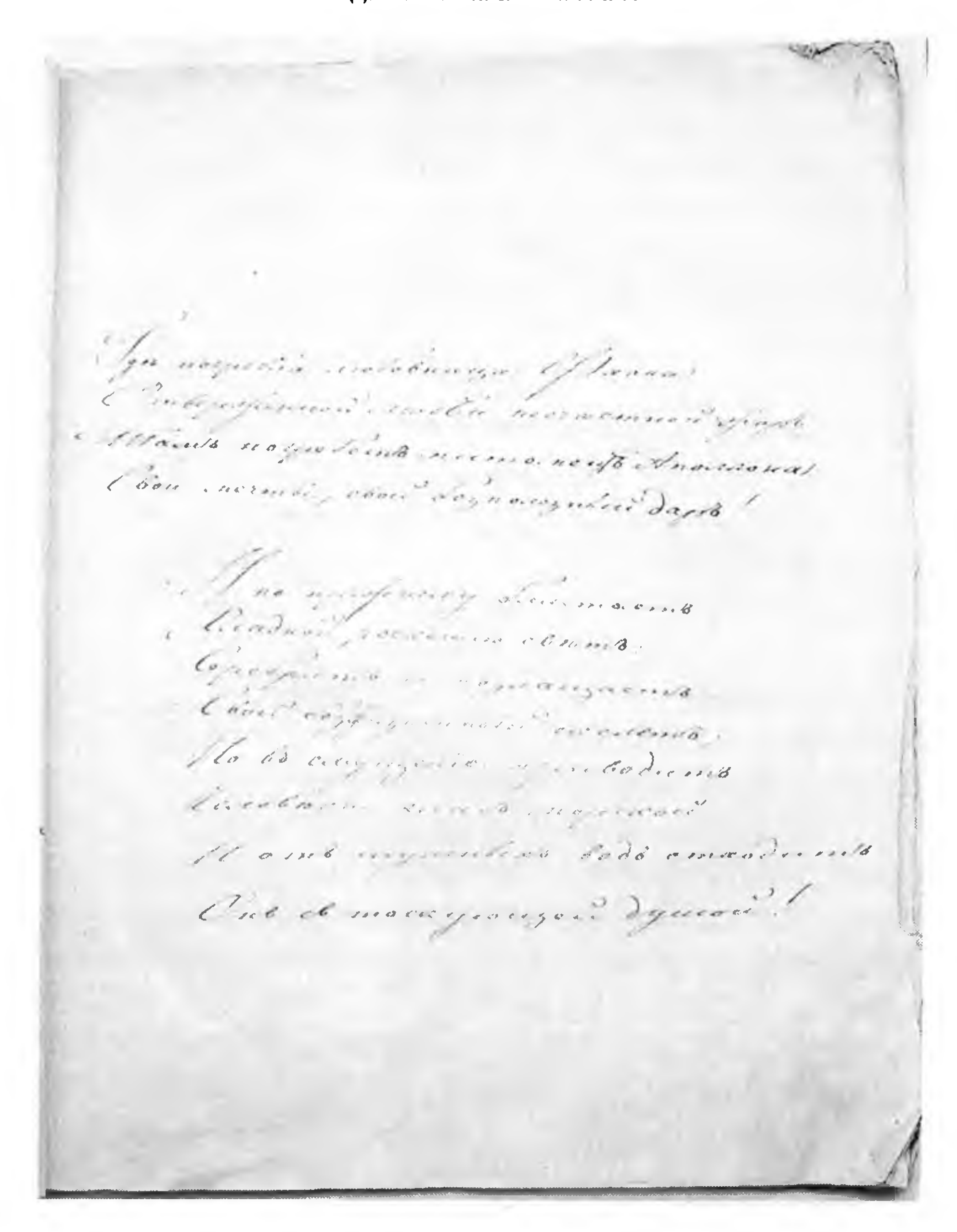
191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 6 об.

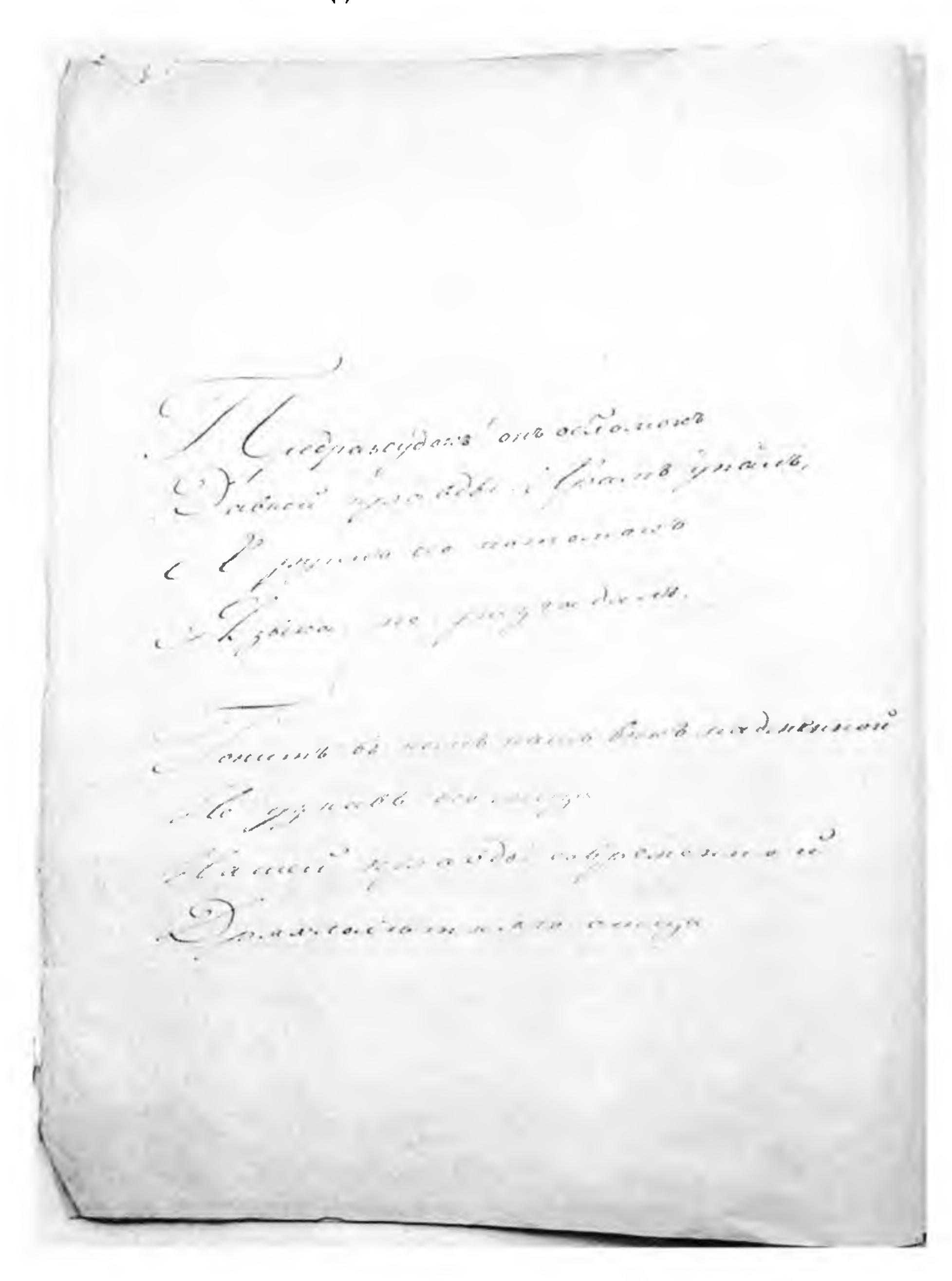
Человѣку непокорно
Море синее одно,
И свободно и просторно,
И привѣтливо оно,
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумитъ предъ скалой Левкада,
На ней пѣвецъ мятежный думы полнъ
Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада
Сія скала... тѣнь Сафо!.. голосъ волнъ

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 7.

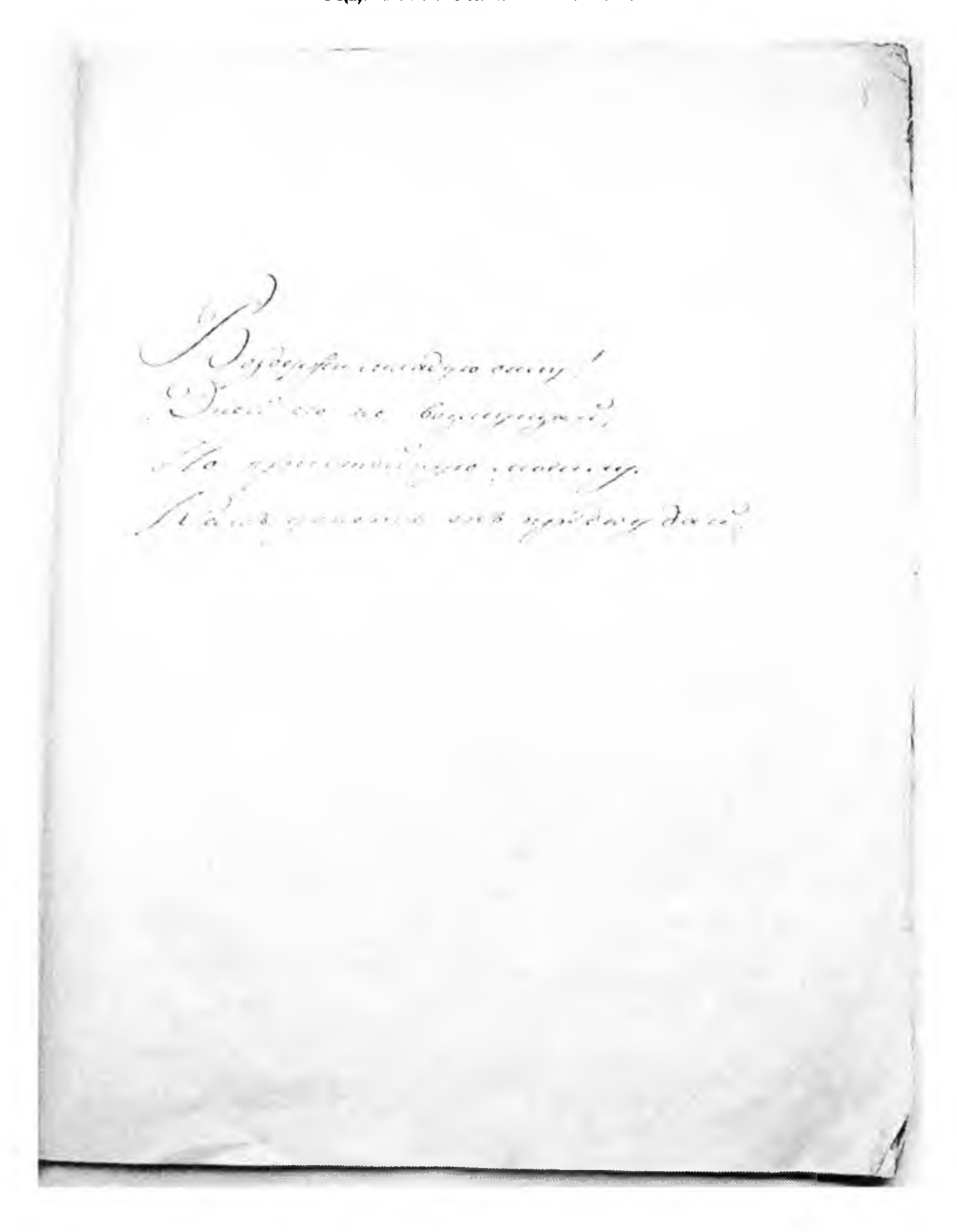
192.1. «Предразсудокъ! онъ обломокъ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 7 об.

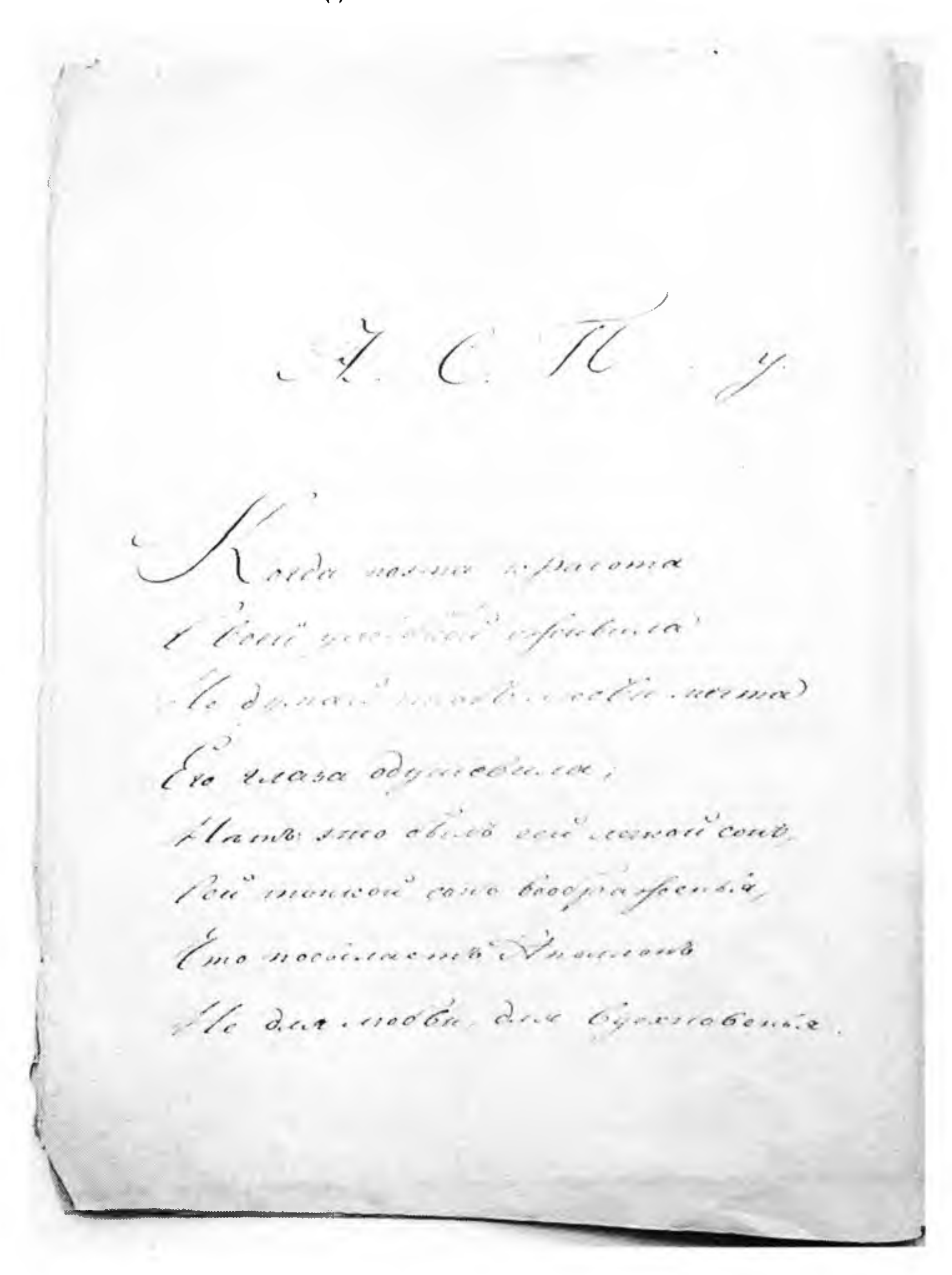
Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надменный
Не узнавъ его лица
Нашей правды современной
Дряхлеющаго отца.

192.1. «Предразсудокъ! онъ обломокъ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 8.

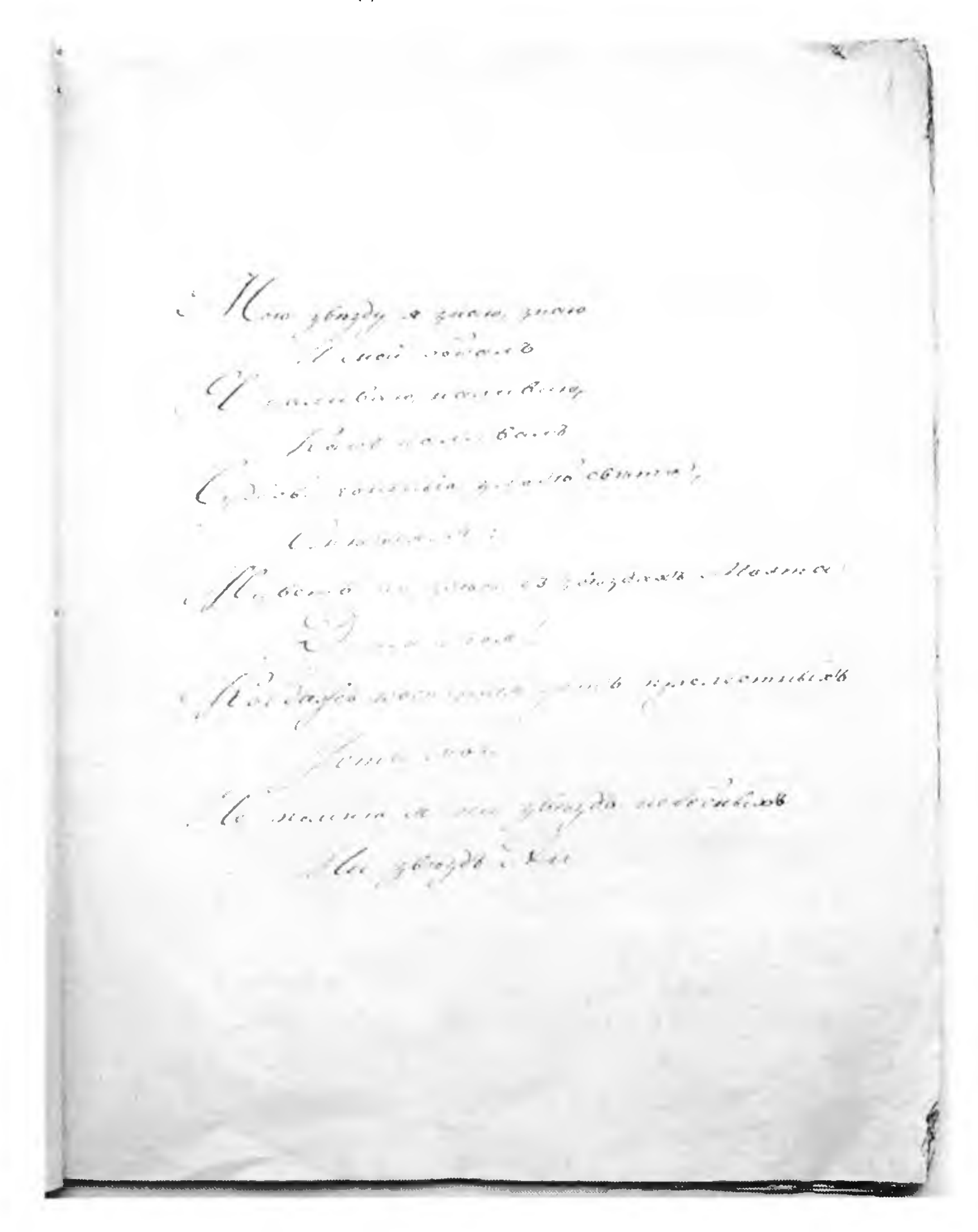
193.3. А. С. П.....у («Когда, поэта, красота...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 8 об.

А. С. П. у

Когда поэта красота
Своей улыбкой оживила
Не даромъ томной любви мечта
Его глаза одушевила;
Пать это былъ всё лёгкой сонъ,
Всё тонкой сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

217. «Мою звѣзду я знаю, знаю...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 9.

Мою звѣзду я знаю знаю

194.1. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 9 об.

194.1. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 10.

194.1. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...»)
205. Ахиллъ (« Влага Стикса закалила...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 10 об.

196. «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 11.

197.3. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 11 об.

Недоносокъ

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ
Знаю: рай за ихъ волнами.
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами

197.3. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 12.

12

Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластясь къ нимъ какъ облачко,
Пью счастливо воздухъ тонкой;
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птичкой звонкой.

Но ненастье заревѣтъ
И до облакъ сводъ небесный,
Омрачившись, вознесѣтъ
Прахъ земной и листъ древесный:
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое

197.3. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 12 об.

Вѣтръ крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ!
Вихорь хладный! вихорь жгучiй!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучiй!
Обращусь ли къ небесамъ
Оглянуся ли на землю:
Грозно, черно тутъ и тамъ.
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Кличь враждующихъ народовъ,

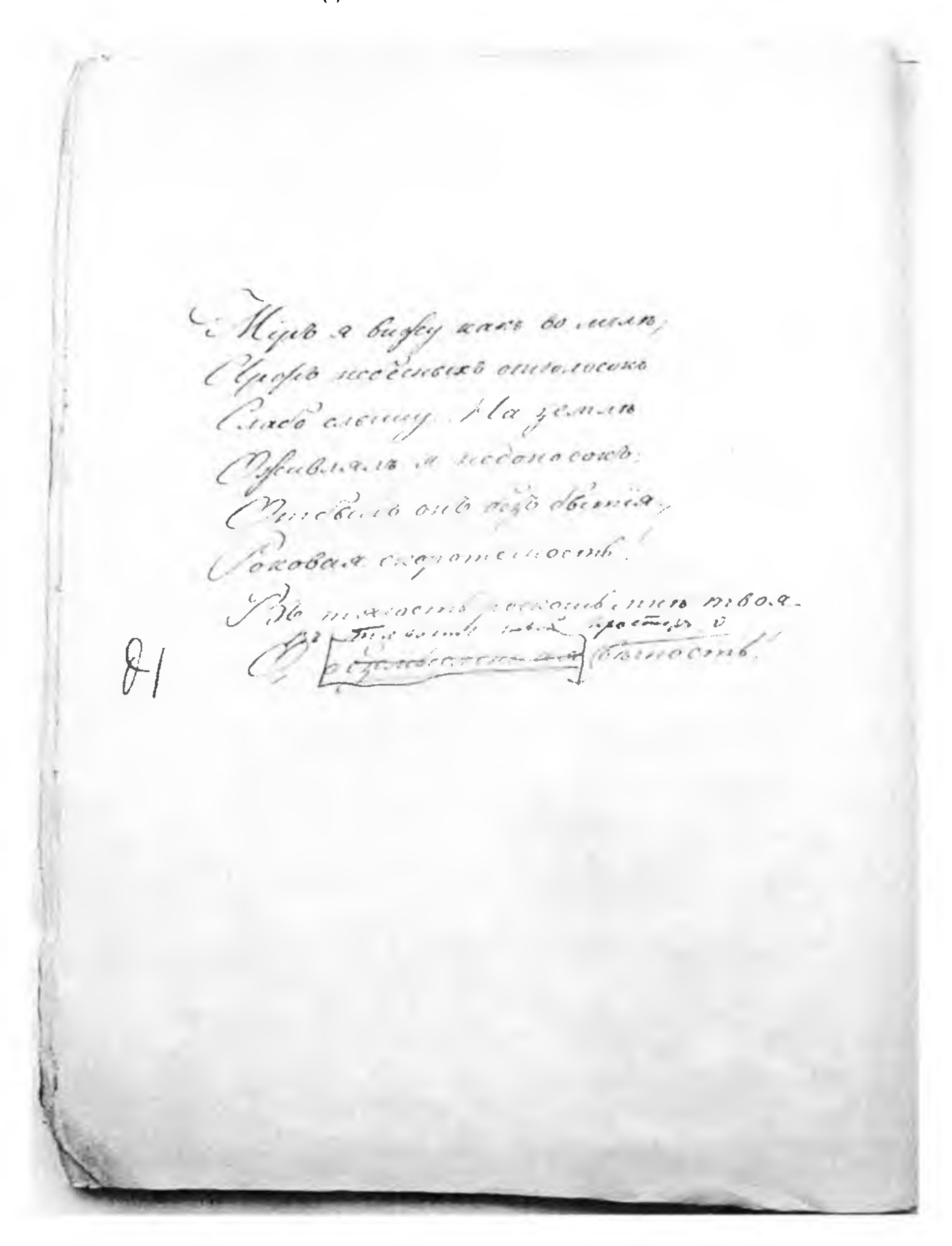
197.3. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 13.

13

Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ [illegible] ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей
Плачь недужнаго младенца
Слезы льются изъ очей
Жаль земнаго поселенца.

Изнывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорбь тѣсныхъ.
Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся чуждъ земнаго края,
Страстный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

197.3. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 13 об.

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу. На землѣ
Оживлялъ я недоносокъ;
Отбылъ онъ безъ бытія;
Роковая скоротечность!
Въ тягость [illegible] мнѣ твоя,
О [illegible] вѣчность!

81

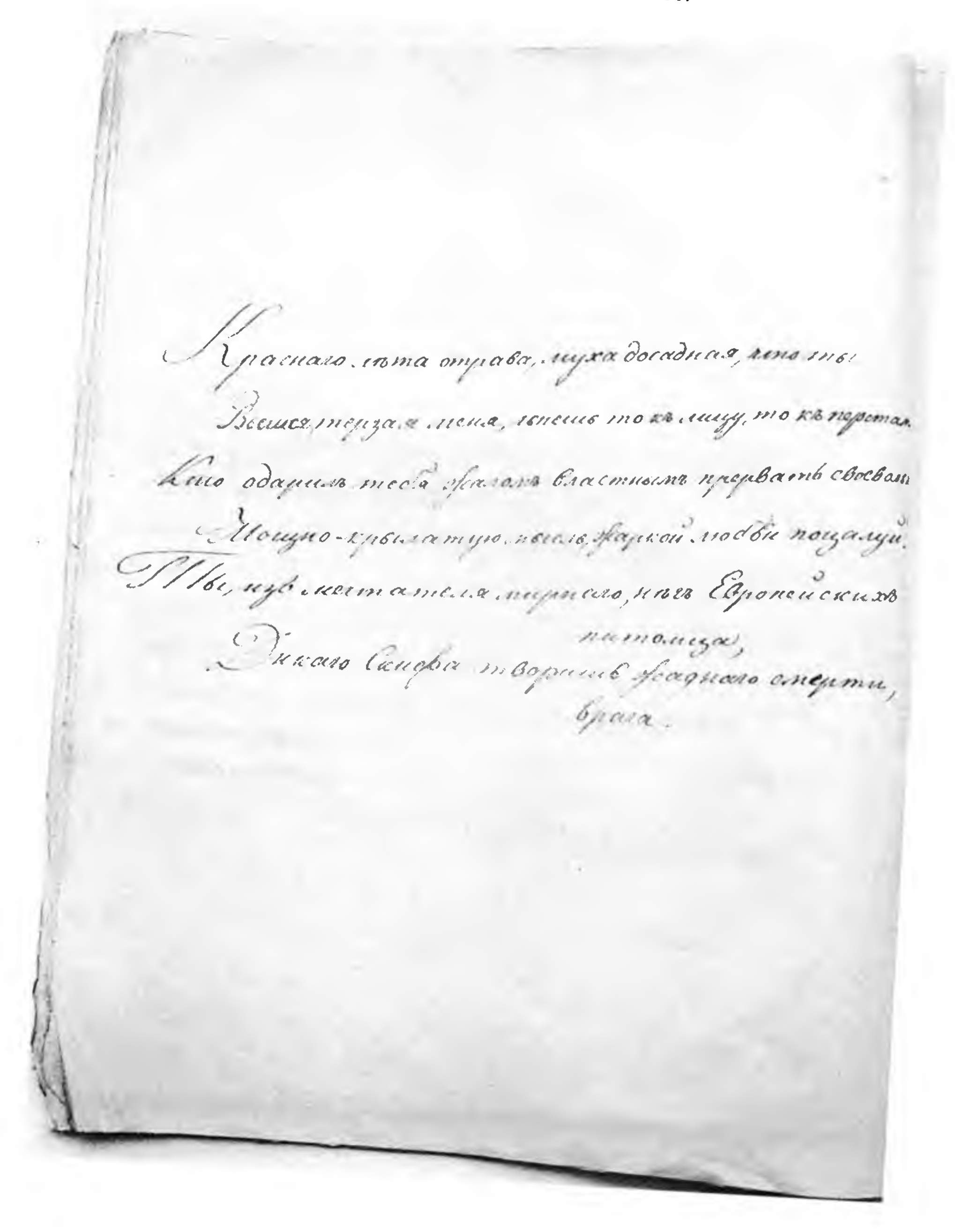
198. Алкивіадъ («Облокотясь передъ мѣдью образъ его отражавшей...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 14.

14

Алкивіадъ.

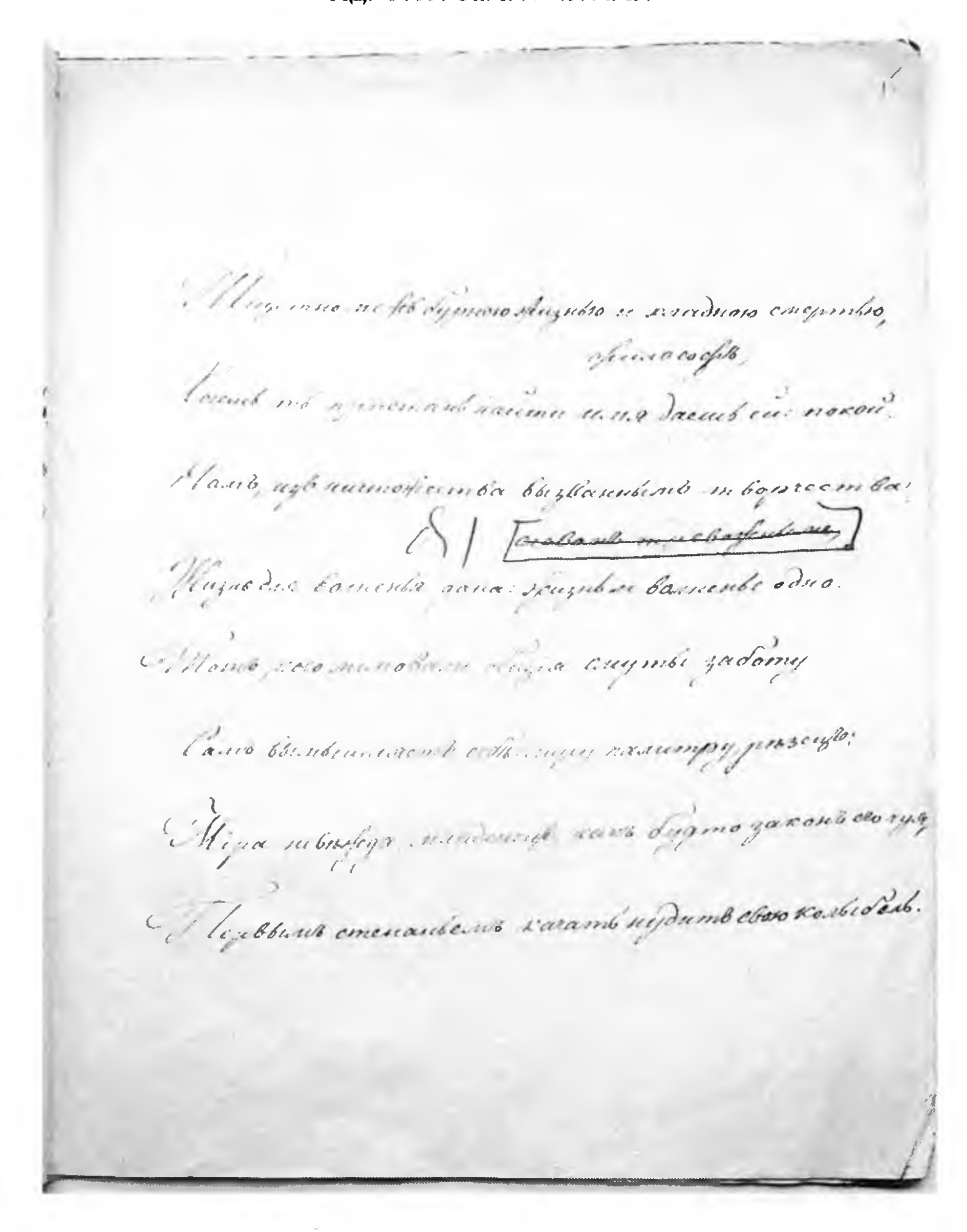
Облокотясь передъ мѣдью образъ его отражавшей
Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,
Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ, и смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали перстомъ.
Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно открытымъ,
Нехотя взоръ отводя хмурили брови свои.
Онъ же и глухъ былъ и нѣмъ, онъ не въ мѣди глядясь, а въ грядущемъ
Думалъ: къ лицу ли ему будетъ лавровый вѣнокъ.

199. *Ропотъ («Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты...»)*
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 14 об.

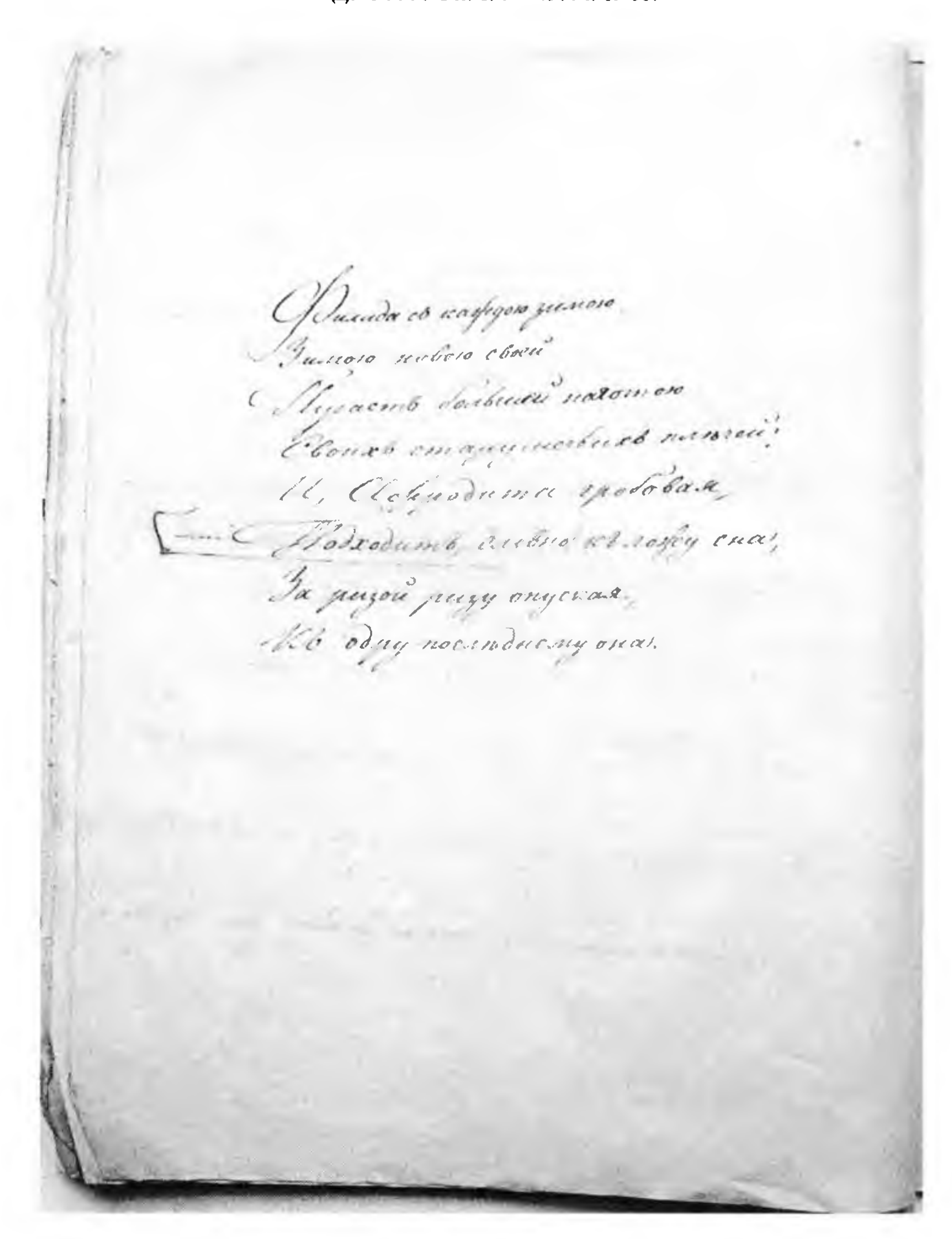

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешся, терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ
Кто одарилъ тебя жаломъ властнымъ прервать своеволь
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцалуй?
Ты, изъ мечтателя мирнаго, нѣгъ Европейскихъ
питомца,
Дикаго Скифа творишь жаднаго смерти,
врага.

200. Мудрецу («Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 15.

Тщетно межъ бурною жизнью и хладною смертью,
философъ,
Хочешь ты пристань найти и имя дашь ей: покой.
Намъ, изъ ничтожества вызваннымъ творчества
~~словомъ тревожнымъ~~
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно.
Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, резецъ;
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель.

201. «*Филида, съ каждою зимою...*»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 15 об.

Филида съ каждою зимою,
Зимою новою своей
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей;
И, [illegible] пробовая,
Подходитъ, смѣло къ ложу сна;
За ризой ризу опуская,
Къ одну послѣднему она.

202. Бокалъ («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 16.

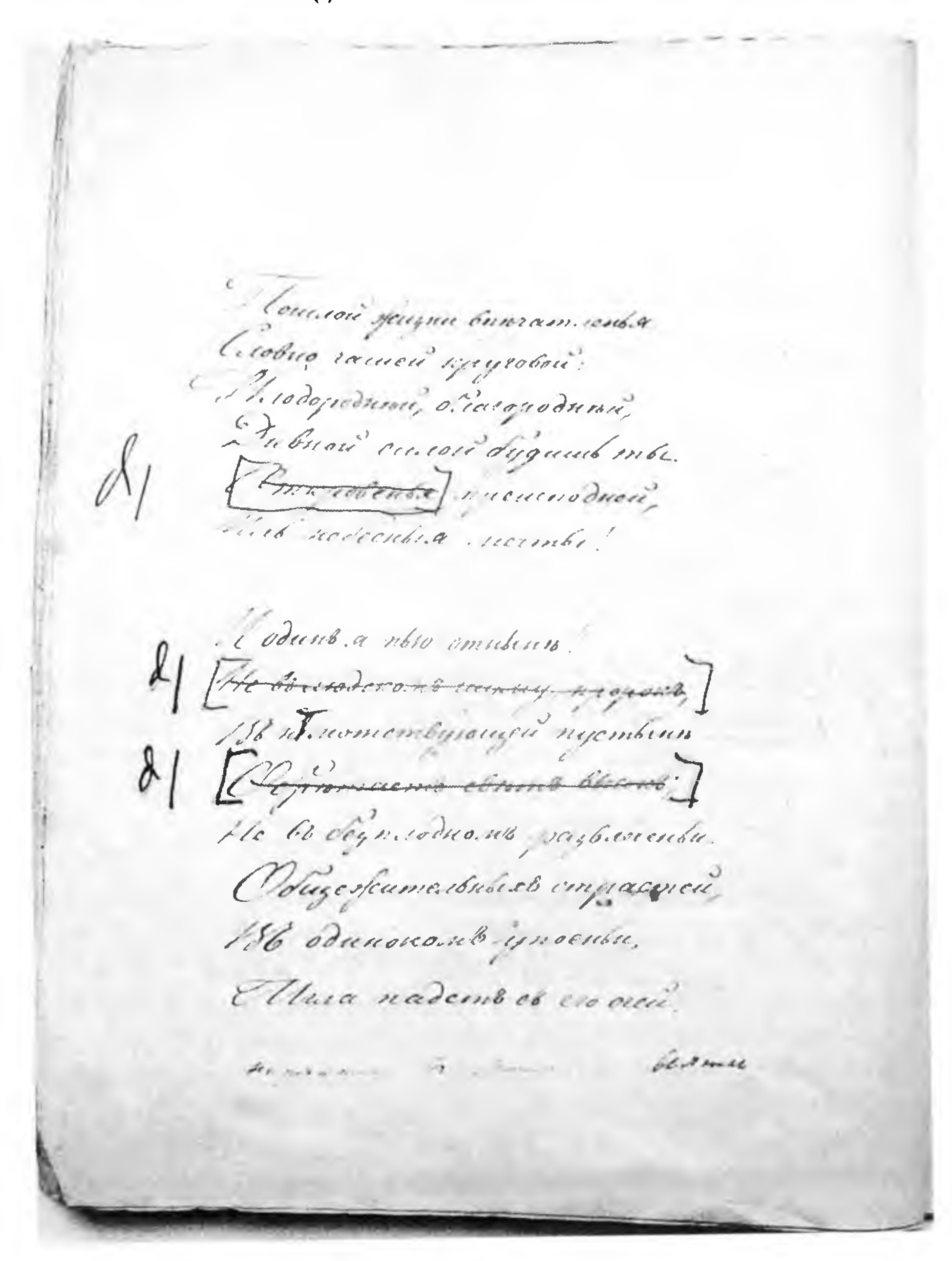
202. Бокалъ («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 16 об.

Пусть мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не разсмѣшитъ данникъ твой
Безтолково оживленной
Разногласною толпой:

Мой восторгъ неосторожной
Не обидитъ никого:
Не откроетъ дружбѣ ложной
Тайнъ счастья моего,
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ

202. Бокалъ («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 17.

202. Бокалъ («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 17 об.

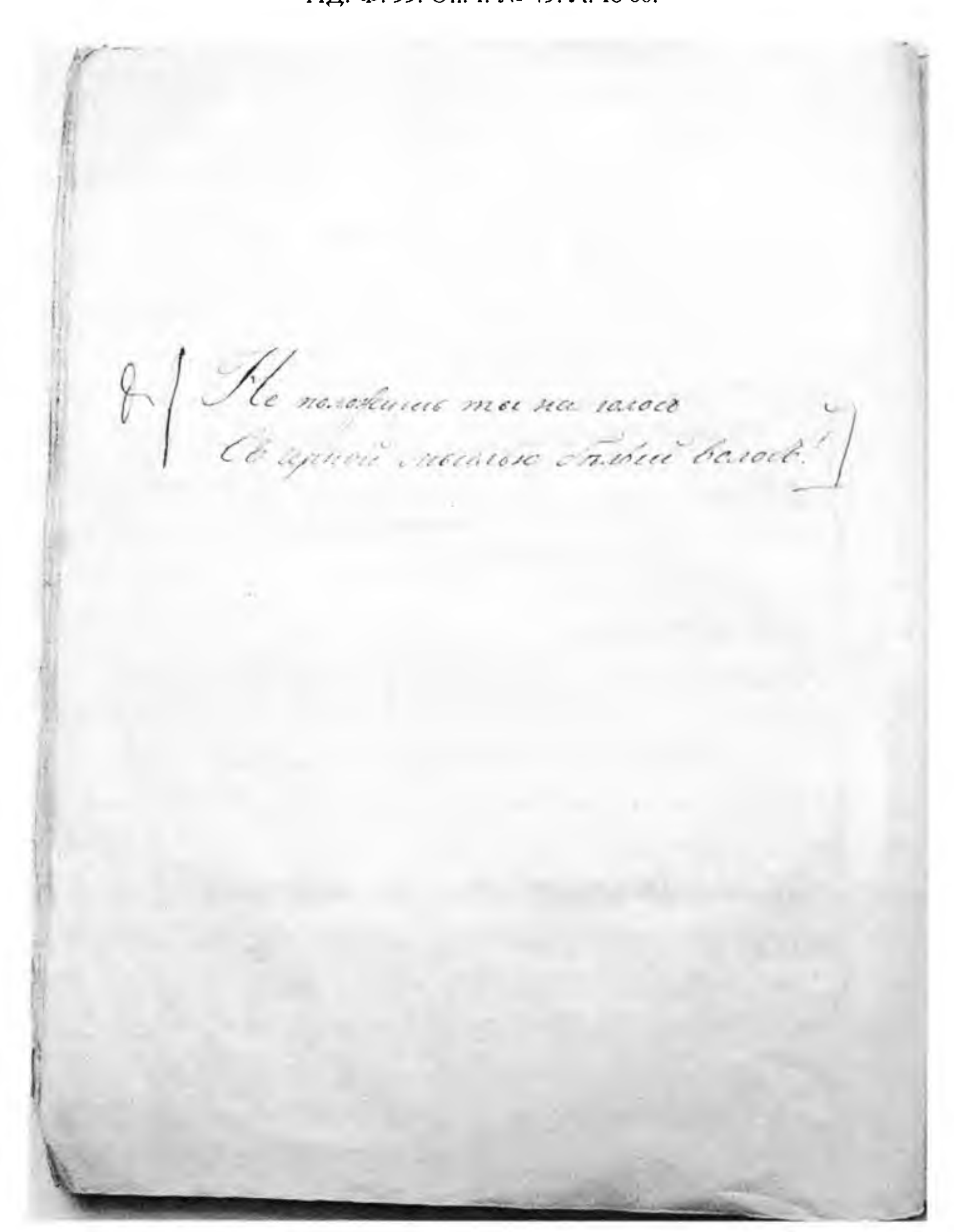

Полной жизни впечатленья
Словно чашей круговой:
Дивной силой будишь ты.

И одинъ я пью отныне.
Обольстительныхъ страстей
Въ одинокомъ упоеньи,

203. «Были бури, непогоды...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 18.

8

203. «Были бури, непогоды...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 18 об.

204. «На что вы дни! Юдольный міръ явленья...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 19.

19

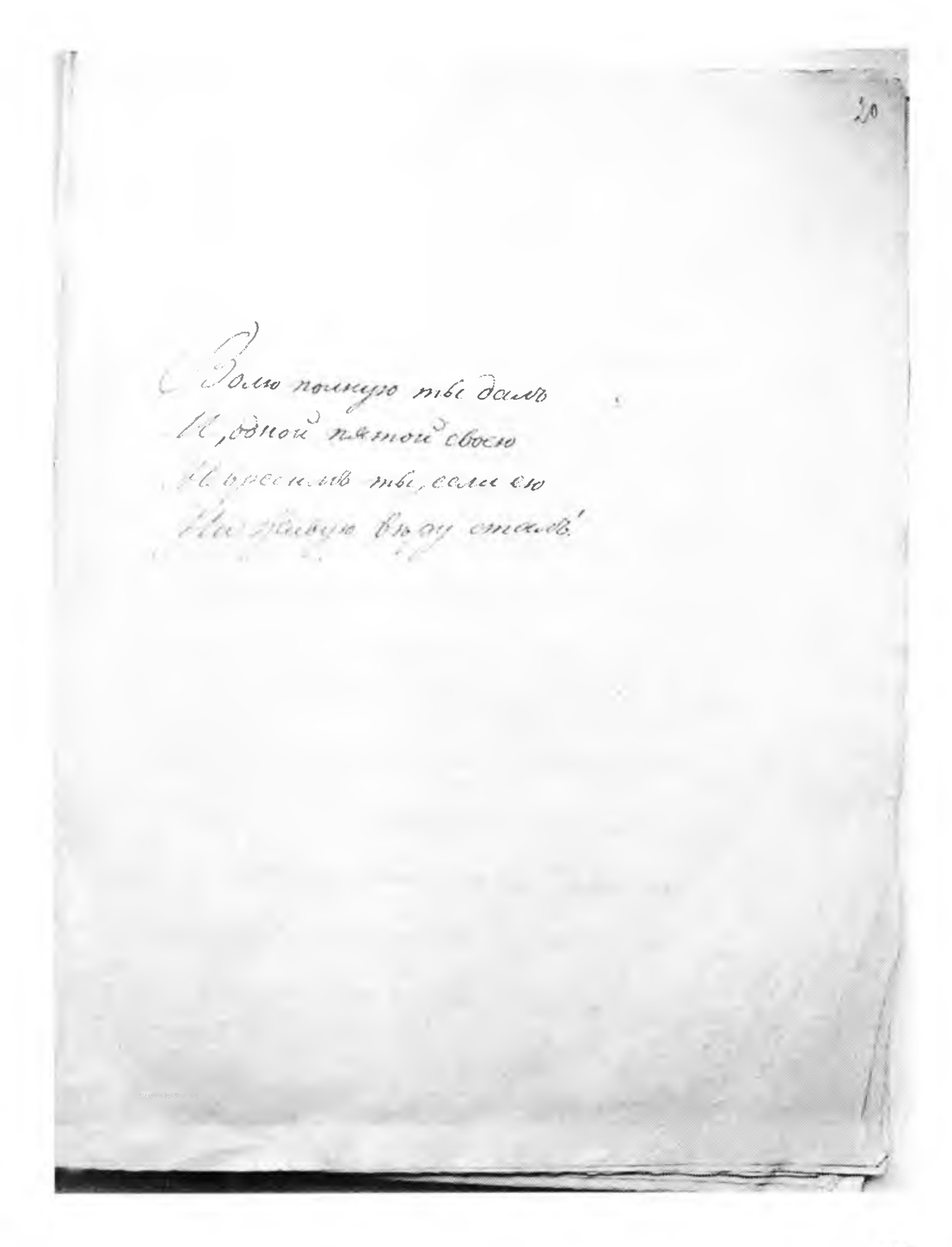
На что вы дни. Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ.
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.

Не даромъ ты металась и кипѣла
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь, и оно

204. «На что вы дни! Юдольный міръ явленья...»
221.2 «Братайтеся къ заботливой защитѣ...»
221.1 «Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 19 об.

205. Ахиллъ (« Влага Стикса закалила...») (ст. 12–15)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 20.

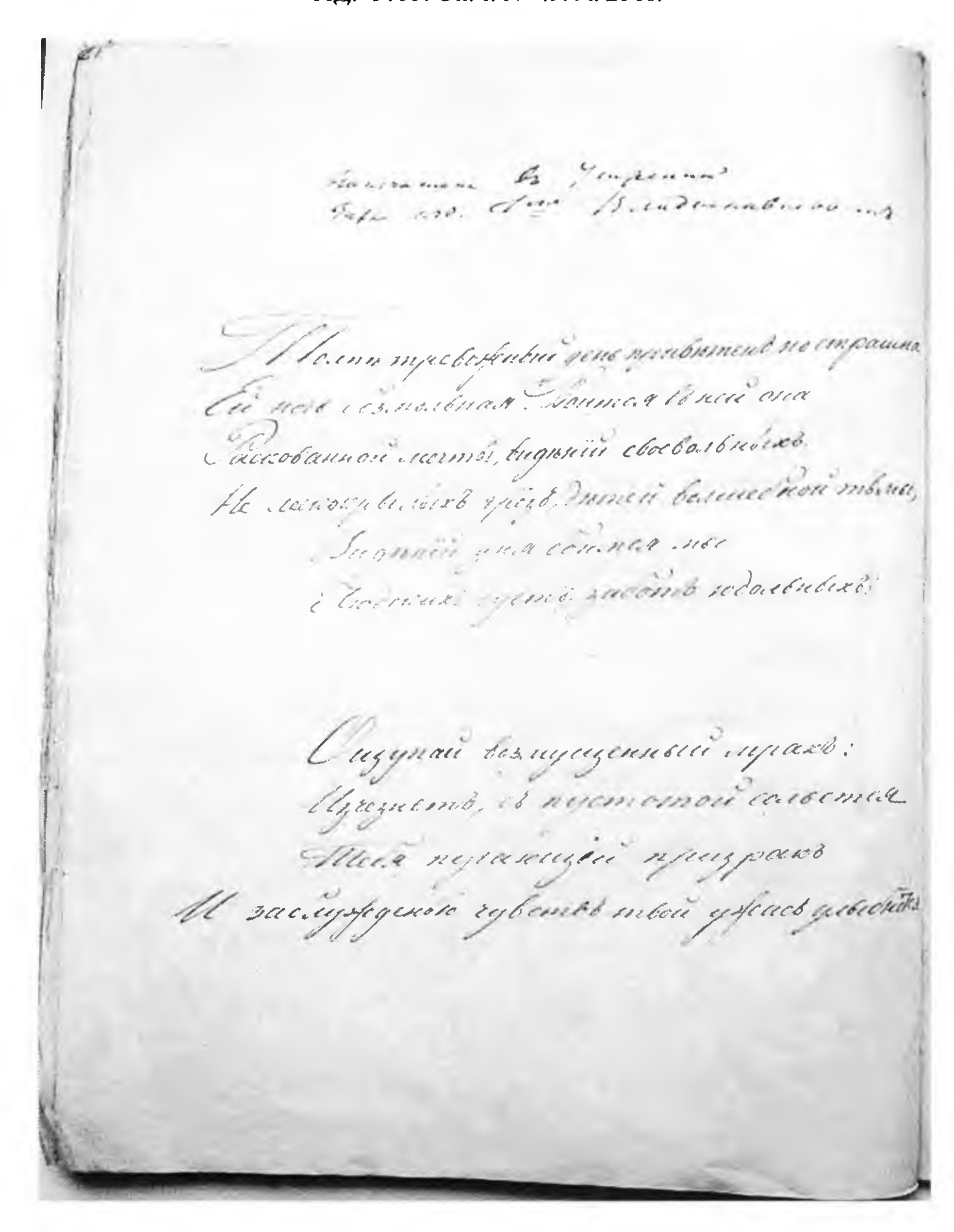

206. «Сначала, мысль, воплощена...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 20 об.

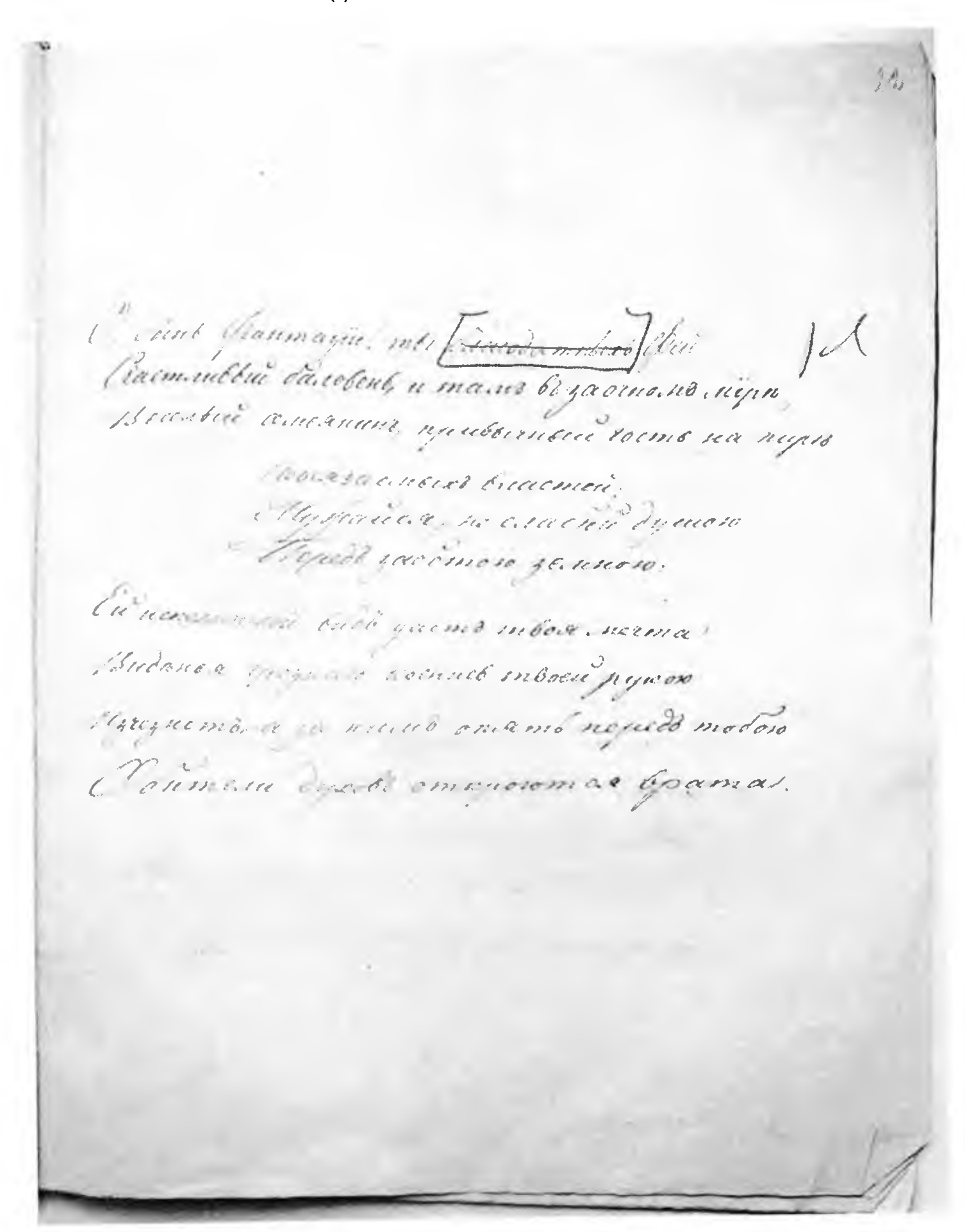
Сначала, мысль, воплощена
Въ поэму сжатую поэта,
Какъ дѣва юная, темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ осмѣлившись она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена
Въ свободной прозѣ романиста:
Болтунья старая затѣмъ
Она, подъемля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

207. «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 21.

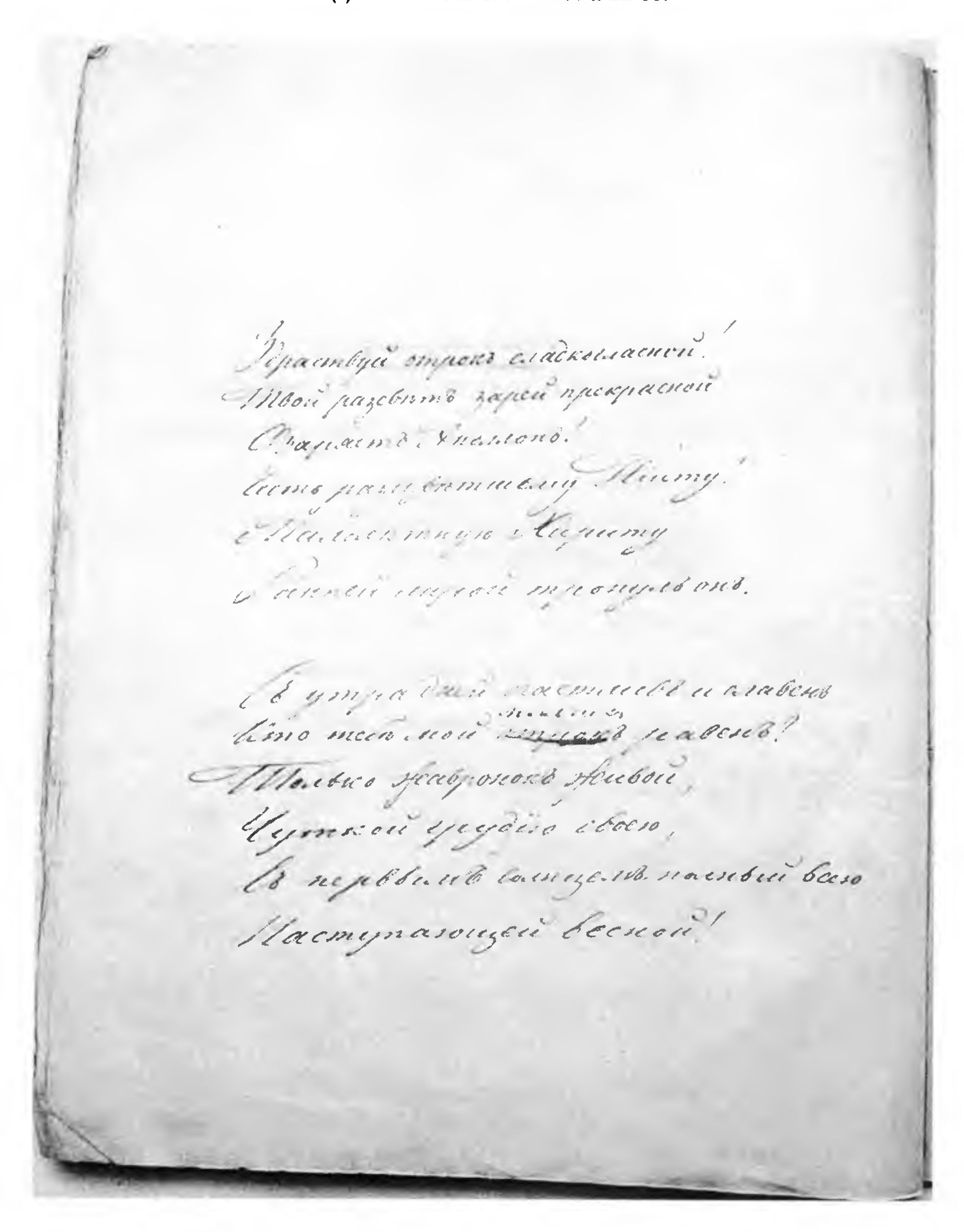
208.1. «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 21 об.

208.1. «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 22.

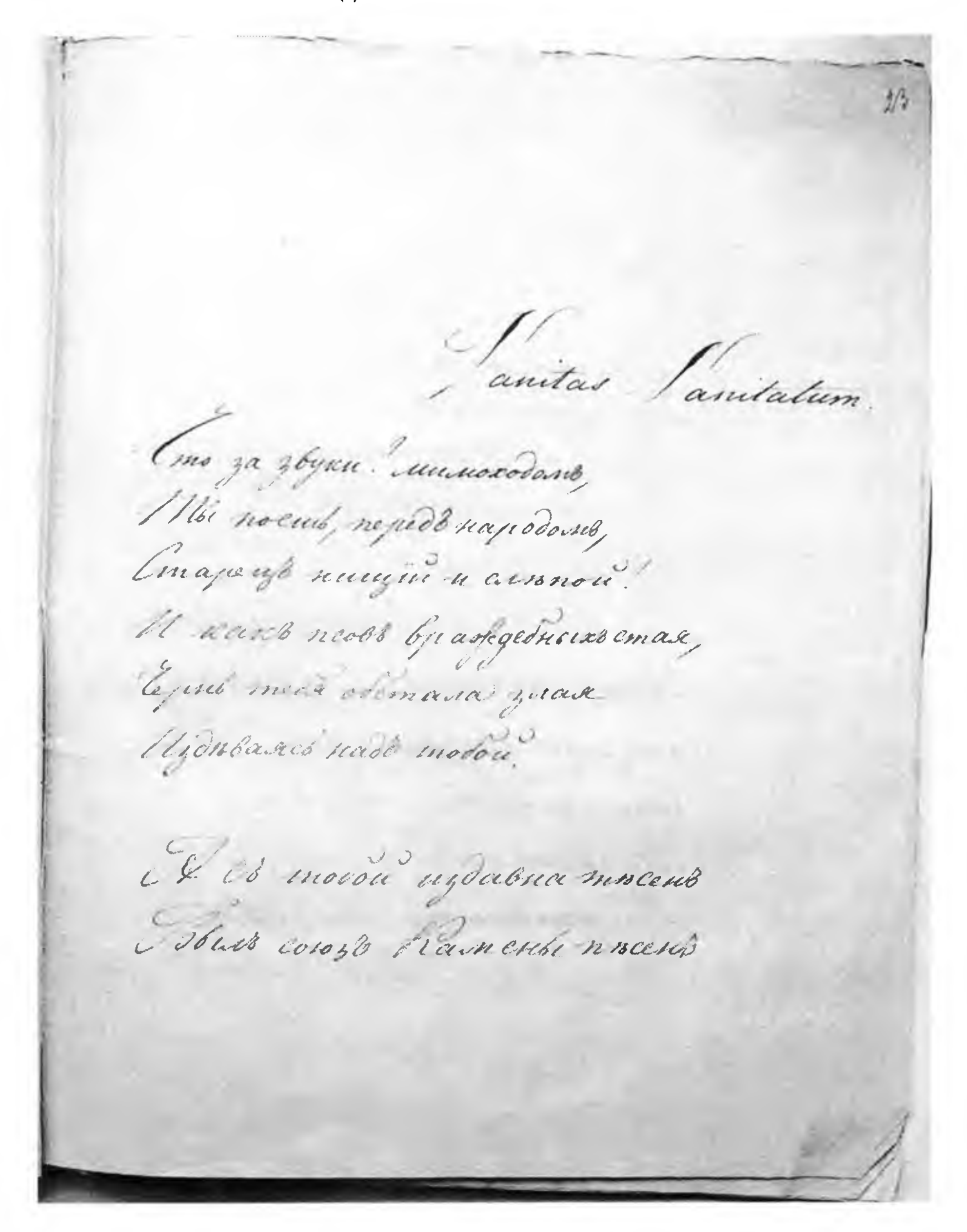
209. «Здраствуй отрокъ сладкогласной!..»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 22 об.

Здраствуй отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь разцвѣтшему Пииту!
С [illegible] Хариту
[illegible] лирой [illegible] онъ.

Въ утра дней счастливыхъ и славныхъ
Кто тебѣ мой ~~другъ~~ милый равенъ?
Только жаворонокъ живой,
Чуткой грудью своею,
Въ первыхъ [illegible] всего
Наступающей весной!

210. «Что за звуки? мимоходомъ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 23.

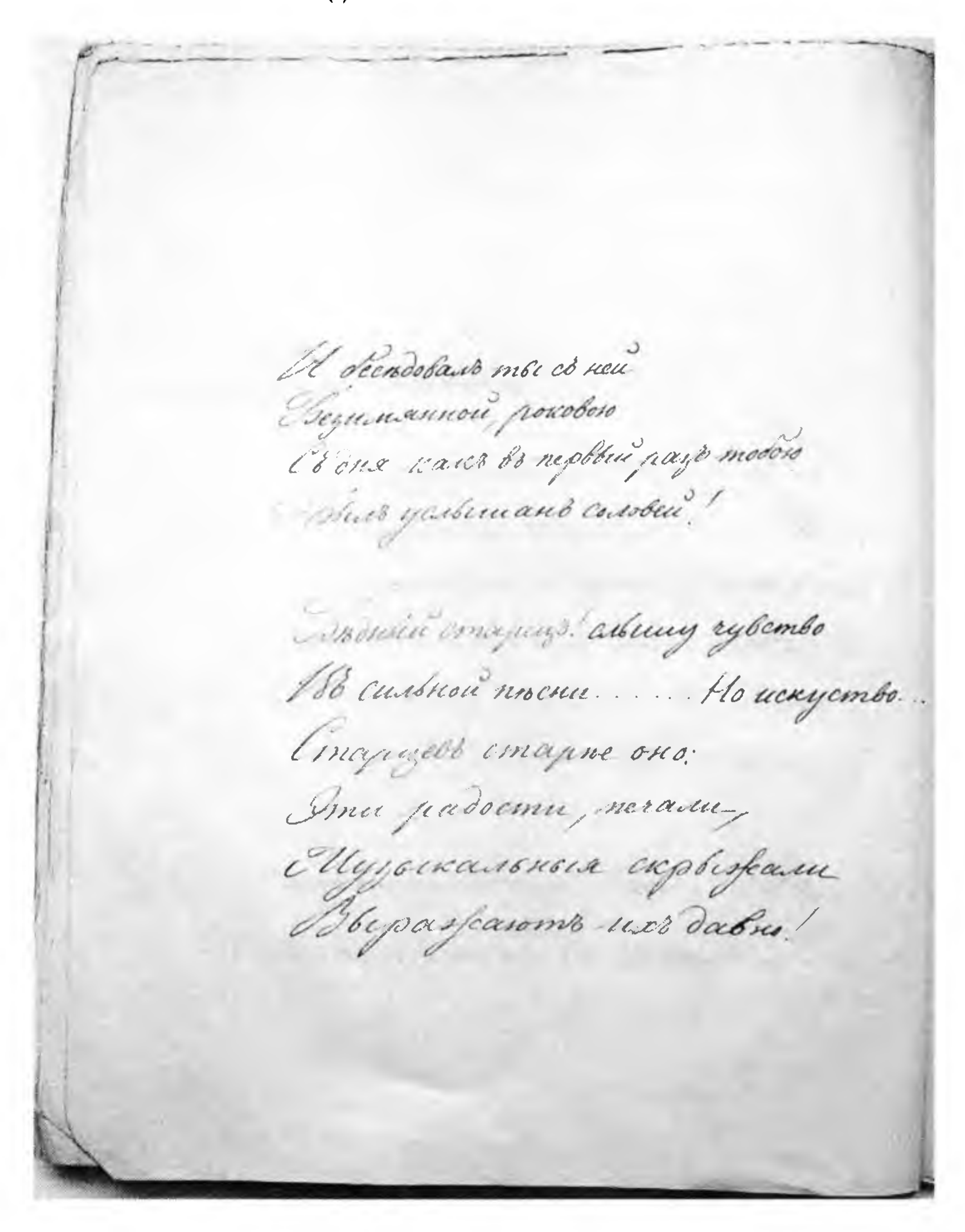
23

Vanitas Vanitatum.

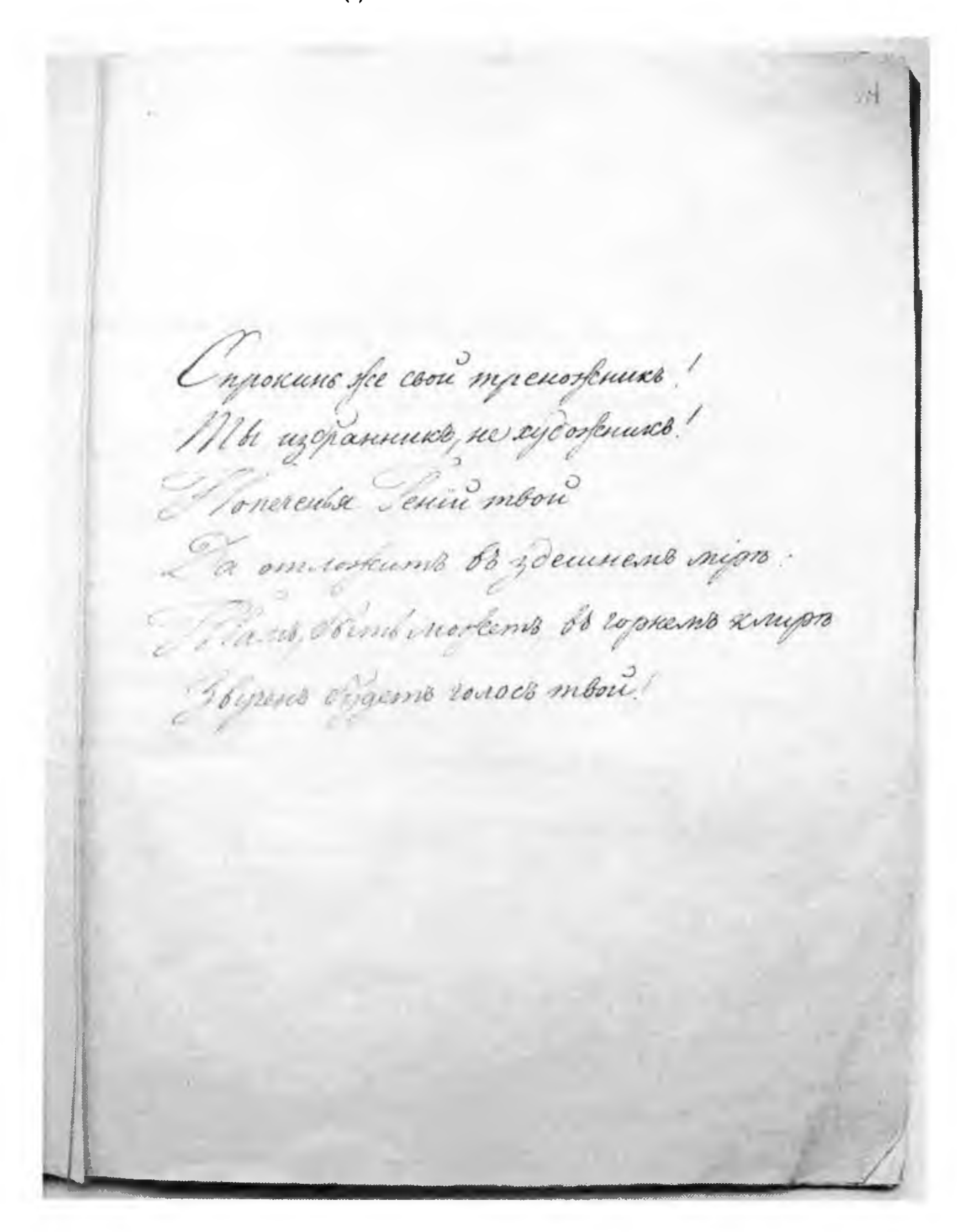
Что за звуки? мимоходомъ,
Ты поешь, передъ народомъ,
Старецъ нищій и слѣпой!
И какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая
Издѣваясь надъ тобой.

А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ Камены пѣсенъ

210. «Что за звуки? мимоходомъ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 23 об.

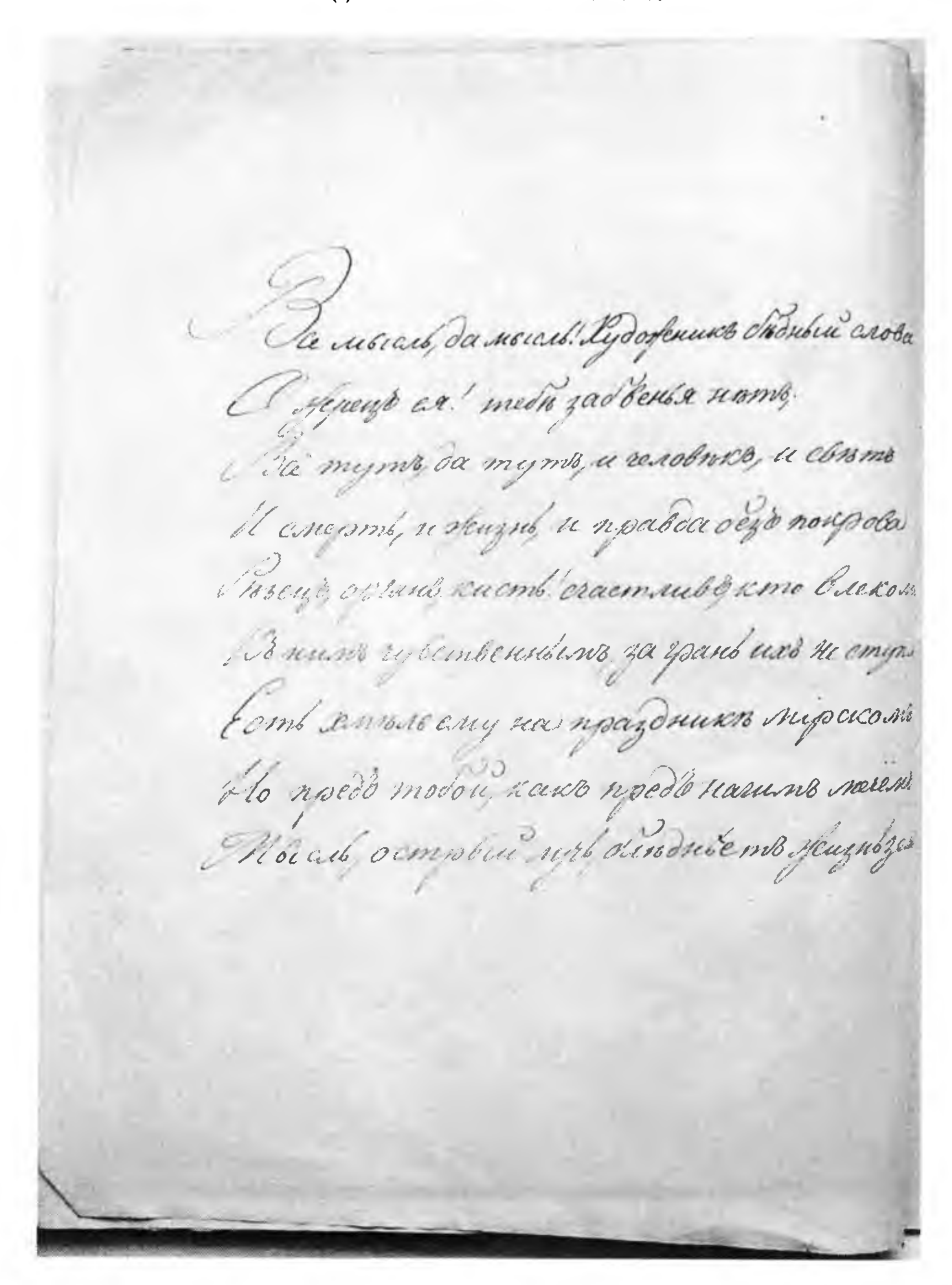
210. «Что за звуки? мимоходомъ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 24.

24

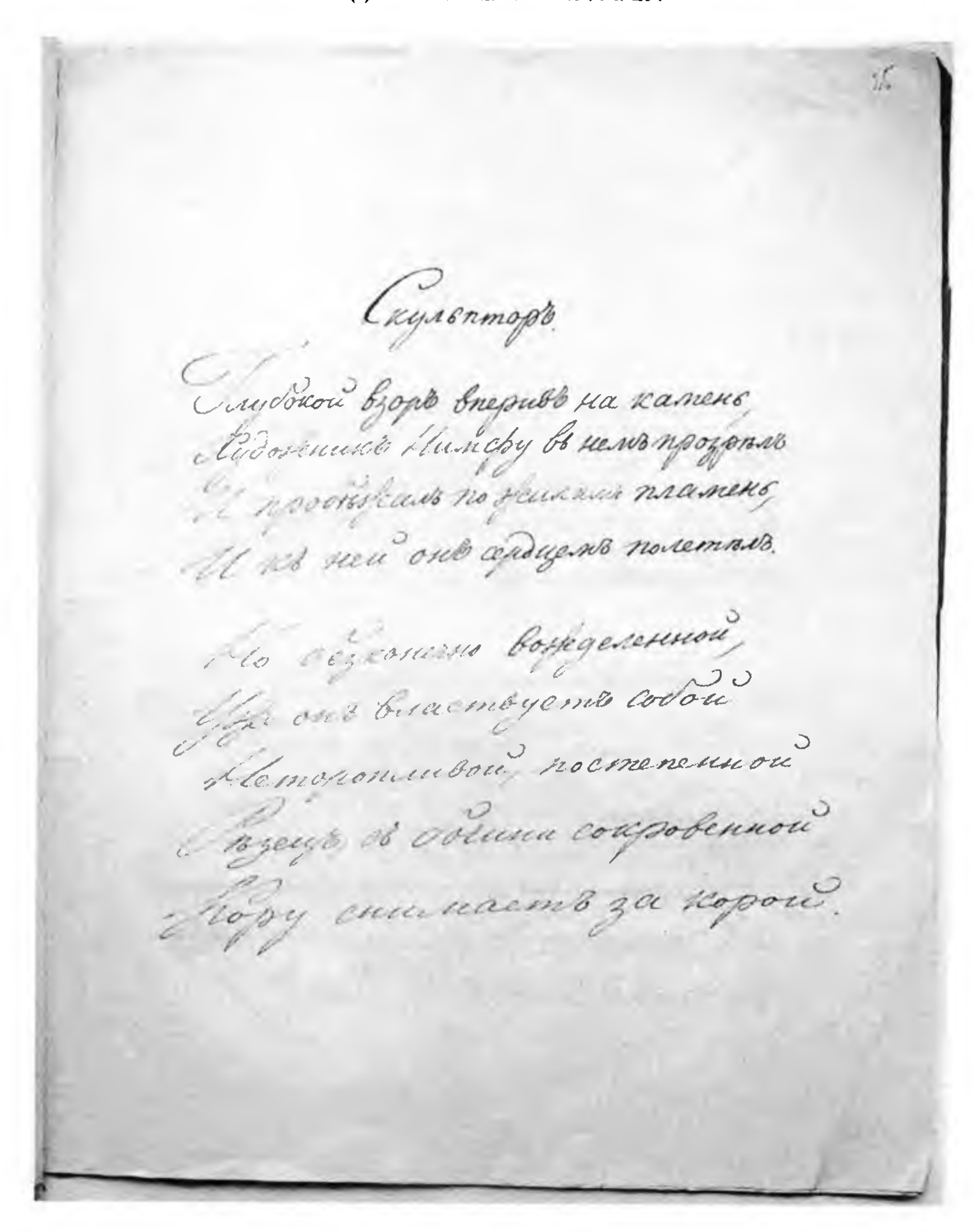
Опрокинь же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!
Попеченья Геній твой
Да отложитъ въ здѣшнемъ мірѣ:
Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ
Звученъ будетъ голосъ твой!

211. «Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!..»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 24 об.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ да тутъ, и человѣкъ, и свѣтъ
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова
Резецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влеком
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступ
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечем
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь зе[мная]

212.1. Скульпторъ (*«Глубокой взоръ вперивъ на камень...»*)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 25.

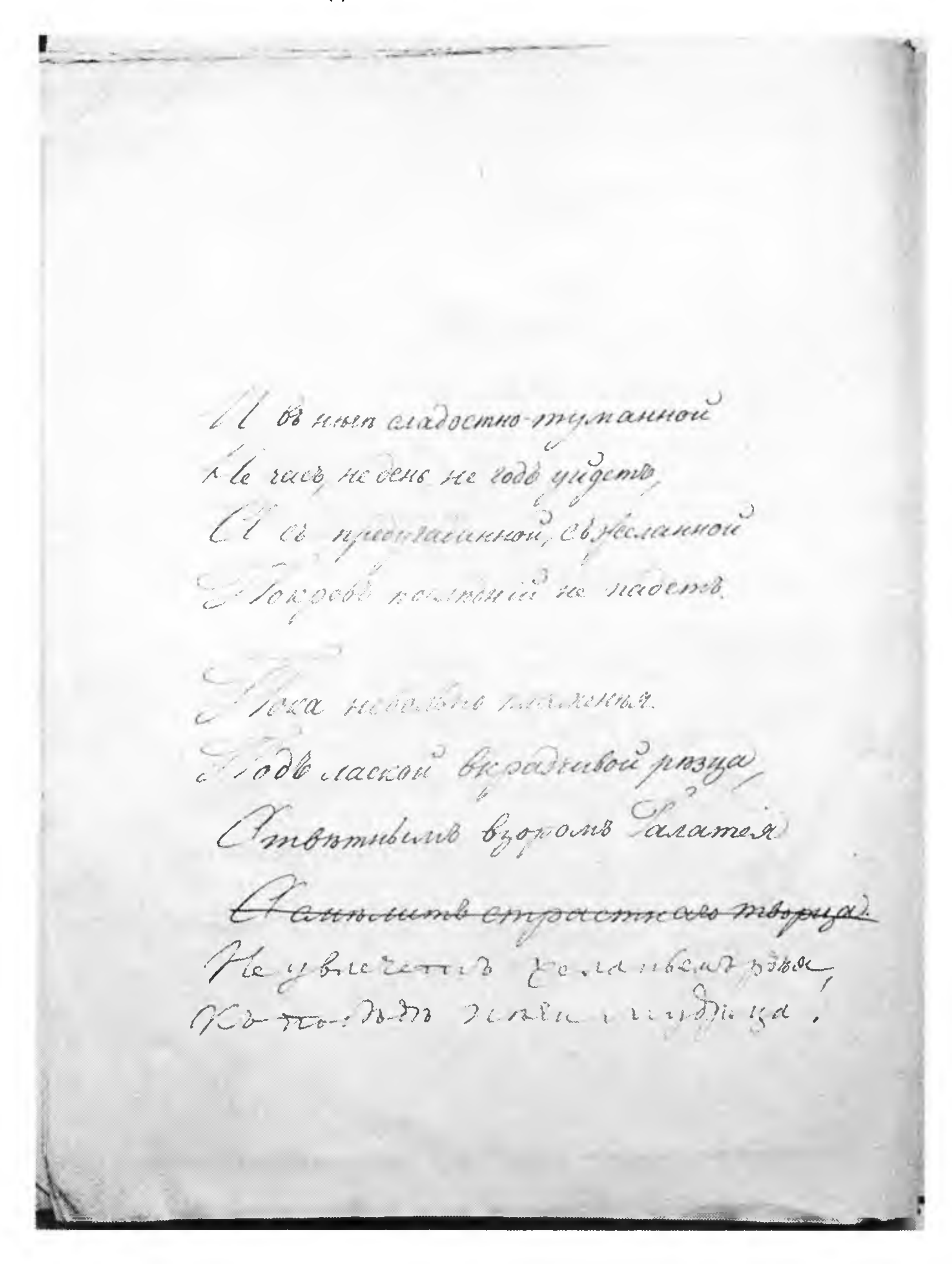

Скульпторъ

Глубокой взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

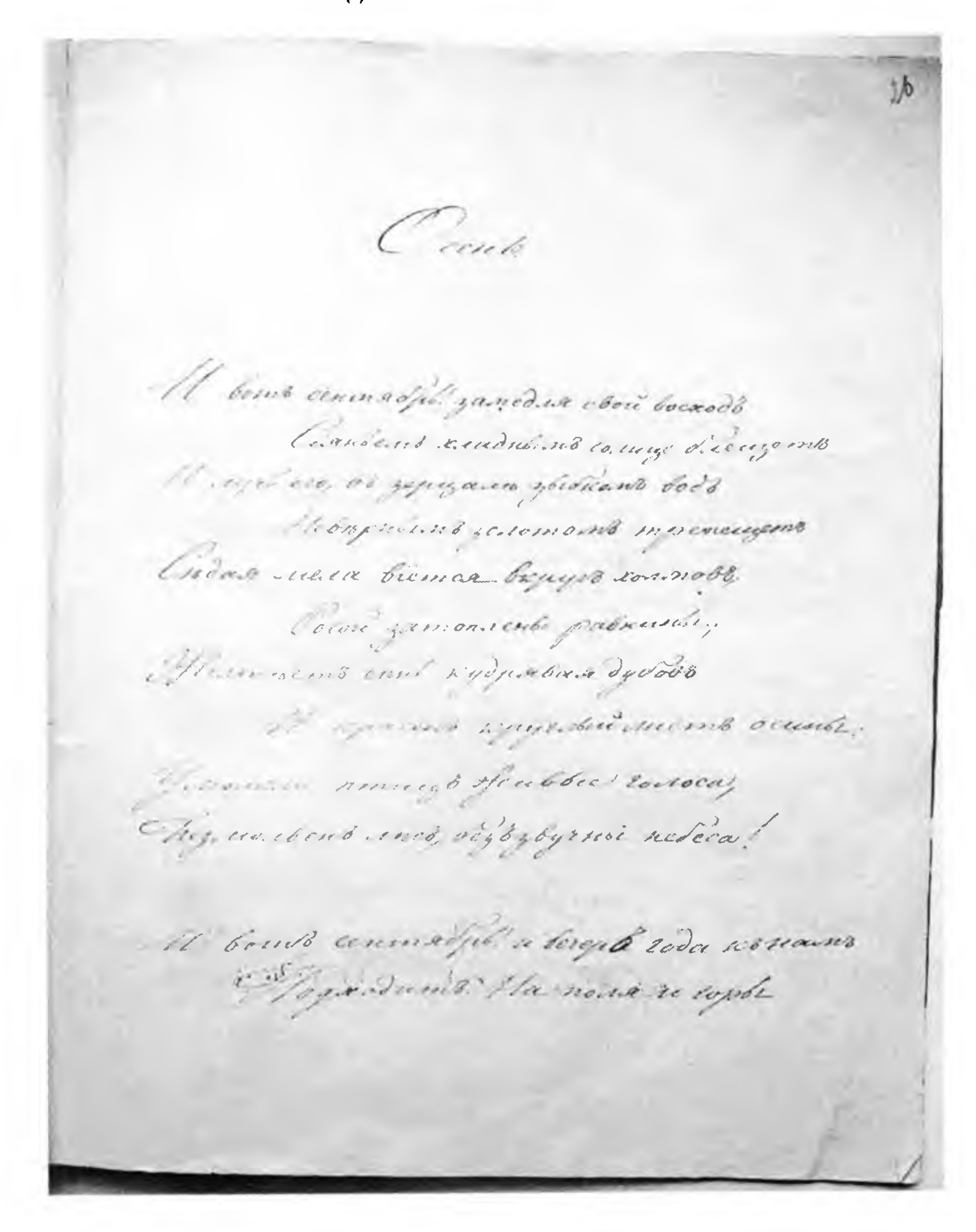
Но безконечно вожделенной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Неторопливой, постепенной
Резецъ съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

212.1. Скульпторъ («Глубокой взоръ впривъ на камень...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 25 об.

И въ нѣгѣ сладостно-туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ,

Пока невольно [illegible]
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
~~[illegible] страстнаго творца~~
Не увлечетъ желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

213.1. Осень (*«И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»*)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 26.

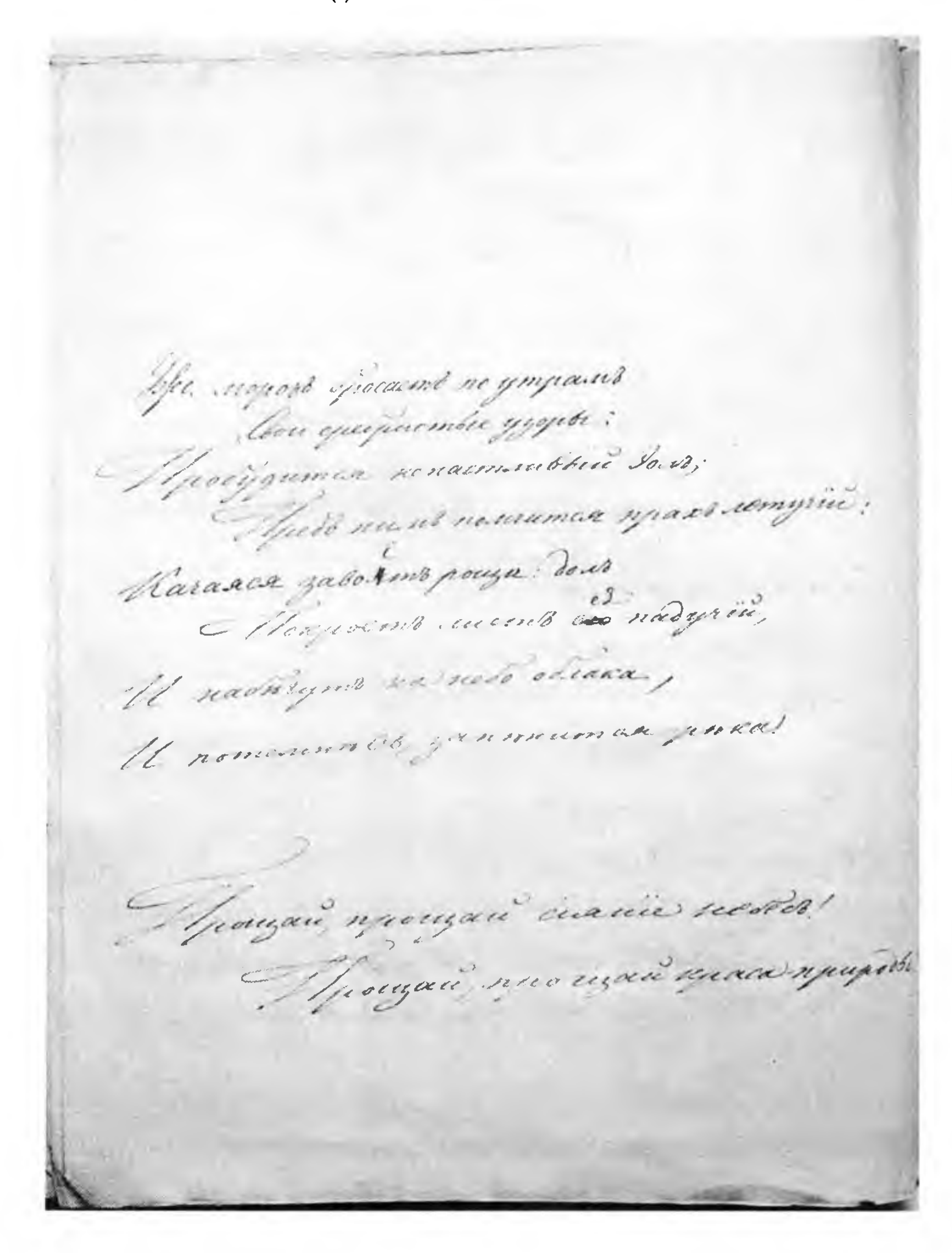
26

Осень

И вотъ сентябрь! замедля свой восходъ
Сияньемъ хладнымъ солнце блещетъ
И лучъ его, въ зерцалѣ зыбкомъ водъ
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ
Сѣдая мгла виется вкругъ холмовъ
Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявыхъ дубовъ
И красенъ круглый листъ осины.
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

И вотъ сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходитъ. На поля и горы

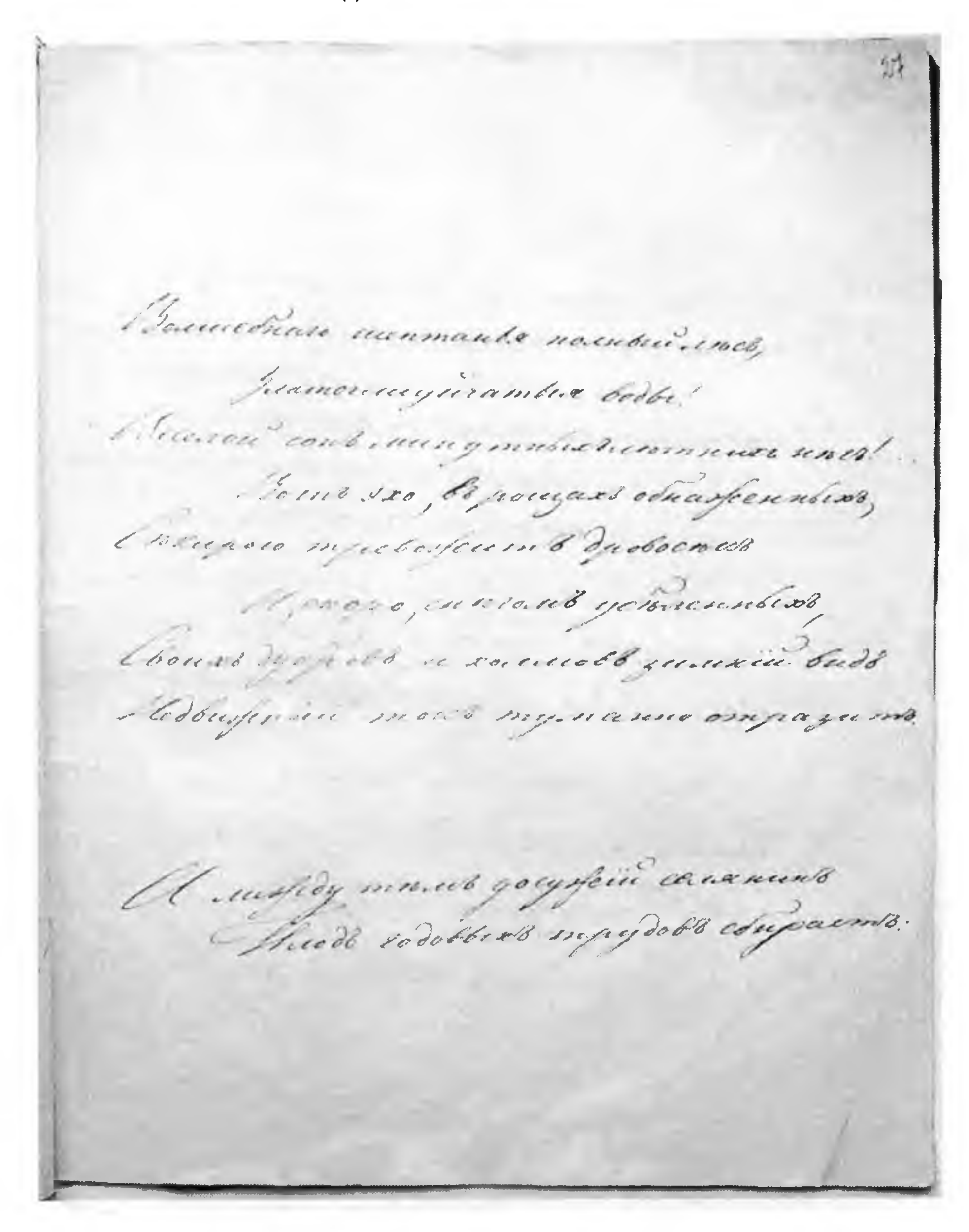
213.1. Осень (*«И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»*)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 26 об.

Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои серебристые узоры;
Проснется ненастливый Эолъ;
Предъ нимъ помчится прахъ летучій;
Качаясь завоетъ рощи; долъ
Покроетъ листъ [illegible] падучій,
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ зашипитъ рѣка!

Прощай, прощай сіянье небесъ!
Прощай, прощай краса природы

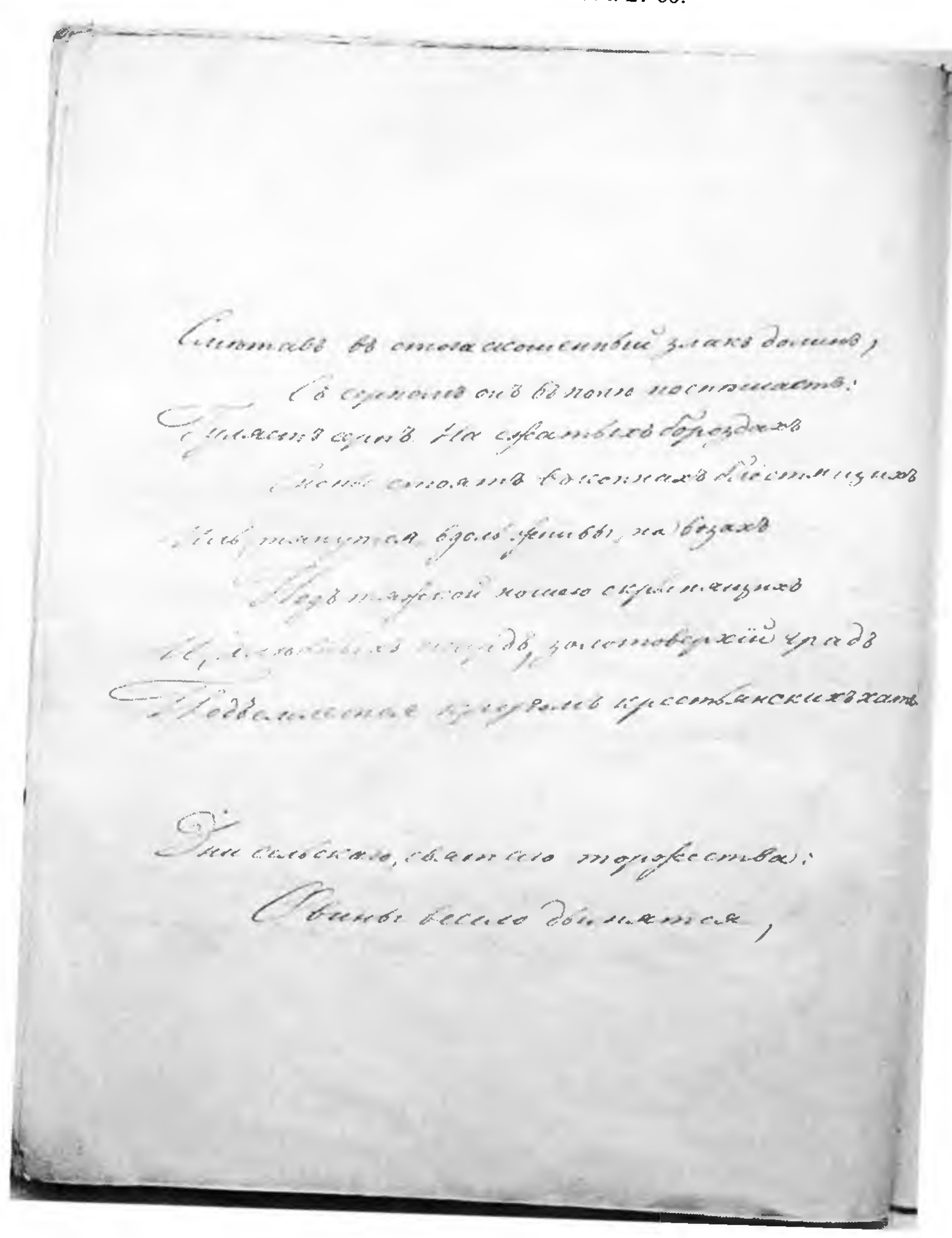
213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 27.

Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатыя воды!
Веселой сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!..
Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Секирою тревожитъ дровосѣкъ
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Недвижный токъ туманно отразитъ.

И между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ.

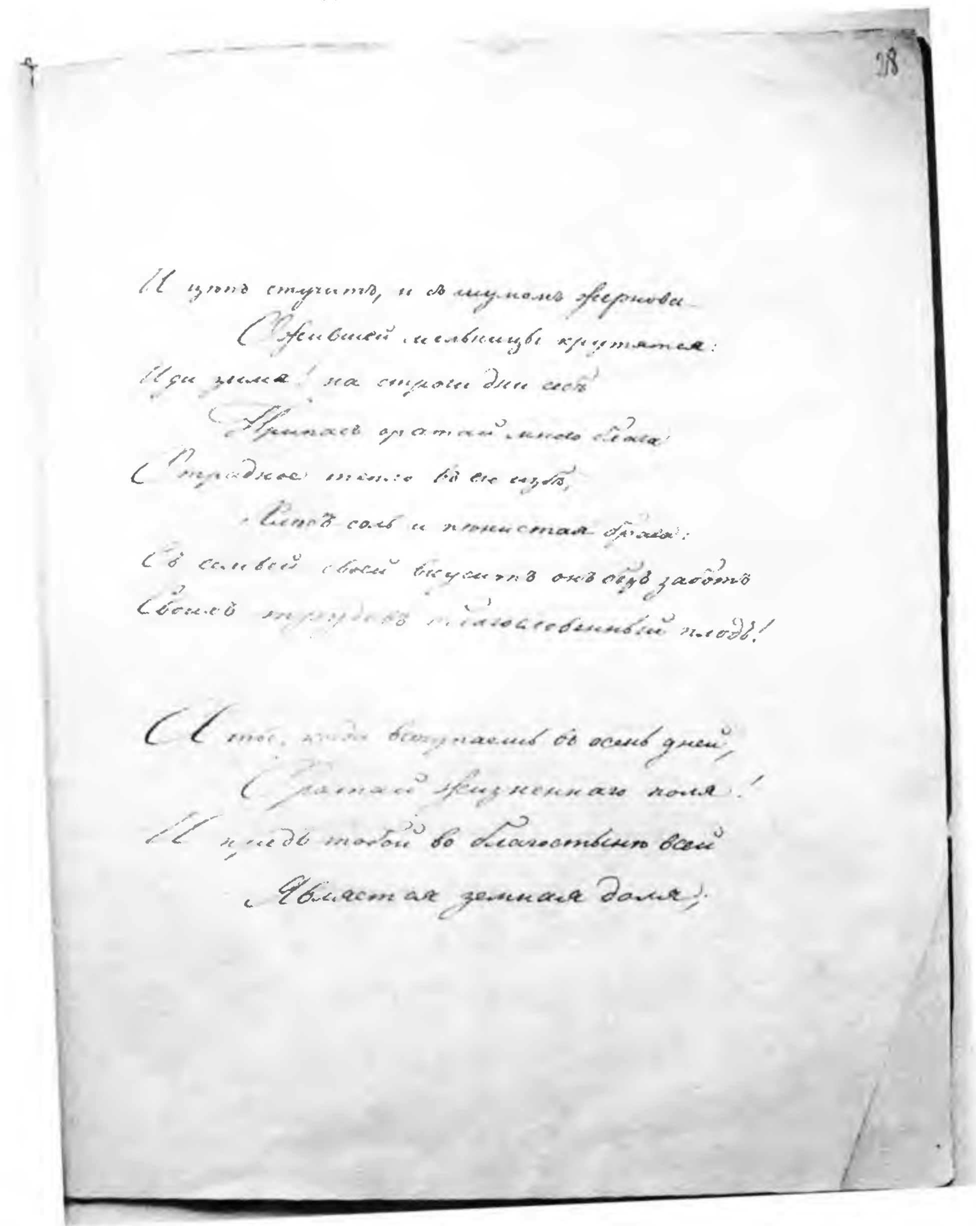
213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 27 об.

Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ:
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся вдоль жнивы, на возахъ
Подъ тяжкой ношею скрыпящихъ
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

Дни сельскаго, святаго торжества:
Овины весело дымятся,

213.1. Осень («*И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...*»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 28.

28

И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ближней мельницы крутятся:
Иди зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага:
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ соль и пенистая брага;
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

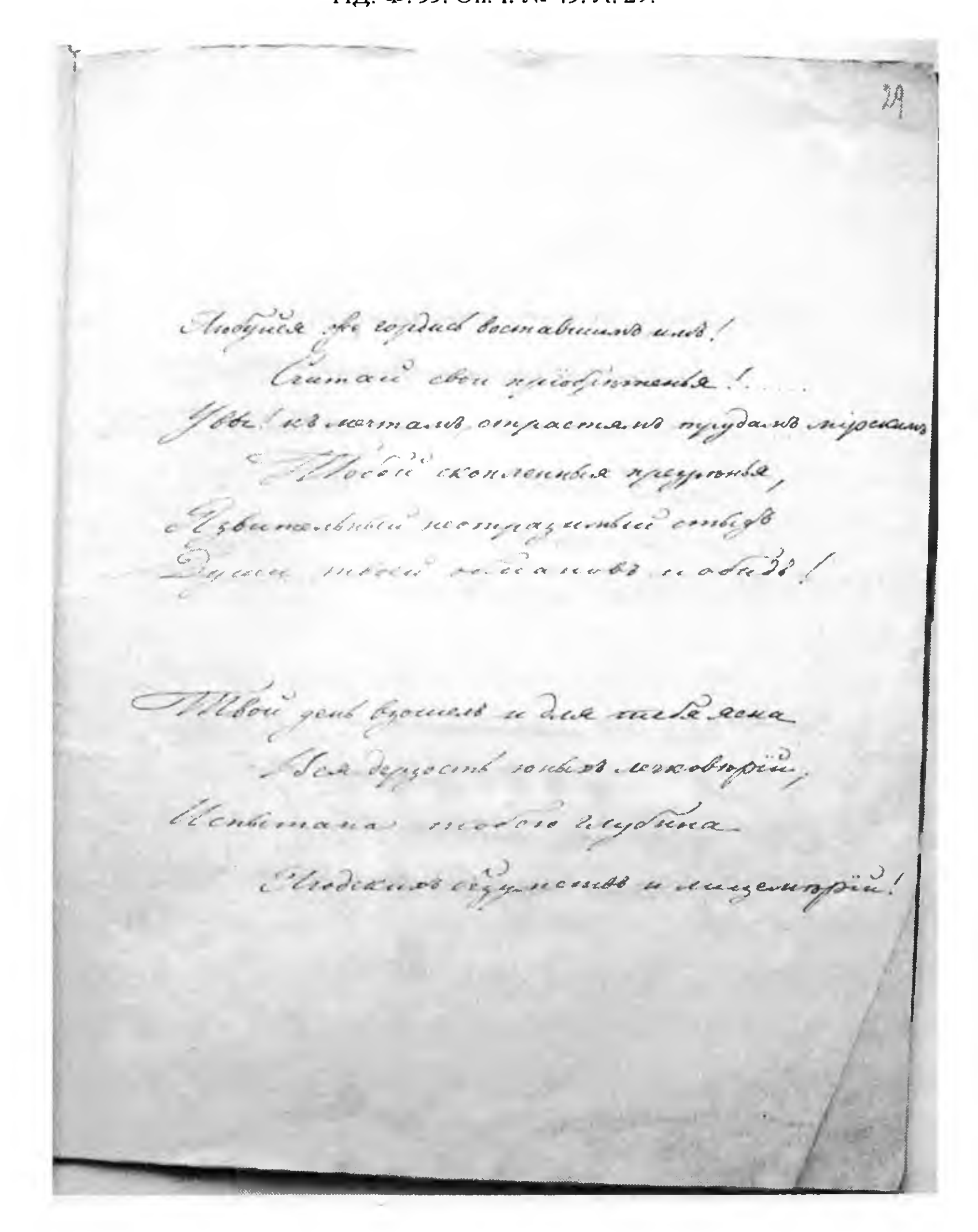
А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля!
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;

213.1. Осень (*«И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»*)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 28 об.

Когда тебѣ житейскія бразды
Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спѣетъ жатва дорогая
И въ зернахъ думъ ея сбираешь ты
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты;

Ты также ли какъ земледѣлъ богатъ?
И ты, какъ онъ, съ надеждой сѣялъ,
И ты какъ онъ, о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ...

213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 29.

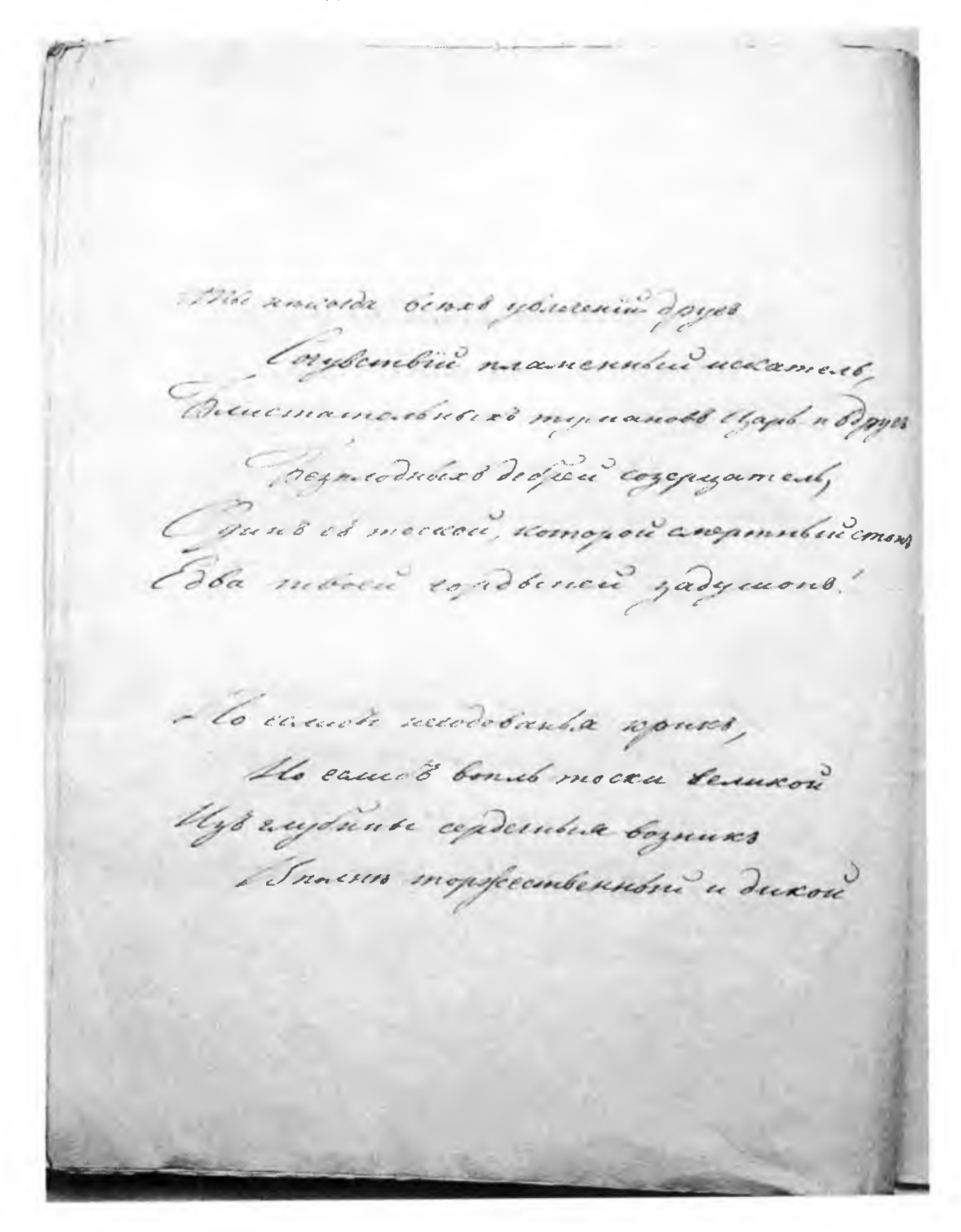

29

Любуйся же гордись восставшимъ имъ!
Считай свои пріобрѣтенья!....
Увы! къ мечтамъ страстямъ трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

Твой день взошелъ и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій,
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій!

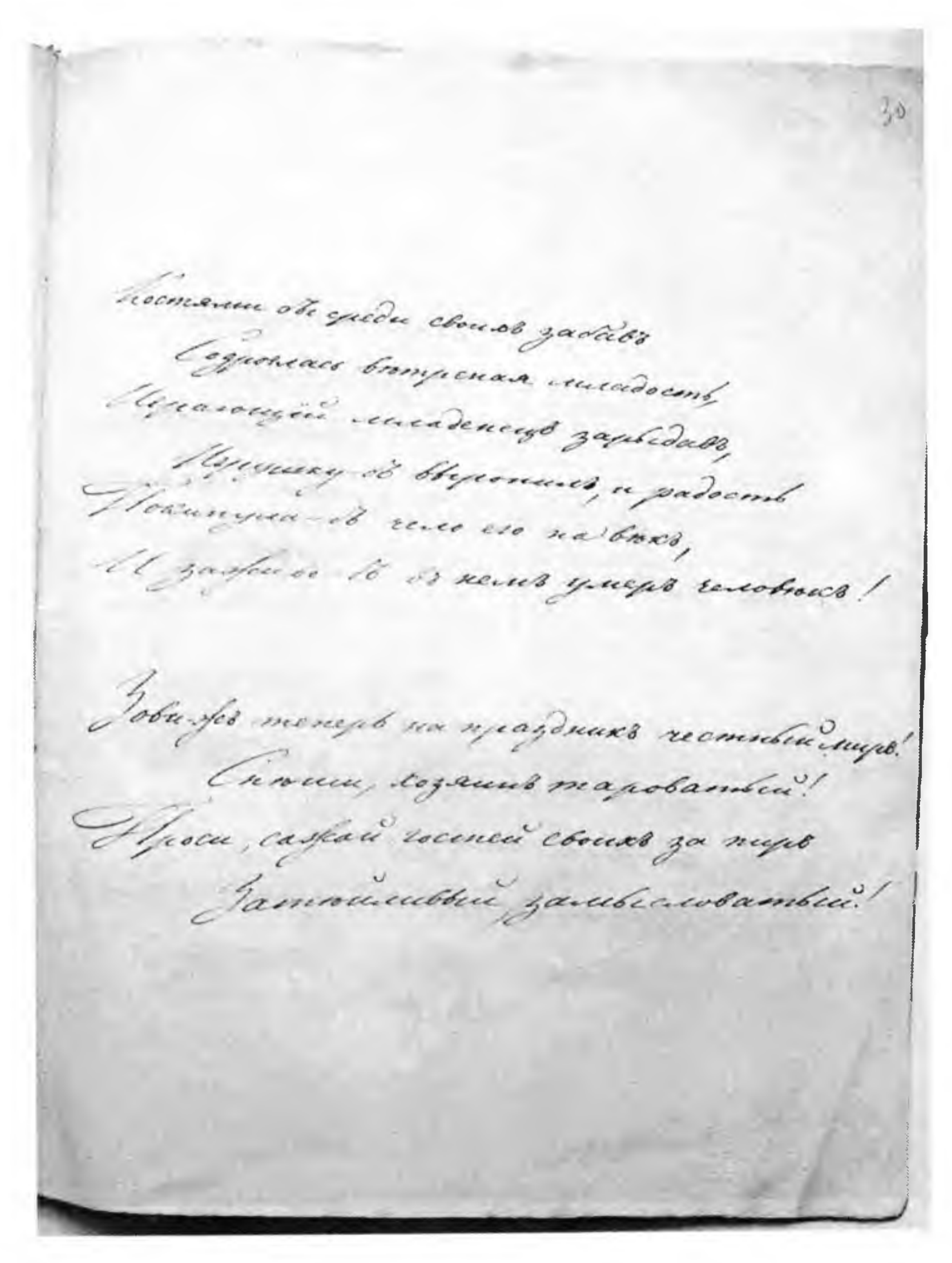
213.1. Осень («*И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...*»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 29 об.

Ты некогда всѣхъ увлеченій другъ
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ!

Но если бъ негодованья крикъ,
Но если бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой

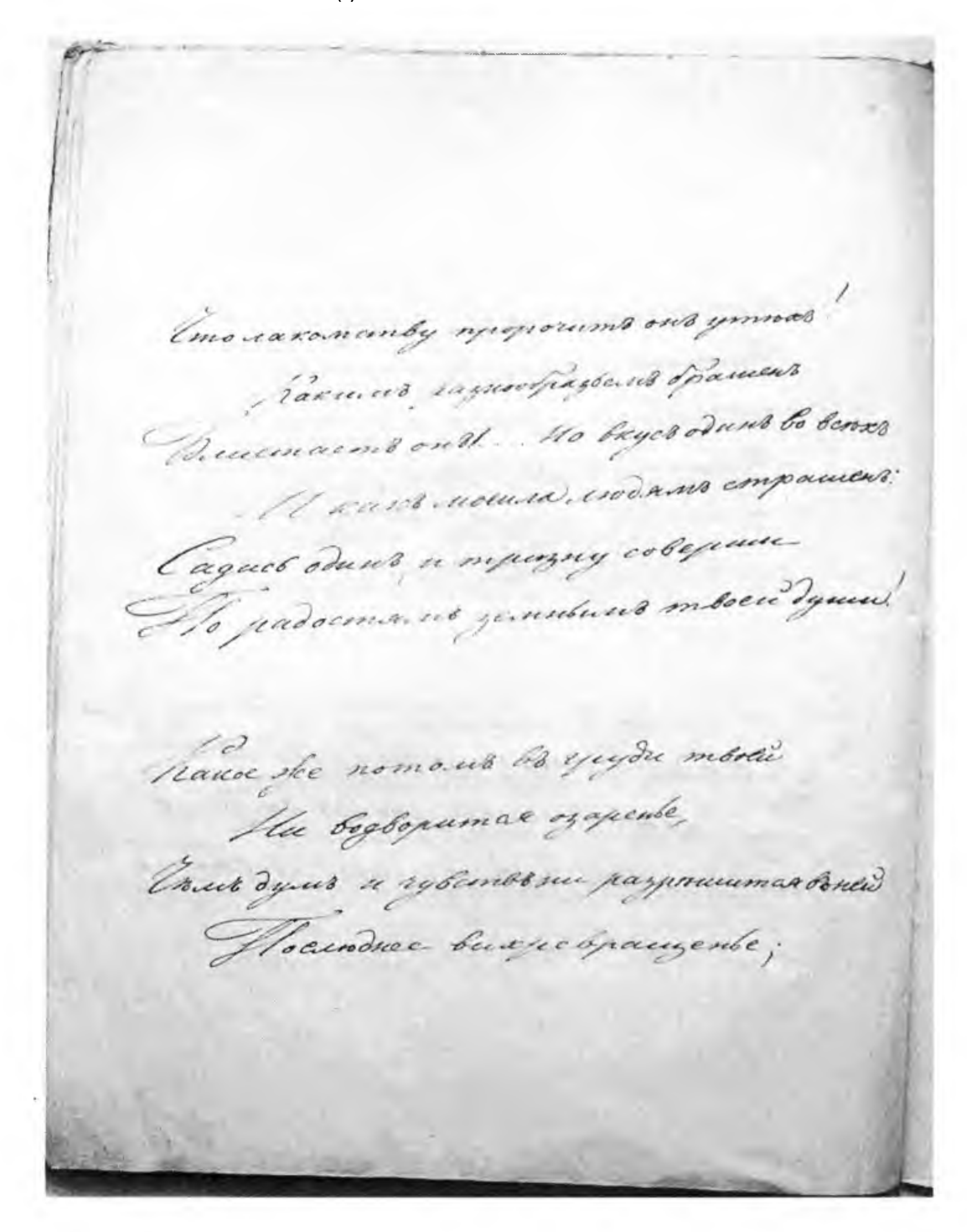
213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 30.

Постигли ль вы среди своихъ забавъ
Созрѣлась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ зарыдавъ,
Игрушку ль выронилъ, и радость
Покинула-ль чело его на вѣкъ,
И заживо ль въ немъ умеръ человѣкъ!

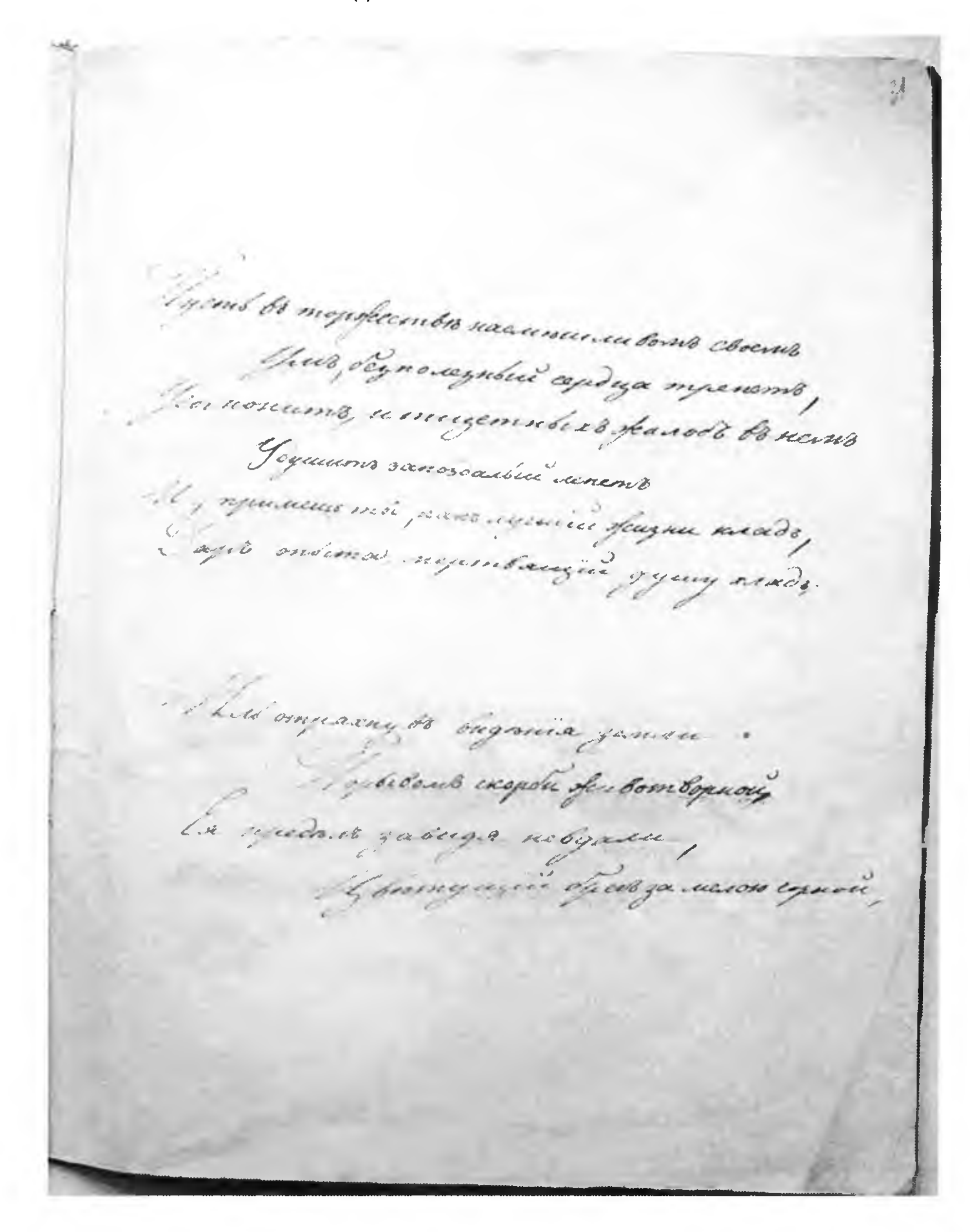
Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!

213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 30 об.

Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ!.. Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила, людямъ страшенъ:
Садись одинъ, и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

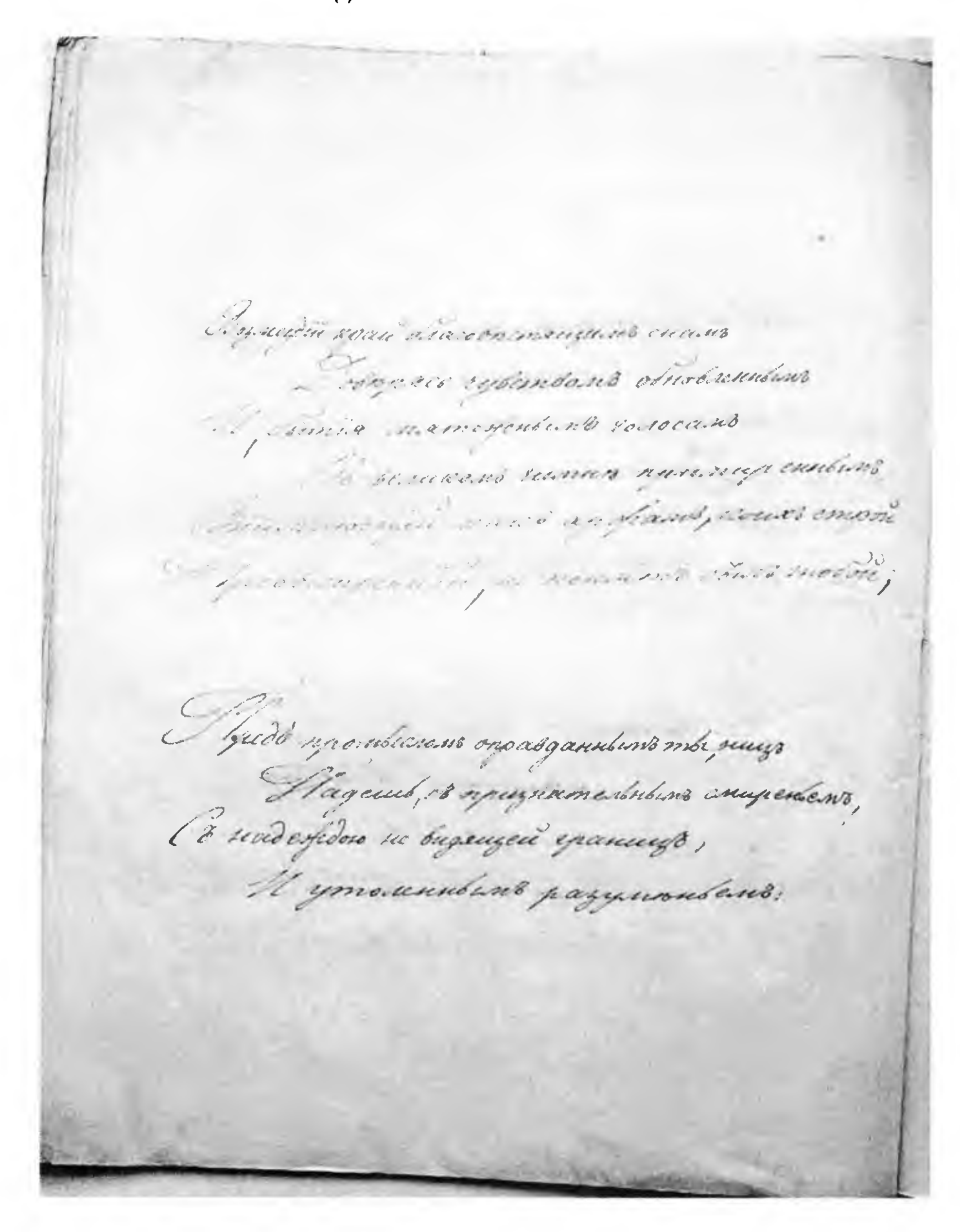
Какое же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье;

213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 31.

Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ
Умъ, безполезный сердца трепетъ,
Угомонитъ, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ
И, примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

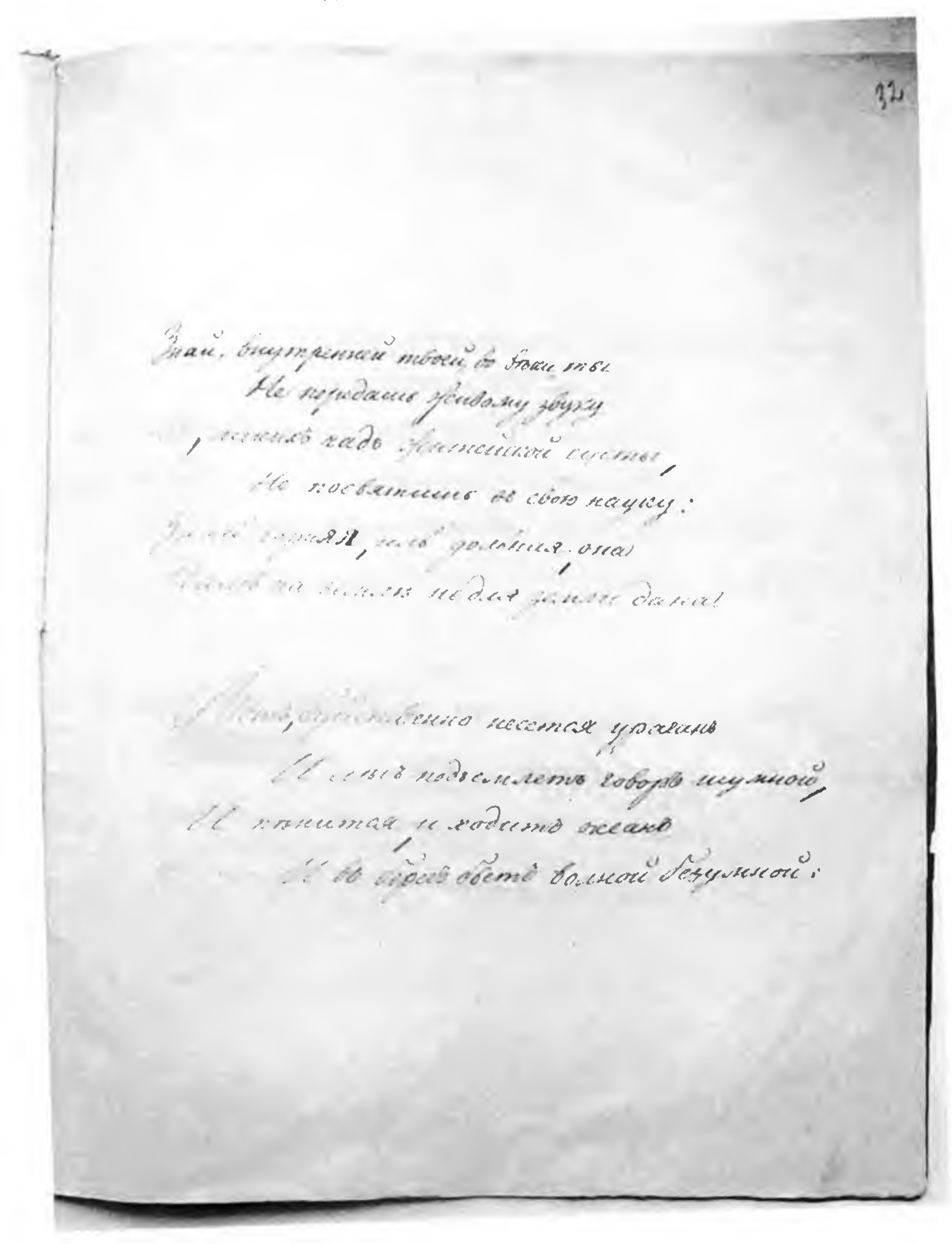
Иль отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Цвѣтущій брегъ за мглою черной,

213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 31 об.

Предъ провидѣньемъ оправданнымъ ты, ницъ
Падешь, съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ.

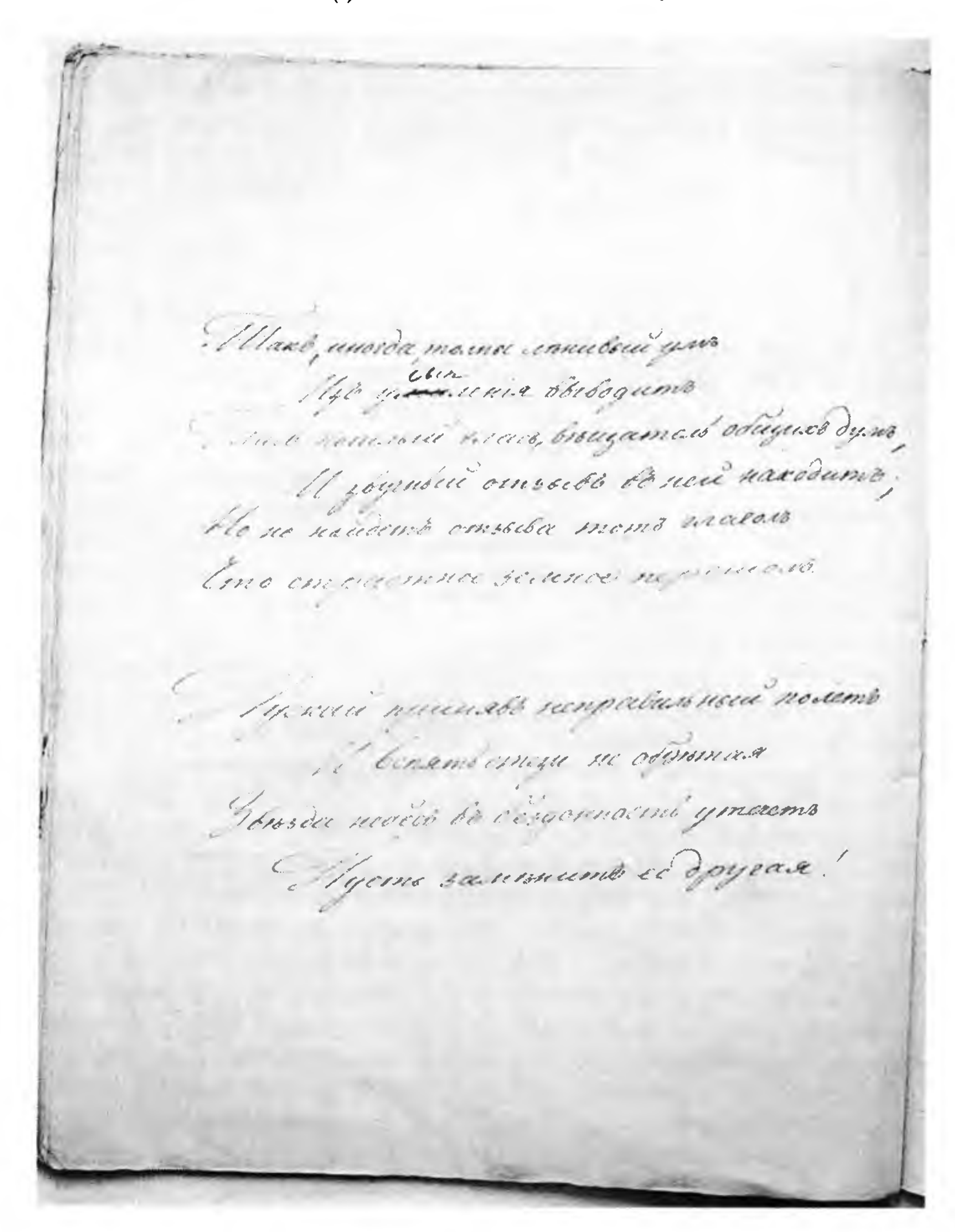
213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 32.

32

Знай, внутренней твоей во вѣки ты
Не передашь земному звуку
И легкихъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку:
Знай, горняя, иль дольняя, она
Намъ на земле не для земли дана!

Вотъ, буйственно несется ураганъ
И лесъ подъемлетъ говоръ шумной,
И пенится и ходитъ океанъ
И въ берегъ бьетъ волной безумной;

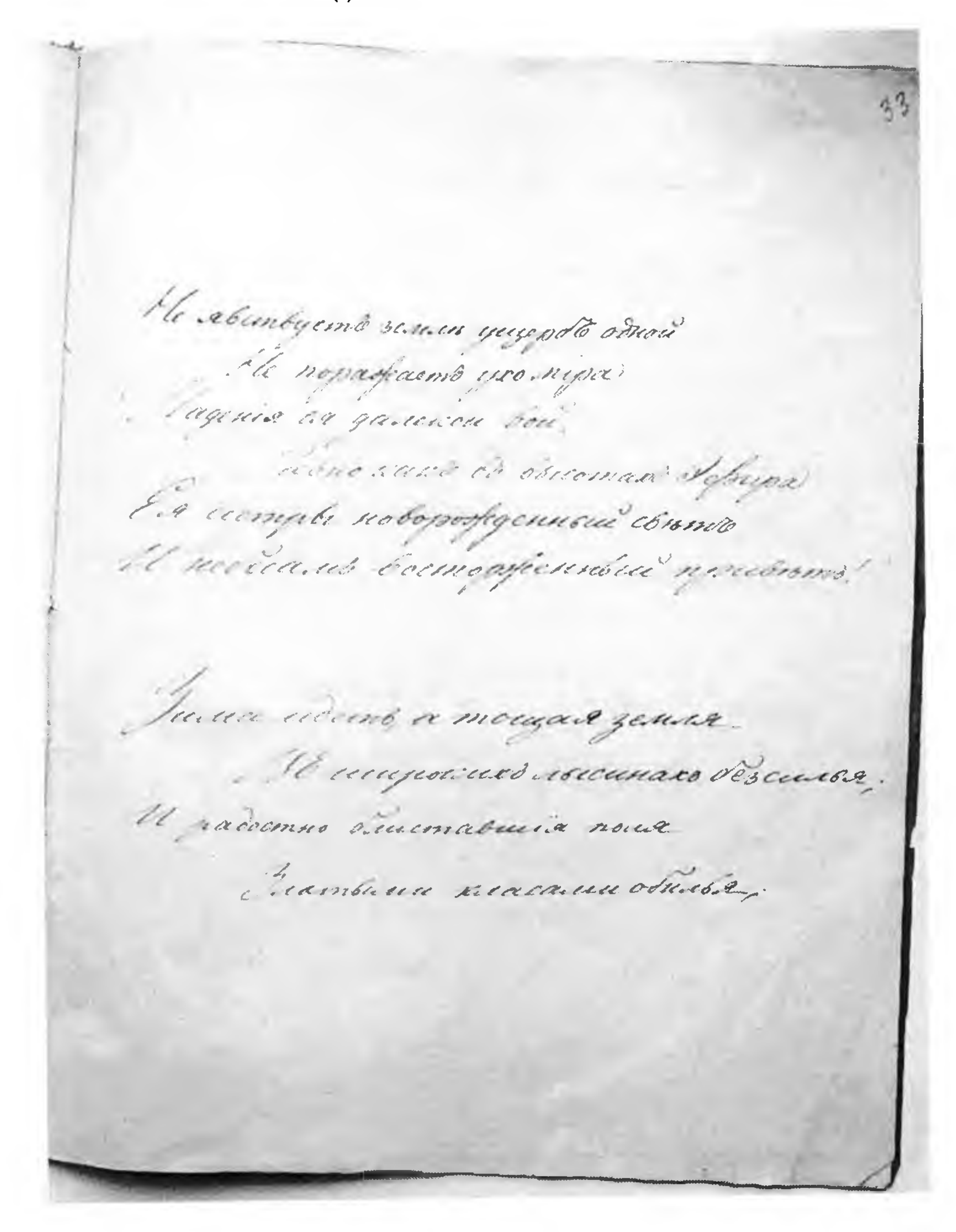
213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 32 об.

Такъ, иногда толпы ленивый шумъ
Изъ усыпленiя выводитъ
Гласъ пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ
Что страстное земное перешелъ.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ
Пусть заменитъ ее другая!

213.1. Осень («*И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...*»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 33.

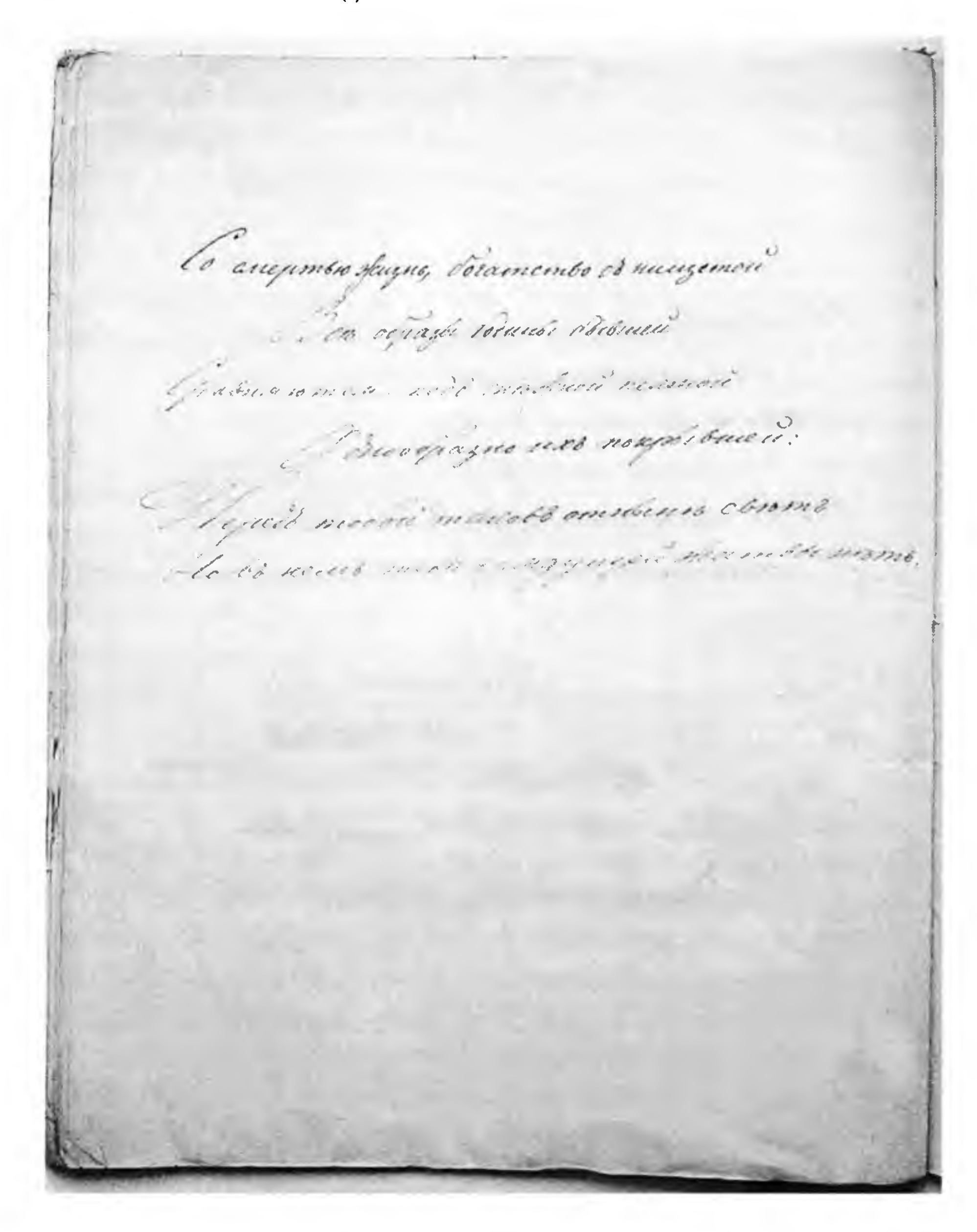

33

Не явствуетъ земли ущербъ одной
Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекой вой,
[illegible] съ высоты Эфира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ!

Зима идетъ, а тощая земля
И широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья.

213.1. Осень («И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 33 об.

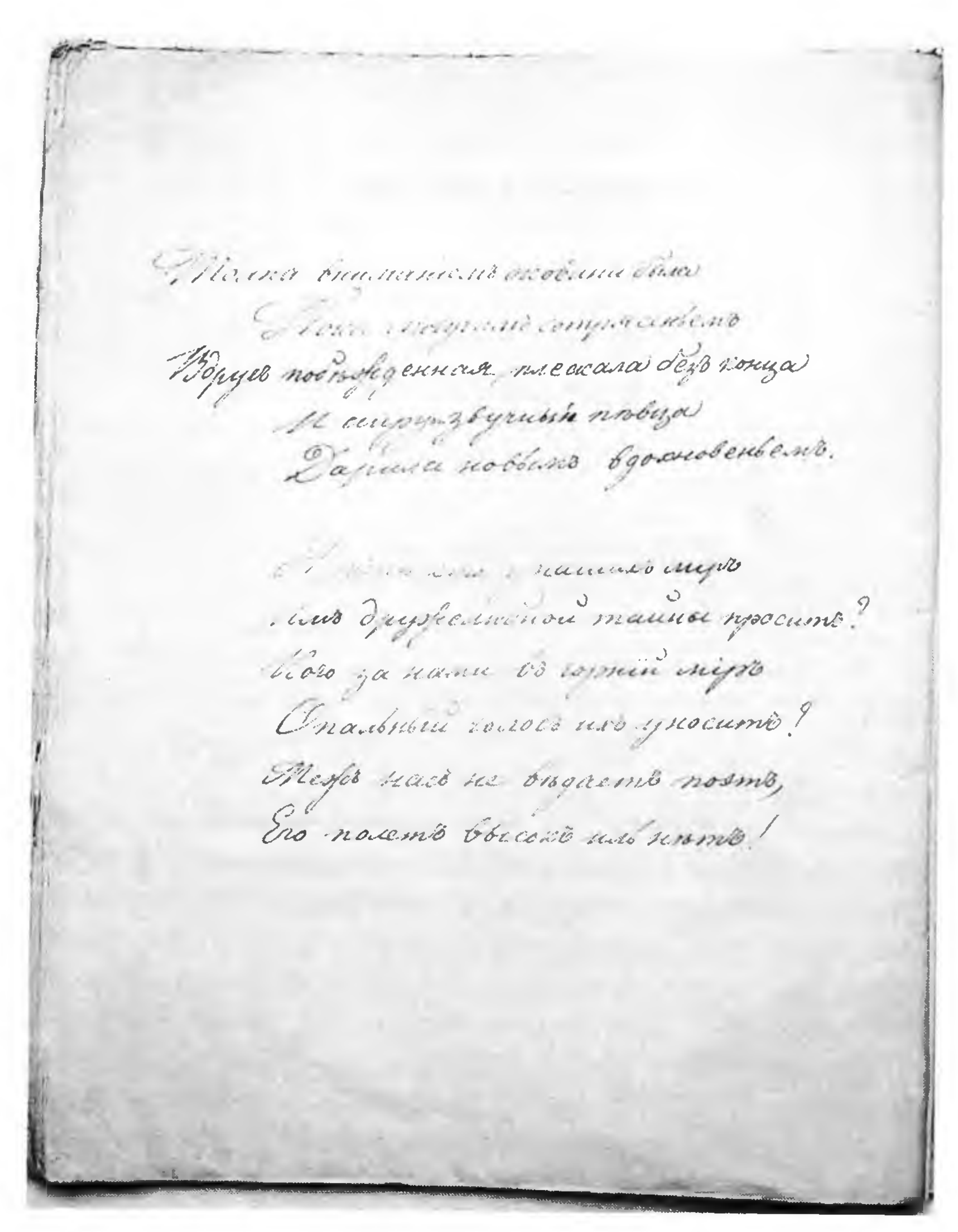

Со смертью жизнь, богатство съ нищетой
Все образы годины бѣдствий
Сравнялися предъ [illegible]
[illegible] ихъ погребений:
[illegible] свѣтъ
[illegible]

215.1. Рифма («Когда на играхъ Олимпійскихъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 34.

Рифма

Когда на играхъ Олимпійскихъ
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ Музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила:
Свободнымъ и широкимъ метромъ,
Какъ жатва зыблемая вѣтромъ,
Его гармонія текла.

215.1. Рифма («Когда на играхъ Олимпiйскихъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 34 об.

Толпа вниманiемъ окована была
[illegible]
Вокругъ возбужденная плескала безъ конца
И сладкозвучнаго пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.

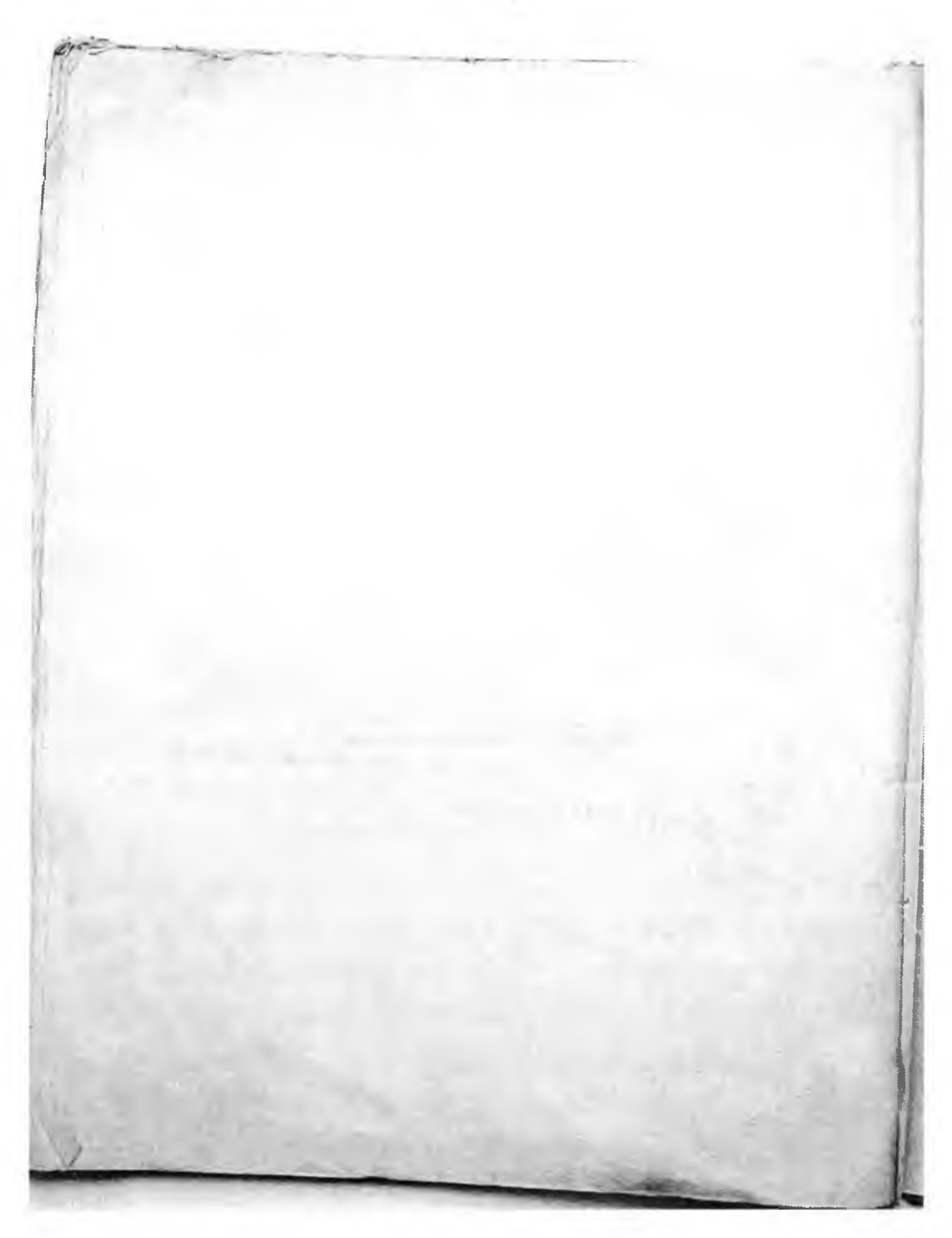
[illegible] нашихъ міръ
[illegible] дружелюбной тайны проситъ?
Кого за нами въ горній міръ
Опальный голосъ ихъ уноситъ?
Теперь насъ не видаетъ поэтъ,
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!

215.1. Рифма («Когда на играхъ Олимпійскихъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 35.

35

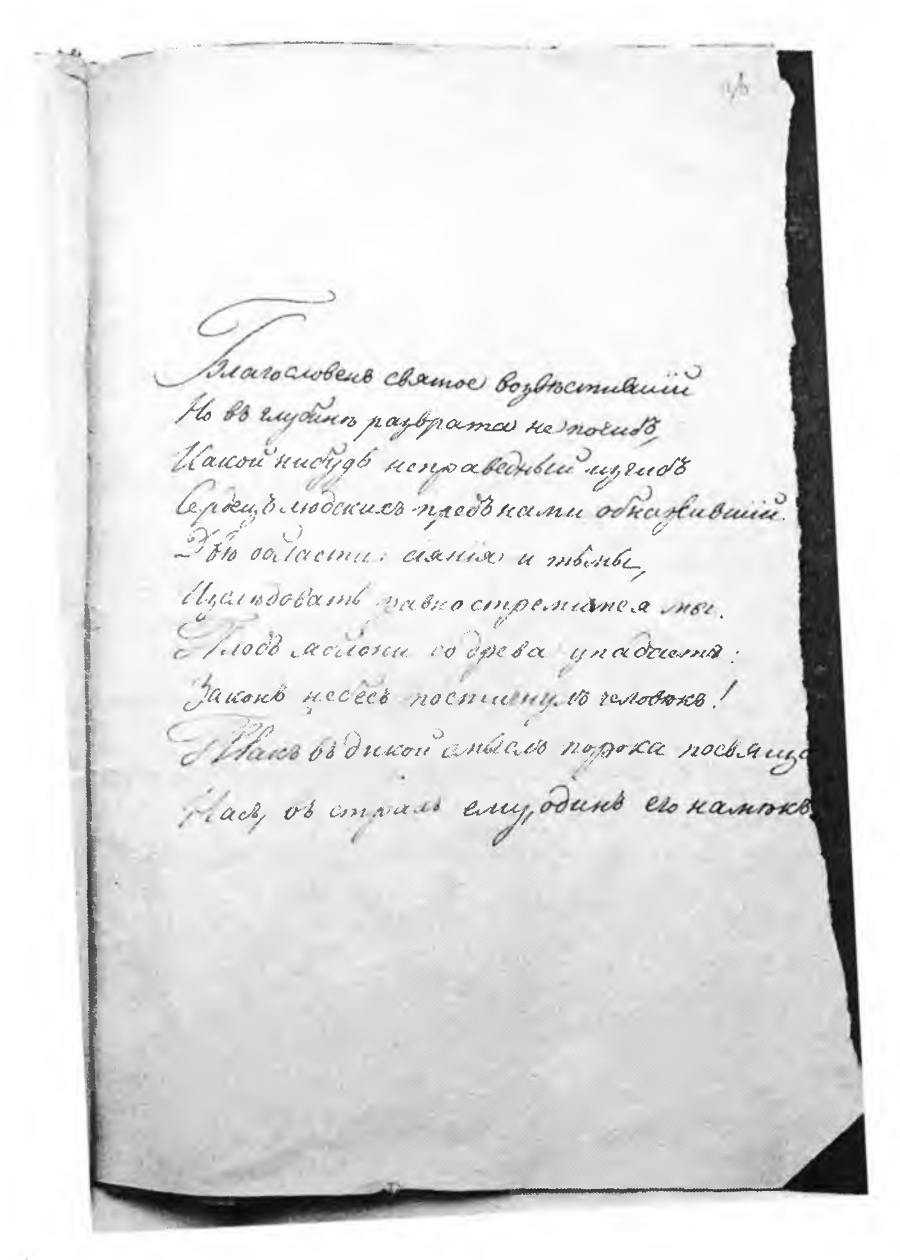
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: песнопѣвца жаръ
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣшитъ вопросъ неразрѣшимый!
Среди безжизненнаго сна
Средь гробоваго хлада свѣта
Своею ласкою поэта
Ты, рифма, оживишь одна.
[Подобно голубю ковчега,
Одна ему, съ роднаго брега
Живую вѣтвь приносишь ты;]
Одна съ [божественнымъ] порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты.

Пробельный лист
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 35 об.

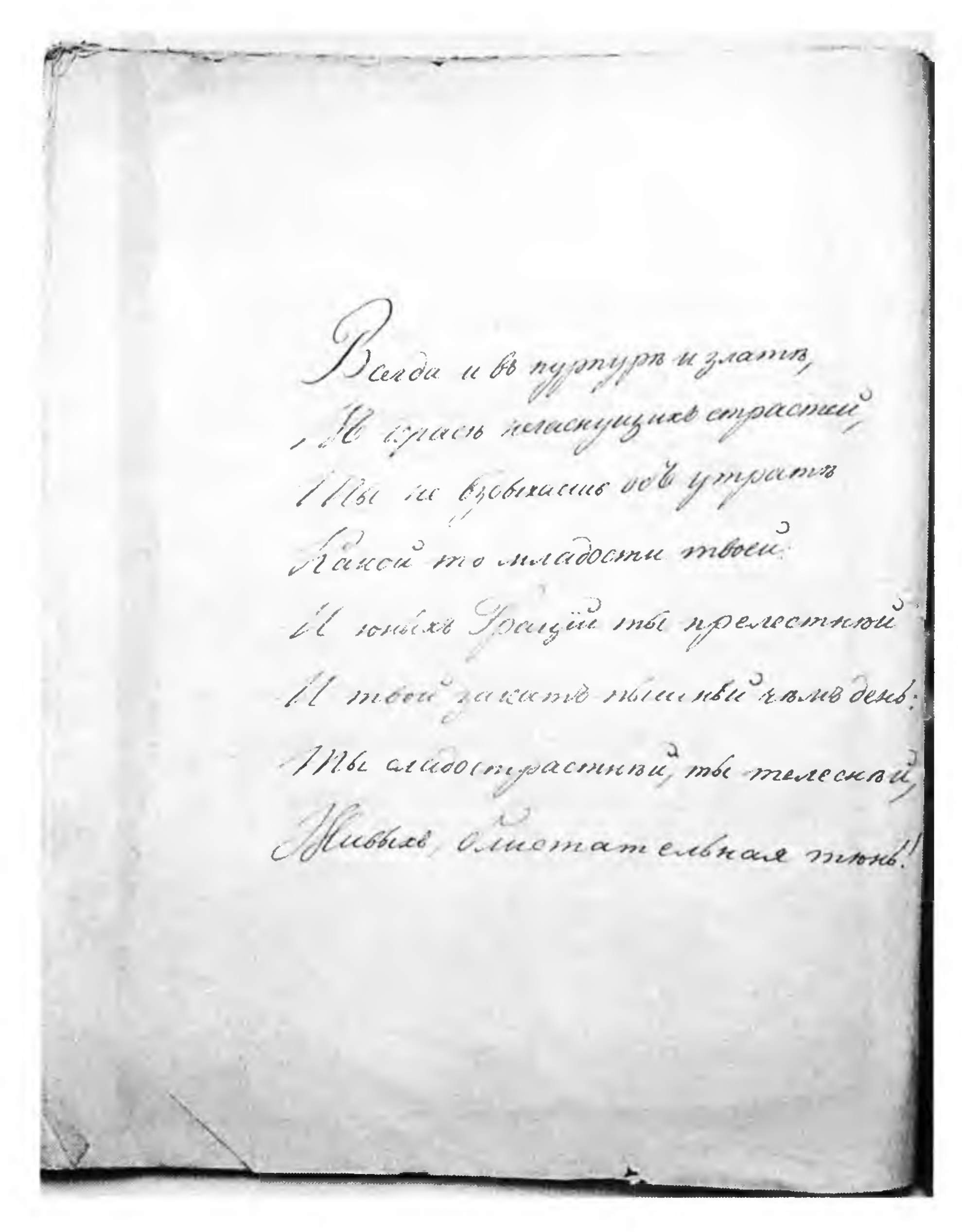
214. «Благословенъ святое возвѣстившій!..»

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 36.

Благословенъ святое возвѣстившій
Но въ глубинѣ разврата не почивъ,
Какой нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнаружившій.
Въ области сіянія и тьмы,
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ мысли со древа упадшемъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикой смѣлости порока посвящ
Насъ, о страхъ, ему одинъ его намѣкъ

195. «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 36 об.

Всегда и въ пурпурѣ и златѣ,
Въ красѣ ликующихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой то младости твоей.
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день:
Ты сладострастнѣй, ты телеснѣй,
Живыхъ, обаятельная тѣнь!

2. Автографы

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 52.

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 52 об.

101

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эолъ бурнопогодный,
Плодотворятъ онѣ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

191. *Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)*
РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 53.

191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 53 об.

И по прежнему блистаетъ
Хладной роскошью свѣтъ,
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ;
Но въ смущенье приводитъ
Человѣка валъ морской
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

203. «Были бури, непогоды...»
(Из письма Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г.)
ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 2—2 об.

206. «Сначала, мысль, воплощена...» (Мысль)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 47. Л. 1.

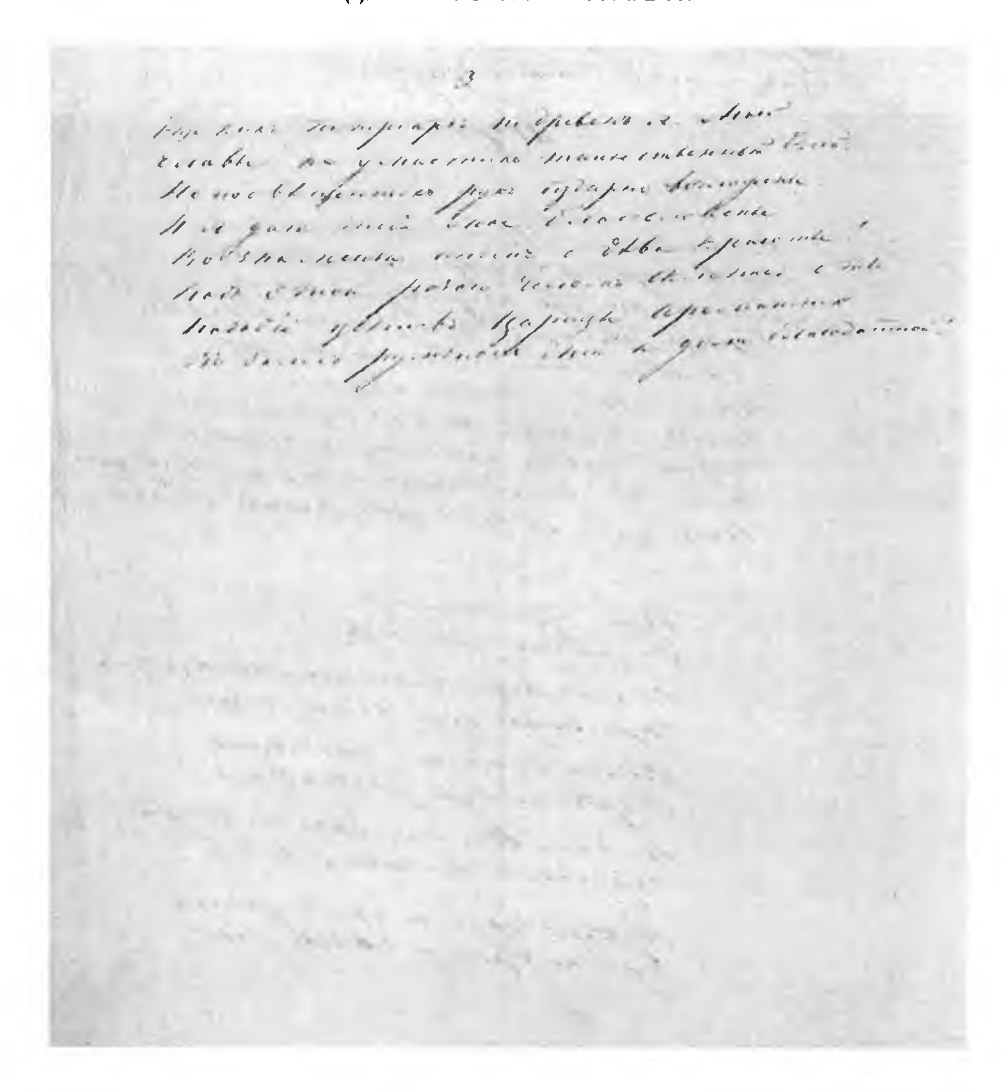
Мысль.

Е. Баратынскій.

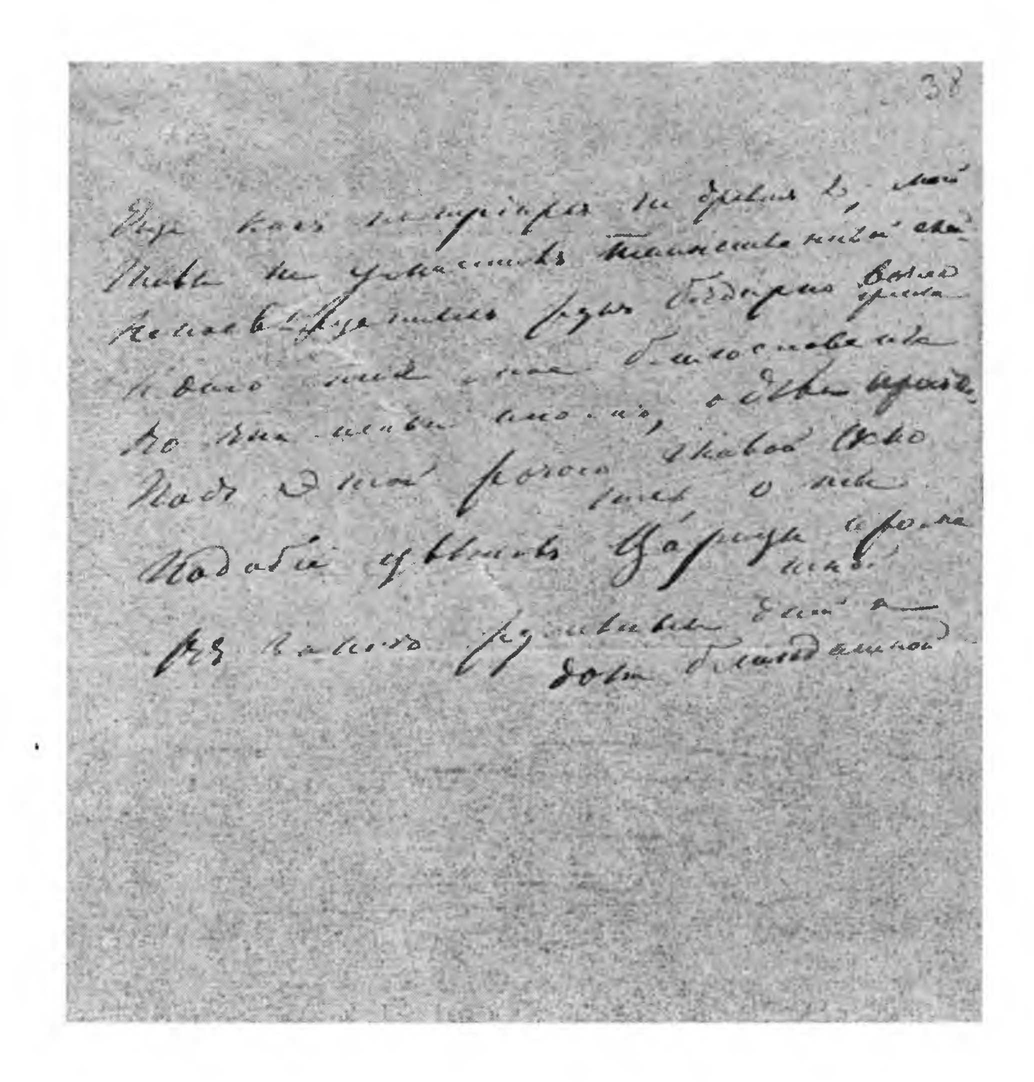
207. «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...»

(Из письма Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г.)

ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 2 об.

207. «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...»
ПД. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 38

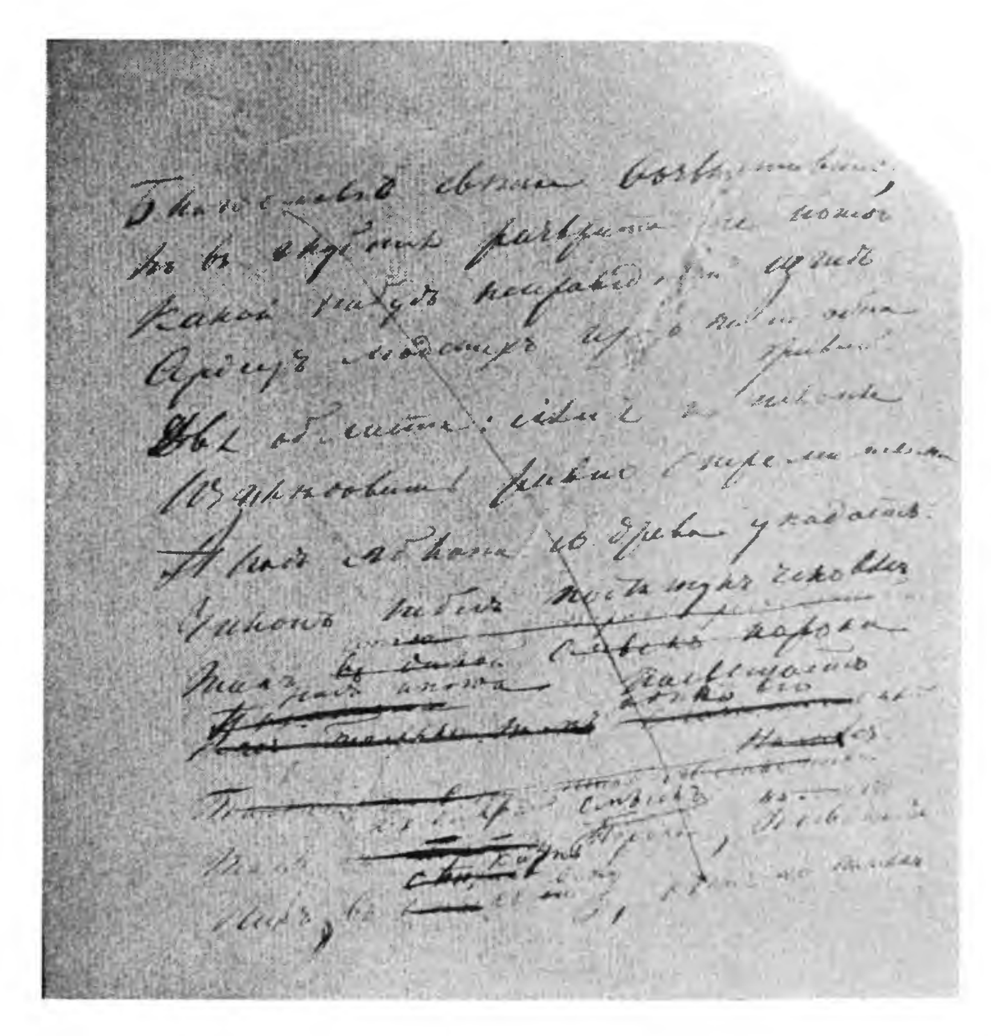

214. «Благословенъ святое возвѣстившій!..»

(Из письма Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля — начала марта 1839 г.)

ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 2.

214. «Благословенъ святое возвѣстившiй!..»
(Черновой автограф)
ПД. Ф. 524. Оп. 1.№ 50. Л. 38 об.

218. Обѣды («Я не люблю хвастливые обѣды...»)

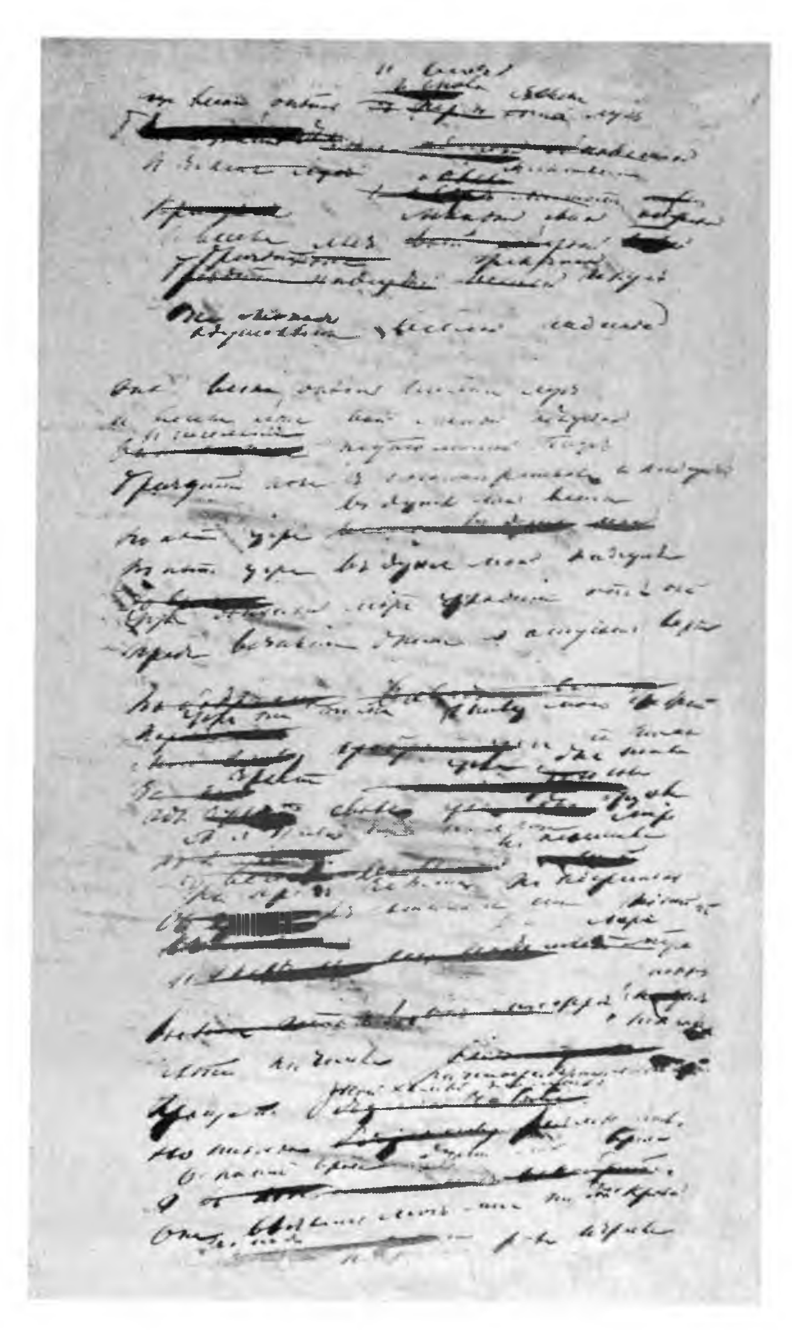
(Черновой автограф)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 48. Л. 1 об.

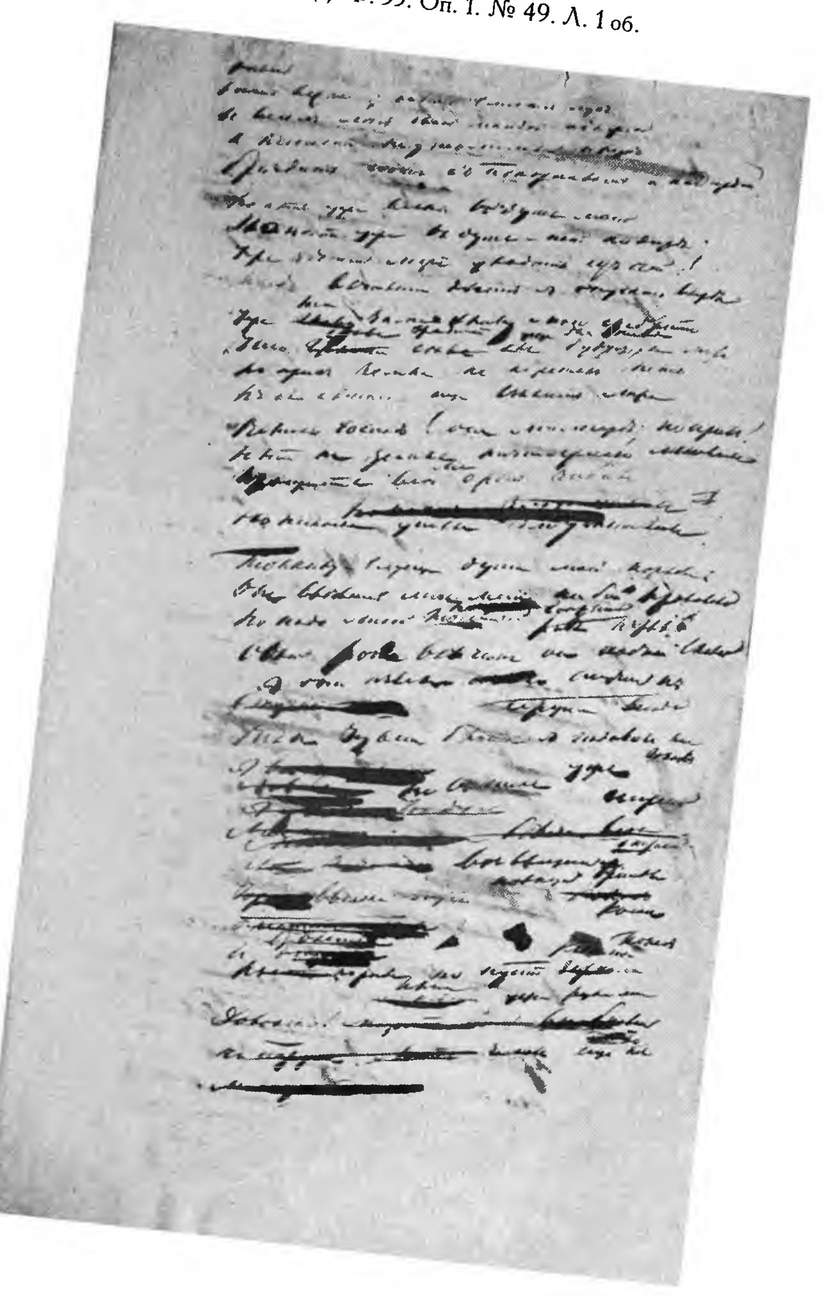
224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»

(Черновой автограф)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 1.

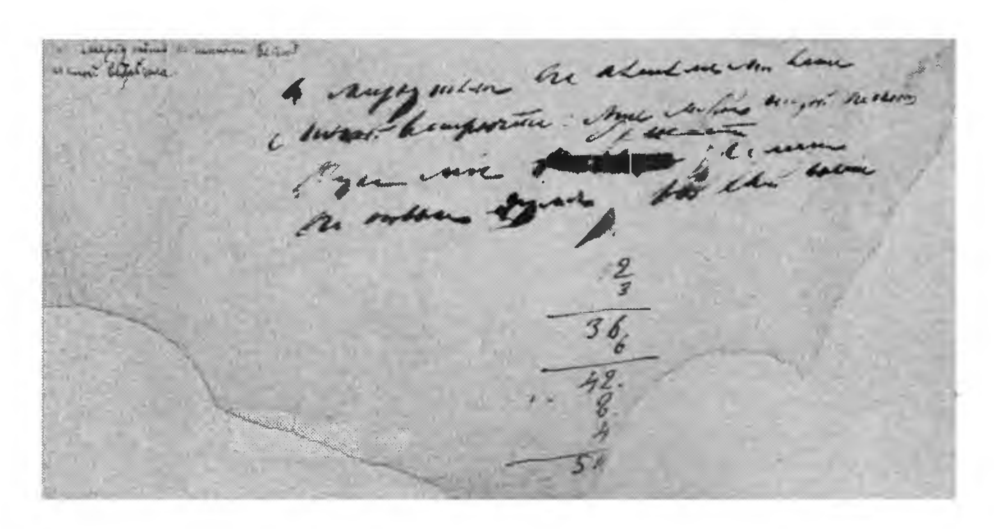
224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»
(Черновой автограф)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 1 об.

224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»

(Черновой автограф)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 2.

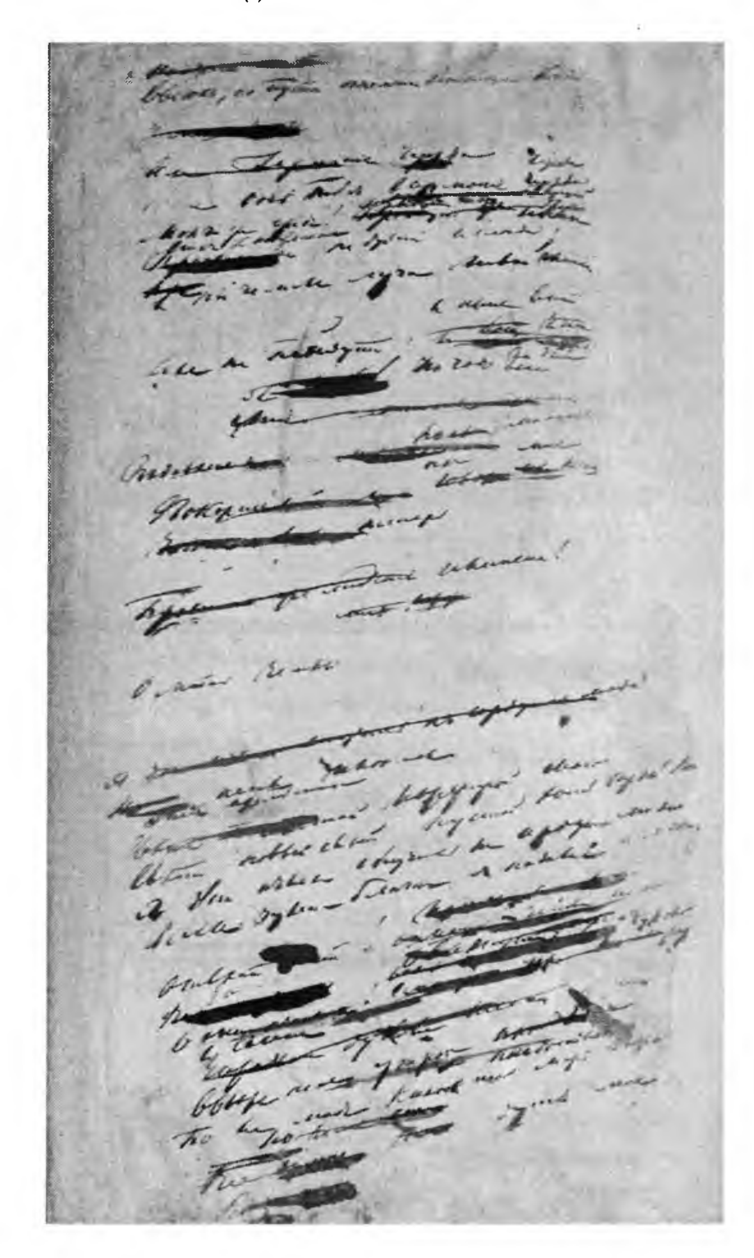

224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»
(Черновой автограф)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 3.

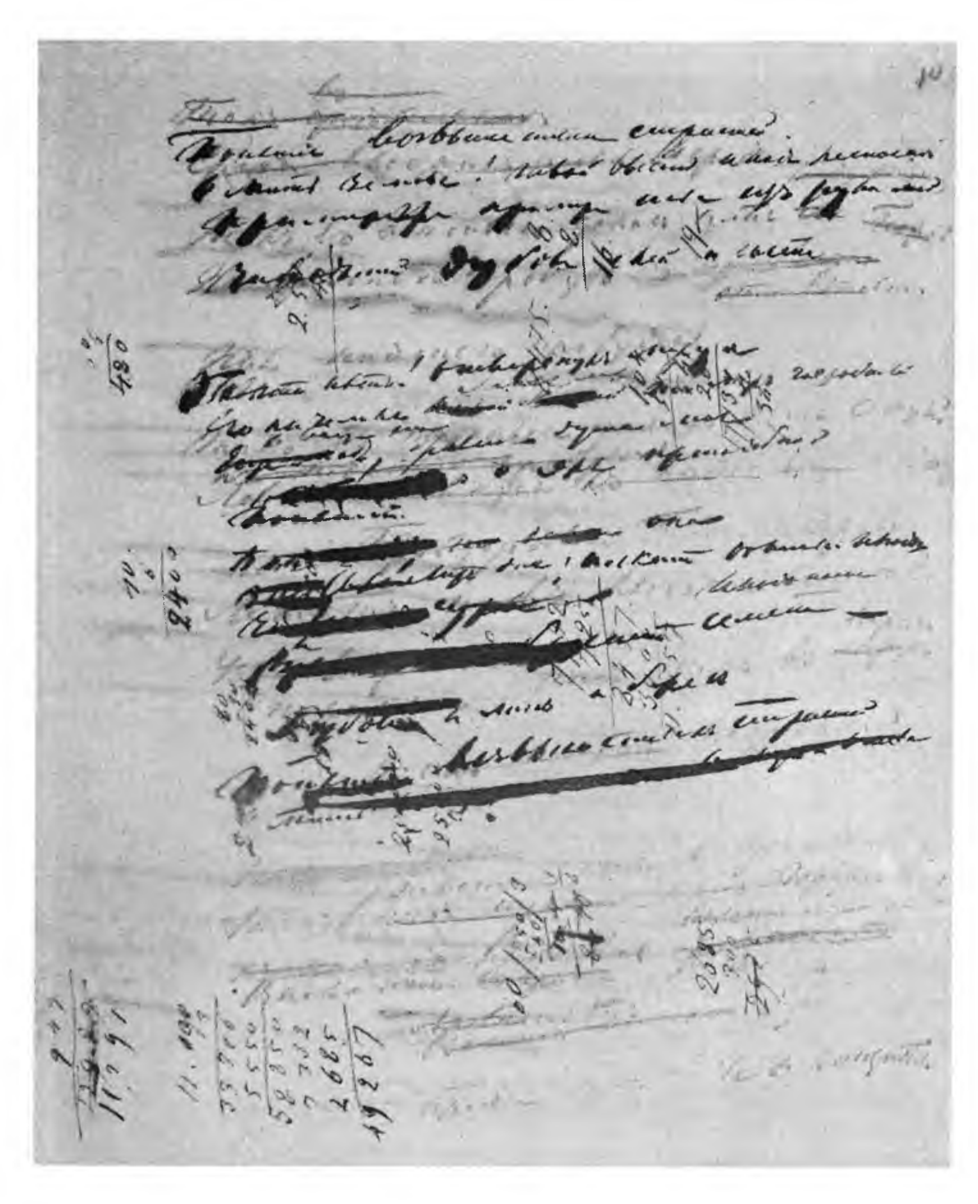
224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»

(Черновой автограф)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 4.

224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»
(Черновой автограф)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 6.

224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»

(Черновой автограф)

Местонахождение оригинала неизвестно

(Воспроизводится по факсимиле, помещенному в Изд. 1869, на вклейке)

Факсимиле почерка Е. А. Баратынскаго.

225.2. «Надъ дерзновенной головою...»
(Черновой автограф)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 6 об.

231. Хоръ пѣтый въ день имянинъ дядиньки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими племянницами Панчулидзевыми («Родству пріязни нѣжной...»)
РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 69.

231. Хоръ пѣтый въ день имянинъ дядиньки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими племянницами Панчулидзевыми («Родству пріязни нѣжной...»)
РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 69 об.

237. Журналистъ Фиглярин и Истина («Онъ точно, онъ безспорно...»)
(Автограф А. С. Пушкина с поправками Боратынского)
ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. Л. 49.
(Воспроизводится по публикации: Цявловская 1961. С. 123)

Журналистъ Фиглярин и истина.

242. «Пріютъ, отъ свѣтскихъ посѣщеній...»
(Из письма Боратынского И. В. Киреевскому от 22 декабря 1833 г.)
РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 97—98 об.

3. Авторитетные списки

193.2 «Какъ взоры томные свои...»
(Копия в альбоме «кузины Натальи»)
РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 234. Л. 3.

208.2. «Толпѣ стогласный день привѣтенъ; но страшна...»

Ранняя редакция

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 48. Л. 1.

25*

216. «Небо Италіи, небо Торквата...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 19 об.

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтической древняго Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа нетерпѣньемъ объята
Въ гордыхъ остаткахъ подышать Рима!
Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
Снятся упадшихъ чертоговъ колонны!

219. «На все свой ходъ, на все свои законы...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 57 об.

На все свой ходъ, на все свои законы.
Межъ люлькой и гробомъ спитъ Москва;
Но и до ней глухой дошла молва
Что скученъ вистъ, и веселѣй салоны
Отборные, гдѣ есть уму просторъ
Гдѣ властвуетъ не вистъ, а разговоръ.
И погналась за модой новосвѣтской
Но погналась старуха не путёмъ;
Салоны есть, но этотъ смотритъ дѣтской
А этотъ, увы! глядитъ гошпиталемъ.

220. «Въ рукахъ у этаго педанта...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 55 об.

Въ рукахъ у этаго педанта
Свинцовый заступъ, не перо:
Журнальнаго негоціанта
Какъ разъ подроетъ онъ бюро;
Онъ громогласный запѣвала,
Да запѣвала похоронъ.
Похоронилъ онъ два журнала
И третій похоронитъ онъ.

221.3. Котерія («Братайтеся! вы бдительной защитѣ...»)
(Копия С. А. Соболевского)
ПД. № 16033. Л. 1 об.

223. «Спасибо злобѣ хлопотливой...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 52 об.

Спасибо злобѣ хлопотливой
Хвала вамъ, недруги мои!
Я неустанный, но ленивый
Ужъ отпилъ Летийской струи.

Снѣга сходящій мой волосъ
Любилъ за право на покой
Но вотъ къ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветъ и будитъ мой.

Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую
И человѣческимъ сынамъ
Досель безвѣстную струю
Я въ зависть Флакку, въ славу вамъ!

224. *«Опять весна, опять смѣется лугъ...»*
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 54.

224. «Опять весна, опять смѣется лугъ...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 54 об.

225.1. «Люблю я васъ Богини пѣнья...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 52.

225.1. «Люблю я васъ Богини пѣнья...»
(Копия Н. Л. Боратынской, посланная в письме П. А. Плетневу от 12 ноября 1844 г.)
ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25.

Напч.

25

2

Люблю я васъ, Богини пѣнья!
Но вашъ чарующій приходъ,
Сей сладкой трепетъ вдохновенья
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.

Любовь Каменъ съ враждой фортуны
Одно. Молчу! Боюся я,
Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили въ ней перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
Отъ музы ласковой ко мнѣ,
И говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

Евгеній Баратынскій.

226. «Когда твой голосъ, о Поэтъ...»
(Копия С. А. Соболевского)
ПД. № 16033. Л. 1.

227. «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...»
(Копия Н. Л. Боратынской)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 38 об.

227. «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...»
(Копия Н. Л. Боратынской, посланная в письме П. А. Плетневу от 12 ноября 1844 г.)
ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 24.

230. Молитва («Царь небесъ! Успокой...»)

(Копия Н. Л. Боратынской, посланная в письме П. А. Плетневу от 12 ноября 1844 г.)

ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25 об.

напеч

Молитва.

Царь небесъ успокой
Духъ болезненный мой!
Заблуждений земли
Мнѣ забвенье пошли
И на строгой твой рай
Силы сердцу подай.

Евгений Баратынской.

236. «Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный...»

(Запись И. М. Снегирева в его дневнике)

ПД. Ф. 361. № 64. Л. 96.

Князь Шаликовъ газетчикъ нашъ печальный,
Елегію семьѣ своей читалъ,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной ~~со трепетомъ держа~~
В рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакавъ запищалъ. —
Вотъ, вотъ, съ кого примѣръ берите, дуры!
Онъ дочерямъ в восторгѣ закричалъ. —
Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры,
Ахъ! что слезой твой омрачило взоръ?
А тотъ ему в отвѣтъ: мнѣ хочется на дворъ! —

26 — 5341

239. «Je voudrais bien ma mère...»
(Копия Л. Е. Боратынского)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 99 об.

4.

je voudrois bien ma mère
célébrer tes vertus,
que de la main divine
en naissan tu recus;
pourrai je m'en défendre,
voyant ta bonte.
ton ame douce et tendre,
ton esprit, ta beaute.
je pense, au nom de flore,
de venus, de psyché
de pallas et l'aurore
mais hélas quel péché
comparerais je un être
si vrai, si beau, si bon;
aux beautés, dont peut etre,
nexista que le nom
une beautés celeste,
si pleine de vertu,,
si douce et si modeste
que toi nexiste plus.

— III —

Стихотворения Боратынского в альбомах и тетрадях Н. Л. Боратынской

Стихотворения Боратынского в альбомах и тетрадях Н. Л. Боратынской
(краткое описание)*

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (старый шифр: 21731). Альбом «Souvenir».

Альбом в переплете, 225 × 175 мм, 76 л., сшитый из листов белой и цветной бумаги (водяной знак: «J. Whatman 1822»); на кожаной обложке металлический картуш с выгравированной надписью «Souvenir». Хранился в Казанском архиве Боратынских, принадлежал дочери поэта, З. Е. Геркен. Впервые описан М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. II. С. 274—275).

Альбом открывается серией автографов Боратынского, под общим заглавием «Сочиненія Евгенія Баратынскаго 1824 и 1825 года», которые, по-видимому, были внесены в альбом Настасьи Львовны в период сватовства или в первое время после свадьбы (весна — осень 1826 г.). Последующие записи сделаны рукой Н. Л. Боратынской существенно позднее — скорее всего, уже после смерти поэта (см. подробнее в сопроводительной статье). Помимо стихотворений, в альбоме находятся копии писем Боратынского к жене, матери, Н. В. и С. Л. Путятам, А. С. Пушкину, а также переработанный вариант поэмы «Цыганка», рисунки карандашом и красками. Единственная запись, не имеющая отношения к текстам Боратынского, — выписка из Д. де Жирарден рукой Настасьи Львовны (Л. 10).

Титульный лист: «Сочиненія | Евгенія Баратынскаго | 1824 и 1825 года» — **автограф**.

Л. 1—2. «Звѣзда» («Взгляни на звѣзды: много звѣздъ...») — **автограф** (№ 87).

Л. 2 об. «Веселье и Горе» («Рука съ рукой веселье, горе...») — **автограф** (№ 94.2).

Л. 3—4. «Буря» («Завыла буря, хлябь морская...») — **автограф** (№ 92).

* Составлено А. С. Бодровой при участии В. Н. Попова.

Л. 4 об. «Дѣвушкѣ имя которой было: Аврора» («Соименница Авроры...») — **автограф** (№ 95.2).
Л. 5. «Безнадежность» («Желанье щастія въ меня вдохнули Боги...») — **автограф** (№ 76.1).
Л. 5 об. «Дорога жизни» («Въ дорогу жизни снаряжая...») — **автограф** (№ 104).
Л. 6—7. «Балъ. Отрывокъ» (отъ «Глухая полночь. Строемъ длиннымъ...» до «Подъ гулъ порывистой смычковъ...») — **автограф** (см. Т. 4 наст. изд.).
Л. 7 об. «Эпиграма»<так!> («Пѣвецъ какой то на искусъ...») — **автограф** (№ 72).
Л. 8—8 об. «Пѣсня» («Когда взойдетъ денница золотая...») — **автограф** (№ 81).
Л. 9—10. «Черепъ» («Усопшій братъ, кто сонъ твой возмутилъ?..») — **автограф** (№ 90.1).
Л. 10. Выписка из Д. де Жирарден рукой Н. Л. Боратынской (на французском языке).
Л. 10 об.—14. «Телема и Макаръ» («Телема пламенна, игрива...») — **автограф** (см. Т. 4 наст. изд.).
Л. 14. «Эпиграма»<так!> («И ты Поэтъ и онъ Поэтъ...») — **автограф** (№ 112.2).
Л. 14 об. «А. А. В—ой» («Очарованье красоты...») — **автограф** (№ 84).
Л. 15. «*** Посылая тетрадь стиховъ» («Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой...») — **автограф** (№ 105.2).
Л. 15 об. «Эпиграма»<так!> («Что ни болтай, а я великой мужъ!..») — **автограф** (№ 115).
Л. 16—19. «Эда. Часть 1ая» (от «Чего робѣешь ты при мнѣ...» до «Она лукавцу отвѣчала...») — **автограф** (см. Т. 4 наст. изд.).
Л. 19 об. «Небо Италіи, небо Торквата...» (№ 216).
Л. 20—20 об. Два рисунка (вклеены): зимний пейзаж (дом, колодец, деревья) и «L'Origine de la Peinture».
Л. 21—23. Копии трех писем Боратынского к Пушкину (1825—1828; см. *Летопись*. С. 167, 172, 203, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41).
Л. 23 об. Копия письма Боратынского к матери из Дрездена (1843; см. *Летопись*. С. 399—400; а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41).
Л. 24. Рисунок (вклеен): акварельный пейзаж.
Л. 24 об. Чистый.

Л. 25—27. Копии писем и записок Боратынского к Настасье Львовне (1829—1837, 6 писем; см. *Летопись*. С. 226—227, 333, 338, 339, 340, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).

Л. 27 об. Чистый.

Л. 28. Рисунок карандашом (вклеен): пейзаж (домик, деревья).

Л. 28 об. Чистый.

Л. 29—35. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Петербурга (1840, 10 писем; см. *Летопись*. С. 356—363, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40), л. 33—33 об. чистые.

Л. 35 об.—37. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Москвы в Петербург (1840, 3 письма; см. *Летопись*. С. 366—367, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).

Л. 37 об. Чистый.

Л. 38. Копии записок Боратынского к Настасье Львовне из Скуратова и Подольска (1837, 2 письма; см. *Летопись*. С. 338, 340, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).

Л. 38 об. «Когда, дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227).

Л. 39—41 об. Копии писем Боратынского из Парижа (1843—1844) к Н. В. и С. Л. Путятам (3 письма; см. *Летопись*. С. 402, 404—405, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41) и к матери (1 письмо; см. *Летопись*. С. 402—404, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41).

Л. 42. Рисунок (вклеен): Эней покидает Трою с Анхизом и Асканием.

Л. 42 об. «Къ Дельвигу» («Такъ, любезный мой Горацій...») (№ 10.1).

Л. 43—45. Копии писем Боратынского к Н. В. и С. Л. Путятам из Франции и Италии (1844, 5 писем; см. *Летопись*. С. 406—410, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41).

Л. 45 об. «Порою ласковую Фею...» (№ 152), «Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!..» (№ 211), «Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ...» (№ 136) — с параллельной записью французских автопереводов.

Л. 46. «Къ чему невольнику <так!> мечтанія свободы?..» (№ 179), «Въ дни безграничныхъ увлеченій...» (№ 164) — с параллельной записью французских автопереводов.

Л. 46 об. «Рифма» («Когда на играхъ Олимпійскихъ...») (№ 215.2) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 47. «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» (№ 31), «Коттеріѣ» («Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...») (№ 221.1), «Прогоны жизни» («Въ дорогу жизни снаряжая...») (№ 104), «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...» (№ 195) — с параллельной записью французских автопереводов.

Л. 47 об. «На смерть Гёте» («Предстала, и старецъ великой смѣжилъ...») (№ 169) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 48. «На что вы дни! Юдольный міръ явленья...» (№ 204) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 48—49. «Послѣдній Поэтъ» («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...») (№ 191) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 49 об. «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...» (№ 208.1) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 49 об.—50. «Предразсудокъ! онъ обломокъ...» (№ 192.1) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 50. «Пироскафъ» («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).

Л. 50 об.—51. «Дядькѣ Итальянцу» («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).

Л. 51 об. Выскобленная и перечеркнутая запись «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227); «Съ книгою *Сумерки* С. Н. Карамзиной» («Сближеньемъ съ вами на мгновенье...») (№ 222).

Л. 52. «Молитва» («Царь Небесъ! успокой...») (№ 230), «Люблю я васъ Богини пѣнья...» (№ 225.1).

Л. 52 об. «Спасибо злобѣ хлопотливой...» (№ 223).

Л. 53. «Когда твой голосъ, о Поэтъ...» (№ 226).

Л. 53 об. «Коттеріѣ» («Братайтеся: къ взаимной оборонѣ...») (№ 221.1).

Л. 54—54 об. «Опять весна, опять смѣется лугъ...» (№ 224).

Л. 55. «Н. Е. Б........» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171), «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..» (№ 196).

Л. 55 об. «Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ журналистъ...» (№ 148), «Въ рукахъ у этаго педанта...» (№ 220).

Л. 56. «Мою звѣзду я знаю, знаю...» (№ 217).

Л. 56 об.—57. «Н. М. Языкову» («Языковъ, буйства молодаго...») (№ 165).

Л. 57 об. «На все свой ходъ, на все свои законы...» (№ 219).

Л. 58. «На виньетку представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину» («Онъ точно, онъ безспорно...») (№ 237).

Л. 58 об. «Oh qu'il te sied ce nom d'Aurore...» (№ 95.3).

Л. 59—60. Глава VIII <из поэмы «Цыганка»> (от «Стояла ночь уже давно...» до «Его опять на дольній прахъ»).

Л. 60 об. Копия письма Боратынского к матери из Марселя (1844; см. *Летопись*. С. 407—408, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).

Л. 61—76. «Цыганка передѣланная въ 1842. Написано въ 1830» <копия поздней редакции поэмы, гл. I—VII>.

Ф. 33. Оп. 1. № 39 (старый шифр: 26322).

Тетрадь в переплете, in 8° (157 × 205 мм), 165 л. Хранилась в Казанском архиве Боратынских, впервые описана М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915. Т. II. С. 274).

Изначально состояла из листов плотной синей бумаги и имела постраничную владельческую нумерацию. Значительная часть листов затем была вырезана, но к оставшимся корешкам подклеены другие листы. Время, когда делалась та или иная вклейка, установить затруднительно. Последний блок листов (л. 153—164) — из бумаги другого типа.

По-видимому, тетрадь начала заполняться еще до знакомства Настасьи Львовны с Боратынским (февраль — март 1826 г.) и, в отличие от других ее тетрадей и альбомов, была предназначена для разнородных записей: помимо автографов и копий стихотворений Боратынского, в ней находятся выписки из мадам де Сталь («О Германии», «Коринна», «Дельфина»), В. Скотта (франц. перевод романа «Антиквар»), Дж. Г. Байрона (франц. перевод «Абидосской невесты»), Ф. Р. Шатобриана («Гений христианства», «Рене»), Ж.-Ж. Руссо («Новая Элоиза»), стихотворения А. Шенье, К. Делавиня, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, А. С. Пушкина (перечень произведений Пушкина и краткое описание тетради см.: *Пушкин 2004*. С. 398—399).

В тетрадь вписаны следующие тексты Боратынского:

Л. 21 (вклеен). «Чудный градъ порой сольется...» — **автограф** (№ 155).

Л. 32 об.—33. «Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...» (подпись: «Баратынской») (№ 28.1).

Л. 35 об. «Лета» («Душъ холодныхъ упованье...»; подпись: «Баратынской») (№ 74).

Л. 36 (вклеен). «Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ...» — **автограф** (№ 136).

Л. 57. «Римъ» («Ты былъ ли гордый Римъ земли самовластитель...»; подпись: «Баратынской») (№ 48).

Л. 96 (вклеен). «Прощай, отчизна непогоды...» (№ 35.1).

Л. 97 об. (вклеен). «Я слыхалъ: звѣзда иная...» — **автограф** (ст. 1—10; окончание дописано рукой Н. Л. Боратынской) (№ 149.2).

Л. 102 (вклеен). «Гдѣ сладкой шопотъ...» — **автограф** (№ 174).

Л. 102 об. (вклеен). «Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ...» — **автограф** (№ 162).

Л. 103 (вклеен). «Мой неискусный карандашъ...» — **автограф** (№ 185).

Л. 137. «Любви примѣты...» (подпись: «Баратынской») (№ 62.2).

Л. 137 об. «Водопадъ» («Шуми, шуми съ крутой вершины...»; подпись «Баратынской») (№ 44.2).

Л. 138—138 об. «Истинна. Ода» («О счастіи съ младенчества тоскуя...»; подпись: «Баратынскій») (№ 79).

Л. 140—140 об. «Черепъ» («Усопшій братъ, кто сонъ твой возмутилъ?..»; подпись: «Е. Б.») — копия рукой Настасьи Львовны с поправками Баратынского (№ 90.3).

Л. 140 об.—141. «Звѣздочка» («Взгляни на звѣзды: много звѣздъ...»; подпись: «24 Сент. 1824. Евгеній Баратынскій») (№ 87.2).

Л. 141 об. «Надпись» («Взгляни на ликъ холодный сей!..») (№ 100).

Л. 143—143 об. «Не льзя ль найти любви надежной...» — **автограф** (№ 30.3).

Л. 143 об. «О, вѣрь, ты нѣжная дороже славы мнѣ...» — **автограф** (№ 173).

Л. 144—144 об. «Мара» («Самовластительные цѣпи...») — **автограф** (№ 129.2).

Л. 145 об. «Подъ бурею судебъ, унылый, часто я...» (№ 132).

Л. 151. <«Переселеніе душъ». Эпилогъ> «Что я прибавлю, другъ мой нѣжной?..» — **автограф** (см. Т. 4 наст. изд.).

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 (старый шифр: 21732)

Альбом в переплете, 210 × 245 мм, 112 л. Хранился в Казанском имении Боратынских Шушары, в 1908 г. в числе многих семейных документов был передан внуком поэта, А. Н. Боратынским, Ю. Н. Верховскому (см. *Верховский 1908*. С. 1203: «Альбомъ in—4°, содержащій рисунки и копіи, главнымъ образомъ стихотвореній Е. А. Боратынскаго и его писемъ, съ надписью на 1-мъ листкѣ: Рисовано и писано матерью моей Анастасьей Львовной Боратынской въ 1844 и слѣд. годахъ»). В качестве источника текстов использовалась всеми издателями Боратынского, начиная с Изд. 1914—1915.

Согласно помете Н. Е. Боратынского на авантитуле, заполнялся Настасьей Львовной в 1844 и следующих годах — очевидно, уже после смерти Боратынского. Н. Л. Боратынской принадлежат записи на л. 7 об.—87 об., последняя запись ее рукой — обширная выписка из вступления к «Болезням века» Э. Аллеза (л. 81—87 об.). Далее в альбоме появляются «посторонние» записи неустановленным почерком: выписка из «Note sur Chateaubriand», копия стихотворения В. А. Жуковского «Моя богиня», выписки из «Стелло» и «Чаттертона» А. де Виньи, произведений А. Дюма, Ж. Санд. Последующие листы заполнены

рукой Льва Евгеньевича Боратынского, внесшего в альбом копии детских и юношеских писем поэта, по-видимому, уже во время подготовки Изд. 1869.

Наряду со стихотворениями, в альбом скопированы предисловие к поэме «Наложница», очерк «История кокетства», повесть «Перстень», переработанный в 1842 г. вариант поэмы «Цыганка», а также письма поэта к А. С. Пушкину, Н. В. и С. Л. Путятам, жене, матери и другим старшим родственникам.

Л. 1. Запись рукой Л. Е. Боратынского: «О Іисусе Христе, молимъ Тя...».

Л. 1 об. Чистый.

Л. 2. «Рисовано и писано матерью моей Анастасіей Львовной Боратынской въ 1844 и слѣд. годахъ. Н<иколай> Б<оратынскій>».

Л. 2 об. Чистый.

Л. 3. Рисунок (вклеен): морской пейзаж (вид Неаполя?).

Л. 3 об.—4 об. Чистые.

Л. 5. Детский рисунок (вклеен): лодка на фоне деревенского домика.

Л. 5 об.—7. Чистые.

Л. 7 об. Заметка Н. Л. Боратынской о первых опубликованных стихотворениях поэта (см. в сопроводительной статье — С. 485), относящаяся к записям текстов: «Марьѣ Андреевнѣ Панчулидзевой родной теткѣ» («Взгляните: свѣжестью младой...») (№ 1.1) и «Дельвигу» («Такъ, любезный мой Горацій...») (№ 10.1).

Л. 8—10. Копии трех писем Боратынского к Пушкину (1825—1828; см. *Летопись*. С. 167, 172, 203, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

Л. 10 об.—12 об. Копии писем и записок Боратынского к Настасье Львовне (1829—1837, 6 писем; см. *Летопись*. С. 226—227, 333, 338, 339, 340, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

Л. 13—20. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Петербурга (1840, 10 писем; см. *Летопись*. С. 356—363, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

Л. 20 об.—22. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Москвы в Петербург (1840, 3 письма; см. *Летопись*. С. 366—367, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

Л. 22 об. Чистый.

Л. 23. Копии записок Боратынского к Настасье Львовне (1837, 2 письма; см. *Летопись*. С. 338, 340, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

Л. 23 об. Копия письма Боратынского к матери из Дрездена (1843; см. *Летопись*. С. 399—400, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 и ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41).

Л. 24—30. Копии писем Боратынского к Н. В. и С. Л. Путятам из Франции и Италии (1843—1844, 7 писем; см. *Летопись*. С. 402, 404—410, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 и ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41).

Л. 30 об. «Порою ласковую Фею...» (№ 152), «Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!..» (№ 211), «Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ...» (№ 136) — с параллельной записью французских автопереводов.

Л. 31. «Къ чему невольнику мечтанія свободы...» (№ 179), «Въ дни безграничныхъ увлеченій...» (№ 164) — с параллельной записью французских автопереводов.

Л. 31 об. «Рифма» («Когда на играхъ Олимпійскихъ...») (№ 215.2) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 32. Рисунок (вклеен): воин в позе меланхолии у подножья водопада.

Л. 32 об. Чистый.

Л. 33. «Аврорѣ Ш.» («Выдь, дохни намъ упоеньемъ...») (№ 95.1 и № 95.3), «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» (№ 31), «Коттеріѣ» («Братайтеся къ взаимной оборонѣ...») (№ 221.1) — с параллельной записью французских автопереводов.

Л. 33 об. «Прогоны жизни» («Въ дорогу жизни снаряжая...») (№ 104), «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...» (№ 195) — с параллельной записью французскиих автопереводов.

Л. 33 об.—34. «На смерть Гёте» («Предстала и старецъ великой смѣжилъ...») (№ 169) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 34 об. «На что вы дни! Юдольный міръ явленья...» (№ 204) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 35—36. «Послѣдній Поэтъ» («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...») (№ 191) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 36—36 об. «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...» (№ 208.1) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 36 об. «Предразсудокъ! онъ обломокъ...» (№ 192.1) — с параллельной записью французского автоперевода.

Л. 37. «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227).

Л. 37—37 об. «Пироскафъ» («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).

Л. 38—40. «Дядькѣ Итальянцу» («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).

Л. 40 об.—46. «Предисловіе къ Наложницѣ въ 1831 году».

Л. 46 об. Чистый.

Л. 47—56. «Цыганка передѣлана въ 1842 году въ Мурановѣ».
Л. 56. Заголовок «Въ 1842 и 1843».
Л. 56. «Когда твой голосъ, о Поэтъ...» (№ 226), «Спасибо злобѣ хлопотливой...» (№ 223).
Л. 56 об. «Люблю я васъ Богини пѣнья...» (№ 225.1), «Молитва» («Царь небесъ! успокой...») (№ 230), «Опять весна, опять смѣется лугъ...» (№ 224).
Л. 57. «С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерковъ» (№ 222).
Л. 57. Заголовок «Въ 1828 году».
Л. 57. «Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ журналистъ...» (№ 148)
Л. 57—57 об. «На виньетку представляющую Автора за письменнымъ столомъ а подлѣ него Истину» («Онъ точно, онъ безспорно...») (№ 237).
Л. 57 об. Заголовок «Въ 1830, 1831, 1832».
Л. 57 об. «Нежданное родство съ тобой даруя...» (№ 176), «Небо Италіи, небо Торквата...» (№ 216).
Л. 58. «Къ Языкову» («Языковъ, буйства молодаго...») (№ 165).
Л. 58 об. «Н. Е. Б........» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171).
Л. 58 об. Заголовок «Въ 1838, 1839».
Л. 58 об. «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..» (№ 196).
Л. 59. «Въ рукахъ у этаго педанта...» (№ 220), «Мою звѣзду я знаю, знаю...» (№ 217).
Л. 59 об. «На все свой ходъ, на все свои законы...» (№ 219), «Первое посланіе къ Дельвигу» («Такъ любезный мой Горацій...») (№ 10.1).
Л. 60—63. С пометой «Въ 1824 году»: «Исторія Кокетства».
Л. 63 об.—72. «Перстень. 1831».
Л. 72 об.—74. Чистые.
Л. 74 об. Копия письма М. Беляева к С. А. Боратынскому с соболезнованиями о смерти поэта (1844).
Л. 75—75 об. Копия письма графини К. де Фонтан к Н. Л. Боратынской (1844).
Л. 76—77 об. Копия письма Боратынского к матери из Парижа (1843; см. *Летопись*. С. 402—404, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 и ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41).
Л. 77 об. Помета: «Fin des letters et des oeuvres posthumes d'Eugène Baratinsky».
Л. 77 об.—79. «Несколько <так!> писемъ юношества Баратынскаго (при вступленіи въ пансіонъ)» — копии писем Боратынского к матери и дяде, П. А. Боратынскому (1812—1816, 5 писем; см. *Летопись*. С. 58, 77, 70, 77—78, 68).

Л. 79 об. Французский текст духовного наставления Н. Л. Боратынской.

Л. 80. Чистый.

Л. 80 об.—87 об. Выписка Н. Л. Боратынской на франц. яз. из «Болезней века» Э. Аллеза: «Edouard Alletz. Maladies du siècle. Discours préliminaire».

Л. 88—88 об. Чистые.

Л. 89—96. Выписки неустановленным почерком из «Note sur Chateaubriand»; «Стелло», «Чаттертона» А. де Виньи; А. Дюма, Ж. Санд (на французском языке); копия стихотворения В. А. Жуковского «Моя богиня» («Какую безсмертную...»).

Л. 96. «Лета» («Душъ холодныхъ упованье...») (№ 74) — копия Л. Е. Боратынского (?).

Л. 96 об. Чистый.

Л. 97. Выписка из «Robe de noce» А. Дюма.

Л. 97 об.—98 об. Чистые.

Л. 99—99 об. «Письма Дѣтства Е. А. Баратынскаго А. Ф. и А. А. Баратынскимъ» (1806—1807, 3 письма родителям и тетушке; см. *Летопись*. С. 52—54) — копии Л. Е. Боратынского.

Л. 99 об. «Je voudrais bien ma mère...» (№ 239) — копия Л. Е. Боратынского.

Л. 100. Копии писем тетушкам и матери (1805—1807, 2 письма; см. *Летопись*. С. 54) — рукой Л. Е. Боратынского.

Л. 100 об. Копия письма С. А. Боратынского к матери, ошибочно сочтенного письмом Евгения (см. *Летопись*. С. 430) — рукой Л. Е. Боратынского.

Л. 100 об.—112. Копии писем Боратынского старшим родственникам (матери и дядьям, 1811—1825, 16 писем; см. *Летопись*. С. 56, 58, 59, 57, 68, 91, 71, 75, 77, 141—142, 151, 125, 78—79, 83—84, 77—78) — рукой Л. Е. Боратынского.

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41 (старый шифр: 21729)

Тетрадь в переплете, in 8° (166 × 205 мм), 65 л. Хранилась в Казанском архиве Боратынских, затем, вместе с другими документами, была передана А. Н. Боратынским Ю. Н. Верховскому (по всей видимости, эта тетрадь входила в число «8 тетрадок» с копиями Н. Л. Боратынской, которые упомянуты в списке материалов, привезенных Верховским — *Верховский 1908*. С. 1203).

Альбом заполнен целиком рукой Н. Л. Боратынской и включает записи поздних текстов Боратынского и стихотворений, не вошедших в Изд. 1835. К этому

корпусу добавлено также несколько писем Боратынского из-за границы (1843—1844). Записи стихотворений снабжены карандашными пометами (в полистной росписи выделены курсивом) — о жанровом распределении текстов, отразившими, вероятно, работу по подготовке семейного издания с жанровой компоновкой материала (см. сходное распределение в других тетрадях Н. Л. Боратынской [ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42], а также сообщение о таком плане собрания в письмах Л. Е. Боратынского к М. Н. Лонгинову — С. 490—491).

Л. 1. «*Перуны. Элегія*» («Люблю я васъ Богини пѣнья...») (№ 225.1).
Л. 1—1 об. «*Память Поэту. Элегія*» («Когда твой голосъ, о Поэтъ...») (№ 226).
Л. 1 об. «С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерковъ». *Смѣсь* («Сближеньемъ съ вами на мгновенье...») (№ 222).
Л. 2—2 об. «Пироскафъ». *Мелкіе стихотворенья. Тритцать третье* («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).
Л. 3—6. «Дядькѣ Итальянцу». *Посланіе* («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).
Л. 6 об. «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...». *Элегія* (№ 227).
Л. 7. «Молитва» («Царь небесъ! успокой...»). *Мелкіе стихотворенья. Тритцать четвертое* (№ 230).
Л. 7 об. «Спасибо злобѣ хлопотливой...». *Лирическое стихотворенье* (№ 223).
Л. 8. «Коттеріѣ». *Эпиграмма* («Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...»). (№ 221.1).
Л. 8 об.—9. «*Лѣсъ. Элегія*» («Опять весна; опять смѣется лугъ...») (№ 224).
Л. 9 об. Чистый.
Л. 10—44. «Цыганка. Передѣланная въ 1842 году».
Л. 44 об. Чистый.
Л. 45. Заголовок: «Эпиграммы».
Л. 45 об. «Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ журналистъ...» (№ 148).
Л. 46. «На некрасивую виньетку представляющую Автора за письменнымъ столомъ а подлѣ него Истину» («Онъ точно, онъ безспорно...») (№ 237).
Л. 46 об. «На все свой ходъ, на все свои законы...» (№ 220).
Л. 47. «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..» (№ 196).
Л. 47 об. Чистый.
Л. 48. Заголовок: «Смѣсь».
Л. 48 об. «Небо Италіи, небо Торквата...» *Мелкія стихотворенья. Тритцать пятое* (№ 216).
Л. 49. «*Въ Альбомъ*. Н. Е. Б........» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171).

Л. 49 об.—50. «Къ Языкову» («Языковъ, буйства молодаго...»). *Посланье* (№ 165).

Л. 50. «Обѣды» («Я не люблю хвастливые обѣды...»). *Мелкія стихотворенія. Тритцать шестое* (№ 218).

Л. 50 об. «Мою звѣзду я знаю, знаю...» *Мелкія стихотворенія. Тритцать восьмое* (№ 217).

Л. 51—60 об. «Нѣсколько писемъ изъ за Границы». Копии писем Боратынского к матери и Н. В. и С. Л. Путятам из заграничного путешествия (1843—1844, 5 писем; см. *Летопись*. С. 399—400, 402—404, 405, 408—410), л. 57 — чистый.

Л. 61—65 об. Чистые.

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42 (старые шифры: 21726, 21733, 21805, Р. I–22–362)

Пять сшитых непереплетенных тетрадей и отдельные листы разного формата (154 лл., включая 49[а], 54[а], 109[а]), заполненные рукой Н. Л. Боратынской.

В современную единицу хранения объединены рукописи разнородного происхождения (см. старые шифры), в ее основе — 5 тетрадей и отдельный лист (по современной нумерации л. 116—117 об.), составлявшие единицу хранения под старым шифром ПД 21733. Входившая в то же архивное дело тетрадь под заглавием «Эпиграммы» была утрачена в период между 1936 и 1957 гг. (см. Изд. 1936. Т. II. С. 270; Изд. 1957. С. 368; роспись содержания тетради эпиграмм сохранилась в подготовительных материалах М. Л. Гофмана: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73. Л. 175—176). Все эти тетради поступили в Пушкинский Дом из Казанского архива, переданные А. Н. Боратынским Ю. Н. Верховскому в 1908 г. — см. *Верховский 1908*. С. 1203).

Одна из тетрадей (л. 118—145 об.) по водяному знаку датируется не ранее 1848—1849 гг. (*Клепиков 1959*. С. 103, № 67). Время заполнения других тетрадей точно установить затруднительно, однако, судя по последовательно проведенному в них жанровому распределению стихотворений, они могли предназначаться для подготовки собрания сочинений Боратынского с таким распределением материала (см. об этом письма Л. Е. Боратынского к М. Н. Лонгинову — С. 490—491). В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что, в отличие от других альбомов Н. Л. Боратынской, здесь собраны как поздние тексты, так и — в основном — стихотворения, вошедшие в Изд. 1835. Таким образом, блок из 6 тетрадей, входивших в единый комплекс (ПД 21733), мог представлять собой наиболее полный свод опубликованных текстов Боратынского, предназначавшийся для задуманного издания.

<Тетрадь № 1>. Сшитая тетрадь in 16° (107 × 140 мм), заголовок: «Элегіи» (со сквозной нумерацией стихотворений; старый шифр: 21733)

Л. 1—2. (1) «Истина» («О счастіи съ младенчества тоскуя...») (№ 79).

Л. 2 об. (2) «Ропотъ» («Къ чѣму невольнику мечтанія свободы?..») (№ 179).

Л. 2 об. «Римъ» («Ты былъ-ли гордый Римъ, земли самовластитель...») (№ 48).

Л. 3—4. (3) «Родина» («Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...») (№ 34).

Л. 4 об.—5. (4) «Водопадъ» («Шуми, шуми съ крутой вершины...») (№ 44.1).

Л. 5. (5) «Ожиданье» («Она придетъ! къ ея устамъ...») (№ 106).

Л. 5 об. (6) «Роща» («На кровы ближняго селенья...») (№ 63); рядом с заглавием карандашная помета: «Разлука» (т. е. предполагалось перенесение названного стихотворения на это место — см. ниже).

Л. 6. (7) «Лета. Изъ Мильвуа» («Душъ холодныхъ упованье...») (№ 74); изначально на листе, судя по зачеркнутому заглавию, должно было быть помещено стихотворение «Фея» («Порою ласковую Фею...», № 152); рядом с текстом помета: «послѣ Разлуки».

Л. 6 об. (8) «Лагерь» («Разсѣ<и>ваетъ грусть пировъ веселый шумъ...») (№ 29.3); первоначально было озаглавлено: «Уныніе».

Л. 7. (9) «Изъ А. Шенье» («Подъ бурею судебъ, унылый, часто я...») (№ 132).

Л. 7 об.—8 об. (10) «Буря» («Завыла буря; хлябь морская...») (№ 92).

Л. 8 об.—9. (11) «Къ Лидѣ» («Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ...») (№ 22.1).

Л. 9 об.—10. (12) «Фея» («Порою ласковую Фею...») (№ 152).

Л. 10. (13) «Поцѣлуй» («Сей поцѣлуй, дарованный тобой...») (№ 64.1).

Л. 10 об.—11. (14) «Бдѣніе» («Одинъ, и пасмурный душою...») (№ 41.1).

Л. 11 об.—12. (15) «Весна» («На звукъ цѣвницы голосистой...») (№ 66).

Л. 12 об. (16) «Разлука» («Разстались мы; на мигъ очарованьемъ...») (№ 20.1); карандашом дописано: «Послѣ Рощи» (см. выше).

Л. 13—14. (17) «Паденье листьевъ. Изъ Мильвуа» («Желтѣлъ печально злакъ полей...») (№ 73.1).

Л. 14 об.—15. (18) «С. Д. П.....» («Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты...») (№ 65.1); текст перечеркнут, с надписью: «Въ посланья».

Л. 15 об. (19) «Все проходитъ» («Наслаждайтесь: все проходитъ!...») (№ 178).

Л. 16. (20) «Дремота» («Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...») (№ 31.1); первоначально под другим заглавием: «Усыпленье» <?>.

Л. 16 об. (21) «Грусть» («Онъ близокъ, близокъ день свиданья...») (№ 15.1); первоначально под другим заглавием: «Тоска».

Л. 17—17 об. (22) «Черные очи» («Люблю я красавицу...») (№ 161).
Л. 18—19. (23) «Русская пѣсня» («Страшно воетъ, завываетъ...») (№ 40).
Л. 19 об.—20. (24) «Стансы» («Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ...») (№ 101.1).
Л. 20 об.—21. (25) «Отъѣздъ» («Прощай, отчизна непогоды...») (№ 35.1).
Л. 21 об.—22 об. (26) «Елизійскія поля» («Бѣжитъ невѣрное здоровье...») (№ 37.1).
Л. 23. (27) «Разувѣреніе» («Не искушай меня безъ нужды...») (№ 54).
Л. 23 об.—24. (28) «Утраты» («Когда взойдетъ денница золотая...») (№ 81).
Л. 24 об.—25 об. (29) «Оправданіе» («Рѣшительно, печальныхъ строкъ моихъ...») (№ 89.1).
Л. 26. (30) «Замѣна» («Когда неопытенъ я былъ...») (№ 57.1).
Л. 26 об. (31) «Любви примѣты» («Любви примѣты...») (№ 62.1).
Л. 27—27 об. (32) «Подражаніе Лафару» («Свободу давъ тоскѣ моей...») (№ 23.1).
Л. 28. (33) «Приманкой ласковыхъ рѣчей...» (№ 43).
Л. 28 об. (34) «Любовь» («Мы пьемъ въ любви отраву сладкую...») (№ 86).
Л. 29—30. (35) «Признанье» («Притворной нѣжности не требуй отъ меня...») (№ 80.1).
Л. 30 об.—31. (36) «Старикъ» («Вѣнчали розы, розы Леля...») (№ 134).
Л. 31 об. (37) «Къ Амуру» («Тебѣ я младость шаловливу...») (№ 116); зачеркнуто, с припиской: «Въ мелкія».
Л. 32—32 об. (35) <так!> «Ошибка» («Я не любилъ ее, я зналъ...») (№ 182.1).
Л. 33—34. (36) <так!> «Звѣзда» («Взгляни на звѣзды: много звѣздъ...») (№ 87.1); заглавие исправлено из «Звѣздочка».
Л. 34 об.—36 об. (37) «Запустѣніе» («Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь...») (№ 180.1).
Л. 37—38. (38) «Кольцо. С. Э.» («Дитя мое, она сказала...») (№ 177).
Л. 38 об.—39. (39) «Разсвѣтъ» («Въ дни безграничныхъ увлеченій...») (№ 164).
Л. 39. «Эхо» («Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ...») (№ 162).
Л. 39 об. (40) «Память Поэту» («Когда твой голосъ, о Поэтъ...») (№ 226).
Л. 40—41. (41) «Возвращеніе весны» («Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!..») (№ 187).
Л. 41. (42) «Перуны» («Люблю я васъ Богини пѣнья...») (№ 225.1).
Л. 41 об.—42. (43) «Омраченье» («Когда исчезнетъ омраченье...») (№ 181).
Л. 42 об.—43 об. (44) «Бѣдный старецъ» («Что за звуки? мимоходомъ...») (№ 210).

Л. 43 об.—44. (45) «Орфею» («Не славь, обманутый Орфей...») (№ 163).

Л. 44—46. (46) «Недоносокъ» («Я изъ племени духовъ...») (№ 197.1); Л. 46—46 об. — отдельный, из более тонкой бумаги; судя по пропуску в дальнейшей нумерации, несколько листов с записями, вероятно, было утрачено.

Л. 47—47 об. (50) «На что вы, дни!» («На что вы, дни! Юдольный міръ явленья...») (№ 204).

Л. 47 об.—48 об. (51) «Лѣсъ» («Опять весна; опять смѣется лугъ...») (№ 224).

<Тетрадь № 2>. Сшитая тетрадь in 16° (110 × 140 мм), заголовок: «Элегіи» (Л. 49) (старый шифр: 21733).

Л. 49[а]—50. «Родныя степи» («Судьбой наложенныя цѣпи...») (№ 129.1).

Л. 50 об.—51. «Воспоминанье» («Мой неискусный карандашъ...») (№ 185.1).

Л. 51 об.—52 об. «Вьюги» («Гдѣ сладкой шопотъ...») (№ 174).

Л. 53—54. «Муранова» («Есть милая страна, есть уголъ на землѣ...») (№ 119.1).

Л. 54 об.—56 об. «Отрывокъ» («Онъ. Подъ этой липою густою...») (№ 153).

Л. 57. «Своенравное прозванье» («Своенравное прозванье...») (№ 175).

Л. 57 об. «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227).

Л. 58. «Мой даръ убогъ и голосъ мой негромокъ...» (№ 137).

Л. 58 об. Чистый.

<Тетрадь № 3>. Сшитая тетрадь in 16° (110 × 140 мм), заголовок: «Мелкія стихотворенія» (со сквозной нумерацией стихотворений; старый шифр: 21733).

Л. 59. «М. А. П.» («Взгляните: свѣжестью младой...») (№ 1.1); подписано на левом поле: «Антологич.»

Л. 59. (2) «Покорность» («Желанье счастія въ меня вдохнули боги...») (№ 76.1).

Л. 59 об.—60 об. (3) «Стансы» («Чтобъ очаровывать сердца...») (№ 45.1).

Л. 61. (4) «Изъ Андре Шенье» («Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы...») (№ 117); «Тебѣ я младость шаловливу...» (№ 116).

Л. 61 об. (5) «С. Н. Н.» («Мила какъ Грація, скромна...») (№ 33).

Л. 62. (6) «Какъ много ты, въ немного дней...» (№ 98).

Л. 62 об. (7) «Ш.....» («Землякъ! въ странѣ чужой, суровой...») (№ 12.3).

Л. 63—63 об. (8) «Бѣсенокъ» («Слыхалъ я, добрые друзья...») (№ 141).

Л. 64. (9) «С. Д. П.» («Неизвинительной ошибкой...») (№ 60).

Л. 64 об. (10) «А. Н. М.....у» («Не бойся ѣдкихъ осужденій...») (№ 124); на левом поле помечено: «посланіе»

Л. 65. (11) «М.....» («Когда-бъ избрать возможно было мнѣ...») (№ 118.1); «Мою звѣзду я знаю, знаю...» (№ 217) — записано карандашом.
Л. 65 об.—66. (12) «И. А. Б...» («Итакъ, мой милый не шутя...») (№ 14.1).
Л. 66. «А. А. Воейковой» («Очарованье красоты...») (№ 84) — записано карандашом; первоначально на этом листе была начата запись стихотворения «Монастыркѣ» («Храни свое неопасенье...») (№ 172) — также карандашом, но записанные заглавие и первая строка были затем зачеркнуты.
Л. 66 об. (13) «Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ...» (№ 140).
Л. 67. (14) «Г. З.» («Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой...») (№ 105.1); «Мою звѣзду я знаю, знаю...» (№ 217) — текст перечеркнут карандашом.
Л. 67 об. (15) «Незаконная лепта» («Когда печалью вдохновенный...») (№ 156.1).
Л. 68—68 об. (16) «Д...» («Я безразсуденъ и не диво!...») (№ 61).
Л. 69. (17) «А. С. Г.......» («Взгляни на ликъ холодный сей...») (№ 100); на левом поле помета: «Антологическія».
Л. 69. (18) «А. А. Воейковой» («Очарованье красоты...») (№ 84) — зачеркнуто карандашом.
Л. 69 об. (19) «А. К. Ш.» («Выдь, дохни намъ упоеньемъ...») (№ 95.1); (20) «Чудный градъ» («Чудный градъ порой сольется...») (№ 155) — зачеркнуто карандашом.
Л. 70—70 об. (21) «С. Д. П.» («О своенравная Аглая!...») (№ 58.1).
Л. 70 об. (22) «Молодые годы» («Были бури, непогоды...») (№ 203).
Л. 71. (23) «Муза» («Не ослѣпленъ я музою моею...») (№ 154.1).
Л. 71 об.—72. (24) «Цвѣтокъ» («Съ восходомъ солнечнымъ Людмила...») (№ 47.1).
Л. 72 об. (25) «Нѣтъ, обманула васъ молва...» (№ 146).
Л. 72 об. (26) «Не подражай: своеобразенъ Геній...» (№ 139).
Л. 73. (27) «При посылкѣ Бала С. Э.» («Тебѣ-ль невинной и спокойной...») (№ 143).
Л. 73 об. (28) «Обѣды» («Я не люблю хвастливые обѣды...») (№ 218).
Л. 73 об. (29) «Монастыркѣ» («Храни свое неопасенье...») (№ 172).
Л. 74. (30) «К. А. Тимашевой» («Вамъ всё дано съ щедротою пристрастной...») (№ 149.1).
Л. 74 об. (31) «К. К. Янишь» («По замѣчанью моему...») (№ 144.1).
Л. 75. (32) «К. А. Свербеевой» («Въ небѣ нашемъ изчезаетъ...») (№ 149.1).
Л. 75 об. (33) «Н. Е. Б....» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171); (34) «К. Г.» («Еще какъ патріархъ не древенъ я; моей...») (№ 207) — текст

зачеркнут карандашом; «Чудный градъ порой сольется...» (№ 155) — записано карандашом, на левом поле приписка чернилами: «Антологич.»

Л. 76. (35) «С. Ф. Т.» («Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...») (№ 195); «Еще какъ патріархъ не древенъ я; моей...» (№ 207) — записано карандашом.

Л. 76 об. (36) «Небо Италіи, небо Торквата...» (№ 216).

Л. 77. (37) «Здраствуй, отрокъ сладкогласной...» (№ 209).

Л. 77 об. (38) «С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерекъ» («Сближеньемъ съ вами на мгновенье...») (№ 222).

Л. 78—78 об. (39) «Пироскафъ» («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).

<**Тетрадь № 4**>. Сшитая тетрадь in 8° (136 × 197 мм), заголовок: «Лирическія Стихотворенья» (Л. 79), со сквозной нумерацией текстов (старый шифр: 21733).

Л. 80—81. (1) «Финляндія» («Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца...») (№ 25.1).

Л. 81 об.—82. (2) «Двѣ доли» («Дало двѣ доли Провидѣнье...») (№ 55).

Л. 82 об.—83. (3) «Черепъ» («Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?...») (№ 90.1).

Л. 83 об.—85 об. (4) «Послѣдняя Смерть» («Есть бытіе, но имянемъ какимъ...») (№ 128).

Л. 86—86 об. (5) «Примѣты» («Пока человѣкъ естества не пыталъ...») (№ 194).

Л. 87—87 об. (6) «Смерть» («Тебя изъ тьмы не изведу я...») (№ 142.1).

Л. 88—88 об. (7) «Риѳма» («Когда на играхъ Олимпійскихъ...») (№ 215.1).

Л. 89—90. (8) «Бокалъ» («Полный влагой искрометной...») (№ 202).

Л. 90 об. (9) «Видѣньи дня» («Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...») (№ 208).

Л. 91. (10) «Молитва» («Царь Небесъ! успокой...») (№ 230).

Л. 91 об.—92. (11) «Смерть Гёте» («Предстала и старецъ великой смѣжилъ...») (№ 169).

Л. 92 об.—94. (12) «Послѣдній Поэтъ» («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...») (№ 191).

Л. 94 об.—98. (13) «Осень» («И вотъ Сентябрь! замедля свой восходъ...»).

Л. 98 об. Чистый.

<**Тетрадь № 5**>. Сшитая тетрадь in 8° и отдельные приложенные к ней листки (136 × 206 мм), заголовок: «Посланія» (старый шифр: 21733).

Л. 99—99 об. «Дельвигу» («Такъ, любезный мой Горацій...») (№ 10.1).

Л. 100—101. «Гнѣдичу» («Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ...») (№ 69.1).

Л. 101 об. Чистый.

Л. 102—102 об. «Дельвигу» («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...») (№ 68).

Л. 103. «Къ ....» («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...») (№ 27).

Л. 103 об.—104. «Лутковскому» («Влюбился я, полковникъ мой...») (№ 78.1).

Л. 104 об. «Л. С. Пушкину» («Повѣрь, мой милый! твой Поэтъ...») (№ 88.1).

Л. 105—105 об. «Къ» («Пріятель строгой, ты не правъ...») (№ 46.1).

Л. 106 «Давыдову» («Пока съ восторгомъ я внимаю...») (№ 109.1).

Л. 106 об.—107 об. «Дельвигу» («Гдѣ ты, безпечный другъ! гдѣ ты, о Дельвигъ мой...») (№ 18.1).

Л. 107 об.—108. «Товарищамъ» («Отставнаго шалуна...») (№ 38).

Л. 108 об.—109. «Дельвигу» («Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти...») (№ 36).

Л. 109 об.—110. «Коншину» («Пора покинуть, милый другъ...») (№ 30).

Л. 110 об.—112. «Гнѣдичу» («Такъ! для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ...») (№ 77.1).

Л. 112 об.—113. «***» («Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты...») (№ 65.1).

Л. 113 об. «А. Н. М.» («Не бойся ѣдкихъ осужденій...») (№ 124).

Л. 114. «Богдановичу» («Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты...») (№ 83.1), ст. 1—14.

Л. 114—115 об. Чистые; л. 112—115 об. — отдельные листы, приложенные к тетради.

<**Отдельные листы**>. Двойной листок формата in 16° (106 × 140 мм), такой же, как листы в <Тетради № 1> (старый шифр: 21733).

Л. 116. (43) «Орфею» («Не славь, обманутый Орфей...») (№ 163).

Л. 116 об.—117 об. Чистые.

<**Тетрадь № 6**>. Сшитая тетрадь in 8° (180 × 220 мм), из плотной бумаги (штемпель: «АХ / 6 / Знаменской / фабрики», в овале — 1848—1849 гг. [Клепиков 1959. С. 103]), со сквозной нумерацией текстов (старый шифр: 21726).

Л. 118. Заголовок «Посланія».
Л. 118—119. (1) «Дельвигу» («Такъ, любезный мой Горацій...») (№ 10.1).
Л. 119—121. (2) «Гнѣдичу» («Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ...») (№ 69.1).
Л. 121 об. Заголовок «Элегіи».
Л. 121 об.—122 об. (3) «Къ ...» («Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ...») (№ 59.1).
Л. 122 об.—123. (4) «Къ ...» («Пріятель строгой, ты не правъ...») (№ 46.1).
Л. 123 об. «А. Н. М.» («Не бойся ѣдкихъ осужденій...») (№ 124) — весь текст перечеркнут.
Л. 124—124 об. (2) <так!> [«Дельвигу»] «Ему же» («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...») (№ 68).
Л. 125—125 об. (6) «Лутковскому» («Влюбился я, полковникъ мой...») (№ 78.1).
Л. 126. (7) «Л. С. Пушкину» («Повѣрь, мой милый, твой поэтъ...») (№ 88.1).
Л. 126 об.—127. (8) «Языкову» («Бывало, свѣтъ позабывая...») (№ 166.1).
Л. 127 об.—128 об. (9) «Дельвигу» («Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...») (№ 18.1).
Л. 129. (10) «К. З. А. Волконской» («Изъ царства виста и зимы...») (№ 145), — вписано 2 строки, и все зачеркнуто чернилами.
Л. 129—129 об. (10) «Къ ...» («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...») (№ 27).
Л. 130—130 об. (11) «P. S. Дельвигу» («Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти...») (№ 36).
Л. 131—132. (12) «Коншину» («Пора покинуть, милый другъ...») (№ 30).
Л. 132. (13) «Товарищамъ» («Отставнаго шалуна...») (№ 38).
Л. 132 об.—135. (14) «Гнѣдичу» («Такъ! для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ...») (№ 77.1).
Л. 135 об. (15) «Д. Давыдову» («Пока съ восторгомъ я внимаю...») (№ 109.1).
Л. 136—136 об. (16) «Коншину» («Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...») (№ 28).
Л. 137—137 об. (17) «К. З. А. Волконской» («Изъ царства виста и зимы...») (№ 145).
Л. 138—139 об. (18) «Богдановичу» («Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты...») (№ 83.1) — помета: «возобновлено», текст перечеркнут.
Л. 140—140 об. (19) «А. А. Ф...ой» («Вы ль дочерь Евы какъ другая...») (№ 170).
Л. 141—142. (20) «К. Вяземскому» («Какъ жизни общіе призывы...») (№ 190).
Л. 142 об.—145. (21) «Дядькѣ Итальянцу изъ Неаполя» («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).

Л. 145 об. Заметки Н. Л. Боратынской с перечнем стихотворений, списком поэм («Баллада Мадона. | Изъ Вольтера. Телема и Макаръ | Пиры | [Бал] | Эда | Балъ | Цыганка») и записью (карандашом) последовательности разделов: «Посланіи | Лирическія стих. | Элегіи | Элегіи | Антологическія | Эпиграммы | Мелкія стихотворенія»).

<**Отдельный лист**, такого же формата, как Тетрадь № 6, по всей видимости, оторвавшийся от нее>.

Л. 146. Заголовок: «Мелкія стихотворенія».

Л. 146—146 об. «Землякъ! въ странѣ чужой, суровой...» (№ 12.3)

<**Отдельный лист**>. Половина фабричного листа (210 × 350 мм). Заголовок «Посланія».

Л. 147. «Такъ, любезный мой Горацій...» (№ 10.1);

Л. 147 об. «Къ ...» («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...») (№ 27), ст. 1—14. Сначала записано заглавие «Посланіе къ Богдановичу» — и зачеркнуто.

<**Отдельные листы**>. Двойной листок in 8° (156 × 208 мм); копии рукой Н. Л. Боратынской (?) (старый шифр: 21805).

Л. 148. Копии стихотворений В. И. Туманского «Къ ней» («Не цвѣта небеснаго очи твои...»; подпись: «Туманскій») и А. А. Дельвига «Романсъ» («Прекрасный день, счастливый день...»; подпись: «Баронъ Дельвигъ»).

Л. 148—149. Копия стихотворения «Признанье («Притворной нѣжности не требуй отъ меня...»; подпись: «Баратынской») (№ 80.2).

<**Отдельные листы**>. Двойной листок in 16°, такого же формата, как листы в Тетради № 1.

Л. 150—151 об. «Дядькѣ Итальянцу» («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).

— IV —

Поздняя лирика Боратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии

ПОЗДНЯЯ ЛИРИКА БОРАТЫНСКОГО: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Поздняя лирика Боратынского — стихотворения 1835—1844 гг., вошедшие в сборник «Сумерки», не включенные в него, а также написанные после выхода книги, — наименее изученная в текстологическом и источниковедческом отношении часть наследия поэта.

Фактическая история формирования корпуса поздней лирики и текстологическая специфика известных источников стихотворений последних лет до сих пор остаются практически неисследованными: не вполне прояснены обстоятельства работы Боратынского над поздними текстами вообще и сборником «Сумерки» в частности, не установлена история складывания рукописного семейного корпуса, мало изучены первые посмертные публикации стихотворений Боратынского, источники и эдиционные принципы семейных изданий 1869 и 1884 гг. Между тем, как показало специальное обращение к истории поздних текстов Боратынского и их первым публикациям, все эти обстоятельства оказываются весьма существенными для выбора и обоснования основного текста.

Очерченному кругу проблем и посвящена настоящая статья, служащая необходимым дополнением к комментариям тома и обосновывающая принятые текстологические решения. В соответствии со структурой разделов тома и спецификой материала отдельно рассматриваются тексты, вошедшие в сборник «Сумерки»; второй раздел сопроводительной статьи посвящен истории публикации других поздних текстов поэта — прежде всего стихотворений, не опубликованных при жизни Боратынского.

История сборника «Сумерки» и проблема основного текста

20 мая 1842 г. издатель Август Семен объявлял в «Московских Ведомостях» о поступлении в продажу отпечатаннаго «на сихъ дняхъ сочиненія Евгенія Боратынскаго "Сумерки"» (Московские ведомости. 1842. 20 мая. № 40. Прибавление. С. 589). Новая книга стала третьим и последним поэтическим сборником, вышедшим при жизни Боратынского[1]. В «Сумерки» вошло всего 26 стихотворений, в основном написанных в 1835—1841 гг.[2] Помещенные в «Сумерках» тексты по большей части уже были прежде опубликованы в периодических изданиях Москвы и Петербурга[3], однако, как замечал Боратынский в письме к П. А. Плетневу, «собранные вместе, они должны живее выражать общее направление, общий тон поэта» (цит. по: *Летопись*. С. 386).

Первые сведения о замысле издания стихотворений, написанных после выхода Изд. 1835, относятся к началу 1840 г. Накануне поездки в Петербург поэт сообщал матери об одной из целей своего путешествия:

> Есть и практический смысл: я намерен выгодно продать Смирдину, единственному из наших издателей, располагающему капиталом, право на третье издание моих рифмоплетений, прибавив к ним еще один том последних своих грехов.
>
> (цит. по: *Летопись*. С. 355)

Сделка со Смирдиным, судя по отсутствию позднейших упоминаний, не состоялась, а хозяйственные заботы заставили Боратынского отложить издательские планы[4]. Лишь к зиме 1841—1842 гг. подмосковная жизнь Боратынских

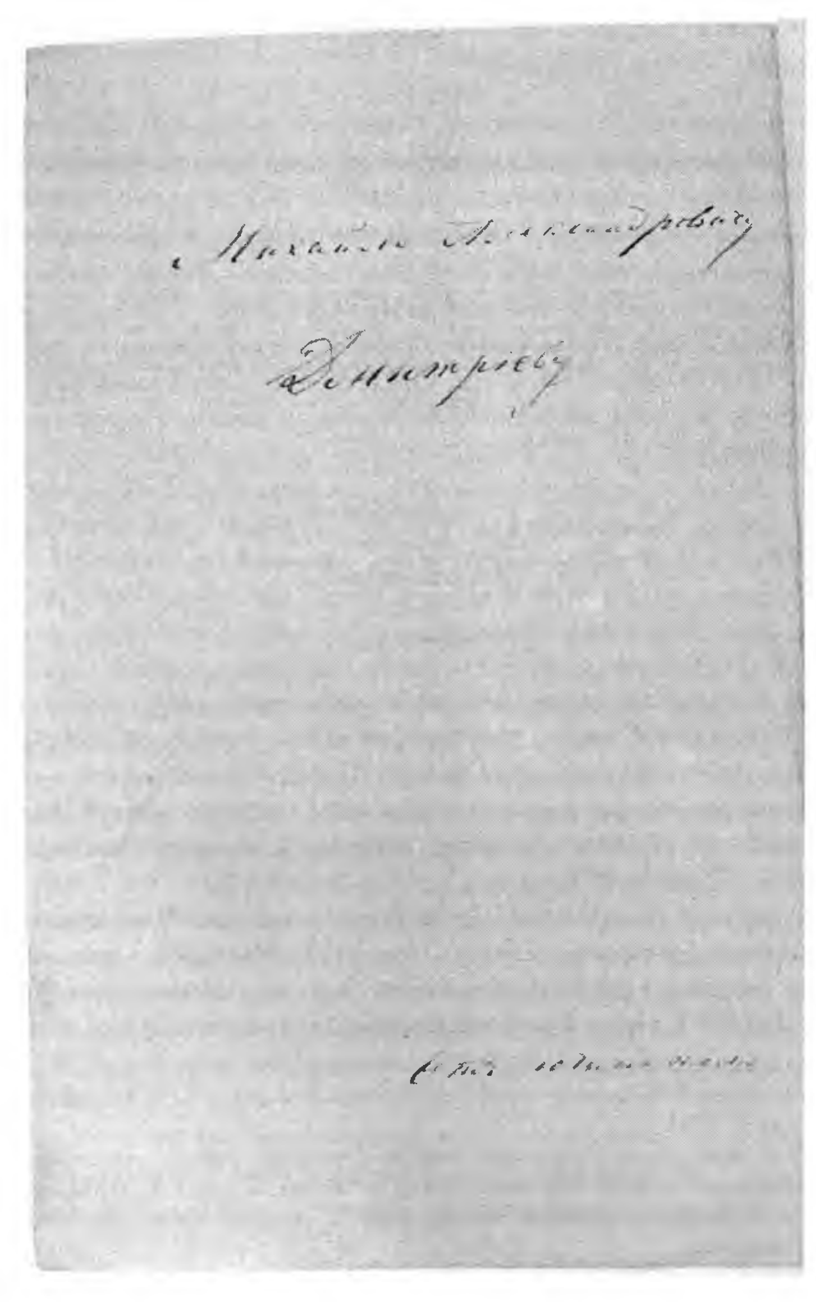
---

[1] Сборник воспроизводился факсимильно: Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. Факсимильное переиздание 1842 года / Предисл. Н. П. Белевцевой. Музей-усадьба «Мураново», 2000; Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М., 1842 // Е. А. Боратынский. Авторская книга лирики: В 4 кн. Кн. 3. М., 2003. См. также: Наст. том. С. 195—288.

[2] Явное исключение составляет лишь «Новинское» (№ 193), ранняя редакция которого датируется серединой 1820-х гг.

[3] Впервые печатались только стихотворения «Новинское. А. С. Пушкину» (№ 193), «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..» (№ 196), «Филида, съ каждою зимою...» (№ 201) и «Здраствуй отрокъ сладкогласной...» (№ 209).

[4] Во второй половине 1840—1841 гг. поэт был занят устройством мурановского имения: постройкой нового дома, организацией пильной мельницы и кирпичного завода. См. его письма Н. В. Путяте, матери и сестре от второй половины 1841—1842 гг. (*Летопись*. С. 374—377, 379—385).

Оборот обложки «Сумерек» с дарственной надписью М. А. Дмитриеву
ОРКиР НБ МГУ; шифр: Дмитр. 8940

обрела течение «мирное и тихое»[5]. Видимо, этим временем и следует датировать работу поэта над сборником.

Издательская судьба сборника: история двойной цензуры

К началу января 1842 г., очевидно, была достигнута договоренность с издателем и владельцем типографии А. И. Рене-Семеном и сборник был подготовлен к представлению в Московский цензурный комитет. Стихотворения были переписаны набело, «парадным» почерком[6] в тетрадь четвертного формата в сине-зеленой обложке (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43). На титульном листе (Л. 1; см. фотокопию) рукой самого поэта были вписаны заглавие сборника и выходные данные:

[Сонъ зимней ночи][7]
сочиненіе
Евгенія Боратынскаго
Москва
1842го года

На нижнем поле титульного листа неизвестной рукой сделана помета: «Изъ типографіи Семена», дублирующая запись на обложке рукой самого издателя: «Изъ Типографіи А. Семена». Вверху титульного листа — запись о времени регистрации рукописи в цензурном комитете: «№ 14 Января 14 1842 года». На обложке обозначено имя цензора, которому была определена рукопись: «Г. Ценсору Флерову».

Хранившаяся в казанском архиве Боратынских, цензурная тетрадь была использована еще сыновьями поэта в Изд. 1869 и Изд. 1884, о чем свидетельствуют учтенные в изданиях разночтения, известные только по этому источнику[8]. В 1908 г. вместе с другими бумагами из семейного архива внук поэта

---

[5] См. письмо Боратынского матери от второй половины ноября — начала декабря 1841 г. (*Летопись*. С. 376).

[6] Чьей рукой заполнялась цензурная тетрадь — установить пока не удалось, однако можно точно утверждать, что это не «писарский» почерк, как считал, например, М. Л. Гофман (см. далее). Судя по особенностям почерка, нельзя исключать, что переписчиком стихотворений была Н. Л. Боратынская.

[7] Рукой Боратынского исправлено на «Сумерки».

[8] См. разночтения, приведенные в разделах «Варианты» Изд. 1869 (С. 212—215) и «Приложения» Изд. 1884 (С. 36—39) для стихотворений «Новинское. А. С. Пушкину» (№ 193), «Увы! Творецъ непервыхъ силъ...» (№ 196), «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...» (№ 208), «Здраствуй отрокъ сладкогласной...» (№ 209) и «Осень» (№ 213).

А. Н. Боратынский передал ее Ю. Н. Верховскому: в его «Отчете...» среди прочего упомянуты «„Сумерки“ — тетрадь (копіи)» (*Верховский 1908*. С. 1203).

Богатейшие материалы, полученные Верховским от родственников Боратынского, были положены в основу Академического издания сочинений поэта, вышедшего под редакцией М. Л. Гофмана[9], который ввел цензурную тетрадь в научный оборот, приведя разночтения по рукописи и дав ее краткое описание:

> Цензурная копія послѣдняго сборника Боратынскаго „Сумерки“. Копія „Сумерекъ“ написана писарскимъ почеркомъ, но на заглавномъ листѣ читаемъ написанное рукою поэта заглавіе: *Сонъ зимней ночи*, исправленное имъ же на *Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго. Москва 1842-го года.*
>
> (Изд. 1914—1915. Т. II. С. 275)

Отметим, что Гофман ссылался на нее как на «цензурную копию» или же называл описательно: «копія „Сумерекъ“, представленная въ цензуру», «рукописный экземпляръ „Сумерекъ“» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 291, 293, 295—297, 304 и др.). Верховский, в середине 1930-х гг. получивший возможность подготовить издание сочинений Боратынского, в своих комментариях называл рукопись «цензурованной тетрадью» (*Верховский 1935*. С. 106 и далее). В Изд. 1936 обсуждаемый источник обозначен как «цензурная копия „Сумерек“» (Изд. 1936. Т. I. С. 354—355; Т. II. С. 268, 270, 271, 272, 279), а начиная с *Изд. 1957* (С. 368—370, 371) за ним закрепилось обозначение «цензурный экземпляр „Сумерек“», принятое в последующей издательской и комментаторской традиции (Изд. 1982. С. 380; Изд. 2000. С. 452; *Боратынский 2002*. Т. 1. С. 468—469; *Справочный том*. С. 279—281).

Установившееся именование рукописи позволяет думать, что именно она послужила источником для последующего набора, что имеющиеся в ней цензурные отметки связаны с вмешательством цензора И. М. Снегирева, чье имя выставлено на обороте титула «Сумерек», — иными словами, что цензурная тетрадь фиксирует этап, непосредственно предшествующий появлению книги в печати.

Между тем это очевидным образом не так. Как указано на обороте титула книги, цензурное разрешение было выдано цензором И. Снегиревым «1842 года, Марта 10 дня», в то время как на титульном листе цензурной те-

---

[9] Гофман вспоминал, что изначально издание было поручено Верховскому, но «тот пропустил все назначенные сроки» (*Гофман 2004*. С. 206—207), однако Верховский в своей автобиографии 1926 г. утверждал, что издание Боратынского было закреплено за кем-то другим, а ему было поручено собрание сочинений Дельвига (*Верховский 2008*. С. 732—733).

тради имеется помета, сделанная при регистрации рукописей в цензурном комитете «№ 14 Января 14 1842 года», но никаких следов цензурного разрешения нет — что совершенно невозможно для успешно прошедшей цензуру рукописи. Более того, там же, на обложке, обозначено и имя цензора, которому был отдан сборник: «Г. Ценсору Флерову», а вовсе не Снегиреву, который в итоге подписал дозволение на напечатание книги.

Даже эти факты позволяют заключить, что к окончательной цензурной процедуре рассматриваемая рукопись не имела отношения, а цензурная история сборника, соответственно, была не совсем обычной — поскольку Боратынский имел дело с цензурным комитетом дважды.

Впервые предположение о повторном цензуровании сборника было высказано Е. Н. Купреяновой в заметке о «Сумерках»:

> Отсутствие на копии цензурного разрешения свидетельствует, что она не была пропущена цензурой и возвращена Баратынскому для требуемых исправлений. Сборник, несомненно, вторично представлялся в цензуру в другой копии, до нас не дошедшей. Можно заключить, что эта копия рассматривалась уже другим цензором, так как ряд непропущенных Флеровым мест вошел в «Сумерки» без изменения.
>
> (*Изд. 1936*. Т. I. С. 355)

Справедливость этих выводов подтверждается документами Московского цензурного комитета, позволяющими прояснить последовательность событий и уточнить статус тетради из семейного архива. В реестре поступающих на рассмотрение цензурного комитета книг под № 14 за 1842 г. значится:

> Рук<опись>. Сонъ зимней ночи сочиненіе Евгенія Боратынскаго. Изъ типографіи Семена.
>
> *Время вступленія*: Января 10
>
> *Когда отдана Ценсору*: Января 14
>
> (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. Л. 126 об.—127)

Этой записи полностью соответствуют пометы на титуле цензурной тетради — как приведенная выше учетная запись («№ 14 Января 14 1842 года»), так и приписка на нижнем поле: «Изъ типографіи Семена». На полях «Книги для записей рукописей и книг» инициалом обозначена фамилия цензора, которому была отдана рукопись: «Ф<леровъ>», как указано и на обложке тетради.

На заседании Московского цензурного комитета 16 января 1842 г. в числе представленных к рассмотрению рукописей была и «Рукопись: Сонъ зимней ночи, сочиненіе Евгенія Баратынскаго», которую было «опредѣлено: По-

ручить разсмотрѣть Г. Ценсору Флерову» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168. Л. 9—9 об.).

Дальнейшая судьба сборника «Сон зимней ночи» в документах цензурного комитета не отразилась: в соответствующих графах реестра отсутствуют сведения о дате одобрения/неодобрения рукописи и ее обратной выдачи, нет цензорского разрешения на самой рукописи, в журнале заседаний цензурного комитета она больше не упоминается. Дело о рассмотрении сборника как бы повисло в воздухе, не получив официального продолжения. При этом для высшего цензурного начальства оно даже и не начинало существовать. В отчетные ведомости, ежемесячно посылавшиеся в Главное управление цензуры, поступившая рукопись сборника Боратынского вообще не была внесена (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1508). Очевидно, «Сон зимней ночи» цензорского одобрения не получил, но и не был недозволен (в этом случае в документах была бы соответствующая запись)[10].

Цензорских помет в рукописи немало — строгий и осторожный Флеров требовал исключить не только отдельные слова, выражения и строки, но даже некоторые стихотворения целиком[11].

К читателю не должны были попасть ни «Были бури, непогоды...» (№ 203), ни «Еще какъ Патріархъ не древенъ я...» (№ 207), исправления Боратынский должен был внести в такие стихотворения, как «Послѣдній Поэтъ» (№ 191), «Недоносокъ» (№ 197), «Бокалъ» (№ 202), «Рифма» (№ 215) и др. См. запретительные пометы цензора:

Послѣдній Поэтъ (№ 191)

Ст. 34 Поетъ, увы! онъ [*благодать*] страстей:

Недоносокъ (№ 197)

Ст. 56 О, [*безсмысленная*] вѣчность!

---

[10] Такое положение дел, позволявшее автору негласно забрать рукопись из цензурного комитета и иметь возможность, внеся изменения, вновь попытаться провести ее через цензуру, не было исключительным. Точно так же Московский цензурный комитет и лично цензор И. М. Снегирев поступили месяцем ранее с рукописью «Мертвых душ», которую Гоголь затем передал в Петербург, где ее и одобрил цензор А. В. Никитенко. См. об этом: *Манн 1984*. С. 98—125; *Манн 2004*. С. 608—613.

[11] Цензор сначала отчеркивал карандашом сомнительное место, иногда помечая его на полях крестиком, а затем обводил красно-коричневыми чернилами, утверждая свою запретительную пометку специальным значком.

«Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ...» (№ 200)

Ст. 3 Намъ, изъ ничтожества вызваннымъ
творчества [*словомъ тревожнымъ*],

Бокалъ (№ 202)

Ст. 30 [*Благодатно*] оживи,

Ст. 39 [*Откровенья*] преисподней,

Ст. 42 [*Не въ людскомъ шуму, пророкъ,*]

Ст. 44 [*Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ;*]

«Были бури, непогоды...» (№ 203)

Ст. 1—12 Все стихотворение отмечено к исключению

«Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...» (№ 207)

Ст. 1—8 Все стихотворение отмечено к исключению

«Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...» (№ 208)

Ст. 11 О, сынъ Фантазіи! ты [*благодатныхъ*] Фей

Рифма (№ 215)

Ст. 28—30 [*Подобно голубю ковчега,*
Одна, ему, съ роднаго брега
Живую вѣтвь приносишь ты;]

Ст. 31 Одна съ [*божественнымъ*] порывомъ

Однако, как очевидно из обращения к печатному сборнику, только незначительная часть помет Флерова отразилась в окончательном тексте. Гораздо более существенной оказалась авторская переработка отдельных стихотворений и состава сборника в целом (см. подробнее ниже), которой Боратынский был занят, очевидно, вплоть до первых чисел марта 1842 г., когда поэт вновь представил рукопись в цензуру. На этот раз он обратился к помощи своего давнего знакомого — И. М. Снегирева, стороннего цензора Московского комитета, о котором говорили, что он «несколько толковее других»[12].

---

[12] Слова из письма Гоголя Плетневу от 7 января 1842 г. (*Гоголь 1952*. Т. 12. С. 28).

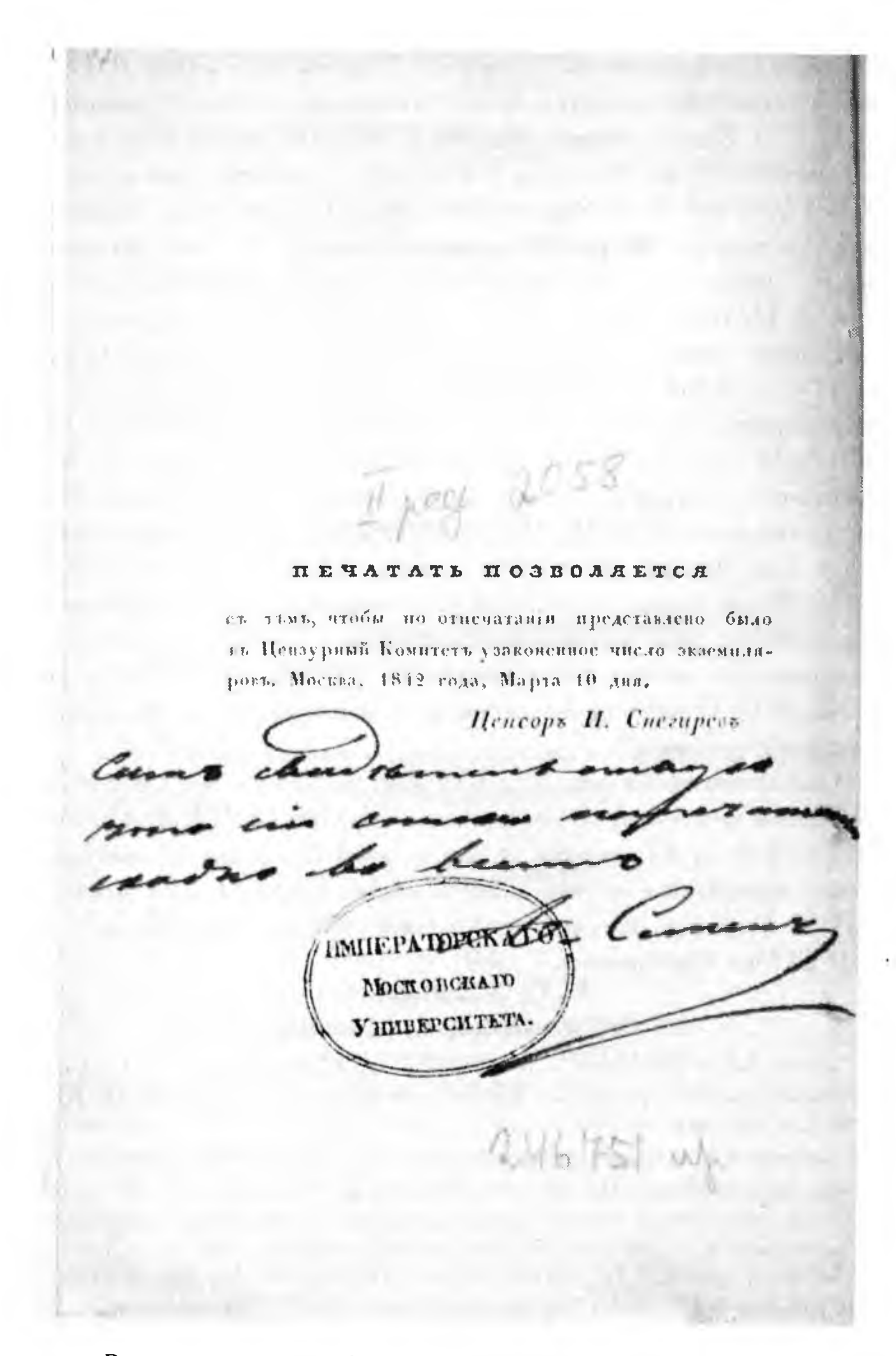
4 марта Снегирев записал в дневнике: «Утромъ были у меня Я. И. Сангленъ, Баратынскій и смотритель присут<ственныхъ> мѣстъ» (*Снегирев 1904*. Т. 1. С. 315). Едва ли можно сомневаться, что целью визита поэта к цензору были хлопоты о судьбе его книги. 6 марта 1842 г. рукопись, уже под привычным нам заглавием «Сумерки, сочиненіе Евгенія Боратынскаго», числом страниц 43, поступила в Московский цензурный комитет. Доставил рукопись сам автор — «Губернскій Секретарь Евгеній Боратынскій» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. Л. 142 об.—143). В тот же день книга представлена к рассмотрению на заседании комитета и определена в ответственность Снегиреву (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168. Л. 38 об.); 10 марта она получила цензурное разрешение, зафиксированное на обороте титула и в реестре рукописей (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. Л. 142 об.—143). Возможно, впрочем, что эта дата цензурного разрешения — более ранняя, чем реальное время одобрения рукописи. В дневнике Снегирева под 11 марта 1842 г. находится следующая запись: «Вечеромъ былъ у меня Баратынскій на счетъ стиховъ своихъ» (*Снегирев 1904*. Т. 1. С. 315). Можно думать, что во время этого визита цензорские претензии, если они и возникли, были окончательно согласованы с автором, который 12 марта забрал рукопись для передачи в типографию (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. Л. 142—143); 13 марта на очередном заседании комитета Снегирев доложил об одобрении рукописи[13].

15 мая отпечатанная книга получила билет на выход в свет[14], и уже 20 мая «Московские ведомости» объявляли о том, что «ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ А. СЕМЕНА *на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Суровщикова* поступило въ продажу отпечатанное на сихъ дняхъ *сочиненіе Евгенія Боратынскаго* СУМЕРКИ — цѣна въ бумажкѣ 5 руб. ассигн.» (Московские ведомости. 1842. № 40. 20 Мая. Прибавления. С. 589).

---

[13] «Одобрены къ напечатанію съ 6 по 13 число сего Марта мѣсяца: <...> Г. Ценсоромъ Снегиревымъ рукопись: Сумерки, соч. Евгенія Боратынскаго <...>» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168. Л. 41 об.—42).

[14] Сведения о дате выдачи цензорского билета — по отчетам Московского цензурного комитета, представленным в Главное управление цензуры (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1508. Л. 228); см. также отметку о выдаче билета «Сумеркам» в журнале заседаний Московского цензурного комитета: «Присутствію Комитета докладываемо было о томъ, что съ 8 по 15 число сего Мая мѣсяца выданы Г. Г. Ценсорами билеты на выпускъ въ свѣтъ отпечатанныхъ книгъ и нотъ; а именно: Г. Ценсоромъ Снегиревымъ на книги: <...> 5. Сумерки, сочиненіе Евгенія Баратынскаго» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 168. Л. 70—71 об.). Сохранился один из обязательных экземпляров «Сумерек» (ОРКиР НБ МГУ; шифр: 1 Rg 119; инв. № 246751), отсылавшихся в Цензурный комитет, с верительной записью издателя: «Симъ свидѣтельствую что сіи стихи напечатаны сходно во всемъ. А. Семенъ».

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1842 года, Марта 10 дня.

Цензоръ И. Снегиревъ

Верительная надпись А. Семена на контрольном экземпляре «Сумерек»
ОРКиР НБ МГУ; шифр: 1 Rg 119

Все приведенные выше документы не оставляют сомнений в том, что к окончательному цензурному одобрению «Сумерек» сохранившаяся в семейном архиве тетрадь отношения не имеет. И сборник, в том виде, в котором он пришел к читателю, и самое его название — «Сумерки» — фактически стали следствием цензурной неудачи первого варианта книги — «Сна зимней ночи».

Переработка сборника: цензура, автоцензура, редактура, перекомпоновка текстов

Масштабы переработки книги в январе — марте 1842 г. позволяет оценить сопоставление цензурной тетради с печатным сборником. Неудача в цензуре послужила импульсом для нового пересмотра многих текстов сборника, для продолжения авторской редактуры, что, вообще, отличало творческую работу Боратынского, исключительно взыскательно относившегося к собственным сочинениям.

Переработка сборника, вероятно, была начата в цензурной тетради, о чем свидетельствуют отдельные поправки в рукописи, сделанные почерком Боратынского, — прежде всего исправление заглавия: на титульном листе автор зачеркнул первоначальный его вариант: «Сонъ зимней ночи» — и вписал сверху новое: «Сумерки». Теми же чернилами внесены мелкие исправления в стихотворения «Здраствуй отрокъ сладкогласной...» (№ 209) и «Осень» (№ 213), а также изменена последняя строка «Недоноска» (№ 197.3): вместо эпитета «бессмысленная», зачеркнутого Флеровым, Боратынский вписал сверху над строкой: «Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!» (Л. 13 об.). Более светлыми чернилами поэт сделал также две поправки в стихотворении «Были бури, непогоды...» (№ 203). Все эти изменения затем вошли в печатный текст «Сумерек».

Следует отметить, что в цензурной тетради имеется также правка Боратынского, которая не была перенесена в итоговый текст. Теми же светлыми чернилами, какими сделаны поправки в стихотворении «Были бури, непогоды...», поэт пробовал изменить чтение ст. 3—4 в тексте «Недоноска» (№ 197.3): «Подымусь до облаковъ, / И тотчасъ <?> паду слабѣя» — «Подымусь до облаковъ, / И паду крыломъ слабѣя»[15], однако в печатном сборнике он предпочел вернуться к первоначальному варианту цензурной тетради: «И едва до облаковъ / Возлетѣвъ, паду слабѣя» (№ 197.1)[16].

---

[15] Характерно, что в первой публикации эти стихи читались иначе: «Долетѣвъ до облаковъ, / Опускаюсь я слабѣя» (№ 197.2), что говорит о настойчивой работе над этим текстовым фрагментом.

[16] Нельзя исключать, что поправки *светлыми чернилами* Боратынский внес еще перед первой подачей сборника в цензуру.

Дальнейшая работа, которая, судя по отсутствию других авторских поправок в цензурной тетради, продолжилась в другой рукописи, была весьма значительной и затронула самые разные уровни построения сборника, начиная от правки отдельных строк и словоформ и заканчивая изменениями в раскладке текстов.

Боратынский полностью переписал первый катрен стихотворения, в рукописи озаглавленного «А. С. П......ну», а в «Сумерках» напечатанного уже под заглавием «Новинское» — с посвящением А. С. Пушкину (№№ 193.1; 193.3). Только в «Сумерках» появились заглавия стихотворений «Ропотъ» (№ 199) и «Мудрецу» (№ 200), а наличествовавший в цензурной тетради эпиграф к стихотворению «Что за звуки? мимоходомъ...» (№ 210), наоборот, был в печатном сборнике снят. Поправки были внесены в послание «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» (№ 191), в стихотворения «Послѣднiй Поэтъ» (№ 191), «Увы! Творецъ непервыхъ силъ...» (№ 196), «Недоносокъ» (№ 197), «Ропотъ» (№ 199), «На что вы дни!» (№ 204), «Толпѣ тревожный день привѣтенъ...» (№ 208), «Здраствуй отрокъ сладкогласной!..» (№ 209), «Скульпторъ» (№ 211), «Осень» (№ 213), «Благословенъ святое возвѣстившiй!..» (№ 214) — не считая устранения описок цензурной рукописи.

К числу существенных перемен, произошедших на пути от «Сна зимней ночи» к «Сумеркам», относятся и изменения в составе и порядке следования текстов.

Так, в итоговый сборник не вошло стихотворение «Мою звѣзду я знаю, знаю...» (№ 217), записанное в цензурной тетради без каких-либо исправлений и помет (Л. 9), между стихотворениями «А. С. П......ну» (в «Сумерках» — «Новинское. А. С. Пушкину») и «Примѣты». Свидетельств о том, почему в окончательный состав «Сумерек» стихотворение включено не было, в нашем распоряжении нет, но едва ли причиной тому послужили требования второго цензора сборника — И. М. Снегирева[17]. Таким образом, речь должна идти, по-видимому, о творческом решении Боратынского, обусловленном продолжившейся работой над составом и композицией книги.

---

[17] См. сходное суждение в комментарии Л. Г. Фризмана: «Причины по которым стих. не было помещено в С<умерки>, неизвестны, но т. к. возражений цензора оно не вызвало, то, очевидно, оно было исключено из книги самим автором» (Изд. 1982. С. 665; Изд. 2000. С. 498; ср. также Изд. 1989. С. 422).

История текста «Мою звѣзду я знаю, знаю...» (№ 217) и его исключение из сборника

Стихотворение, на мотивном уровне обнаруживающее связь со многими текстами готовившегося сборника (в том числе «Новинским» и «Приметами»), можно счесть анакреонтической вариацией трагически-медитативного «Бокала», тематическая связь с которым подчеркивается словесными и рифменными перекличками[18]. Однако шутливая инструментовка любовной темы разительно отличает стихотворение не только от «Бокала», с его трагическими интонациями, но и, пожалуй, от всех стихотворений сборника, в котором любовные мотивы имеют второстепенное значение. Так, любовный жар художника в «Скульпторе» — при всей эротической окраске — прежде всего пыл творца, умеющего «властвовать собой», а в «Новинском» прямо говорится о победе вдохновения над любовным чувством: «Нѣтъ: это былъ сей легкой сонъ, / Сей тонкой сонъ воображенья, / Что посылаетъ Аполлонъ / Не для любви, для вдохновенья» (№ 193.3). Соседство на страницах цензурной тетради этих текстов — «Когда, поэта, красота...» и «Мою звѣзду я знаю, знаю...» — создавало, таким образом, эффект семантического контраста, который Боратынский избрал как важнейший композиционный прием для своего предыдущего сборника — «Стихотворений» 1835 г.[19], но не для «Сумерек», где он, судя по итоговому раскладу книги, предпочел единство поэтического высказывания разнородности инструментовок сходных тем. Подобные мотивно-композиционные соображения могли обусловить окончательное решение Боратынского не помещать «Мою звезду я знаю, знаю...» в «Сумерках».

Другую причину исключения стихотворения можно предполагать в обстоятельствах бытования текста после его первой публикации — в альманахе «Утренняя заря на 1840 год». По позднейшему замечанию критика журнала «Пантеон», стихи «Мою звѣзду я знаю, знаю / И мой бокалъ / Я наливаю, наливаю / Какъ наливалъ» «*нѣкогда пѣлись всѣми*» (Пантеон. 1854. Т. 17. Кн. 10. Отд. IV. Петербургский вестник. С. 7 [6-й пагинации]). Это сообщение

---

[18] Отмечено Н. Н. Мазур. Ср. «И *мой бокалъ*» — «Зашипѣлъ ты *мой бокалъ*», «Уста *мои* : Ни звѣздъ *Аи*» — «...о другъ *Аи*! : ...сны *мои*». О рифмопаре «Аи : мои» см. подробнее: *Бодрова 2010*. С. 100—101.

[19] См. исследовательские описания композиционных принципов Изд. 1835: «Стихотворения шли <...> как части, главки лирической автобиографии поэта. Рядом стоящие стихотворения часто контрастировали по теме и настроению» (Изд. 1936. Т. I. С. 353); «...в первой части нового издания, содержавшей лирические произведения, был избран иной принцип <...>. Это принцип относительности истин в зависимости от душевного состояния автора: чередование стихотворений, выражающих разные душевные состояния и различно (часто диаметрально противоположно) интерпретирующих одно и то же» (*Песков 2002*. Т. 1. С. 58).

о распространении текста в песенном или куплетном качестве подтверждается и его записью в альбоме под названием «Российский скорописный песенник или разные стихотворения и романсы, писанные Михаилом Зуевым» (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 65. Л. 7). Таким образом, можно предполагать, что Боратынский, перекомпоновывая сборник после первой цензурной неудачи, предпочел снять это «легкое» и песенно-популярное стихотворение как не соответствующее общей тональности книги.

В соответствии с этим авторским решением — не печатать «Мою звѣзду я знаю, знаю...» среди текстов «Сумерек» — помещаем стихотворение в разделе поздних текстов, не вошедших в сборник.

Однако к изъятию стихотворения «Мою звѣзду я знаю, знаю...» перестройка структуры сборника, очевидно, не сводилась.

Неоднократно отмечались отличия в расположении текстов, завершавших книгу стихов. Последнее стихотворение «Сумерек» — программная «Рифма», в то время как на последнем листе цензурной тетради, уже после «Рифмы», через пробельную страницу, записаны стихотворения «Благословенъ святое возвѣстившій...» и «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...».

Наличие пробельной страницы перед этими двумя текстами (все предшествующие стихотворения записаны без пропуска листов) заставляет предполагать иное время их записи по отношению к основному корпусу сборника. По мнению составителей Справочного тома, эти тексты, «возможно, <...> были переписаны после составления всей рукописи (но *до сдачи ее в цензуру*)» (*Справочный том*. С. 281, курсив мой. — *А. Б*). С этим предположением трудно согласиться, если вспомнить о придирчивости цензора Флерова к таким словам, как «святой» и «благодатный»[20]. Вряд ли можно думать, что уже первая строка «*Благословенъ святое* возвѣстившій...» не вызвала бы его претензий — но никаких цензорских помет в этом стихотворении нет. Помимо того, вопросы цензора могла вызвать и сама пробельная страница перед двумя последними текстами.

Другое место в цензурной тетради, ставящее перед исследователями целый ряд вопросов относительно хронологии заполнения рукописи, — это запись четырех финальных строк стихотворения «Ахиллъ» на л. 20 (см. примеч. к № 205), перед которым из тетради вырезано два листа (обозначим их условно л. 19а и л. 19б). Очевидно, что только последние строки «Ахилла» не могли быть впи-

[20] От придирчивости Флерова пострадал не только поэтический сборник Боратынского — ср. сходные эпизоды из цензурной истории «Москвитянина» (*Бодрова 2010а*. С. 351—352, 354—358).

саны в подготавливаемую для цензурного просмотра тетрадь. Несомненно, на предыдущем, теперь вырезанном, листе (л. 19б об.) — располагались первые 11 строк стихотворения, о чем свидетельствует чернильный отпечаток наверху л. 20 — след указания на место первой публикации стихотворения, аналогичного тем, которые сопровождают записи ряда других текстов (см. ниже).

На л. 19 об., расположенном перед вырезанными листами, также просматриваются следы чернил, которые, судя по их положению на странице, могли отпечататься только с последующего вырезанного листа. Исходя из этого, можно предполагать, что хотя бы один из вырезанных листов изначально был заполнен с двух сторон, но скорее всего тексты были записаны на обоих вырезанных листах (Л. 19а, 19б), ведь пробельных страниц в рукописи не делалось. Мы можем уверенно утверждать, что на одной из вырезанных страниц (19б об.) располагалась запись начала «Ахилла», а вот какие тексты (три, два или один) могли быть вписаны на других изъятых страницах (19а, 19а об., 19б) — определить едва ли возможно.

Два утраченных листа между л. 19 об. и л. 20 — не единственные вырезанные из тетради. Судя по корешкам, из цензурной рукописи всего было вырезано 6 листов: два между л. 19 и л. 20, один между л. 20 и л. 21, два между л. 23 и л. 24 и один между л. 34 и л. 35. Часть листов была изъята до окончательного заполнения тетради. Два листа, находившиеся между л. 23 и 24, были, очевидно, устранены до того, как там окончательно был записан текст «Что за звуки? мимоходомъ...»: запись на л. 24 прямо продолжает текст стихотворения, находящийся на предыдущем листе (Л. 23 об.). Точно так же дело обстоит с утраченным листом, помещавшимся между л. 34 об. и л. 35, где вписан, без каких-либо разрывов, текст «Рифмы». Сложнее определить судьбу вырезанного листа между л. 20 об. и л. 21 — нельзя исключать, что и на нем могли располагаться записи стихотворений (одного или двух), которые затем были изъяты из цензурной тетради. Но не менее вероятно, что этот лист был вырезан из-за помарки или ошибки, до появления на л. 21 записи «Еще какъ Патріархъ не древенъ я...». По крайней мере, судя по отпечатку чернил вверху л. 20 об., который, несомненно, представляет собой след пометы Боратынского над «Еще какъ Патріархъ не древенъ я...» на л. 21, вырезанный лист уже отсутствовал в тетради в момент появления этой записи.

Но когда и с какой целью могли быть сделаны пояснительные пометы Боратынского о месте первых публикаций? Считается, что указания поэта, помещенные при стихотворениях «Бокалъ» (Л. 17 об.), «Были бури, непогоды...» (Л. 18), «Еще, какъ Патріархъ не древенъ я...» (Л. 21), «Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна...» (Л. 21 об.), «Рифма» (Л. 34), были сделаны в ответ на замечания цензора (см., например, *Справочный том*. С. 281),

в защиту чтений, уже пропущенных прежде цензурой. Если согласиться с этой мотивировкой, то остается неясным, почему Боратынский не поместил этих указаний при других текстах, которые также публиковались не впервые и тоже вызвали претензии Флерова («Послѣднiй Поэтъ», «Недоносокъ», «Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ...»). Логично предполагать, что, полемизируя с замечаниями цензора, автор должен был привести все аргументы в свою пользу, а не ссылаться только на часть публикаций. Исходя из этого, можно думать, что уточняющие пометы были сделаны *перед* отправкой рукописи в цензуру, чтобы упредить возможные претензии к отдельным, наиболее уязвимым из опубликованных прежде текстов.

Косвенный аргумент в пользу этой гипотезы можно видеть в характере отметок рядом с уцелевшими строками «Ахилла» на л. 20. Отпечаток чернил вверху страницы свидетельствует в пользу существования записи о первой публикации стихотворения на предшествующем, вырезанном листе. В то же время сохранившиеся строки «Ахилла» отчеркнуты только двумя карандашными чертами и отмечены знаком вопроса, а не помечены красно-коричневыми чернилами цензора, замечания которого, по всей вероятности, должен был вызывать хотя бы заключительный стих «На *живую вѣру* сталъ». Конечно, нельзя исключать, что эти карандашные отчеркивания — позднейшего происхождения, однако следует отметить, что все прочие карандашные пометки (не считая архивной нумерации листов) в цензурной тетради явно принадлежат цензору, сначала отмечавшему грифелем сомнительные места. Более того, отчеркивая целиком стихотворение «Были бури, непогоды...», Флеров поставил на полях такие же карандашные знаки вопроса (Л. 18, 18 об.), как и рядом с четырьмя последними строками «Ахилла», а затем обвел их чернилами.

Но почему же тогда сомнительные строки «Ахилла» в свою очередь (как следовало бы ожидать) не были отмечены чернилами цензора поверх карандаша? Единственное, что можно предположить в данном случае, — что предыдущий лист с началом стихотворения был вырезан самим автором до подачи рукописи в цензуру, и знак вопроса на полях выражает не цензурную претензию к тексту, а недоумение Флерова, увидевшего отрывочную запись, конец без начала. Если это предположение верно, то тогда отпечаток чернил на л. 20 и наличие пояснительной записи на вырезанном листе с началом «Ахилла» — еще одно подтверждение тому, что записи о первых публикациях делались *не после возвращения рукописи от Флерова, а перед посылкой тетради* в цензурный комитет. Однако других, более надежных подтверждений предложенной реконструкции в нашем распоряжении нет, и утверждать, что дело обстояло именно таким образом, было бы неосторожно.

Между тем наличие трех вырезанных листов позволяет предполагать, что в своем первоначальном составе цензурная тетрадь насчитывала еще несколько текстов: минимум один (тот, что был записан на обороте листа с первыми строками «Ахилла») и максимум пять (если все три вырезанных листа были заполнены короткими текстами). Высказывать предположения о количестве и составе этих текстов нам дают основания только записи стихотворений, которые были внесены в цензурную тетрадь после того, как сложился ее первоначальный корпус. Это, с одной стороны, записи «Благословенъ святое возвѣстившій...» и «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...», сделанные на последнем листе цензурной тетради, судя по почерку, ненамного позже основного массива записей, а с другой стороны — значительно более поздние записи Н. Л. Боратынской, чьей рукой внесен полный текст «Ахилла» (на л. 10 об.) и две редакции стихотворения, традиционно публикуемого под заглавием <Коттерии> («Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...» и «Братайтеся, къ заботливой защитѣ...» — № 221.1 и 221.2). Кажется, есть основания предполагать, что все эти записи были сделаны с целью сохранить в тетради тексты, которые предназначались для сборника, но которые — по причинам творческого или цензурного характера — не вошли ни в «Сумерки» (как <Коттерии>), ни в основной массив записей цензурной тетради.

Об изначальном местоположении, порядке следования, а также причине изъятия названных текстов нельзя сказать ничего определенного. Вероятно, эти три текста примыкали к записи «Ахилла» и располагались на вырезанных лл. 19а, 19а об., 19б. Причиной их изъятия могла быть автоцензура еще на этапе подготовки рукописи для первого представления в Московский цензурный комитет (см. выше о вероятном времени изъятия листа с началом «Ахилла»): опасения Боратынского могла вызвать судьба «Ахилла» (ср. помету о месте первой публикации стихотворения в оглавлении «Сумерек») и, с еще большей вероятностью, <Коттерии>. Если они были записаны на разных листах, то их устранение неизбежно влекло за собой изъятие текстов, которые располагались на смежных страницах.

С другой стороны, нельзя исключать, что помимо цензурных мотивов, Боратынский руководствовался композиционными соображениями — не случайно в «Сумерках» «Благословенъ святое возвѣстившій...» и «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...» изменили свое положение в структуре сборника. В таком случае устранение листов в середине тетради могло быть произведено как до сдачи рукописи в первую цензуру, так и после возвращения тетради от цензора Флерова.

«Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...»: история записи двух редакций

Отдельного пояснения заслуживает история появления сохранившихся записей двух вариантов эпиграммы «Братайтеся, къ заботливой защитѣ...» (№ 221.2) / «Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...» (№ 221.1) на л. 19 об. цензурной тетради. Само наличие двух редакций, следы правки в одной из них, а также почерк Н. Л. Боратынской, отличающий эти тексты от основного корпуса цензурной тетради, свидетельствует о позднейшем, «послецензурном» их происхождении. На это впервые обратила внимание Е. Н. Купреянова, предположившая, что «записи <...> восстанавливают текст эпиграммы, первоначально находившейся на одном из утраченных ныне листов или же добавленной к сборнику во второй <...> копии и вымаранной там цензурой» (Изд. 1936. Т. I. С. 355). По мнению Купреяновой, эпиграмма могла либо изначально входить в первый вариант сборника, цензуровавшийся Флеровым, либо предназначаться уже для «Сумерек», но как в том, так и в другом случае причиной изъятия стихотворения, согласно ее интерпретации, должно было быть непосредственное цензурное вмешательство.

Наличие записей эпиграммы в цензурной тетради — безусловный аргумент в пользу предположения, что Боратынский собирался включить стихотворение в сборник. В цензурной рукописи содержатся только записи текстов, предназначенных для поэтической книги, и очень затруднительно предполагать, что «<Коттерии>» была единственным исключением. Как показывает реконструкция записей на вырезанных листах, очень вероятно, что эпиграмма входила в первоначальный состав сборника — «Сон зимней ночи», о возможном намерении Боратынского включить текст в «Сумерки» говорить затруднительно, однако вовсе исключать такую возможность тоже нельзя.

Однако почти наверняка можно утверждать, что в первоначальном варианте сборника должна была быть помещена ранняя редакция эпиграммы — «Братайтеся, къ заботливой защитѣ...» (№ 221.2), которую Н. Л. Боратынская записала первой на свободном пространстве л. 19 об., сразу вслед за окончанием стихотворения «На что вы, дни!..». Установить точное время ее появления не представляется возможным: может быть, жена поэта вписала текст сразу же после возвращения рукописи от цензора Флерова, но не менее вероятно и более позднее происхождение этой записи. Несомненно лишь то, что вторая редакция («Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...» — № 221.1) была вписана в цензурную тетрадь значительно позднее того времени, когда в рукописи появилась первая запись. Если бы на момент записи уже существовала поздняя редакция (которая, что немаловажно, воспроизведена многочисленными копиями из семейного архива), то не имело бы никакого смысла вписывать сначала более ранний текст, чтобы затем сразу же вносить в него правку.

О временной дистанции между записями двух редакций говорят и их палеографические особенности: исправления в первой редакции и запись второй сделаны другими чернилами, существенно отличается и почерк Н. Л. Боратынской в записях двух текстов, что было бы невозможно при единовременном их появлении.

Абсолютную хронологию записей в цензурной тетради позволяет уточнить новонайденная копия эпиграммы, рукой С. А. Соболевского, где текст записан в несколько иной редакции («Братайтеся! вы бдительной защитѣ...») — под заглавием «Котерія» (№ 221.3). Ее запись на одном листе со стихотворением «Когда твой голосъ, о Поэтъ...» (№ 226), а также редакторские пометы Плетнева на обоих текстах (см. примеч. к № 221.3 и № 226) свидетельствуют о том, что оба текста были пересланы Соболевскому для передачи в «Современник» в конце 1843 г. Обращение к его посредничеству было, по всей видимости, вызвано тем обстоятельством, что переписку с ним осенью 1843 г. Боратынский вел более интенсивно, чем с Плетневым: советы и рекомендательные письма Соболевского могли сослужить поэту полезную службу ввиду его близившегося приезда в Париж, где у Соболевского было множество светских и литературных знакомых.

На основании даты свидетельства из типографии и цензурного билета 12-му номеру «Современника» (30 ноября и 1 декабря), где было напечатано «Когда твой голосъ, о Поэтъ...», можно примерно датировать создание этой редакции эпиграммы. Осенью 1843 г. Боратынский путешествовал по Германии и Франции, откуда письма в Петербург шли примерно три недели — соответственно, чтобы успеть попасть в 12-ю книжку «Современника», стихотворения должны были быть посланы *не позднее начала ноября 1843 г.*

При этом копия Соболевского, как показывает сопоставление с обеими записями в цензурной тетради, обнаруживает существенную близость к ранней редакции эпиграммы — «Братайтеся, къ заботливой защитѣ...». В копии Соболевского мы находим ту же опоясывающую рифмовку катренов (в отличие от перекрестной в поздней редакции) и, соответственно, сходные синтаксические конструкции, тот же образ в зачине («бдительной защитѣ / Ничтожностей своихъ»). С поздней редакцией, однако, копию Соболевского сближает евангельская формула финального пуанта: вместо «Воистину вѣщалъ онъ вамъ...» ранней редакции — «Аминь, аминь, вѣщалъ онъ вамъ...». На этом основании можно предполагать, что копия Соболевского отразила промежуточную редакцию эпиграммы, первый шаг от раннего текста, изначально вписанного в цензурную тетрадь, к позднейшему его варианту.

Показательно также, что близость к ранней редакции «<Коттерии>» и еще большую к копии Соболевского обнаруживает и французский автоперевод эпиграммы (см. примеч. к № 221.3), сделанный в Париже зимой 1843—1844 гг., то есть несколько позже, чем копия Соболевского. Во французском переводе, как и в копии Соболевского, и в ранней редакции цензурной тетради, обращение к

«глупым и коварным писакам» (ср. «бездарные писцы хлопотуны») предваряет императивный призыв «mais ne conviez pas le vrai talent à boire à votre coupe». В позднейшей редакции императив «Но въ свой притонъ таланта не зовите» был заменен на утверждение в изъявительном наклонении («Но даръ прямой не братъ у васъ въ притонѣ»), а обращение к литературным недругам перемещено в заключительную часть фразы. О наибольшей близости автоперевода именно к варианту копии Соболевского свидетельствует формулировка финального пуанта: «*Amen*, *Amen*, vous dira-t-il...» — «*Аминь, аминь*, вѣщалъ онъ вамъ...», представляющая наиболее значительное расхождение с ранней редакцией цензурной тетради («*Воистинну* вѣщалъ онъ вамъ...»)[21].

Таким образом, можно предполагать, что к концу 1843 — началу 1844 г., времени, когда была создана копия Соболевского и сделаны французские автопереводы, поздней редакции эпиграммы еще не существовало. Актуальным текстом для поэта была первая, ранняя редакция, над которой он продолжал работу, что отразилось в копии Соболевского. Все это заставляет думать, что время записи ранней редакции в цензурной рукописи должно быть, видимо, ограничено отъездом Боратынских в путешествие[22] — то есть ее появление следует датировать второй половиной января 1842 — началом сентября 1843 г.

Поздняя редакция, в свою очередь, должна быть датирована самыми последними месяцами жизни Боратынского, раз еще в Париже поэт воспроизводит в переводе раннюю редакцию эпиграммы[23]. Едва ли Н. Л. Боратынская могла вписать новую редакцию в цензурную тетрадь при жизни поэта — трудно предполагать, что эта рукопись была взята в заграничное путешествие. Таким образом, необходимо согласиться с предположением Е. Н. Купреяновой о посмертной записи этого варианта текста. Косвенным подтверждением этой гипотезы могут служить и другие копии эпиграммы (см. примеч. к № 221.1), сохранившиеся в

---

[21] Другое смысловое отличие между ранним вариантом цензурной тетради и копией Соболевского — эпитет в зачине («***бдительной*** защитѣ» / «***заботливой*** защитѣ») — при сопоставлении с французским автопереводом не столь показательно. Хотя основное значение глагола «veiller» ('бодрствовать', 'бдеть') ближе к эпитету в копии Соболевского («бдительный»), но определение ранней редакции цензурной тетради — «***заботливой*** защитѣ» — корреспондирует с переносным значением «veiller» ('следить', 'заботиться').

[22] Боратынский с семейством выехал в Петербург в начале сентября (около 3-го) 1843 г., откуда, пробыв в столице примерно десять дней, в конце 10-х чисел сентября отправился за границу с женой, старшей дочерью Александрой и сыновьями Львом и Николаем (*Летопись*. С. 398—399).

[23] Интересно заметить, что уже французском автопереводе появляется мотив «взаимной обороны посредственностей» («la défence de vos médiocrités respectives»), возникающий затем и в поздней редакции («Братайтеся, къ взаимной оборонѣ / Ничтожностей...»), что может быть признано дополнительным аргументом в пользу предложенной хронологии.

семейном архиве, которые следует датировать временем после смерти Боратынского, — все они дают текст второй редакции, которую, очевидно, в семье считали окончательной[24].

Проблема выбора «основного текста»

а) «Сумерки» vs цензурная тетрадь

Обратимся теперь к принципиальной текстологической проблеме, не раз обсуждавшейся в связи с «Сумерками», — проблеме выбора основного текста. В эдиционной традиции, основанной на принципе отражения «последней авторской воли», источником основного текста для большинства стихотворений сборника, разумеется, выступала печатная книга, однако в ряде случаев чтение «Сумерек» отвергалось в пользу вариантов цензурной тетради.

По мнению редакторов предшествовавших изданий Боратынского, запретительные пометы Флерова в цензурной рукописи представляли собой достаточное основание, чтобы предполагать сугубо вынужденный характер правки в тех текстах, которые вызвали замечания первого цензора сборника, — стихотворениях «Недоносокъ» (№ 197), «Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ...» (№ 200) и «Были бури, непогоды...» (№ 203):

> ст. 56 <стихотворения «Недоносок»> напечатана с цензурным искажением <...>; изменение <в заключительных строках стихотворения «Мудрецу»> вызвано пометкой цензора в копии «Сумерек»
>
> (Изд. 1936. Т. II. С. 270—271; ср. также Изд. 1957. С. 368—370, Изд. 1982. С. 644—646);

---

[24] Необычное, на первый взгляд, вмешательство Н. Л. Боратынской в рукописи покойного поэта согласуется с мемориальной деятельностью вдовы, развернувшейся по ее возвращении в Петербург. Как будет показано далее, именно после смерти Боратынского стараниями Настасьи Львовны формируется основной корпус копий его поздних стихотворений, которые она вписывает в свои альбомы, основываясь на рукописях, разысканных в Москве и Муранове. При этом можно думать, что запись второй, поздней редакции «<Коттерии>» не была единственным следом посмертного обращения Н. Л. Боратынской к цензурной рукописи. Эта запись эпиграммы, внизу л. 19 об. цензурной рукописи, по цвету чернил и почерку, очень похожа на ряд других записей Настасьи Львовны в рассматриваемой тетради — запись полного текста «Ахилла» в окончательной редакции (Л. 10 об.) и исправление в финале «Скульптора» (Л. 25 об.)

по требованию цензуры изменена заключительная строка <«Недоноска»> — см. в цензурном экземпляре <...>; цензором отчеркнуто «словом тревожным», отчего Боратынский сделал исправление, вошедшее в печатный текст.

(*Справочный том*. С. 289, 293)

История работы Боратынского над сборником заставляет признать эти выводы необоснованными: по цензурной тетради, отражающей лишь ранний этап подготовки книги, невозможно судить о повторной цензуре сборника. Как было показано, отметки первого цензора в большинстве своем никак не повлияли на позднейшие чтения «Сумерек»: «Послѣднiй Поэтъ», «Бокалъ», «Еще какъ Патрiархъ не древенъ я...», «Толпѣ тревожный день привѣтенъ...», «Рифма» были напечатаны безо всяких изменений, несмотря на претензии Флерова, а исправления, внесенные в названные тексты, не сводились к прямому исполнению требований цензора. Отметки Флерова никак не могут выступать свидетельством о претензиях Снегирева, которые только и могли повлиять на тексты, вошедшие в окончательный вариант сборника.

На нынешнем этапе источниковедческих разысканий мы не располагаем надежными свидетельствами, позволяющими четко выделить подлежащие устранению в критическом тексте собственно цензурные поправки в текстах «Сумерек», если таковые были. Анализ разночтений между цензурной тетрадью и итоговым вариантом сборника убеждает в том, что после возвращения рукописи из первой цензуры Боратынский предпринял серьезную переработку и перекомпоновку книги, вызванную как внешними причинами (неудача в цензуре), так и авторской требовательностью самого поэта. В его правке, очевидно, сказалось как стремление к собственно редактуре, так и необходимость учитывать цензурное давление, что могло сказаться, в частности, в автоцензурных исправлениях. Принципиальнее, однако, тот факт, что на сегодняшний день мы не имеем свидетельств, позволяющих разграничить редакторские поправки Боратынского, вероятное цензурное вмешательство и автоцензурную правку.

Таким образом, необходимо признать, что на статус «исторически подлинного» текста «Сумерек» имеет основание претендовать только печатный вариант сборника, который единственно может быть квалифицирован как выражение последней авторской воли применительно к текстам, в него вошедшим. Цензурная тетрадь из семейного архива отражает более ранний этап истории книги, и внесение исправлений в окончательный текст сборника с опорой на чтения рукописи чревато неоправданной контаминацией разновременных редакций[25].

---

[25] Ср. принципиальное замечание Б. В. Томашевского об опасности и недопустимости контаминации разновременных редакций: «...единство редакции не должно упускаться из виду ре-

б) Поздние редакции и проблема «последней авторской воли»

Текст «Сумерек» представляется более авторитетным и в тех случаях, когда известны иные источники, фиксирующие авторскую переработку отдельных стихотворений. Первым в ряду таких источников должен быть упомянут так называемый «мурановский» экземпляр «Сумерек», где рукой Боратынского внесен ряд исправлений в тексты «Последнего Поэта» и «Недоноска» (по указанию Верховского, этот экземпляр принадлежал Н. В. Путяте [*Верховский 1935*. С. 107], хранился в Муранове, был в распоряжении сыновей Боратынского, когда они готовили Изд. 1869 и Изд. 1884, затем перешел к Н. И. Тютчеву [см.: Изд. 1936. Т. II. С. 267], впоследствии — к К. В. Пигареву [см.: Изд. 1951. С. 580; Изд. 1957. С. 366; Изд. 1982. С. 641], а сейчас находится во владении его наследников и для верификации недоступен).

На первый взгляд, эта правка должна быть квалифицирована как выражение «последней авторской воли» — поправки относятся к более позднему времени, чем текст печатных «Сумерек», и, очевидно, внесены автором по творческим соображениям. Между тем обстоятельства появления этих поправок, их прагматика, а также соотношение с другими источниками позднейших редакций до сих пор оставались непроясненными.

Существуют три равновероятных возможности того, когда поправки могли быть внесены в «мурановский экземпляр». Если предполагать, что книга была подарена автором Н. В. Путяте лично, то их нужно датировать временем между выходом «Сумерек» (май 1842 г.) и отъездом Боратынских за границу в сентябре 1843 г.[26] Также поправки могли быть сделаны в экземпляре, остававшемся в Муранове, который попал к Путятам, когда владелицей усадьбы стала С. Л. Путята[27], и в этом случае датировать пометы надо тем же периодом:

дактором. Всегда есть опасность вместо единой редакции дать совмещение разных редакций, компиляцию» (*Томашевский 1928*. С. 170).

[26] В архиве Путяты сохранились погодные списки книг, пополнявших его библиотеку: в числе книг 1843 г., наряду с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя, фигурируют и «Сумерки» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 42. Л. 4 об.). По-видимому, Боратынский не успел вручить Путятам свой новый сборник до их отъезда в заграничное путешествие (середина мая 1842 г. — *Летопись*. С. 385) — этим, вероятно, объясняется получение и «Сумерек», и «Мертвых душ» только через год после их выхода. Если мурановский экземпляр и есть книга, зафиксированная Путятой в списке 1843 г., можно предполагать, что она была подарена летом или в начале осени 1843 г. — между возвращением Путят из-за границы и отъездом Боратынского в Европу.

[27] С. Л. Путята стала владелицей Муранова осенью 1850 г. (*Долгополова, Тархов 1989*. С. 606).

конец мая 1842 — конец августа 1843 г. Наконец, нельзя исключить, что этот экземпляр «Сумерек» Боратынский брал с собой в заграничное путешествие, во время которого и сделал эти поправки (тогда их следует датировать осенью 1843 — июнем 1844 гг.), и при таком стечении обстоятельств книга должна была попасть к Путяте уже через вдову поэта.

Однако вне зависимости от точной датировки помет необходимо обратить внимание на еще один источник, позволяющий судить о позднейших редакциях некоторых текстов «Сумерек», — это уже упоминавшиеся в связи с эпиграммой «Братайтеся, къ взаимной оборонѣ...» французские автопереводы, сделанные Боратынским в Париже зимой 1843—1844 гг. по просьбе графа А. де Сиркура. В числе автопереводов есть и переложение «Последнего Поэта» — «Le Dernier Poète»[28]. Текстуальное сопоставление этого перевода с редакцией «Сумерек», с одной стороны, и поправками в мурановском экземпляре — с другой, показывает, что во французском тексте была воспроизведена только часть «мурановской» правки:

14 Носит понт торговли груз (Мурановск. экз.)[29]	...le commerce y envoye ses vaisseaux [коммерция шлет туда свои корабли]
Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ (Сумерки)	
43—44 Бодрым сердцем покоримся Думам робким, а не им! (Мурановск. экз.)	Coeurs vaillants! Pourquoi souscriez-vous À des traités pusillanimes? [Смелые <букв. бодрые> сердца! Отчего вы подчиняетесь робким договорам?]
Жаркимъ сердцемъ покоримся Думамъ хладнымъ, а не имъ! (Сумерки)	

При этом другие фрагменты автоперевода оказываются более близкими к редакции «Сумерек»:

[28] Такое заглавие мы находим во всех известных комплектах копий: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 20—21; ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 48—49; № 40. Л. 35—36; № 54. Л. 5—6. Далее автоперевод «Последнего Поэта» цитируется по копии из архива Н. В. Путяты.

[29] Разночтения «мурановского экземпляра» приводятся по публикации К. В. Пигарева (см. примеч. к № 191), чем объясняется орфографический режим в цитатах.

68 Сия скала... тень Сафо!
Песни волн...
(Мурановск. экз.)

Сія скала...... тѣнь Сафо!...
голосъ волнъ
(Сумерки)

... l'ombre de Sapho, cette roche célèbre,
la voix de la vague harmonieuse....
[... тень Сафо, эта знаменитая скала,
голос гармонических вод...]

В случае с последней строфой, также отмеченной авторской правкой в мурановском экземпляре, французский перевод вообще довольно далеко отходит от подлинника[30], но семантически выражение «le bruit des vagues» («шум волн»), конечно, ближе к варианту «Сумерек» («глас морской»), чем к исправленному чтению мурановского экземпляра («вал морской»).

Текст французского перевода, с одной стороны, явно свидетельствует о продолжившейся работе автора над стихотворением, но с другой — существенно осложняет вопрос о последней авторской редакции. При немногочисленности и неоднозначности фактических свидетельств представляется затруднительным достоверно установить, какой именно текст — тот, который был положен в основу французского автоперевода, или же редакция мурановского экземпляра — отражает наиболее позднюю авторскую редакцию. Может быть, просьба Сиркура послужила импульсом для нового обращения к прежним текстам, и поправки в экземпляре «Сумерек» зафиксировали следующий, после составления автопереводов, этап существования текста — если справедливо предположение о том, что книга была взята Боратынским в путешествие. Или же книги в путешествие поэт не брал, а внес изменения в тексты сборника до отъезда за границу, но затем в части случаев предпочел вернуться к прежним вариантам. Тогда текст мурановского экземпляра нельзя счесть окончательным, отражающим последнюю авторскую волю — более того, он не отражает даже хронологически позднейшую редакцию.

Рассматривая проблему последней авторской воли применительно к Боратынскому, необходимо также учитывать специфику отношения поэта к своим текстам. Он не прекращал их править и переделывать: судя по всему, даже самые поздние из известных нам редакций Боратынский не считал окончательными и не подлежащими последующей правке. О продолжавшейся работе поэта над уже не раз опубликованными текстами свидетельствуют его пометы и поправки

30 «Et le monde, comme devant, rayonne de luxe inanimé; il dore et redore son vieux squelette, mais l'homme rêve malgré lui au bord de l'Océan, mais le bruit des vagues l'interdit, mais il quitte la Grève, l'âme mélancolique et troublée» [«И мир, как и прежде, блистает безжизненною роскошью; он снова и снова золотит свой древний остов, но человек невольно предается мечтам на берегу Океана, но шум волн мешает ему, и он покидает берег с душой печальной и встревоженной»].

на печатных изданиях — помимо правки в мурановском экземпляре, известны исправления Боратынского в печатном тексте «Бала» 1828 г., «Стихотворений» 1835 г. Яркое свидетельство той же авторской взыскательности — переработка поэмы «Цыганка», которую, судя по сохранившимся черновикам и семейным сведениям, Боратынский предпринял в 1842 г.[31]

Таким образом, применительно к текстам Боратынского говорить о *последней творческой воле автора* — в тех случаях, когда она не нашла воплощения в авторитетных прижизненных публикациях — затруднительно. С надежным основанием можно говорить лишь о хронологически более поздних редакциях, однако при множественности источников, как в случае с «Последним поэтом», достоверно установить самый поздний вариант текста не всегда возможно, поэтому наиболее корректным текстологическим решением нужно считать интерпретацию рассмотренных стилистических исправлений как *позднейших вариантов* относительно дефинитивного текста печатных «Сумерек».

Сходный случай представляет собой история финального текста сборника «Сумерки» — стихотворения «Рифма», которое уже в первом посмертном собрании (Изд. 1869) было напечатано иначе, чем в книге 1842 г. — главным образом за счет 10-строчной вставки после ст. 13 (см. № 215.2). Непосредственный рукописный источник этой публикации не известен, однако этот же 10-ти строчный фрагмент есть в одной из копий «Рифмы», записанной Н. Л. Боратынской в альбом «Souvenir», где он сопровождается пометой «* (пропущенные стихи цензурой)».

Сколько известно, текст представлялся на рассмотрение цензуры трижды: при публикации в «Современнике», при первой подаче в цензуру рукописи «Сна зимней ночи» и, наконец, при окончательном разрешении «Су-

---

[31] В архиве Боратынских сохранились черновики поэта, отразившие работу над отдельными фрагментами «Цыганки» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 50); судя по формату бумаги и другим нетворческим записям на этих листах, переработку поэмы нужно датировать тем же временем, что и черновики стихотворений «Опять весна, опять смѣется лугъ...» (№ 224) и «Люблю я васъ Богини пѣнья!..» (№ 225). Полный текст «Цыганки» в новой редакции сохранился только в копиях Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 61—76 (заглавие: «Цыганка, передѣланная въ 1842. Написано въ 1830»); № 40. Л. 47—56 (заглавие: «Цыганка передѣлана въ 1842 году въ Мурановѣ»); № 41. Л. 10—44 (заглавие: «Цыганка. Передѣланная въ 1842 году»). Основываясь на сведениях из семейного архива, о создании новой редакции поэмы в последние годы жизни отца сообщал Л. Е. Боратынский в своих биографических статьях о поэте: «Съ осени 1839 по осень 1843 года, поэтъ жилъ съ семействомъ постоянно въ деревнѣ, одинъ годъ въ Тамбовской губерніи, въ селѣ Вяжлѣ, у своей матери, а остальное время въ подмосковной, въ сельцѣ Мурановѣ. Тамъ издано имъ собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній, подъ названіемъ „*Сумерекъ*“, 1842 г., передѣлана поэма „*Цыганка*“ (которая однако не была въ то время напечатана въ исправленномъ видѣ) <...>» (*Боратынский Л. Е. 1869*. С. 71—72).

мерек». При этом в первых двух случаях текст, предполагавшийся к печати, обсуждаемого фрагмента не содержал: его нет в копии Путяты, послужившей источником журнальной публикации (см. примеч. к № 215.1), как нет его и в цензурной тетради. Следовательно, если указание Н. Л. Боратынской верно, эти строки могли быть не пропущены только И. М. Снегиревым при повторной цензуре сборника.

Исходя из всех известных фактов о цензурной судьбе «Сумерек», такое предположение кажется маловероятным, и правдоподобнее счесть указание жены поэта ошибочным, однако полностью исключать такую возможность нельзя. Как видно из сопоставления цензурной тетради с окончательным вариантом сборника, Боратынский существенно переработал отдельные тексты перед повторной подачей книги в цензуру, а о претензиях Снегирева мы не имеем никаких свидетельств, кроме особого примечания к стихотворению «Ахиллъ» в оглавлении «Сумерек», свидетельствующего о возможных сомнениях цензора относительно этого текста. Может быть, готовя сборник к вторичному представлению в цензуру, Боратынский внес этот фрагмент в текст «Рифмы», однако Снегирев не счел возможным пропустить его в печать.

Более того, теоретически нельзя исключить и другие «цензурные» версии событий: (a) Боратынский собирался печатать «Рифму» (начало работы над которой неизвестно) еще до 1841 г., но наткнулся на цензурные препоны и внес соответствующие изменения в текст, предназначенный для «Современника»; (b) Боратынский исправил текст стихотворения уже после публикации в «Современнике» (т. е. в течение 1841 г.) и, пытаясь напечатать новую редакцию в периодике, столкнулся с цензурными трудностями; (c) Н. Л. Боратынская собиралась напечатать отвергнутую по творческим причинам редакцию «Рифмы» уже после смерти поэта, но эта публикация не прошла цензуру, etc.

Как бы то ни было, в окончательный текст сборника записанный Н. Л. Боратынской фрагмент не вошел — по цензурным или творческим обстоятельствам. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что этих строк нет во французском автопереводе «Рифмы»[32], выполненном, как и переложение «Последнего Поэта», зимой 1843—1844 гг. в Париже, когда Боратынский был ни в коей мере не стеснен цензурным давлением.

Все эти обстоятельства не позволяют назвать такой расширенный вариант «Рифмы», зафиксированный в альбомной копии Н. Л. Боратынской и

[32] Текст автоперевода идентичен во всех известных копиях, где помещен под заглавием «La Rime»: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 18—18 об.; ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 46 об.; № 40. Л. 31 об.; № 54. Л. 2 об.—3.

посмертном издании 1869 г., проявлением «последней авторской воли». Более того, мы не имеем даже надежных оснований для его датировки. Таким образом, исходя из известных на сегодняшний день источников, нельзя согласиться с решениями всех наиболее авторитетных изданий Боратынского, в которых, начиная с Изд. 1914—1915, в качестве основного текста печаталась расширенная редакция «Рифмы». Ни сводный текст копии Н. Л. Боратынской в альбоме «Souvenir» (принятый в качестве источника текста в Изд. 1914—1915, Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000), ни редакция, напечатанная сыновьями поэта (Изд. 1869, Изд. 1884 и основанные на последнем издании тексты в Изд. 1936, Изд. 1951, Изд. 1957) не могут быть помещены среди текстов «Сумерек» как отражающие окончательную авторскую редакцию. Наиболее корректным текстологическим решением представляется и здесь выбор в качестве основного текста печатного текста «Сумерек» и выделение расширенного текста в особую редакцию.

Поздние и посмертные публикации Боратынского: проблема источников и выбор основного текста

«Стихотворения 1835—1844 гг., не вошедшие в книгу „Сумерки“ или написанные после ее выхода», в источниковедческом отношении представляют собой разнородный корпус, включающий в себя:

1) стихотворения, отданные в печать самим Боратынским и опубликованные при его жизни;

2) тексты, при жизни поэта не напечатанные, но сохранившиеся в черновых автографах;

3) стихотворения, известные только в посмертных копиях из семейного архива и позднейших публикациях.

Важной особенностью всего рассматриваемого корпуса является то обстоятельство, что все эти тексты сохранились в многочисленных копиях из семейного архива. Однако источниковый статус этих копий не одинаков и может быть определен только в соотнесении с другими известными источниками текста. Таким образом, проблема выбора основного текста применительно к выделенным подкорпусам поздних текстов Боратынского должна решаться по-разному.

I. Тексты, напечатанные при жизни Боратынского

Помимо текстов, вошедших в «Сумерки», в последние годы жизни Боратынский опубликовал незначительное число стихотворений: «Звѣзды» («Мою звѣзду я знаю, знаю...»; № 217) и «Обѣды» (№ 218) — в альманахе В. А. Владиславлева «Утренняя заря на 1840 год»; послание «Съ книгою: *Сумерки* С. Н. К.» (№ 222) в «Современнике» 1842 г.; «Когда твой голосъ, о Поэтъ...» (№ 226) — в последней книжке журнала Плетнева за 1843 г. и, наконец, «Пироскафъ» (№ 228) и «Дядькѣ Итальянцу» (№ 229) в августовской книжке «Современника» 1844 г. Хотя не для всех перечисленных текстов нам известны конкретные обстоятельства подготовки публикаций, нет оснований сомневаться в авторитетности печатных текстов. В переписке и цензурных материалах нет сведений о каком бы то ни было неавторском вмешательстве в опубликованные тексты, подтверждается это и копиями стихотворений, сохранившимися в семейном архиве.

Факт последующей авторской переработки точно зафиксирован лишь для стихотворения «Звѣзды» («Мою звѣзду я знаю, знаю...»; № 217), которое Боратынский, как свидетельствует запись текста в цензурной тетради, первоначально собирался напечатать в своей поэтической книге, изменив чтение двух стихов (см. выше). Эти текстовые изменения можно уверенно датировать по времени представления рукописи сборника в Московский цензурный комитет — не позднее 10 января 1842 г. Таким образом, цензурная тетрадь фиксирует наиболее позднюю авторскую редакцию стихотворения, а потому есть все основания выбрать этот позднейший по отношению к публикации вариант текста в качестве основного.

Специального комментария заслуживает проблема выбора текста для стихотворений «Пироскафъ» (№ 228) и «Дядькѣ Итальянцу» (№ 229). Авторитетность печатного текста едва ли можно подвергнуть сомнению — стихотворения были присланы Плетневу самим Боратынским, о чем свидетельствует его письмо Путятам (см. примечания к №№ 228, 229), а также письмо Плетнева Гроту от 28 июля 1844 г.: «За нѣсколько дней до смерти онъ еще послалъ ко мнѣ два свои стихотворенія, которыя я успѣлъ уже напечатать въ № 8 Современника» (*Грот, Плетнев. Переписка.* Т. 2. С. 297).

В то же время в семейном архиве сохранился ряд копий послания «Дядькѣ Итальянцу», где имеется ряд существенных разночтений относительно текста, напечатанного в «Современнике» (описание см. в примечаниях к № 229). Эти разночтения частично были воспроизведены и в первых посмертных публикациях (тургеневской подборке 1854 г. и семейных изданиях — Изд. 1869 и Изд. 1884), а затем неоднократно вводились в основной текст научных изда-

ний Боратынского. Однако статус этих текстовых вариантов, их соотношение с текстом публикации в «Современнике» специально не рассматривался.

Как будет подробно обосновано ниже, копии Н. Л. Боратынской были внесены в ее альбомы и тетради уже после смерти поэта, то есть сами записи, очевидно, более поздние, нежели публикация в «Современнике». Однако, копии вдовы Боратынского, по всей вероятности, восходили к авторским рукописям, причем существенное количество зачеркиваний, исправлений, а также разные варианты одного и того же стиха в разных копиях позволяют предполагать, что в распоряжении Настасьи Львовны были *черновые рукописи* послания, отражающие, очевидно, более ранний этап работы над текстом, нежели окончательная редакция, посланная Плетневу. Таким образом, можно думать, что копии Н. Л. Боратынской, фактически сделанные позже печатной редакции, основывались на более ранних редакциях послания и потому не могут считаться более авторитетным источником текста, чем публикация в «Современнике» (ср. сходный вывод в Изд. 1936: «считаем текст „Современника" позднейшим» — Т. II. С. 282).

Отдельно необходимо коснуться эдиционного решения М. Л. Гофмана, который в Изд. 1914—1915 опубликовал основной текст послания не по «Современнику», но и не по копиям Н. Л. Боратынской и восходящим к ним семейным изданиям. Согласно указанию Гофмана, стихотворение «Дядькѣ Итальянцу» было напечатано «по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ф. Тютчева (архивъ сельца Муранова)» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 308). Сходные ссылки на мурановские автографы были приведены Гофманом в комментариях к «Пироскафу» (С. 308), «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (С. 308), «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» (С. 307), «Въ рукахъ у этого педанта...» (С. 292), а также французским автопереводам (С. 321—322). В специальном приложении (раздел: «Рукописи Е. А. Боратынскаго») было помещено краткое описание мурановских рукописей:

> Отдѣльные листы съ автографами, сшитые въ тетрадь Н. В. Путятой. Большой листъ почтовой бумаги съ автографами двухъ стихотворенiй, не отдѣленныхъ другъ отъ друга чертой: „*Рифма*" <...> и „*Въ рукахъ у этого педанта*" <...>. Отдѣльные автографы въ тетради: „*Люблю я васъ, Богини пѣнья*" <...> и „*Когда дитя и страсти и сомнѣнья*". При послѣднемъ письмѣ къ Н. В. Путятѣ поэтъ переслалъ два листа <...>, на которыхъ записаны стихотворенiя „*Пироскафъ*" <...> и „*Дядькѣ-Итальянцу*". <...> Тетрадь съ стихотворенiями Боратынскаго, переведенными имъ на французскiй языкъ, пересланная поэтомъ Н. В. Путятѣ изъ Парижа.
>
> (Изд. 1914—1915. Т. II. С. 276)

Последующие комментаторы Боратынского не сомневались в справедливости указаний Гофмана, однако попытки разыскать эти рукописи среди материалов Мурановского архива, затем переданных в основной своей части в РГАЛИ, ни к чему не привели. Описанные Гофманом автографы считаются утраченными, но между тем есть все основания думать, что сам факт существования «автографов» сомнителен, а использованные Гофманом материалы и сейчас доступны исследователям.

Благодаря сохранившимся документам, надежно устанавливается перечень бумаг из Мурановского архива, которые были пересланы И. Ф. Тютчевым в Петербургскую Академию наук для для подготовки Академического собрания сочинений Боратынского:

> ...въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ получены <...> слѣдующіе <...> рукописные матеріалы изъ архива сельца Муранова: 3 тетради писемъ Е. А. Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ (на 64 л.л.), съ приписками <Н. Л.> Баратынской и замѣтками Н. В. Путяты; *Одна тетрадка (на 19 л.л.) послѣднихъ стихотвореній Баратынскаго, съ переводомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на французскій языкъ;* Черновая рукопись статьи о Баратынскомъ (на 8 л.л.) на французскомъ языкѣ и черновая рукопись о немъ же Н. В. Путяты на русскомъ языкѣ; Копія эпилога къ „Эддѣ“ <...>; № 184 „Сѣверной Пчелы“ отъ 15 августа 1844 года.
>
> (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. № 108. Л. 2—2 об.; курсив мой. — *А. Б.*).

В распоряжении Гофмана, который сам в Мураново не ездил, могли находиться только эти рукописи, затем возвращенные владельцам. При работе над следующими собраниями сочинений Боратынского издатели также обращались к хранителям Мурановского архива для знакомства с имевшимися там материалами. Список хранившихся в Муранове документов, связанных с Боратынским, посылал И. Н. Медведевой К. В. Пигарев в письме от 12 февраля 1934 г., где, среди прочего, упоминал и особую группу копий:

> Копии стихотворений: «Люблю я вас, богини пенья...», «Молитва», «Когда дитя и страсти и сомненья...», «Пироскаф», «Дядьке Итальянцу», «Рифма», «В руках у этого педанта...», «Vanitas Vanitatum...», <«Предрассудок»> и копии переводов 16 стихотворений на французский язык. Вклеены в тетрадь. Копии выполнены А. Л. Боратынской, С. Л. Путятой и неизвестной рукой.
>
> (ОР РГБ. Ф. 645. Карт. 38. Ед. хр. 36. Л. 4)

Сопоставление этого списка с перечнем «автографов» в Изд. 1914—1915 (см. выше) заставляет думать, что речь идет об одной и той же «тетрадкѣ <...> послѣднихъ стихотвореній Баратынскаго», которая ныне хранится в РГАЛИ в фонде Н. В. Путяты (Ф. 394. Оп. 1. № 73)[33]. В пользу этого предположения свидетельствует сравнение записей текстов с описанием «мурановских автографов» в Изд. 1914—1915. Так, Гофман упоминает о листе почтовой бумаги «съ автографами двухъ стихотвореній, не отдѣленныхъ другъ отъ друга чертой: „*Рифма*“ <...> и *Въ рукахъ у этого педанта*», что соответствует последовательности записей названных стихотворений на л. 12—12 об.; перечисляет «отдѣльные автографы въ тетради: *Люблю я васъ*, *Богини пѣнья* <...> и *Когда дитя и страсти и сомнѣнья*» — очевидно, копии этих стихотворений на отдельных листах (Л. 5, 8). Тексты автопереводов, опубликованных Гофманом по «автографам», также соответствуют копиям из архива Путяты, в которых содержатся уникальные варианты по сравнению с другими известными источниками (см. об этом: *Бодрова 2010*. С. 148—150).

Исключительно показательно и приводимое Гофманом описание «автографа» «Дядькѣ Итальянцу»:

> Въ рукописи 117 стихъ подвергся незначительному исправленію, сохраненному нами:
>
> Мол(ил)я разсѣянья отъ думы роковой.
>
> Заключительный же стихъ имѣетъ двѣ редакціи <...>: напечатанную нами въ текстѣ <Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ!> и —
>
> Чѣмъ вздохи южные съ полуденнымъ алоемъ.
>
> (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 309)

Оно в точности соответствует текстологическим особенностям копии послания из архива Путяты (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 9 об.—11 об.): в ст. 117 изначально записанная форма «Молилъ» исправлена на «Моля», а к финальному стиху приписан вариант: «съ полуденнымъ алоемъ»[34].

Все эти факты позволяют прийти к выводу, что указание на «мурановские автографы» в Изд. 1914—1915 недостоверно[35], что отмечал еще Ю. Н. Верховский в готовившемся им издании — ср., например, в комментарии к «Дядьке Италь-

---

[33] Тетрадь в настоящее время расшита, но отдельные листы скреплены между собой и вложены в специальную обложку.

[34] Другие разночтения этой же копии относительно текста «Современника», учтенные в основном тексте Изд. 1914—1915: в ст. 88 «въ мракѣ», ст. 96 «Сциллы» (Т. I. С. 173).

[35] Ошибка Гофмана в описании рукописей не удивительна, учитывая невероятную спешку, в которой готовилось издание. Судя по рабочим тетрадям Гофмана и письмам, он очень быстро

янцу»: «В примечаниях академического издания сказано: „Издается по автографу, хранящемуся в бумагах И. Ф. Тютчева"; такого автографа в Муранове нет» (*Верховский 1935*. С. 119, 120). Таким образом, авторитет публикации Гофмана, якобы восходящей к утраченным автографам, следует признать необоснованным, как и решение печатать какие-либо тексты из названного перечня по Изд. 1914—1915 (*Справочный том*. С. 359, 363) — в том числе послание «Дядькѣ Итальянцу».

II. Стихотворения, не напечатанные при жизни Боратынского, и статус копий из семейного архива

Существенная часть поздних стихотворений Боратынского оставалась неопубликованной при жизни поэта и дошла до нас только благодаря копиям, сделанным Настасьей Львовной в ее альбомах и тетрадях. Значимость этих документов, хранившихся в Казанском архиве Боратынских[36], была в полной мере оценена уже Гофманом, который — по копиям Н. Л. Боратынской — впервые напечатал стихотворение «На все свой ходъ, на все свои законы...» (№ 219), а также привел многочисленные разночтения, отражающие работу поэта над стихотворениями.

Хотя особая роль копий Н. Л. Боратынской для текстологии поздних сочинений Боратынского была очевидна еще в начале научного исследования наследия поэта[37], эта группа архивных документов до сих пор оставалась малоизученной в источниковедческом и текстологическом отношении: не была прояснена хронология заполнения альбомов Н. Л. Боратынской (за исключением автографов самого поэта), не уточнены обстоятельства записи стихотворений и писем, их отбор и их соотношение с другими известными источниками текстов.

отсматривал разные группы документов, делал из них выписки и, по всей видимости, к оригиналам больше не возвращался (см. ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73, 74; а также *Гофман 2004*. С. 206—222).

[36] Один из альбомов (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40) назван в перечне документов, полученных Ю. Н. Верховским от А. Н. Боратынского во время поездки в Казань: «Альбомъ in—4°, содержащій рисунки и копіи, главнымъ образомъ стихотвореній Е. А. Боратынскаго и его писемъ, съ надписью на 1-мъ листкѣ: Рисовано и писано матерью моей Анастасьей Львовной Боратынской въ 1844 и слѣд. годахъ» (*Верховский 1908*. С. 1203). В списке документов из Казанского архива, помещенном М. Л. Гофманом в Изд. 1914—1915, упомянут «альбомъ Анастасіи Львовны Боратынской, принадлежащій З. Е. Геркенъ <дочери поэта>» (Изд. 1914—1915. Т. II. С. 274), по описанию и перечню текстов — это альбом «Souvenir» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

[37] Как отмечал еще в 1927 г. Г. О. Винокур: «долг современного издателя Баратынского заключается в том, чтобы дать посильный ответ относительно <...> разночтений, введенных в текст Баратынского его наследниками. Пока этот вопрос не будет подвергнут специальному исследованию, мы не будем иметь такого собрания сочинений Баратынского, на какое можно было бы полагаться без особых опасений» (*Винокур 1927*. С. 104).

Н. Л. Боратынская.
Фотография с портрета 1830-х—1840-х гг.

Основной массив копий сосредоточен в трех альбомах Н. Л. Боратынской, ныне хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома:

— Ф. 33. Оп. 1. № 38: Альбом Н. Л. Боратынской «Souvenir». 76 лл.[38];
— Ф. 33. Оп. 1. № 40: Альбом Н. Л. Боратынской. 112 лл.;
— Ф. 33. Оп. 1. № 41: Альбом Н. Л. Боратынской. 65 лл.

В этому корпусу примыкает обширный комплект копий Н. Л. Боратынской в нескольких сплетенных тетрадях и на отдельных листах (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42), однако по своему составу и компоновке эта группа копий зна-

---

[38] Альбом «Souvenir», очевидно, начал заполняться еще в середине 1820-х гг.: он открывается группой автографов Боратынского, озаглавленных «Сочиненія Евгенія Баратынскаго 1824 и 1825 года» (см. *Боратынский 2002*. Т. 2. Ч. 1. С. 89), которые, вероятно, были вписаны в альбом Настасьи Львовны в период сватовства Боратынского или в первые месяцы после их свадьбы — т. е. весной — осенью 1826 г. Затем альбом заполнялся только рукой Н. Л. Боратынской. Наличие автографов поэта и, соответственно, наиболее раннее время заполнения отличает альбом «Souvenir» от других альбомов рассматриваемой группы; помимо того, собственноручные записи Боратынского, несомненно, придавали этому альбому особую ценность в глазах Настасьи Львовны. Исходя из этого, в тех случаях, когда все три альбома дают идентичный текст того или иного стихотворения, в качестве приоритетного источника для публикации выбирается альбом «Souvenir», хотя мы и отдаем себе отчет в некоторой произвольности этого выбора.

чительно отличается от рассматриваемых альбомов и создавалась, по-видимому, значительно позже — одна из тетрадей, содержащая записи посланий Боратынского (Л. 118—145 об.), по штемпелю на бумаге («АХ / 6 / Знаменской / фабрики») датируется не ранее 1848—1849 гг. (*Клепиков 1959*. С. 103)[39]. В то же время в трех рассматриваемых альбомах мы находим очень сходный состав записей: это поздние стихотворения Боратынского, последняя редакция поэмы «Цыганка», автопереводы на французский язык (в двух альбомах), списки писем последних лет. Такая устойчивость корпуса— едва ли случайная — позволяет реконструировать возможные обстоятельства заполнения всех этих альбомов и прагматику создания этого комплекса рукописей.

«Собрать все, что сможет»: история заполнения альбомов и их состав

После внезапной кончины Боратынского в Неаполе 29 июня/11 июля 1844 г.[40] Настасья Львовна, заручившись договоренностями о последующей перевозке гроба поэта (*Хетсо 1973*. С. 258—259; см также *Pacini Savoj* 1959. P. 201—203), незамедлительно вернулась в Петербург, куда приехала в самом конце августа. Еще в Италии она пыталась, при помощи А. А. Иванова, заказать посмертный бюст Боратынского у лучших итальянских художников (*Хетсо 1973*. С. 258—259) и затем уже в Петербурге не оставляла хлопот о сохранении памяти о поэте: она просила родственников мужа прислать имевшиеся у них портреты Боратынского[41], в письмах к ним, в свою очередь, сообщала неизвестные им стихотворения.

Уже в первых сентябрьских письмах Н. Л. Боратынской возникает идея необходимости посмертного воздаяния покойному поэту, который, по ее мнению, несомненно заслужил земную славу:

[39] Описание всех перечисленных источников см. в наст. томе. С. 403—424.

[40] См. ее письмо Путятам о смерти Боратынского, написанное «въ тотъ же самый день»: *Хетсо 1973*. С. 257; оригинал: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 87—88.

[41] Просьбы о присылке портрета Боратынского мальчиком Настасья Львовна обращает к матери поэта: «Vous avez un portrait d'Eugène enfant dont j'ai toujours desiré une copie; si vous vouliez me le confier, je l'aurais fait faire ici et je vous l'aurais renvoyé sans retard» [У вас есть портрет Евгения ребенком, копию которого я всегда хотела иметь. Если бы вы доверили мне его, я бы заказала здесь с него копию и тотчас бы отослала вам обратно оригинал] (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2); о трудностях с поисками портрета для изготовления бюста см. в письме Н. Л. Боратынской к Сергею Боратынскому — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 105. Л. 1—2 об. (см. ниже).

...mais le souvenir et le nom qu'Eugène laisse, ne me trouvent pas indifférente; la gloire n'est pas une vanité; c'est la récompense terrestre que Dieu accorde à ses élus; c'est celle qu'il a promise à ses patriarches: la mémoire de leur passage même dans ce monde et Eugène n'-a-t'il pas mérité cette récompense? lui qui a offert une exemple unique peut-être de la réunion des talents, des passions et de toutes les vertus.

[...но память и имя, завещанное Евгением, не оставляют меня равнодушной. Слава не есть тщеславие, это земное воздаяние, которое Господь дарует своим избранникам. Это то, что обещал он своим патриархам, — память об их бытии в земном мире, и разве Евгений не заслужил этого воздания? Он, явивший собой пример, может быть, единственный в своем роде, соединения талантов, сильных чувств и всех возможных достоинств.]

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 1 об.—2)[42].

Между тем в газетах и журналах не спешили воздавать почести Боратынскому: газетные некрологи были кратки и скупы на похвальные отзывы о его литературных заслугах:

<...> прискорбно передать <...> вѣсть о кончинѣ извѣстнаго поэта Русскаго, пѣвца *Эды* и *Пировъ*, Евгенія Абрамовича Баратынскаго, который умеръ недавно въ Италіи, лѣтъ *пятидесяти* отъ рожденія. <...> Образовавъ стихъ свой по стиху Пушкина, обладая пламеннымъ воображеніемъ и поэтическимъ чувствомъ, Баратынскій легко могъ увлечь публику въ то время, когда гладкость и легкость стиха не были еще дѣломъ обыкновеннымъ. Самъ Пушкинъ много способствовалъ славѣ Баратынскаго <...>. Но впрочемъ публика, сначала увлекшись безсознательно, вскорѣ оцѣнила Баратынскаго по достоинству: Пушкинъ ушелъ отъ него на неизмѣримое разстояніе, сдѣлался единственнымъ ея кумиромъ; Баратынскій остался поэтомъ уважаемымъ, памятнымъ по первымъ впечатлѣніямъ, остался *пѣвцомъ Эды и Пировъ*. <...> Баратынскій долго ничего не издавалъ, публика отвыкала отъ него болѣе и болѣе, и наконецъ послѣднія стихотворенія его, подъ названіемъ *Сумерки*, прошли почти незамѣченными..... Sic transit gloria mundi!

(*Межевич 1844*. С. 731)

Изъ Москвы увѣдомляютъ о грустной потерѣ Русской Словесности: *Евгеній Абрамовичъ Баратынскій* скончался 29-го Іюня сего года въ Неаполѣ, куда уѣхалъ онъ осенью прошедшаго года, для поправленія разстроеннаго здоровья. Поэтическое небо Неаполя не оживило поэта. <...> Въ 1842 году издано было неболь-

[42] Практически дословно этот пассаж Н. Л. Боратынская повторила в статье в ответ И. Г. Головину — см. *Хетсо 1964*. P. 13; проверено по автографу: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 200. Л. 2 об.

шое собраніе стихотвореній Баратынскаго подъ названіемъ: *Сумерки*. Это былъ послѣдній отблескъ померцающаго дарованія.

(Северная Пчела. 1844. № 184. 14 августа. Смесь. С. 733)[43]

Умеръ поэтъ, писавшій когда-то стихи, нравившіеся публикѣ, и пользовавшійся значительною извѣстностію, но въ послѣднее время совершенно-забытый публикою. <...> Его гладкій щегольски-выкованный и обточенный стихъ, самый родъ поэзіи, избранный имъ, — все это нравилось въ немъ публикѣ, неизбалованной еще легкими и бойкими стихами, и чрезвычайно любившей по молодости лѣтъ своихъ, эту заунывную, плачущую поэзію, которая нашла себѣ на Руси въ Баратынскомъ главнаго своего выразителя. <...> Особенно-много восторженныхъ поклонниковъ находилъ Баратынскій между русскими провинціальными дамами, какъ находитъ нынѣ (или находилъ еще недавно) г. Бенедиктовъ между петербургскими чиновницами. <...> Къ концу своего литературнаго поприща Баратынскій началъ замѣтно упадать, и послѣдняя книжка его стихотвореній, изданная подъ названіемъ «Сумерки», далеко ниже первыхъ его произведеній не только по отсталости во вкусѣ и направленіи, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

(Русский Инвалид. 1844. № 187. 20 августа. С. 746)

Холодность общего тона журналистов[44] — при том, что возражал сдержанным оценкам Боратынского только Плетнев (см.: *Плетнев 1844*) — по всей видимости, убедила Настасью Львовну в необходимости формирования иного образа покойного поэта внутри семьи. Как сам Боратынский в последние годы предпочитал семейный круг светским знакомствам и активной литературной жизни, так и его вдова решила создать домашний мемориальный комплекс, который бы позволил ей сохранить тот образ поэта, каким она желала его видеть. Эти интенции Н. Л. Боратынской хорошо видны не только из ее прямых высказываний о поэте — так, копируя свое письмо графине де Фонтан в один из своих альбомов, Настасья Львовна сопроводила копию следующей припиской:

---

[43] Этот некролог был перепечатан в «Санктпетербургских ведомостях» (1844. № 187. 17 августа. С. 843—844) и «Русском инвалиде» (1844. № 186. 19 августа. С. 743). В «Московских ведомостях» появилось лишь краткое сообщение о смерти поэта: «Здѣсь получено изъ Италіи печальное извѣстіе о кончинѣ извѣстнаго Русскаго поэта, Евгенія Абрамовича *Баратынскаго*» (Московские ведомости. 1844. № 99. 17 августа. С. 628).

[44] Помимо газетных некрологов, посвященные Боратынскому статьи и заметки появились в ряде журналов в течение конца 1844 — начала 1845 гг.: *Сенковский 1844*; *Галахов 1844*; *Белинский 1845*; *Киреевский 1845а*; *Киреевский 1845б*. Отрывки из перечисленных статей с откликами на «Сумерки» см. в Приложении к настоящему тому.

Broullion de ma lettre à la Csse de Fontanes qu'il ne faut pas déchirer. Si mes cadets ne conservent pas leur soeur ainée et leur frère ainé, cette lettre pourra leur faire connoitre leur père mieux que nos articles de journaux, à qui Dieu pardonne!

[Черновик моего письма графине де Фонтан, который не должно уничтожить. Если мои младшие дети лишатся старших сестры и брата, это письмо позволит им узнать их отца лучше, чем статьи в наших журналах — да простит их Господь!]

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 75)

Круг идей, занимавших вдову поэта осенью 1844 г., не мог не сказаться на ее отношении к рукописям покойного мужа и его неопубликованным или малоизвестным сочинениям. Она не только копирует его поздние стихи и автопереводы для посылки матери поэта, но в 20-х числах сентября, как следует из письма С. Л. Путяты к С. М. Боратынской и письма Н. В. Путяты к жене, в сопровождении зятя отправляется в Москву с тем, чтобы привести в порядок дела, а также чтобы собрать и найти рукописи поэта, остававшиеся в Москве и Муранове:

С. Л. Путята — С. М. Боратынской:

Chère Sophie, ma soeur a reçu votre lettre la veille de son départ pour Moscou; elle a voulu faire ce voyage pour quelques arrangemens nécessaires et *pour recueillir aussi tout ce qu'elle pourrait trouver de l'écriture d'Eugène, quelques vers inachevés laissés à Mouranovo etc*. Mon mari l'a accompagnée.

[Милая Софи, сестра <Н. Л. Боратынская> получила ваше письмо накануне своего отъезда в Москву; она решила предпринять это путешествие для необходимого устройства дел, а также затем, *чтобы собрать все, что она сможет найти из рукописей Евгения, некоторые неоконченные стихотворения, оставшиеся в Муранове*, и проч. Мой муж отправился вместе с ней.]

(ПД. Ф. 33. Оп. 2. № 126. Л. 2; курсив мой. — *А. Б.*).

Н. В. Путята — жене Софье Львовне:

Въ Мурановѣ мы провели около двухъ сутокъ. Поѣхали туда въ Воскресенье поутру, а возвратились во Вторникъ вечеромъ. <...> Докучливость Беккера не дала мнѣ предаться совершенно самымъ грустнымъ и унылымъ чувствамъ, которыя возбуждаетъ это мѣсто. Тутъ все живо напоминаетъ покойнаго Евгенія. Все носитъ свѣжіе слѣды его заботъ, его думъ, его предположеній на будущее. <...> Я не пишу тебѣ о томъ, что должна была чувствовать Настасья Львовна. Ея печаль такъ глубока, такъ истина <так!>, что я смотрю на нее съ какимъ то благоговѣніемъ, не смѣю говорить о ней, не смѣю даже видимо замѣчать ее.

<...> Безъ крайней необходимости мы конечно не останемся здѣсь лишняго часа, но не могу еще опредѣлить дня нашего выѣзда. Это будетъ зависѣть отъ того, какъ кончимъ здѣсь дѣло объ опекѣ. <...> Мы пробыли въ Москвѣ, до отъѣзда въ Мураново, только одинъ день <...> Надѣюсь однако, что все это задержитъ насъ не болѣе нѣсколькихъ дней.

(РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 191. Л. 42—43; публикацию фрагментов письма см. *Пигарев 1948*. С. 36—37)

Найденные бумаги Боратынского, по всей видимости, были привезены в Петербург и составили основу того корпуса художественных и эпистолярных текстов, который Н. Л. Боратынская перенесла на страницы своих альбомов. О том, что искомые бумаги осенью 1844 г. были в распоряжении Настасьи Львовны в Петербурге, говорит скорая публикация в «Современнике» стихотворения «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» (см. ниже), написанного, очевидно, до заграничного путешествия: на листах черновика этого стихотворения и соседствующих с ним набросков «Опять весна, опять смѣется лугъ...» находятся хозяйственные расчеты и рисунки, вероятно, относящиеся к мурановскому строительству (см. примеч. к №№ 224, 225). Нужно полагать, что подобные бумаги во время путешествия Боратынских оставались в Муранове или Москве и могли попасть в распоряжение Н. Л. Боратынской только во время сентябрьской поездки.

Устойчивость корпуса текстов в альбомах жены поэта, записанных подряд, сходным почерком, заставляет думать, что все они были вписаны Настасьей Львовной примерно в одно и то же время — очевидно, начиная с осени 1844 г., после ее возвращения из Москвы. Косвенным подтверждением предложенной датировки может служить помета Н. Е. Баратынского на первом листе одного из альбомов: «Рисовано и писано матерью моей Анастасіей Львовной Боратынской въ 1844 и слѣд. годахъ» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 1).

Особого внимания заслуживает состав текстов. Подборка стихотворений, помещенных в альбомах, несомненно свидетельствует об их сознательном отборе: это, с одной стороны, поздние стихотворения Боратынского — главным образом, те, что не вошли в «Сумерки» («Мою звѣзду я знаю, знаю...») и были написаны после выхода сборника («Когда, дитя и страсти и сомнѣнья...», «Пироскафъ», «Дядькѣ Итальянцу» и др.), а с другой — тексты прежних лет, которые, однако, по тем или иным причинам сам поэт не включил в свой сборник 1835 г. («Повѣрьте мнѣ, Фиглярииъ моралистъ...», «Журналистъ Фиглярииъ и Истина», «Языковъ, буйства молодаго...», послание к Дельвигу [«Такъ, любезный мой Горацій...»]).

К этому корпусу стихотворений примыкали французские автопереводы — записанные в двух альбомах Н. Л. Боратынской параллельно с

русскими оригиналами (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 45 об.—50; № 40. Л. 30 об.—36 об.), а также переработанная редакция последней поэмы Боратынского «Цыганка». Списки этой новой редакции, которую, судя по пометам Н. Л. Боратынской в этих копиях, нужно датировать 1842 г., находятся во всех трех рассматриваемых альбомах (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 61—76; № 40. Л. 47—56; № 41. Л. 10—44). В одном из альбомов жены поэта к этому корпусу поэтических текстов и переводов добавлены и прозаические сочинения Боратынского: предисловие к поэме «Наложница», миниатюра «История кокетства» и повесть «Перстень» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 40 об.—46, 60—63, 63 об.—72).

Таким образом, копии произведений Боратынского в альбомах его вдовы фактически оказывались важнейшим дополнением к его печатным книгам и, очевидно, задумывались Настасьей Львовной в таком мемориальном качестве — сохранить для потомства разрозненные тексты, не собранные самим автором, но представляющие несомненную ценность.

Редакторское вмешательство Н. Л. Боратынской

Как уже было отмечено, автографы поздних стихотворений, с которых Н. Л. Боратынская копировала тексты в свои альбомы, дошли до нас только в незначительном числе случаев — в отличие, например, от писем Боратынского. При всей разнице в статусе художественных и эпистолярных текстов, обращение к материалам писем оказывается показательным в отношении общих принципов Настасьи Львовны при копировании текстов Боратынского. В этой перспективе примечателен даже не столько отбор эпистолярного материала, сколько последовательная цензура высказываний поэта, предназначавшихся для «читателя в потомстве». Как явствует из обращения к сохранившимся автографам писем, в подлинниках зачеркнут ряд фраз, а в копиях Настасьи Львовны соответствующие фрагменты выпущены — иногда с обозначением пропуска, а иногда и без, при этом в копиях отдельные слова дописаны Н. Л. Боратынской — для обеспечения связности текста:

Автограф:

Вяземской въ отвѣтъ на мою карточку написалъ мнѣ нѣсколько милыхъ словъ, предлагая ко мнѣ пріѣхать. Было уже поздно, и мы согласились съѣхаться у Одоевскихъ. <***Зачеркнуто 12 строк***>, котораго ты знаешь нѣсколько шутовскихъ стиховъ: Тараканъ какъ въ стаканъ etc <...>

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 77. Л. 33—34 об.)

Копии Н. Л. Боратынской:

Вяземской въ отвѣтъ на мою карточку написалъ мнѣ несколько милыхъ словъ, предлагая ко мнѣ пріѣхать. Было уже поздно, и мы согласились съѣхаться у Одоевскихъ. ....***Также познакомился тамъ съ Мятлевымъ***, котораго ты знаешь нѣсколько шутовскихъ стиховъ: Тараканъ какъ въ стаканъ etc <...>

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 29 об.; № 40. Л. 13 об.—14)

Художественные тексты также, по всей видимости, не избежали вмешательства Настасьи Львовны, однако в случае со стихотворениями ее «соучастие» не всегда имело характер сугубо редакторской правки, но было обусловлено необходимостью дать связное прочтение малоразборчивых черновиков, которые оказались в ее руках.

О подобной проблеме, которую пришлось решать переписчице рукописей поэта, красноречиво свидетельствует примечание Настасьи Львовны к первому стиху финальной строфы стихотворения «Опять весна, опять смѣется лугъ...»: «Этотъ стихъ невозможно было разобрать но примѣнились ко смыслу съ тѣми словами которые были не такъ связно написаны». Слова «невозможно было разобрать» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 8 об.—9). В копии того же текста в альбоме «Souvenir» последняя строфа записана в двух различных вариантах (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 54—54 об.; см. примечания к № 224):

1) *Пусть [думаю] вѣрую простясь я съ лирою моей*
Что нѣкогда ее замѣнятъ эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучіе и сумрачные дѣти!

2) *И пусть, простяся съ лирою моей,*
Я вѣрую: ее замѣнятъ эти,
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучіе и сумрачные дѣти!

Замечание о том, что «стихъ невозможно было разобрать», несомненно относится к черновикам «Опять весна, опять смѣется лугъ...», большая часть которых и сейчас имеется в распоряжении исследователей. На листе, известном только благодаря факсимильному воспроизведению автографа в Изд. 1869, уверенно читаются две последние строки «Поэзіи таинственныхъ скорбей / Могучіе и сумрачные дѣти!» (см. фотокопию), однако ни один из наличествующих в копиях вариантов первых двух строк, равно как связный вариант предпоследней строфы, в известных рукописях не представлен. Нельзя исключать, что в

данном случае воспроизведенный в альбомах текст был «собран» Настасьей Львовной из поддающихся прочтению разрозненных отрывков черновика, однако более вероятным все же кажется, что один или несколько листов, бывших в распоряжении Н. Л. Боратынской, до нас не дошли. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения может служить история текста стихотворения «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..», для которого также сохранился черновой автограф, представляющий, однако, его раннюю редакцию — «Надъ дерзновенной головою...» (№ 225.2). Во всех копиях Н. Л. Боратынской мы находим законченный, очевидно, позднейший вариант — «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..», который обнаруживает текстовые совпадения с черновиком только в ст. 7—8, 10—14, а в остальном дает совершенно иной текст (ср. № 225.1 и 225.2). В этом случае затруднительно предполагать, что законченный вариант стихотворения был плодом самостоятельного творчества Настасьи Львовны, а не опирался на утраченные ныне рукописи Боратынского. На этом основании в качестве источника основного текста — и для «Опять весна, опять смѣется лугъ...», и для «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» — копии Н. Л. Боратынской, несмотря на ее редакторское вмешательство, кажутся более предпочтительными, нежели черновые автографы, не дающие связного и законченного текста и, по-видимому, сохранившиеся не полностью.

Проблема определения редакторского вмешательства Н. Л. Боратынской встает и в тех случаях, когда мы не имеем оригиналов творческих рукописей Боратынского. В ряде копий поздних стихотворений можно видеть правку Настасьи Львовны, причем поправки делаются только в одной копии из нескольких существующих — и таким образом возникает проблема выбора текста.

В частности, подобный вопрос должен быть решен для стихотворения «Спасибо злобѣ хлопотливой...» (№ 223). В одной из посмертных альбомных копий в ст. 7 сделано исправление: «Но вотъ къ борьбѣ ***[глухой вашъ]*** ***вашъ дикой голосъ*** / Меня зоветъ и будитъ мой» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 7 об.), в то время как во всех других копиях эта строка читается без поправки: «Но вотъ къ борьбѣ ***глухой вашъ*** голосъ...» (см. примеч. к № 223). Отсутствие этой поправки в других альбомах вдовы поэта, заполнявшихся примерно в то же время, что и альбом № 41, говорит, как кажется, в пользу большей аутентичности неисправленного чтения («глухой вашъ голосъ»); по крайней мере, мы не располагаем никакими данными в пользу того, что эта поправка восходит к авторскому варианту, а не является редакторским вмешательством Настасьи Львовны.

Сходный случай представляет собой история текста уже упоминавшегося стихотворения «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» (№ 225.1). Во всех известных копиях из семейного архива вторая его строфа читалась следующим образом:

Любовь Каменъ съ враждой фортуны
Одно. Молчу! боюся я
Чтобъ персты, падшiе на струны,
Не пробудили бы перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

В то же время в архиве Плетнева сохранилась еще одна копия Н. Л. Боратынской, послужившая источником публикации в «Современнике». В этой копии в ст. 8 рукой Настасьи Львовны сделана поправка: частица «бы» зачеркнута, а сверху вписан другой вариант «вновь»: «Чтобъ персты, падшiе на струны, / Не пробудили [*бы*] **вновь** перуны». Именно в таком варианте, с поправкой, стихотворение увидело свет на страницах журнала Плетнева.

Статус варианта «Современника» по-разному оценивался издателями и комментаторами Боратынского. В изданиях, подготовленных сыновьями поэта (Изд. 1869. С. 168—169; Изд. 1884. С. 273), стихотворение печаталось в соответствии с большинством копий Н. Л. Боратынской («Не пробудили бы перуны»), такое же решение было принято в Изд. 1951 (С. 309) и Изд. 1957 (С. 199). В других собраниях сочинений Боратынского (Изд. 1914—1915[45], Изд. 1936, Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000) текст, напротив, публиковался по «Современнику».

Как и в случае с рассмотренным выше исправлением в одной из копий стихотворения «Спасибо злобѣ хлопотливой...», уникальность поправки в копии, посланной Плетневу, свидетельствует, скорее, в пользу того, что перед нами редакторское исправление вдовы поэта — вероятно, вызванное стремлением устранить неудачный повтор условной частицы «*Чтобъ* персты <...> Не пробудили *бы*...»[46]. Характерно, что оно появляется именно в той копии, которую

---

[45] М. Л. Гофман ошибочно считал копию Н. Л. Боратынской из Мурановского архива (ныне в РГАЛИ) автографом (см. выше) и потому, согласно с чтением этого источника, также предпочел вариант «Не пробудили бы перуны» в качестве основного. В тексте же «Современника», с его точки зрения, могла быть допущена опечатка (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 307). С этим предположением Гофмана не согласились Н. О. Лернер (*Лернер 1915*. С. 3) и Ю. Н. Верховский, однако и последний, как следует из сохранившихся комментариев, не решился ввести вариант «Современника» в основной текст. Как пояснял свою позицию Верховский, «он не введен поэтом в окончательный текст, которым пользовались редакторы изданий 1869 и 1884 гг., дающие этот вариант в примечаниях, а автограф иной, кроме чернового, нам неизвестен» (*Верховский 1935*. С. 119).

[46] Ср. суждение Н. О. Лернера о стилистических преимуществах варианта «Современника» и в то же время приводимые им аргументы в пользу рукописных источников: «Въ печатной редакцiи, появившейся съ неизвѣстнаго оригинала послѣ смерти автора, нѣтъ этого повторенiя условной частицы: „чтобъ — бы", и сказано лучше: „не пробудили в н о в ь перуны"... Такъ

Н. Л. Боратынская специально сделала для посылки в «Современник». Исходя из этого, более корректным решением представляется выбор в пользу чтения большинства копий Н. Л. Боратынской, не отмеченных ее последующим редакторским вмешательством.

Более неоднозначный случай возникает тогда, когда явных следов правки в копиях Н. Л. Боратынской нет, но между копиями имеются разночтения. Текст эпиграммы «Въ рукахъ у этаго педанта...» (№ 220) известен по трем копиям Н. Л. Боратынской: две из них находятся в обсуждаемых альбомах (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 55 об. и № 40. Л. 59), а еще одна хранится в архиве Путят и сделана на отдельном листке, где также помещаются стихотворения «Рифма», «Предрассудокъ» и «Vanitas Vanitatum» («Что за звуки? мимоходомъ...») (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 12—13 об.). В альбомах Настасьи Львовны ст. 6 читается «Онъ громогласный запѣвала, / ***Да*** запѣвала похоронъ», в отдельной копии противительный союз другой: «Онъ громогласный запѣвала, / ***Но*** запѣвала похоронъ».

Незначительность разночтения не снимает проблемы выбора источника текста. Протографы, на которые опиралась Н. Л. Боратынская, в обоих случаях неизвестны, но возможным оказывается определить хронологическое соотношение двух групп копий. Вероятно, копия на отдельном листе была сделана еще при жизни Боратынского, так как все стихотворения, записанные вместе с «Въ рукахъ у этаго педанта...», приводятся в своих ранних, журнальных редакциях, причем публикация всех этих текстов состоялась в первую половину 1841 г. (см. примечания к №№ 215.1, 192.2, 210). По всей видимости, эти стихотворения — в том числе эпиграмма — были переписаны Н. Л. Боратынской для посылки Путятам в конце 1840—1841 гг., по крайней мере до создания редакций «Сумерек» (если бы тексты уже существовали в вариантах сборника, не было бы причин копировать и посылать ранние, уже переработанные варианты). В то же время альбомные копии, сделанные, очевидно, в более позднее время — уже после смерти поэта, могли отражать и позднейшую авторскую правку Боратынского. По крайней мере, можно предполагать, что при заполнении альбомов в руках Н. Л. Боратынской был какой-то иной источник текста — и, судя по истории других копий, можно предполагать, что это был автограф. Исходя из этого, предпочтительным источником основного текста в данном случае представляются альбомные копии.

какъ стихотвореніе въ этой редакціи было опубликовано не самимъ авторомъ, то его, конечно, слѣдуетъ печатать съ автографа» (*Лернер 1915*. С. 3; Лернер в данном случае не подверг сомнению сообщение Гофмана об автографе).

«Есть бытие и за могилой...»: публикации в плетневском «Современнике» (1844)

Деятельность Н. Л. Боратынской по сохранению памяти о покойном муже не ограничилась созданием корпуса рукописных копий. При ее непосредственном участии в конце 1844 г. на страницах журнала «Современник» увидели свет три не печатавшихся до тех пор стихотворения Боратынского: «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227), «Молитва» (№ 230) и «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» (№ 225.1). Обращение к истории этих публикаций позволяет уточнить текстологическую историю названных текстов, а также существенно дополнить наши представления о значимости вклада Н. Л. Боратынской не только в сохранение сочинений ее покойного мужа, но и в формирование посмертной репутации поэта.

В 10-м номере «Современника» под заглавием «Когда дитя» было напечатано стихотворение, обращенное к Н. Л. Боратынской и написанное зимой 1843—1844 гг. в Париже, — «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (№ 227). Первоначально оно было опубликовано без указания имени автора, вместо подписи значилось ***, однако уже в следующем номере журнала была помещена редакторская заметка, озаглавленная «Для читателей „Современника“» (см. также в примеч. к № 227):

> Многимъ изъ читателей нашихъ любопытно было узнать имя автора, котораго стихи, начинающіеся словами „*Когда дитя*“ и помѣщенные на 109 стран. XXXVI т. Современника, такъ поразительно запечатлѣны глубокимъ и сильнымъ талантомъ. Сколько для дополненія статьи нашей объ *Е. А. Баратынскомъ* (Т. XXXV. стран. 298—329), столько же и для удовлетворенія любопытству читателей, мы за долгъ свой признаемъ объявить, что авторъ этихъ стиховъ тоже Е. А. Баратынскій. Они были написаны имъ въ Парижѣ передъ отъѣздомъ въ Италію.

Не вполне обычная история появления стихотворения в печати вовсе не отразилась в примечаниях к нему в изданиях лирики Боратынского, а сам факт криптонимной публикации лишь однажды стал предметом пояснений. Согласно недавно высказанному предположению (*Справочный том.* С. 358), «стихотворение было прислано издателю „Современника“ П. А. Плетневу самим Боратынским», который, вероятно, и просил «напечатать стихотворение без подписи».

Подобное объяснение вызывает целый ряд вопросов. В таком случае не ясно, когда Боратынский мог отправить этот текст Плетневу. Согласно эпи-

столярным и мемуарным источникам, стихотворение, обращенное к жене поэта, было написано зимой 1843—1844 гг., однако в переписке Боратынского этого времени, вообще очень хорошо сохранившейся, вовсе нет упоминаний об этом стихотворении, при том, что о печатной судьбе «Пироскафа» и «Дядькѣ Итальянцу», написанных позже обсуждаемого стихотворения, Боратынский проявлял настойчивую заботу. Но даже если предположить, что стихотворение все же было отправлено Плетневу, то почему оно появилось лишь в октябрьском номере? Едва ли можно думать, что редактор «Современника» раньше не нашел места в журнале для понравившегося ему (как следует из цитированной заметки) текста, тем более что, имей Плетнев стихотворение на руках прежде начала сентября 1844 г., у него была напрашивающаяся возможность его напечатать — в некрологе поэту, появившемся в 9-м номере «Современника».

Сам автор, судя по всему, не знакомил с этим стихотворением даже близких родственников. Переписка Боратынских осени 1844 г. свидетельствует, что «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» не было известно и в семейном окружении:

> Je voudrais ma chere Maman vous faire du bien; c'est dans cette intention que je vous envoie aussi ses trois dernières pièces que vous ne connaissez pas encore; <...> la petite pièce pour moi a été faite à Paris.
>
> [Я бы хотела, любезная маменька, сделать вам приятное, и, руководясь этим намерением, я посылаю вам также три его последние пьесы, которые вам еще не известны: <...> небольшое стихотворение, обращенное ко мне, было написано в Париже.]

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2)

сообщала Настасья Львовна матери поэта. Любопытно при этом, что А. Ф. Боратынская, переписывая письмо невестки для посылки дочери, В. А. Рачинской, помещает в своем письме только текст «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...», но не копирует две другие присланные «пьесы» — «Пироскафъ» и «Дядькѣ Итальянцу» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 525. Л. 14—15).

По всей видимости, именно с Настасьей Львовной следует связывать распространение этого текста в семейном кругу, равно как и историю его появления в печати. О последнем свидетельствует сделанная ее рукой копия стихотворения, сохранившаяся в архиве Плетнева (ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 24, см. примеч. № 227), которая и послужила основой для журнального набора. Этот список Настасьи Львовны был, наверное, передан издателю «Современника» во время одной из их личных встреч в сентябре 1844 г. Текст стихотворения записан Н. Л. Боратынской, над ним — почерком Плетнева более

темными чернилами — вписано заглавие: «Когда дитя», а также сделана помета «напеч.<атано>». Под стихотворением, как и затем в журнале, вместо подписи поставлены звездочки — скорее всего, тоже уже Плетневым — когда тот готовил материалы журнальной книжки для передачи наборщикам.

Отсутствие фактических сведений не дает возможности определенно сказать, с какой целью и по чьей инициативе — Плетнева или Настасьи Львовны — стихотворение первоначально было напечатано под астронимом. Однако нельзя не отметить, что предполагаемая такой криптонимной публикацией возможность объявления авторства предоставляла случай вновь напомнить о покойном поэте, в комплиментарной форме назвав его имя — как это и было сделано в цитированной выше заметке Плетнева, напечатанной в следующем номере «Современника». «Память поэту», таким образом, усердно поддерживалась на страницах плетневского журнала в течение почти всей второй половины 1844 г.

В последнем номере «Современника» за тот же год увидели свет еще два не напечатанных прежде стихотворения Боратынского — «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» (№ 225) и «Молитва» (№ 230). Как свидетельствует письмо Настасьи Львовны, они были посланы Плетневу 12 ноября 1844 г.:

> Посылаю Вамъ почтеннѣйшiй Петръ Александровичь два Евгеньевыхъ стихотворенiя для напечатанiя въ Современникѣ. Я надѣялась Вамъ ихъ доставить сама, но мостъ еще кажется такъ не скоро будетъ наведенъ, что нечего и думать о возможности Васъ скоро видѣть. Будьте такъ добры чтобы извѣстить насъ каково Ваше и Олинькино здоровье.
>
> Съ истиннымъ почтенiемъ остаюсь предданная <так!> вамъ Настасья Баратынская.
>
> (ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 1)[47]

История текста первого из них («Люблю я васъ, Богини пѣнья!..») и обстоятельства появления в «Современнике» варианта в ст. 8, рассмотренные выше, ярко иллюстрируют роль Н. Л. Боратынской как редактора и публикатора стихотворений покойного поэта. Еще более выразительный пример участия Настасьи Львовны в истории стихотворного текста Боратынского представляет публикация второго из присланных Плетневу стихотворений — «Молитвы».

---

[47] На Л. 2 об.: «Его Превосходительству Милостивому Государю Петру Александровичу Плетневу. Въ Университетѣ»; датировка по штемпелю: Городская почта. 1844 НОЯ 12; 2 час. Впервые опубликовано, с неточностями: *Barratt 1969*. P. 38—39. К письму были приложены копии стихотворений (см. примеч. к № 225.1, 230; факт совместной посылки текстов отмечен Л. Г. Фризманом: Изд. 1982. С. 666, 667).

С этим текстом также связан целый ряд комментаторских проблем, наиболее обсуждаемая из которых — его датировка. Отсутствие автографа «Молитвы», известной также только в многочисленных копиях Н. Л. Боратынской, заставляло высказывать самые разные догадки. Сыновья поэта печатали «Молитву» среди стихотворений 1842—1843 гг., причем в «Материалах для биографии...» пояснялось, что «послѣ изданія Сумерокъ, написаны <...> стихотворенія: „С. Н. Карамзиной (при посылкѣ Сумерокъ)“, „Память поэту“, „Мои перуны“, „Спасибо злобѣ хлопотливой“, „На посѣвъ лѣса“, „Молитва“» (Изд. 1869. С. 398). Гофман, приводя датировку посмертных изданий, предположил, что правильнее датировать ее 1844-м годом (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 307), и поместил стихотворение первым в рубрике «1844 г.» (Там же. С. 169). На необоснованность такой датировки справедливо указал в своих комментариях Верховский, который назвал иное время сочинения «Молитвы»: 1841 г. — опираясь на пометы Н. Е. Боратынского на экземпляре Изд. 1869, ныне не разысканном (*Верховский 1935*. С. 116). В большинстве позднейших изданий «Молитва» публикуется, вслед за Изд. 1869, в ряду текстов, датируемых 1842—1843 гг. (Изд. 1951. С. 313; Изд. 1957. С. 197; Изд. 1982. С. 340; Изд. 1989. С. 217, Изд. 2000. С. 298). Исключение составляет лишь Изд. 1936, где этот текст помещен последним, вслед за «Пироскафом» и «Дядьке Итальянцу», в разделе «Стихотворения 1842—1844 гг.», так что «Молитва» завершает собой основной стихотворный корпус (Изд. 1936. Т. I. С. 254). Комментарии к стихотворению скупы и немногословны: «Никаких сведений об обстоятельствах и времени написания этого стихотворения не сохранилось» (Там же. Т. II. С. 283).

Историю текста «Молитвы» позволяет прояснить одно из писем Н. Л. Боратынской осени 1844 г. Благодаря своего деверя Сергея Боратынского за помощь в устройстве хозяйственных дел, Настасья Львовна писала ему 11 ноября 1844 г.:

> Je ne saurais assez vous remercier pour votre bonne lettre mon cher Serges, et j'accepte avec reconnaissance vos bonnes intentions à mon égard, exprimées d'une manière si affectueuse. Mon beau frere qui a eu la bonté de se charger de toutes nos affaires se propose de vous informer <?> avec détail de tout ce qui est urgent pour le moment et je m'en remets à vos soins dont j'apprécie l'offre d'autant plus que je sais à quel point ce genre de soucis vous fatigue. Je suis toujours à la recherche des peintres et aucune copie n'a réussi jusqu'à présent; un portrait ressemblant est nécessaire pour le buste et aucun de ceux que nous avons n'est satisfaisant. *Je vous transcris une prière d'Eugène qui n'a jamais été écrite et dont je me suis rappellée un jour que j'allais à la messe*:

Царь Небесъ! успокой
Духъ болезненный мой
Заблужденiй земли
Мнѣ забвенье пошли
И на строгой твой рай
Силы сердцу подай!

Chargez vous je vous prie de baiser pour moi, les mains de Maman, de mes respects pour ma tante; de mes amitiés pour votre femme, vos enfans, Natalie, Sophie et Léon. Les enfans se recommandent à vos bontés.

[Не умею достаточно поблагодарить вас за ваше милое письмо, мой дорогой Серж. Я очень признательна за ваше беспокойство и заботы обо мне, высказанные столь сердечно. Мой зять, который был столь любезен, что согласился взять на себя решение всех наших дел, собирается сообщить вам обо всем, что необходимо в нынешнюю минуту, и я решаюсь положиться на вас, тем более ценя такое ваше предложение, что знаю, до какой степени подобные хлопоты вас утомляют. Я все еще пытаюсь найти художников, но ни одна копия до сей поры не удалась; похожий портрет необходим для изготовления бюста, а среди тех, что есть у нас, нет ни одного удовлетворительного.
Записываю для вас сочиненную Евгением молитву, которая никогда не была записана и которую я как-то вспомнила, когда шла к службе.
<...>
Позвольте попросить вас поцеловать за меня ручки Маменьке, засвидетельствовать мое почтение тетушке, передать мои дружеские приветы вашей жене и детям, Натали, Софи и Леону. Дети вам кланяются.]

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 105. Л. 1—2 об.; курсив мой. — *А. Б.*)[48].

Как следует из слов вдовы поэта, «Молитва» могла и не мыслиться Боратынским как текст письменный[49] и тем более предназначаемый к печати в ряду его собственно лирических пьес. В сущности, «*Молитва*» стала «*стихотворе-*

[48] На Л. 2 об.: «Его Высокоблагородiю Милостивому Государю Сергѣю Абрамовичу Боратынскому. Тамбовской Губернiи. г. Кирсановъ»; датировка — по штемпелю: С.-Петербургъ. 2 ч. 11 ноя<бря> 1844.

Мой зять — Н. В. Путята, *Маменька* — А. Ф. Боратынская, *тетушка* — ее младшая сестра Е. Ф. Черепанова. Жена С. А. Боратынского — С. М. Салтыкова-Дельвиг; их дети — Александра, Михаил, София, Анастасия и дочь Дельвига, воспитывавшаяся в их семье, — Елизавета Антоновна. *Натали* и *Софи* — незамужние сестры Е. А. Боратынского, жившие с матерью в Марс. *Леон* — Лев Абрамович Боратынский, брат поэта.

[49] В таком случае автографа могло никогда и не существовать.

нием Евгения Боратынского» тогда, когда Настасья Львовна решила послать этот текст Плетневу. Показательно в этом отношении и словоупотребление в ее письмах: если Сергею Абрамовичу она шлет «*молитву*, сочиненную Евгением» («une prière d'Eugène»), то редактору «Современника» — на следующий день — отправляет уже «два Евгеньевых *стихотворения*».

Таким образом, именно посланная Плетневу копия представляет собой самую раннюю фиксацию текста «Молитвы» в качестве «стихотворения Евгения Боратынского» и имеет все основания быть признанной источником основного текста.

Соседствуя на страницах одной книжки журнала, посмертные тексты Боратынского — «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...», «Люблю я васъ, Богини пѣнья!..» и «Молитва» — обретали, как кажется, и смысловую общность. При всей своей жанровой и тематической разности эти стихотворения, напечатанные вместе, могли быть прочитаны как единое поэтическое высказывание, во многом полемичное по отношению к лирическим декларациям Боратынского в «Сумерках». В противоположность высказанной в финальном тексте сборника мысли об абсолютной ценности поэтического творчества, служащего единственным ободрением «питомцу муз» («Своею ласкою поэта / Ты, рифма! радуешь одна»), в этих стихотворениях акцентируется иной взгляд на самоощущение поэта, который реализуется в по-разному инструментованном мотиве отрицания поэзии как высшего душевного утешения. «Сладкой трепет вдохновенья» не дает покоя «болящему духу», он лишь «предтеча жизненных невзгод», страшащих поэта, которому суждены только «страсти и сомненья», «таинство печали», «дикий ад» и «вражда Фортуны». Спасение же — не в поэзии, не в «звуках», а в отказе от них («Пусть день угаснетъ въ тишинѣ») и вере в благость неба и «Царя небес». Если прежде Боратынский утверждал, что «*болящий дух* врачует песнопенье», то в «Молитве», будто перефразируя свое поэтическое высказывание, он полагается лишь на Творца: «Царь небесъ успокой / *Духъ болезненный* мой!».

Оказавшись в некотором смысле «загробным», последним словом Боратынского, появившиеся в «Современнике» стихотворения по-иному заставляли взглянуть на мировоззренческие позиции автора «Осени» и «Отрывка из поэмы: Вера и неверие». Показательно в этом отношении внимание к «Молитве» современников, причем тех, для кого особую важность имел религиозный опыт: ее переписывает с свой альбом Е. П. Ростопчина — вместе со стихотворением «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» (РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. № 18. Л. 56 об.; копия впервые учтена: *Верховский 1935*. С. 116), «Молитву» включает в небольшую подборку стихов Боратынского в «Библиотеке для воспитания» Киреевский (Библиотека для воспитания. 1845. Отд. I. Ч. III.

С. 14)[50]. Текст «Молитвы» полностью цитирует А. О. Смирнова в письме Гоголю от 4 декабря 1844 г., прибавляя: «Какъ хорошо: „на строгій Твой рай!". Какъ все хорошо!» (*Смирнова 1888*. С. 139).

Публикация в плетневском журнале представляла Боратынского человеком, далеко не чуждым религиозных чувств и устремлений. В подобном намерении подчеркнуть эти черты, в противоположность репутации поэта-скептика, в стихах не раз выражавшего сомнения в оправданности Божества, несомненно, отразились воззрения вдовы Боратынского на личность ее покойного мужа. Показателен сам выбор текстов для публикации, при том, что в распоряжении Н. Л. Боратынской, как свидетельствуют ее альбомы, было куда больше ненапечатанных стихотворений Боратынского. Света тогда не увидели ни «Опять весна, опять смѣется лугъ...», ни декларативное стихотворение «Спасибо злобѣ хлопотливой...», ни едкая эпиграмма «На все свой ходъ, на все свои законы...» — по-видимому, из-за нежелания Настасьи Львовны открыто подчеркивать настойчивость мотива борьбы с литературными недругами. С другой стороны, отвергнуты были мадригальные стихи «Н. Е. Б.......» («Двойною прелестью опасна...»), обращенное к казанской знакомой Боратынских Н. Е. Брандорф, и «Нежданное родство съ тобой даруя...», посвященное свояченице поэта, равно как и «экспромт» «Небо Италіи, небо Торквата...».

Подборка посмертных стихотворений Боратынского в «Современнике», демонстрировавшая смирение поэта перед небом и его «доверенность к Творцу», оказывалась поэтической репрезентацией тех идей, которые исключительно занимали Настасью Львовну после смерти мужа. В ее многочисленных письмах лета — осени 1844 г., адресованных родственникам и знакомым, равно как и в цитированной статье о Боратынском, написанной в ответ на некролог Головина, неоднократно подчеркивается важность религиозных чувств в жизни Боратынского, а после его смерти только вера в божественное воздаяние и соединение за гробом, по словам Настасьи Львовны, давала ей силы жить.

Об этих своих чувствах пишет Настасья Львовна матери Боратынского, едва вернувшись в Петербург, в самом начале сентября 1844 г.:

> Veuillez bien me pardonner ma Chere Maman de ne vous écrire qu'aujourd'hui: l'effort est le même, mais nous sommes de retour et je suis délivrée de la crainte qui m'a poursuivie pendant la durée du voyage, celle du désespoir et de l'isolement des enfans si je venais

[50] «Молитва» перепечатана наряду со стихотвореніями «Прощай, отчизна непогоды...», «Чудный градъ порой сольется...», «Шуми, шуми, съ крутой вершины...», «Судьбой наложенные цѣпи...», «Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!..», «Взгляни на звѣзды: много звѣздъ...», «Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ...», «Здравствуй, отрокъ сладкогласной!..».

à leur manquer. <...> Permettez moi de vous rassurer à mon égard. Je suis beaucoup plus calme que je n'aurais jamais pu le prévoir. Les doutes sur la vie à venir m'ont quitté à jamais, la nullité de celle-ci, son peu de durée, la conviction d'une réunion heureuse me préserve du désepoir; j'aurais voulu faire passer dans l'âme des autres ce qui se passe dans la mienne, je ne crains plus la mort pour ceux que j'aime, tout ce qui est malheur ici me parait tellement momentané, tellement passager, que je comprends comme par la révélation ce qui me paraissait banalité et lieux communs sur les misères de la vie <...>.

[Прошу вас простить меня, любезная маменька, что я не писала вам до сегодняшнего дня: писать мне по-прежнему тяжело, но мы уже вернулись, и я избавилась от тех страхов, которые преследовали меня во время путешествия, — страха, что дети окажутся в отчаянии и одиночестве, если меня не станет. <...> Позвольте мне ободрить вас на мой счет. Я стала куда более спокойна, спокойнее, чем могла себе представить когда-либо прежде. Сомнения в загробной жизни навсегда покинули меня, ничтожность жизни земной, ее скоротечность, убежденность в счастливом соединении там — не позволяют мне отчаиваться; и я бы хотела, чтобы другие ощутили в своей душе то, что происходит в моей: я не боюсь более смерти для тех, кого люблю. Все, что есть несчастье здесь, кажется мне столь кратковременным, столь преходящим, что я, наконец, действительно осознала, будто бы откровением свыше, все, что мне прежде казалось банальностью и общими словами о ничтожности <земной> жизни.]

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 1—2)[51].

С еще большей аффектацией она рассказывает своей парижской корреспондентке графине де Фонтан о необыкновенном религиозном чувстве Боратынского и его стремлении заставить ее разделить эти убеждения:

Déjà ici, il ne pouvait apprécier que les conditions du bonheur là-haut. Ses idées religieuses étaient des convictions si profondes, que la mort se présentait à lui dépoillée de son aspect sinistre. Ces dernières années surtout il cherchait à me faire accepter ses croyances et lorsque je lui demandais de ne pas aborder ce sujet il me disait gaiement qu'il espérait réussir à me faire perdre l'angoisse que ce sujet me donnait, à me convaincre que la séparation entre deux êtres qui se sont aimés est impossible et le croiriez vous, Madame, dans l'instant terrible où je n'ai pu douter de sa mort, j'ai senti la révélation s'emparer de toutes mes facultés; ce qui avait été doute jusque là s'est subitiment transformé en certitude et si de certains momens me ramènent aux craintes dont je vous parlais, la foi revient toujours les arrêter. Je crois que le premier pas de mon mari hors de ce monde a été de demander pour moi cette consolation à Dieu.

---

[51] Как следует из письма Н. Л. Боратынской С. М. Боратынской, отправленного 6 сентября (ПД. Ф. 33. Оп. 1. №. 103. Л. 15—16 об.; дата — по петербургскому штемпелю), к этому времени письмо свекрови было если уже не послано, то точно написано.

[Уже здесь он ценил лишь счастье небесное. Его религиозные идеи были столь глубокими его убеждениями, что смерть представлялась ему лишенной своего зловещего облика. Особенно в последние свои годы он старался убедить меня принять его верования, и когда я просила его не касаться этой темы, он весело говорил, что надеется развеять мой страх, убедить меня, что не может быть разлуки для двух любящих существ, и поверите ли вы, мадам, что в то страшное мгновение, когда я уже не могла сомневаться в его смерти, я почувствовала откровение, охватившее меня; то, что до сих пор казалось мне сомнительным, внезапно превратилось в уверенность, и если в иные минуты страхи, о которых я Вам говорила, вновь посещают меня, вера всегда побеждает их. Я верю: первое, что сделал мой муж за пределами этого мира, — это испросил у Бога это утешение для меня.]

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 108. Л. 8—9 об.;
копия письма: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 75)[52]

Формулировку, найденную в письме графине де Фонтан, Н. Л. Боратынская повторит в статье о муже, написанной в ответ на некрологический отклик Головина:

...mais la poësie et la vie à venir étaient un pour lui et l'absorbaient entièrement. Ses idées religieuses sont devenues des convictions, la mort même se présentait à lui dépouillée de son aspect sinistre; on eût dit que ce qui est problème pour les autres avait tout l'aplomb de la réalité pour lui. — Si Baratinsky n'avait eu pour sa part ni épreuves ni douleurs, il eut passé dans la céleste patrie sans transition.

[...но поэзия и загробная жизнь были для него одно и поглощали его совершенно. Его религиозные идеи сделались его убеждениями, и даже смерть представлялась ему лишенной своего зловещего облика. Можно было бы сказать, что то, что было проблемой для других, для него было столь явно, как реальность. — Если бы на долю Баратынского не выпало ни испытаний, ни страданий, он обрел бы свою небесную отчизну, не ощутив перехода.]

(цит. по: *Хетсо 1964*. Р. 13;
сверено по автографу: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 200. Л. 2 об.)

[51] Цитируемый фрагмент письма графине де Фонтан в русском переводе был напечатан Гофманом в его биографическом очерке (Изд. 1914—1915. Т. I. С. LXXX). Адресат письма — графиня Кристина де Фонтан, парижская знакомая Боратынских, дочь писателя Луи де Фонтана (1757—1821). В архиве Боратынских сохранилось несколько ее писем времени их пребывания в Париже (Ф. 33. Оп. 1. № 118. Л. 6—9 об.), а также два письма графини де Фонтан к Настасье Львовне, написанные уже после смерти Боратынского (Там же. Л. 1—2 об.; 4—5 об.), в том числе письмо от 29 октября 1844 г. (Л. 4—5 об.), на которое отвечала вдова Боратынского.

Надгробия Е. А. и Н. Л. Боратынских на кладбище Александро-Невской Лавры
(Фотография А. Ю. Балакина)

Такой взгляд на Боратынского — не поэта-скептика, тщетно ищущего оправдания Творцу и Промыслу (как герой «Отрывка из поэмы: Вера и неверие», автор «На смерть Гете» и «Осени»), но христиански приемлющего смерть как всякую волю Божества — такой взгляд был закреплен строками, выбитыми по желанию Настасьи Львовны на надгробном памятнике Боратынского: «Въ смиреньи сердца надо вѣрить / И терпеливо ждать конца».

История тургеневской публикации (1854)

Копии Н. Л. Боратынской из семейного архива имели важное значение и для последующих масштабных публикаций наследия поэта — появившейся в «Современнике» 1854 г. подборки «XV стихотворений Е. А. Баратынского», а также первого собрания его сочинений (Изд. 1869), подготовленного старшим сыном Боратынского Львом Евгеньевичем.

Появление «XV стихотворений Е. А. Баратынского» среди материалов октябрьской книжки «Современника» за 1854 г.[53] связывают прежде всего

[53] Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Октябрь (ценз. разр. 30 сентября; вышел 2 октября 1854 г.). Отд. I. С. 147—160 (1-й пагинации). Сведения о дате выхода журнала: *Летопись Тургенева 1995*. Т. 1. С. 270.

с именем И. С. Тургенева, доставившего стихи в редакцию журнала и сопроводившего их вступительной заметкой и примечаниями. Так, благодаря Тургеневу, увидела свет самая крупная публикация стихов Боратынского за 10 лет, прошедших со времени смерти поэта, которая стала наиболее значительным напоминанием о нем после некрологических статей и посмертных публикаций 1844—1846 гг., ярким событием литературной жизни середины 1850-х гг.[54]

Состав подборки не отличался однородностью: в нее вошли как стихотворения последних лет жизни Боратынского, так и стихи начала — середины 1830-х гг., а также раннее послание «К Дельвигу»:

I. На смерть Лермонтова («Когда твой голосъ, о поэтъ...») — № 226;
II. «Люблю я васъ, богини пѣнья!..» — № 225.1;
III. Пароходъ («Дикою, грозною ласкою полны...») — № 228;
IV. Дядькѣ Итальянцу («Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой...») — № 229;
V. С—ѣ Н—ѣ К—ной, при посылкѣ «Сумерекъ» («Сближеньемъ съ вами на мгновенье...») — № 222;
VI. Къ .... («Нежданное родство съ тобой даруя...») — № 176;
VII. «Небо Италіи, небо Торквата...» — № 216;
VIII. Н. Е. Б.... («Двойною прелестью опасна...») — № 171;
IX. «Мою звѣзду я знаю, знаю...» — № 217;
X. «Опять весна; опять смѣется лугъ...» — № 224;
XI. Посланіе къ Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...») — № 10.1;
XII. Къ Языкову («Языковъ, буйства молодаго...») — № 165;
XIII. Эпиграмма («„Повѣрьте мнѣ“ — Зоиловъ журналистъ...») — № 148
XIV. На виньетку, представляющую господина за письменнымъ столомъ, а возлѣ него Истину («Онъ точно! <sic!> онъ безспорно...») — № 237;
XV. На *** («Въ рукахъ у этого педанта...») — № 220.

Принципом, объединяющим публикуемые тексты, являлась с точки зрения Тургенева, малая их известность — или вовсе неизвестность — читателю, о чем прямо сказано в предуведомлении, представляющем собой письмо издателям журнала:

---

[54] Ср., например, отклики на публикацию в «Пантеоне» (Пантеон. 1854. Т. 17. Кн. 10. Отд. IV. Петербургский вестник. С. 7—9), «Отечественных записках» (1854. Т. 97. № 11—12. С. 39—40), «Санктпетербургских ведомостях» (1854. № 271. 4 декабря. С. 1), «Москвитянине» (*Алмазов 1854*. С. 113). Об историко-литературном контексте публикации Тургенева см.: *Бодрова, Велижев 2009*. С. 119—147.

Редакція «Современника» получила эти стихотворенія отъ Ив. Сер. Тургенева, при слѣдующемъ письмѣ: «Милостивые государи! Посылаю вамъ, съ согласія г-жи Баратынской, всѣ тѣ стихотворенія покойнаго поэта, которыя не находятся ни въ собраніи его сочиненій, изданномъ въ 1835 году въ Москвѣ, ни въ „Сумеркахъ" 1842 года. Большая часть изъ нихъ была напечатана въ изданіяхъ, не имѣвшихъ обширнаго круга читателей, и потому мало извѣстна публикѣ; нѣкоторыя (какъ-то: „На смерть Лермонтова" и другія) появляются въ первый разъ. Я увѣренъ, что вы съ радостью дадите имъ мѣсто на листахъ вашего журнала и тѣмъ оживите въ памяти всѣхъ любителей русскаго слова образъ одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей лучшей эпохи нашей литературы. <...>»

(Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. I. С. 147)

Эксплицированная установка на возвращение читателям «забытых» или неизвестных текстов отвечала литературной ситуации 1850-х гг., но далеко не все сведения, сообщенные во вступительной заметке, достоверны. Только четыре из пятнадцати стихотворений действительно печатались впервые («Нежданное родство съ тобой даруя...», «Небо Италіи, небо Торквата...», «Двойною прелестью опасна...», «Въ рукахъ у этаго педанта...»), а названное «появляющимся в первый раз» «Когда твой голосъ, о поэтъ...» (озаглавленное «На смерть Лермонтова») уже было помещено на страницах того же «Современника» одиннадцатью годами ранее[55].

Библиографические неточности публикации неоднократно отмечались — как в литературе о Тургеневе, так и в справочном аппарате изданий Боратынского, в то время как проблема источника подборки нигде специально не рассматривалась. Из писем Тургенева известно, что свою публикацию он основывал на материалах альбома Н. Л. Боратынской, полученного вскоре после их знакомства, состоявшегося в конце мая 1854 г.

---

[55] В рукописном варианте предисловия в числе впервые публикуемых текстов были названы еще два — «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» и «Спасибо злобѣ хлопотливой...» (см. *Блинчевская 1964*. С. 239). В нашем распоряжении нет фактических сведений, позволяющих объяснить, почему эти тексты, очевидно предназначаемые Тургеневым в печать, так и не появились на страницах журнала. Однако отметим ошибочность указания о том, что стихотворение «Когда дитя и страсти и сомнѣнья...» не было опубликовано прежде — в год смерти Баратынского его напечатал все тот же «Современник» (1844. Т. 36. № 10. С. 109; см. примеч. к № 227). Едва ли можно предполагать, что Тургенев не был знаком с этим текстом — его стихотворение «Осень» было напечатано на одном развороте с «пьесой» Баратынского (Современник. 1844. Т. 36. № 10. С. 108; заглавие — «Осень»: «Какъ грустный взглядъ люблю я осень...»; подпись: Т. Л. под текстом дата — 1842). В том же номере журнала напечатано другое стихотворение Тургенева «Гроза промчалась» («Гроза промчалась низко надъ землёю...») — С. 111—112 (подпись: Т. Л.).

Земли, гдѣ годъ спустя, предъ нимъ предсталъ и онъ,
Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ
Минутный царь царей, но дивный кондотьери,
Ужъ зиждущій свои гигантскія потери.
Скрывая власти гладъ, тогда морочилъ васъ
Онъ звонкой пустотой революціонныхъ фразъ.
Народъ ему зажегъ привѣтственныя плошки
Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки (*)
Которыя среди блестящихъ обѣщаній чрезъ
Ты контрибуціи назначенной принесъ.
Едва ты узнику печальному Британца
Простилъ военную систему Корсиканца
Что на твоемъ вѣку, то ль благо, то ли зло
Возникло, при тебѣ въ преданья перешло:
Въ Альпійскихъ молніяхъ, пріемлемый опалой,
Свой ратоборный духъ, на битвѣ неусталой,
Въ картечи эпиграммъ Суворовъ испустилъ.
Злодѣй твой, на скалѣ пустынной опочилъ.
Ты самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянныя дѣти;
Когда, свидѣтели превратностей земли,
Они глубокой взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждые за жизненною чашей,
На Итальянской гробъ въ оградѣ церкви нашей.
А я, я съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей,
Увижу родины Италіи твоей.

(*) Прим. [illegible]

Прим. И. Серг. Тургенева.

Примечание И. С. Тургенева
к тексту стихотворения «ДядькѢ Итальянцу» в альбоме Н. Л. Боратынской
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 39

> ...скажу Вам, что я познакомился со вдовою Баратынского (совершенно сумасбродная женщина — между нами сказать) — и она мне вручила альбом, куда она вписала все, что осталось от ее мужа, письма и пр. Можно будет составить довольно любопытную статью, —

сообщал Тургенев С. Т. Аксакову в письме от 31 мая 1854 г. (*Тургенев 1961.* Письма. Т. 2. С. 222). Попыток идентифицировать альбом Н. Л. Боратынской, «врученный» Тургеневу, с известными рукописными источниками из семейного архива до сих не предпринималось. Комментаторы сочинений поэта, очевидно, считали эту задачу либо несущественной, либо принципиально неразрешимой — ввиду утраты части семейного архива[56]. Тем не менее, вопреки осторожному скептицизму предшественников, рукописный источник публикации обнаруживается в хорошо известном исследователям фонде Боратынских в Пушкинском Доме — это один из альбомов Настасьи Львовны, ныне хранящийся под шифром: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40.

О том, что именно этот альбом оказался в начале лета 1854 г. в руках Тургенева, свидетельствует прежде всего карандашное примечание на одной из его страниц, поясняющее ст. 60 стихотворения «Дядькѣ Итальянцу» («Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки»): «По приказанію Бонапарта, все серебро (и ложки между прочимъ) должно было быть выдано французамъ» (Л. 39). Эта запись, в точности совпадающая с подстрочным комментарием к этой строке в журнальном тексте, сделана рукой Тургенева; его авторство подтверждается и чернильной припиской (уже другим почерком): «Прим. Ив. Сер. Тургенева» (Л. 39).

В отличие от иных альбомов и тетрадей Настасьи Львовны, здесь содержатся записи *всех* текстов, вошедших в тургеневскую подборку, включая те, которые были только названы в рукописном варианте предисловия к публикации (см. выше). Особенно показательно наличие в этом альбоме стихотворения «Нежданное родство съ тобой даруя...» — не опубликованный при жизни поэта, текст сохранился только в автографической записи Боратынского на отдельном листке из Мурановского архива (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 189. Л. 2; *Боратынский 2002.* Т. 2. Ч. 1. С. 293) и в *единственной* копии Настасьи Львовны — в обсуждаемом альбоме (Л. 57 об.).

Обращение к альбому Н. Л. Боратынской позволяет прокомментировать и отдельные примечания в «Современнике». Помещая в журнале послание к Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...»), Тургенев снабдил его следующей справкой:

---

[56] Такая позиция нашла отражение, в частности, в текстологических примечаниях к первым двум томам настоящего издания, где источниками тургеневской публикации названы «неизвестные копии» Н. Л. Боратынской (*Боратынский 2002.* Т. 1. С. 90; Т. 2. Ч. 1. С. 227—228, 268, 283, 293).

Посланіе это, одно изъ самыхъ раннихъ произведеній поэта, было, невѣдомо отъ него, помѣщено барономъ Дельвигомъ въ 1819 году въ «Благонамѣренномъ», вмѣстѣ съ другимъ небольшимъ стихотвореніемъ, и не попало потомъ въ «Собраніе Сочиненій». Баратынскій, котораго имя до тѣхъ поръ не появлялось въ печати, часто говорилъ о непріятномъ впечатлѣніи, испытанномъ имъ, при внезапномъ вступленіи въ нежеланную извѣстность.

(Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. I. С. 157).

Существенные психологические и библиографические подробности — при ошибочности отдельных сведений[57] и очевидном отсутствии специальных журнальных разысканий со стороны самого Тургенева, заставляют предполагать конкретный источник подобного комментария. Едва ли можно сомневаться, что в данном случае Тургенев опирался на пояснение Н. Л. Боратынской, сопровождавшее послание к Дельвигу и мадригал «Взгляните: свѣжестью младой...»:

Первыя два стихотворенія Е. Баратынскаго напечатанныя въ 1819 году въ Благонамереннымъ <sic!> Б. Дельвигомъ, сюрпризомъ для Е. А. который никогда не думалъ что когда нибудь будетъ печатать свои произведенія. Онъ часто говорилъ о непріятномъ впечатленіи полученномъ имъ, вступая въ нежеланную извѣстность.

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 7 об.)

Альбомная запись объясняет происхождение неверных сведений о месте первой публикации «Послания к Дельвигу», равно как и указание Тургенева о том, что оно было напечатано «вмѣстѣ съ другимъ небольшимъ стихотвореніемъ». В данном случае, несомненно, имеется в виду дебютное стихотворение Боратынского («Мадригалъ. Пожилой женщинѣ и все еще прекрасной» — № 1.1), записанное на той же альбомной странице, что и послание к Дельвигу.

С листов альбома в «Современник» перешла датировка эпиграммы на Булгарина («„Повѣрьте мнѣ“ — Зоиловъ журналистъ...»)[58], а также уникальное

---

[57] «Послание к Дельвигу» было опубликовано не в «Благонамеренном», а в «Сыне Отечества», причем никакое другое стихотворение Боратынского вместе с ним напечатано не было. Это был уже седьмой текст начинающего поэта, появившийся в печати, и пятый за его полной подписью, поэтому едва ли «неприятное впечатление» могло быть связано именно с этим стихотворением (*Боратынский 2002*. Т. 1. С. 303). На фактические ошибки тургеневского примечания впервые обратил внимание Гофман (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 214); «малоправдоподобность» тургеневских сведений (впрочем, безо всяких уточнений) была затем отмечена и в Изд. 1936 (Т. II. С. 250).

[58] В «Современнике» эпиграмма датирована 1828 г.; в обсуждаемом альбоме стихотворение — вместе с записанной ниже эпиграммой «На виньетку...» — помещается в рубрике

чтение ст. 30 послания «Къ Языкову», отличающее журнальный и альбомный текст от других известных источников[59]. Говоря о совпадающих разночтениях, подтверждающих зависимость тургеневской публикации от обсуждаемого альбома, нельзя не упомянуть послание «Дядькѣ Итальянцу». Текст сохранился в многочисленных копиях, которые существенно отличаются между собой, давая разночтения для более чем 10 строк. Во всех этих «вариативных местах» чтение тургеневской публикации совпадает с текстом в альбоме Н. Л. Боратынской в противоположность прочим известным источникам (см. примеч. к № 229):

	Современник / альбом Н.Л. Боратынской (№ 40)	**другие рукописные источники**
Ст. 61	… ***среди*** блестящихъ общихъ грезъ	…***въ чаду*** блестящихъ общихъ грезъ
Ст. 115	[…сумрачный поэтъ, Дитя Британіи, влачившій столько лѣтъ] По ***тайнымъ*** берегамъ груди своей отравы	По ***знойнымъ*** берегамъ груди своей отравы, По ***дальнымъ*** берегамъ груди своей отравы По ***дальнымъ*** берегамъ ***души*** своей отравы
Ст. 128	Чѣмъ вздохи южные ***съ душистымъ ихъ упоемъ***!	Чѣмъ вздохи южные ***съ полуденнымъ алоемъ*** Чѣмъ вздохи южные ***съ душистымъ ихъ алоемъ***

Альбом Н. Л. Боратынской (Л. 39 об.), очевидно, послужил источником опечатки в ст. 101: «Но чтобъ незримо слить въ *безсмысліи* златомъ / Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ вѣчнымъ сномъ» (С. 153). Именно такое чтение («въ безсмысліи» вместо «въ безмысліи»), отличное от всех других известных рукописей, наличествует в рассматриваемом альбоме[60].

«Въ 1828» (Л. 57), в то время как в других копиях Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 55 об.; № 41. Л. 45 об.) нет никаких сведений о датировке (ср. *Боратынский 2002*. Т. 2. Ч. 1. С. 227).

[59] В «Современнике» и в альбоме ст. 30 читается «И *тѣмъ* искупишь передъ свѣтомъ», в то время как в единственной прижизненной публикации (Европеец. 1832. Ч. 1. Январь. № 2. С. 204—205), новонайденном автографе (ПД. Ф. 348. № 42. Л. 3—3 об.) и копии из Языковского архива (ПД. № 1488. Л. 3—3 об.), в другой копии Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 56 об.—57) этот стих имеет иное чтение: «И *самъ* искупишь передъ свѣтомъ». Копия Н. Л. Боратынской в альбоме № 41 (Л. 49 об.), с чтением «И тѣмъ искупишь передъ свѣтомъ» содержит еще два дополнительных разночтения в ст. 16 и 31 — ср. *Боратынский 2002*. Т. 2. Ч. 1. С. 268.

[60] По выходе журнала Тургенев счел вариант «въ безсмысліи златомъ» очевидной опечаткой и обратился к Анненкову с просьбой сообщить Некрасову о необходимости ее исправить

При этом нельзя не указать и на некоторые расхождения между публикацией в «Современнике» и альбомными копиями. Различия касаются прежде всего заглавий — так, например, стихотворение, известное как «Пироскафъ», имеет в журнальной подборке заглавие «Пароходъ»; изменен титул эпиграммы на Булгарина, названной в «Современнике» «На виньетку, представляющую господина за письменнымъ столомъ, а возлѣ него Истину» (см. примеч. к № 237); зашифровано имя адресата послания «Сближеньемъ съ вами на мгновенье...» — С. Н. Карамзиной («С—ѣ Н—ѣ К—ной, при посылкѣ „Сумерекъ"»). Заглавия, отсутствующие в альбоме (и не совпадающие с представленными в других рукописных источниках), получили стихотворения «Когда твой голосъ, о поэтъ...» («На смерть Лермонтова»), «Нежданное родство съ тобой даруя...» («Къ ....»), «Въ рукахъ у этаго педанта...» («На ***»).

Единичные разночтения между альбомными текстами и публикацией в «Современнике» содержат и некоторые тексты:

	Современник	Альбом Н. Л. Боратынской (№ 40)
	«Люблю я васъ, богини пѣнья!..»	
Ст. 4	[Сей сладкій трепетъ вдохновенья —] Предтеч*а* жизненныхъ невзгодъ.	Предтеч*ей* жизненныхъ невзгодъ.
Ст. 7	Чтобъ персты, па*в*шіе на струны	Чтобъ персты, па*д*шіе на струны
Ст. 10—12	И отрыва*ясь*, полный муки, [Отъ музы ласковой ко мнѣ,] *Я* говорю: до завтра звуки	И отрыва*юсь*, полный муки *И* говорю: до завтра звуки
	«Пароходъ»	**«Пироскафъ»**
Ст. 11	Только *лишь* чайка вьется за нами	Только *что* чайка вьется за нами
	«Дядькѣ Итальянцу»	
Ст. 7	...прости, мы *тѣ* изъ націй	...прости, мы *та* изъ націй
	«С—ѣ Н—ѣ К—ной, при посылкѣ „Сумерекъ"»	**«С. Н. Карамзиной при посылкѣ Сумерковъ»**
Ст. 4	Такъ сладко, складно *пѣло* мнѣ.	Такъ сладко, складно *лгало* мнѣ.
	«Посланіе къ Дельвигу»	**«Дельвигу»**
Ст. 26	Въ караулѣ *посѣтятъ*.	Въ караулѣ *навѣстятъ*.

(*Тургенев 1961*. Письма. Т. 2. С. 233). На последней странице следующего номера журнала об этом была помещена специальная заметка — см. примеч. к № 229.

Однако сам характер разночтений и, что не менее существенно, их уникальность по сравнению с другими известными рукописями, как представляется, не могут свидетельствовать против обоснованного выше предположения об опоре публикации Тургенева на альбом Н. Л. Боратынской. В некоторых случаях можно предполагать опечатки[61], ошибки наборщика или переписчика рукописи (ср. «павшіе» vs «падшіе», «*пѣло*» vs «*лгало*»), но не менее вероятным кажется и другое: в этих изменениях можно усмотреть и сознательные «исправления» публикатора, И. С. Тургенева, который, как известно, довольно часто редактировал печатаемые им чужие стихотворные тексты[62]. Вероятно, именно с вмешательством Тургенева нужно связывать появление заглавий и их изменение или, например, последовательную замену в обеих эпиграммах на Булгарина выражения «Фигляринъ журналистъ» на «Зоиловъ журналистъ», а также поправки в текстах «Пироскафа» и «Люблю я васъ, Богини пѣнья...». Таким образом, публикация в «Современнике» является в текстологическом отношении сугубо вторичным источником, к тому же отмеченным редакторскими поправками, и при установлении критического текста учитываться не должна.

Канонизация семейного корпуса: история издания 1869 г.

Первое собрание сочинений Боратынского, подготовленное к 25-летней годовщине смерти поэта его сыном Львом Евгеньевичем (Изд. 1869), традиционно пользуется авторитетом у последующих исследователей Боратынского (как и подготовленное на его основе Изд. 1884). В издании был впервые собран представительный поэтический корпус — стихотворения всех прижизненных сборников и поэмы, сопровождавшиеся сводом важнейших разночтений по печатным и рукописным источникам. Наряду с лирическими произведениями, в Изд. 1869 были представлены прозаические сочинения Боратынского, критическая статья о «Тавриде» А. Н. Муравьева, французские автопереводы, избранные письма.

[61] Тексты подборки не свободны от очевидных опечаток: ср. в послании «К Языкову»: «Или без**уд**шнымъ журналистомъ» (С. 158); а также странное пунктуационное оформление ст. 1. эпиграммы «На виньетку...» : «Онъ точно! онъ безспорно / Зоиловъ журналистъ...» (С. 159).

[62] См.: *Благой 1923а*. С. 142—163; *Пигарев 1935*. С. 371—418; *Осповат 1980*. С. 45—47; *Благой 1923б*. С. 45—64; *Лотман 1977*. С. 25—47. Возможность редакторского «участия» Тургенева косвенно подтверждается введением примечаний к «Пироскафу», «Дядьке Итальянцу» и «Посланию к Дельвигу».

Во многих научных изданиях Боратынского публикации Изд. 1869 не раз были использованы в качестве источника основного текста, хотя до сих пор остаются непроясненными обстоятельства и принципы подготовки Изд. 1869, плохо очерчен круг рукописных источников из семейного архива, доступных редактору книги — Л. Е. Боратынскому. Между тем сохранившиеся подготовительные материалы к изданию и сопроводительная переписка позволяют реконструировать историю его замысла, выявить круг материалов, положенных в его основу, определить его эдиционные принципы, что дает основание пересмотреть сложившиеся представления о статусе семейных изданий как авторитетном источнике текста.

Наиболее ранние известные сведения о замысле собрания относятся к концу 1860 г., когда, как вспоминал М. Н. Лонгинов, «сынъ поэта выразилъ <...> желаніе», чтобы тот «содѣйствовалъ <...> въ приготовленіи новаго полнаго изданія сочиненій Баратынскаго, въ которое должны были войти ненапечатанныя стихотворенія и письма его»[63]. Очевидно, Лев Боратынский решился обратиться к Лонгинову, когда от Н. В. Путяты узнал, что он составил статью о жизни и творчестве Боратынского, предназначенную для чтения в Обществе Любителей Российской Словесности, которое состоялось 7 декабря 1860 г. По просьбе сына поэта Лонгинов затем «разыскалъ послѣдовательныя редакціи всѣхъ его напечатанныхъ стихотвореній, нашелъ всѣ пьесы, невошедшія въ изданія 1835 и 1842 годовъ и составилъ всему этому подробный хронологическій списокъ» (*Лонгинов 1864*. Стлб. 117), который послужил важным подспорьем Льву Боратынскому[64] и затем был помещен в книге (*Лонгинов 1869*. С. 374—385).

Благодаря библиографа за вклад в подготовку издания, Л. Е. Боратынский сообщал ему о первоначальном плане собрания в письме от 26 декабря 1860 г.:

---

[63] См.: *Лонгинов 1864*. Стлб. 117 (статья датирована: Москва. «2 Іюня 1863 г.»). Во 2-м номере «Библиографических записок» (1861. № 2; ц. р. 31 января 1861 г. Стлб. 63) уже сообщалось, что «въ Москвѣ готовится къ выходу въ свѣтъ изданіе полнаго собранія сочиненій Е. А. Баратынскаго, предпринятое его сыномъ».

[64] Лев Боратынский — Н. В. Путяте (письмо без даты): «Не умѣю Вамъ выразить какъ я Вамъ благодаренъ за сообщеніе мнѣ драгоцѣннаго труда Г^на^ Лонгинова, который такъ облегчитъ предположенное мною изданіе. Какъ отрадно встрѣтить человѣка который такъ тщательно прослѣдилъ литературную дѣятельность Батюшки и принимаетъ такое живое участіе въ изданіи его сочиненій; мнѣ только остается пользоваться его трудами и благодарить его. Вы меня чрезвычайно обяжете ежели сообщите мнѣ его статью о Батюшкѣ и также его имя и отчество и адресъ его, мнѣ бы хотѣлось лично выразить ему мою благодарность» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 93. Л. 45—45 об.).

Милостивый Государь Михаилъ Николаевичъ!

Позвольте мнѣ самому выразить Вамъ мою благодарность за Вашъ трудъ и за участіе которое Вы принимаете въ изданіи сочиненій Батюшки. Дядюшка Николай Васильевичъ Путята пишетъ мнѣ о статьѣ Вашей, предназначенной для чтенія въ Обществѣ Любителей Русской Словесности. Вы, говорятъ, такъ превосходно опредѣлили въ ней духъ поэзіи Батюшки и также помѣстили біографическія подробности. Жажду имѣть о ней понятіе.

Я намѣренъ помѣстить въ изданіи краткій очеркъ біографіи Батюшки, а такъ какъ письма его должны служить дополненіемъ къ ней, то я думаю помѣстить ихъ не въ концѣ а въ началѣ, а въ слѣдъ за ними прозу.

Передъ своей кончиной, Батюшка, предполагая сдѣлать 3е изданіе своихъ сочиненій, хотѣлъ размѣстить ихъ по родамъ, при этомъ, нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній назвалъ Лирическими, другимъ оставилъ заглавіе Элегій, третіе помѣстилъ въ антологическія и наконецъ въ мелкія. Эпиграммы и Посланія составляютъ особые Отдѣлы, конечно и Поэмы.

Желая исполнить волю Батюшки, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединить и Вашу мысль объ историческомъ порядкѣ, я думаю сдѣлать два оглавленія: одно, по размѣщенію сочиненій въ изданіи, и другое историческое, съ означеніемъ гдѣ эти произведенія появлялись; при этомъ, я почту пріятнымъ долгомъ поименовать того, кому я обязанъ этимъ драгоцѣннымъ библіографическимъ трудомъ, который Вы были такъ любезны и такъ добры передать въ мое распоряженіе.

Въ текстѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, сдѣланы Батюшкой кое гдѣ измѣненія, печатая ихъ съ послѣдними перемѣнами, варіанты будутъ мной означены въ концѣ каждаго тома, руководствуясь для этого, по Вашему указанію, послѣднимъ изданіемъ сочиненій Языкова. <...>

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 134. Л. 1—2)

Ссылка на издательский замысел самого поэта не убедила Лонгинова счесть разделение стихотворений «по родам» целесообразным, хотя Лев Евгеньевич и в следующем своем письме продолжал аргументировать такое решение, ссылаясь на рукописи отца:

Милостивый Государь, Михаилъ Николаевичь,

<...>

Вы не можете сомнѣваться въ томъ, сколько я дорожу Вашимъ мнѣніемъ и Вашими совѣтами; считаю долгомъ сообщить Вамъ мои основанія для раздѣленія стихотвореній Батюшки по родамъ. Не смотря на то, что въ 1835 году, они вышли безъ раздѣленій, Батюшка очень упиралъ на то чтобы сдѣлать третье изданіе съ раздѣленіями. Я думаю, что изданіе, какъ замышлялъ его самъ авторъ,

не будетъ безъ интереса для публики; это не помѣшаетъ, въ послѣдствіи, сдѣлать его въ другомъ видѣ. Пріимущество раздѣленій состоитъ въ томъ, что ихъ легче помнить чѣмъ хронологію, отъискивая пьесу. Для большаго удобства, я думалъ, отдѣлы не обозначать особой серіей страницъ, а послѣдовательными цыфрами, такъ что нашедши страницу въ оглавленіи, тотчасъ можно найти стихотвореніе. Въ отдѣлахъ же я намѣренъ, сколько возможно придерживаться исторической послѣдовательности. У меня сохранилось въ памяти то что Батюшка говорилъ объ этомъ распредѣленіи въ Неаполѣ. Онъ почиталъ Лирическими не одни гимны и оды а всѣ стихотворенія проникнутыя въ высшей степени восторгомъ и экзальтаціей. Изъ своихъ сочиненій, онъ причислялъ къ нимъ: Финляндію, Послѣдняго Поэта, Осень и друг. Эпиграммы всѣ переписаны имъ самимъ въ особой тетрадкѣ, съ надписью: *Эпиграммы* и такъ какъ въ нихъ болѣе общаго нѣжели частнаго и личностей, то нѣтъ препятствій напечатать ихъ подъ этимъ заглавіемъ. Къ тому же личности безъ собственныхъ именъ. Есть особый отдѣлъ стихотвореній *въ альбомъ*. Антологическія стихотворенія недлинныя но заключающія въ себѣ нѣчто граціозное, а чаще всего глубокую мысль, какъ напр. «*Взгляните свѣжестью младой*» и также: «*О мысль тебѣ удѣлъ цвѣтка!*» и т. д. Мадона названа балладой. Посланія и Поэмы сами собой опредѣляются и обозначены въ заглавіяхъ. Хотя въ каждомъ стихотвореніи Батюшки, если мнѣ позволено выразить это мнѣніе, заключается и лиризмъ, и элегія, и цвѣтъ мысли и чувства, однако Вы видите что въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ есть довольно чувствительный оттѣнокъ, что есть гармонія въ этомъ распредѣленіи и что легко отъискать пьесу которую желаешь, когда вздумается раскрыть книгу и кое что прочитать; а кто захочетъ прослѣдить историческій ходъ сочиненій, какъ воображеніе внушало ихъ автору въ теченіи жизни, хотя Вы сами сознаетесь, что этого въ точности опредѣлить невозможно, но Вами въ этомъ отношеніи, сдѣлано все что можно было сдѣлать.

(Там же. Л. 3—4)

Уже в приведенных письмах Л. Е. Боратынского хорошо виден основной принцип, которым он будет руководствоваться в издании — прежде всего, ориентация на последнюю волю поэта, запечатленную в его рукописях, поправках в печатных изданиях, списках из фамильного архива. С этим связана и установка на воспроизведение семейного предания, особенно ярко проявившаяся в концепции биографической статьи и отборе эпистолярных текстов.

Несмотря на симпатию к Лонгинову и сочувственное отношение к его историко-литературному очерку о поэте[65], Лев Боратынский предпочел поместить

[65] Отзыв см. в письме Л. Е. Боратынского к Н. В. Путяте: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 93. Л. 9—11 об. (письмо от 26 февраля <1867 г.>).

в издании самолично составленную биографическую заметку — «Матеріалы для біографіи Е. А. Баратынскаго» (Изд. 1869. С. 391—400), которую, в несколько иной редакции, почти в то же время напечатал и в «Портретной галерее русских деятелей» А. Мюнстера (*Боратынский Л. Е. 1869*. С. 70—73). Важной особенностью биографической статьи, составленной Л. Е. Боратынским, была, как показывает обращение к кругу доступных сыну поэта источников, ориентация прежде всего на семейное предание о поэте. «Материалы для биографии...», очевидно, должны были донести до публики тот образ Боратынского, который — прежде всего усилиями Настасьи Львовны — формировался и сохранялся в домашнем кругу.

Так, в своей биографии Лев Евгеньевич воспроизводит семейную легенду о первой публикации Боратынского, будто бы вызвавшей «тягостное впечатление» начинающего поэта:

> Первыя стихотворенія <...> начали появляться около 1819 года; они были напечатаны Дельвигомъ, безъ вѣдома его. <...> онъ испыталъ тягостное впечатлѣніе, какъ говорилъ въ послѣдствіи, когда увидѣлъ свои стихотворенія и имя свое въ первый разъ напечатанными.
>
> (Изд. 1869. С. 393—394)

Напомним, что эти сведения восходят к пояснительной заметке в альбоме Н. Л. Боратынской, а также к ее статье в ответ на некролог Головина.

Прямые переклички с той же статьей Настасьи Львовны, а также с ее письмом графине де Фонтан обнаруживают и другие фрагменты очерка Льва Боратынского:

Il convenait que la prose n'avait nul attrait pour lui et qu'il avait même plus de facilité à exprimer ses idées en vers (*статья в ответ Головину — Хетсо 1964*. P. 12). [Он признавался, что проза не имеет для него привлекательности и что он даже с большей легкостью выражает свои мысли стихами].	Онъ мало писалъ прозою и охотнѣе выражалъ свои мысли стихами *(издание Мюнстера — Боратынский Л. Е. 1869. С. 72).* Онъ съ большею легкостью выражался стихами <...> *(Изд. 1869. С. 397).*
<...> on l'a vu rejetter de son réceuil des pièces qu'il trouvait mauvaises malgré le succès qu'elles avaient obtenu et il corrigeait celles qui avaient été imprimées rien que pour satisfaire	Нѣкоторые упрекали его въ частой передѣлкѣ стиховъ уже напечатанныхъ и имѣвшихъ успѣхъ; <...> Поэтъ былъ чрезвычайно строгъ къ самому

à son sentiment d'artiste. <...> *(письмо графине де Фонтан* — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 108. Л. 9*)*.
[Он исключал из своих сборников пьесы, которые он находил слабыми, вопреки успеху, который они имели, он исправлял те стихотворения, которые уже были напечатаны, единственно с целью удовлетворить свое чувство художника.]

себѣ: успѣхъ не удовлетворялъ его, ежели онъ чувствовалъ возможность чего либо усовершенствованнаго *(Изд. 1869. С. 396—397)*.

Le malheur a voulu qu'il ait vu se disséminer autour de lui les littérateurs, ses contemporains et les jeunes littérateurs se sont éloignés de lui, plusieurs mêmes sans vouloir le connaitre, parce qu'on le peignait tellement arbitraire dans ses opinions <...> *(письмо графине де Фонтан* — ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 108. Л. 9).
[Несчастьем ему было суждено видеть, как редеет круг литераторов-современников, а начинающие литераторы отдаляются от него, некоторые — даже не желая его знать, потому что он порой был довольно строг в своих мнениях.]

Будучи строгимъ къ самому себѣ, Баратынскій также безпристрастно и нелицепріятно выражалъ свое мнѣніе относительно всякаго рода литературныхъ произведеній. <...> онъ придерживался правила: не щадить ошибокъ, которыя, при указаніи ихъ опытнымъ литераторомъ, могутъ быть столь полезны молодому начинающему писателю *(Изд. 1869. С. 397)*.

В одном из фрагментов биографической статьи Лев Евгеньевич даже цитировал довольно обширную выписку из бумаг Н. Л. Боратынской — «нѣсколько строкъ <...>, чрезвычайно вѣрно воспроизводящихъ характеръ поэта» (*Изд. 1869.* С. 396), однако их автором была вовсе не Настасья Львовна, а И. В. Киреевский, фрагмент некрологической статьи которого из «Библиотеки для воспитания» (*Киреевский 1845б.* С. V—VI) вдова поэта переписала своей рукой.

Чрезмерное доверие к свидетельствам Настасьи Львовны сказалось также в ряде неверных датировок и указаний издания, восходящих к ее записям и пометам: так, поездка Боратынского в Петербург, в действительности состоявшаяся в феврале 1840 г., отнесена Львом Евгеньевичем к 1839 г.[66], которым

[66] «Зимою 1839 года, онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Въ письмахъ своихъ къ женѣ поэтъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Петербургскимъ обществомъ» (Изд. 1869. С. 398).

датированы и все письма поэта из Петербурга (Изд. 1869. С. 422) — вслед за пометами в альбомах Н. Л. Боратынской[67]. О безоговорочной опоре на ее записи ярко свидетельствует просьба Л. Е. Боратынского в письме к Путяте (так и оставшаяся нереализованной) исправить датировку писем к Пушкину: «первое и второе письма къ Пушкину, на первомъ изъ нихъ Матушкиной рукой означенъ: *1825 годъ*, а не 1826, какъ напечатано и я не думаю, чтобы Матушка, не имѣла точныхъ свѣденій о годѣ въ которомъ написаны эти письма» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 93. Л. 26 об.—27; письмо от 23 августа 1868 г.)[68].

Рассмотренные примеры заставляют критически отнестись и к другим сообщениям сына поэта и вывести «Материалы...» из числа источников, заслуживающих несомненного доверия. Сложный генезис биографической статьи Л. Е. Боратынского, опиравшегося как на установленные факты, так и — в равной степени — на семейные предания и собственные воспоминания, необходимо иметь в виду при оценке достоверности биографических свидетельств и при обращении к текстам Боратынского, известным только в передаче Льва Евгеньевича в названной статье (фрагмент «Съ неба чистая, золотистая...»[69], экспромт «Принесъ ты мирные трофеи...»[70]).

При отборе текстов основного корпуса и их подготовке Л. Е. Боратынский руководствовался сходными установками. Как и в случае с биографическими сведениями, в отношении собственно текстов сын поэта зачастую ориентиро-

[67] См., например: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 29 (помета «De Pétérsbourg à Moscou, 1839»); № 40. Л. 13 (помета: «De Petersbourg à Moscou. 1839») и др.

[68] Речь, очевидно, идет о помете над этими письмами в альбоме № 40, где над первым текстом эпистолярной подборки рукой Н. Л. Боратынской поставлена дата: «1825 года» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 8).

[69] Со ссылкой на текст, процитированный Л. Е. Боратынским, четверостишие печатается в разделе «Dubia» собраний сочинений поэта, начиная с Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 204); см. примеч. к № 241.

[70] На основании свидетельства Льва Боратынского о том, что куплет «Принесъ ты мирные трофеи...» был экспромтом поэта, четверостишие ввел в раздел «Dubia» Гофман (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 208, 328—329; в комментариях редактор высказывал серьезные сомнения в принадлежности стихотворения Боратынскому), а затем Медведева и Купреянова (Изд. 1936. Т. I. С. 336; Т. II. С. 301; Изд. 1957. С. 317, 394). Впоследствии в специальном исследовании Медведева привела полный текст куплетов, напечатанный в «Московских ведомостях» (1836. № 11. 5 февр. С. 229—230) и «Московском наблюдателе» (1835. Ч. IV. Октябрь. Кн. 2. Прил. С. 3—4), атрибутировав его Боратынскому (*Медведева 1968*. Р. 119—120). На этом основании полный текст куплетов был напечатан Фризманом в основном корпусе текстов Боратынского (Изд. 1982. С. 337—338, 664—665). Однако недавно обнаруженный автограф Шевырева, содержащий запись полного текста куплетов (ОР РНБ. Ф. 542. № 778), дал основание М. И. Медовому утверждать единоличное авторство последнего (*Медовой 2007*. С. 116—120) и вовсе отвести авторство Боратынского.

вался на рукописи Настасьи Львовны, которые имели в его глазах статус первоисточника.

Особенно ярко это видно на материале эпистолярия Боратынского — прежде всего на письмах к жене из Петербурга, которые дошли до нас как в подлинниках (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 77. Л. 7—10 об., 15—16 об., 19—22 об., 25—28 об., 31—36 об., 39—40), так и в альбомных копиях Настасьи Львовны. Сопоставление названных источников с текстами, напечатанными в Изд. 1869, показывает, что публикация основывалась, по всей видимости, на копиях в альбоме № 40, карандашные отчеркивания в котором соответствуют купюрам издания.

Так, например, в копии письма, датируемого 6 февраля 1840 г., вычеркнут рассказ о недовольстве публики повестью Соллогуба «Тарантас» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 15—15 об.; текст вычеркнутого отрывка см.: *Летопись*. С. 359) — тот же фрагмент отсутствует в публикации письма (Изд. 1869. С. 423). В письме от 10 февраля в альбомной копии отчеркнуто карандашом начало до фразы «Съ Княземъ и Княгиней...» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 16—17; текст письма: *Летопись*. С. 361—362) — в Изд. 1869 купированный начальный фрагмент еще значительнее (Изд. 1869. С. 424). В письме от 9 февраля в альбомной копии отчеркнут последний фрагмент, рассказывающий о встрече с дядюшкой Петром Андреевичем (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 19 об.—20; текст письма: *Летопись*. С. 361) — он также опущен в публикации (Изд. 1869. С. 427).

По копиям Н. Л. Боратынской сын поэта напечатал последнюю редакцию поэмы «Цыганка», не опубликованную при жизни Боратынского, многие поздние стихотворения. Так, текст послания «Дядькѣ Итальянцу» в Изд. 1869 восходит не к первой публикации в «Современнике», а к альбомным спискам, о чем свидетельствует специфика разночтений в печатном тексте. В соответствии с большинством списков Н. Л. Боратынской строка «Пироскафа» напечатана с усечением в форме «здравья»: «Пѣною *здравья* брызжетъ мнѣ валъ» — также в отличие от текста «Современника». Альбомным копиям соответствует чтение в финальной строфе «Опять весна, опять смѣется лугъ...» и «Люблю я васъ, богини пѣнья...», к спискам Н. Л. Боратынской восходит заглавие стихотворения «Когда твой голосъ, о поэтъ...» — «Память поэту».

Можно полагать, что копии Настасьи Львовны Лев Боратынский считал источником, отражающим последнюю авторскую волю, следование которой он стремился проводить как важнейший эдиционный принцип, что хорошо видно из писем Л. Е. Боратынского к Путяте и писем последнего Бартеневу, также принимавшему участие в подготовке издания.

Из писем сына поэта следует, что в его распоряжении был труднодоступный ныне экземпляр «Стихотворений Баратынского» 1835 г. с авторскими поправками[71], которые он настоятельно хотел ввести в основной корпус, хотя эти поправки не всегда представляли законченную редакцию. Так, Лев Евгеньевич писал Путяте:

> ...въ біографическомъ очеркѣ тамъ гдѣ приведены стихи изъ стихотворенія «Судьбой наложенныя цѣпи» мнѣ кажется, что я привелъ прежній текстъ: «Далече странствуютъ иные», но слово *странствуютъ*, въ экземплярѣ 1835 года зачеркнуто и замѣнено словомъ бѣдствуютъ, такъ что слѣдуетъ и въ ситаціи напечатать: — «Далече бѣдствуютъ иные» <...>
>
> ...поэтъ зачеркнулъ въ стихотвореніи *Д. Давыдову* стихъ: «*И трепетать ему не лѣнь*», такъ что это стихотвореніе должно читаться:
>
> Такъ, такъ! Покуда сердце живо,
> Въ воспоминаньи горделиво
> Хранить я буду оный день.
>
> не смотря на то, что стихъ «Хранить я буду оный день» остается безъ рифмы, но чрезъ это не утрачивается благозвучіе <...>
>
> (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 93. Л. 17 об., 29).

Первая поправка в издании была учтена и не вызвала возражений Путяты или Бартенева, в то время как слепое следование «последней авторской воле» в послании Давыдову, на котором настаивал Лев Боратынский, Путятой было сочтено неоправданным, о чем он прямо писал Бартеневу:

> Левушка меня приводитъ въ отчаяніе. Въ посланіи къ Д. Давыдову онъ поставилъ точки вмѣсто однаго стиха потому, что отецъ его зачеркнулъ этотъ стихъ въ своемъ экземплярѣ изданія 1835 г., вѣроятно съ намѣреніемъ измѣнить его, но не сдѣлалъ этаго. Я возстановилъ этотъ стихъ по тому же изданію. Вообще я почти увѣренъ, что половина сдѣланныхъ нами корректуръ не будетъ исправлена въ типографіи, и что нео<б>ходимо перечитывать еще за тѣмъ набранные листы.
>
> (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 382. Л. 20—20 об.)[72]

---

[71] Ныне находится в собственности наследников К. В. Пигарева; в первых томах настоящего собрания эта правка Боратынского была учтена непоследовательно.

[72] В результате в основном тексте послание было напечатано в соответствии с текстом Изд. 1835, а указания о последующих авторских исправлениях были помещены в разделе «Варианты» (Изд. 1869. С. 201).

Уже из этого фрагмента переписки, сопровождавшей подготовку издания, хорошо видны те неизбежные недостатки собрания 1869 г., которые существенно затрудняют обращение к нему как авторитетному источнику текста. Принцип последней авторской воли, на котором настаивал Лев Боратынский, на деле оказывался реализованным далеко не последовательно — частично из-за противодействия Путяты и Бартенева, считавших некоторые требования сына поэта чересчур радикальными, частично из-за технических затруднений с печатанием и вычиткой корректур: отпечатанные листы Бартенев, ведавший сношениями с типографией, отсылал на вычитку Путяте в Мураново и Льву Евгеньевичу, который часто отлучался из Москвы. Многие поправки вносились в самый последний момент, при этом все равно довольно значительное их число в самой книге учтено не было, и к изданию был приложен внушительный список опечаток.

Таким образом, непоследовательность конкретных текстологических решений в Изд. 1869 существенно затрудняет обращение к нему и последующим семейным переизданиям 1884-го и 1900-го гг. как к авторитетному источнику текстов. Значительно бóльшим весом в эдиционной практике должны обладать положенные в основу этого издания рукописные материалы из семейного архива и, прежде всего, копии в альбомах Н. Л. Боратынской.

А. С. Бодрова

— V —

Журнальные отклики на «Сумерки»

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТКЛИКИ НА «СУМЕРКИ»*

<ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ «СУМЕРЕК»>[1]

В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ А. СЕМЕНА
на Кузнецком мосту в доме Суровщикова,
поступило в продажу отпечатанное на сих днях
сочинение Евгения Боратынского
СУМЕРКИ
цена в бумажке 5 руб. ассигн.

О. И. СЕНКОВСКИЙ (?)

Сумерки. *Сочинение* Евгения Баратынского.
Москва, в тип. Семена, 1842, *в-12, стр. 88*[2]

Сумерки, и луны нет! Сумерки, и девы нет! Даже нет мечты!.... которая впрочем то же что́ дева. Что́ ж это за сумерки?.... Но они именно тем и хороши, что в них нет ни луны, ни девы, ни мечты. Это сумерки без всяких пошлостей, сумерки comme-il-faut, благородные сумерки.

---

* Тексты рецензий и статей печатаются по новой орфографии, но с сохранением специфических особенностей правописания (заглавные буквы, слитное / раздельное / дефисное написание и т. д.) и пунктуации источников.

[1] Московские Ведомости. 1842. № 40. Середа, Мая 20-го. Прибавления. Отд. II. О русских книгах. С. 589.

[2] Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. № 7 (ценз. разр. 30 июня; вышел 4 июля — *Летопись*. С. 387). Отд. VI: Литературная летопись. Июнь, 1842. Новые книги. С. 1—8 (6-й пагинации).

Насчет сумерок, я думаю, что они тогда только становятся приметными, когда солнце оставляет горизонт, или когда оно помрачается. Эта мысль пришла мне в последнее затьмение, 26 июня. Луна, конечно, блестит очень изрядно впотьмах: светило хоть куда, в ночное время! Даже и днем, как-скоро она поместится против солнца, все примечают ее, все об ней толкуют. Не будь солнца, луна решительно была бы незаметна во вселенной; никто не знал бы о существовании луны. И я сделал наблюдение, что таких лун, которые помещаются против солнца и заставляют всех говорить о себе, очень много на свете. Есть солнца на земле, которые проливают на нее еще более свету чем то, которое затьмилось 26 июня. В их свете ходят поколения. Без них человек блуждал бы во мраке, будь на небе даже десять таких солнц как то, которое затьмилось. Это — гениальные люди. Это — великие таланты. И есть такие луны, тела круглые, темные, которые не светят сами собою, но становятся светлыми и довольно блестящими, как-скоро эти солнца озарят их своими лучами. Эти тела круглые, темные — головы с посредственными дарованиями. Они непременно требуют такого освещения чтобы сделаться заметными. Сама природа назначила их быть спутниками солнц, или гениев. Эти солнца, освещая эти головы преимущественно, имеют дар обнаруживать в них много прекрасного и необыкновенного, и делают из них весьма полезные ночные светила. Так, головы, поместившиеся в сиянии Наполеонова гения, долго еще и после его закату бросали свет на мрачные пропасти человечества. Так, в блестящие эпохи Петра и Екатерины, возникали из тьмы герои, которых имена навсегда останутся в истории. Так, и на светлых полях поэзии, Томас Мур, половиною своей славы обязан Байрону, или Бирону. Множество имен известны только потому что стояли некогда насупротив лучезарного имени Вольтера. И на Руси бывали подобные случаи. Вместе с Карамзиным, Жуковским, Батюшковым, стали славны их друзья, которых я никогда не решусь назвать по имени, из уважения к их приятному, хоть и заимствованному, свету. Пушкин тоже имел свои луны. Как-скоро луч его славы упадал на них, они начинали нам присвечивать, и мы удивлялись красоте этих второстепенных светил. Лишь-только это яркое солнце угасло, и все луны исчезли в общей темноте. Таково свойство отраженного свету!

Я говорю это единственно по случаю затьмения и луны, а вовсе не насчет «Сумерок» господина Баратынского. Его «Сумерки» — сумерки хоть куда. Они были бы приметны даже и в таком случае, когда б солнца совсем не существовало; когда б все было мрак и тьма; когда б четыре радужные луча Пушкина не проливали на них своего волшебного свету:

Стих каждой повести твоей
Звучит и блещет как червонец;
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил — прямой Чухонец!

Стихотворения его, и прежде напечатанные, и нынешние, имеют свое самостоятельное достоинство. В них много прелести, много ума. Почти каждая пиеса запечатлена удачною мыслью, и, главное, ни в одной из них, несмотря на сумерки, нет ни девы, ни мечты, ни луны, что̀ доставило нам особенное и несказанное удовольствие.

Предрассудок... он обломок
Давней правды. Храм упал,
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай!
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай!

Эти прекрасные строки заключают в себе мысль, почти поэтическую. Вот другое стихотворение в том же роде, «Приметы»:

Пока человек естества не пытал
  Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
  Ловил ея знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
  Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
  Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
  Вран каркал ему в опасенье:
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
  Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
  Крутясь и подъемля щетину,
Победу пророчил: и смело свой полк
  Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
  Блаженство любви прорицала:
В пустыне безлюдной он не был одним,
  Не чуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму,
  Вдался в суету изъисканий:
И сердце природы закрылось ему!
  И нет на земле прорицаний!

Поэзия господина Баратынского всегда отличалась эпиграмматическим направлением. Это слабость умных людей. В «Сумерках» также есть эпиграммы, — и одна из них очень едка, — а другая совершенно справедлива

I

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей:
И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

II

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как *дева юная* темна
Для невнимательного света.
Потом осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста.
Болтунья старая затем,
Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Правда, что здесь есть *дева*, и еще *юная*, но, в эпиграммах, это совершенно уместно и ни сколько не противно хорошему вкусу. Но особенно мила маленькая поэма, «Осень». В этом стихотворении есть много картинного, хотя некоторые фразы несколько тяжелы и вся пиеса немножко растянута. Но можно исключить те строфы, которые кажутся лишними.

И вот сентябрь! замедля свой восход,
    Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его, в зерцале зыбком вод,
    Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
    Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
    И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

И вот сентябрь! и вечер года к нам
    Подходит! На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
    Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол:
    Пред ним помчится прах летучий;
Качаяся завоет роща: дол
    Покроет лист ея падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

Прощай, прощай, сияние небес!
    Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
    Златочешуйчатые воды!
Веселой сон минутных летних нег!...
    Вот эхо, в рощах обнаженных,
Секирою тревожит дровосек,
    И скоро, снегом убеленных,
Своих дубрав[3] и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

---

[3] В «Сумерках» — «дубров».

А между-тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает.
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся, вдоль жнива[4], на возах
Под тяжкой ношею скрыпящих;
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

Дни сельского святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся....
Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага;
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага:
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод,

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, —

Ты, так же ли как земледел, богат?....
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащеные лелеял....
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья, —
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,

[4] В «Сумерках» — «жнивы».

Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

....

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой,
Костями бы, среди своих забав,
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его на век,
И заживо б в нем умер человек!

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!... Но вкус — один во всех
И как могила людям страшен.
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

....

Пусть, в торжестве насмешливом своем,
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит, и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад!

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ея предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,

....

Пред Промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем.

Знай: внутренней своей во веки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку!
Знай: горняя, иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

....

Зима идет, и тощая земля,
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой,
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей.
Перед тобой таков отныне свет:
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сумерки. *Сочинение* Евгения Баратынского. *Москва. 1842*[5]

Баратынский без сомнения принадлежит к числу не многих русских поэтов, которых имена наша литература привыкла произносить с гордостью и признательностию. Было время, когда на г. Баратынского многие смотрели, как на одну из самых блестящих надежд русской поэзии, когда имени его не произносили иначе, как подле имен Пушкина и Жуковского. И точно, в эпоху цветущего состояния поэтической деятельности г. Баратынского, в его произведениях нередко встречались такие страницы, на которых негрешно было основывать хоть какие надежды. Его стих, всегда эффектный и грациозный, выкованный, так сказать, из мысли и чувства, как-то особенно западал в душу и надолго оставался в ней, проникая в самые сокровенные изгибы ее. Баратынский по преимуществу поэт мысли: не столько изяществом формы и оригинальностью поэтического взгляда, сколько господством мысли, присутствием которой

[5] Литературная газета. Вестник наук, искусств, литературы, новостей, театров. 1842. № 32. 16 августа. Критика и библиография. Русская литература. С. 663—665.

более или менее запечатлены все лучшие, то есть, первоначальные его произведения, обратил он на себя внимание, заставив некогда предполагать в себе натуру мощную и глубокую, еще сильнее мыслящую и чувствующую, чем изображающую свои мысли и чувства. Ждали полного, окончательного развития, после которого поэт должен был выразиться вполне и притом во всей своей самобытности, совершенно чуждый посторонних влияний. Не то случилось...

Баратынский, после роскошных, обаятельных звуков, которые так чудно и щедро рассыпала его лира в цветущую пору свою, вдруг начал слабее и слабее откликаться на голос надежд, вызывавших его музу на поприще просторное и почетное. Постепенно реже и реже стали являться в свет его произведения и притом нельзя было не заметить упадка их, сравнительно с первоначальными. В последние годы, только в двух журналах, (в «Отечественных Записках» и в «Современнике») по временам и то весьма не часто, встречали мы небольшие стихотворения за подписью г. Баратынского, и признаться, узнавали их только по подписи. Творец «Эдды» как-будто переродился...

Ныне г. Баратынский собрал небольшие пиески свои, разбросанные по журналам, и выдал их в свет в небольшой книжке. С грустным вниманием перечитали мы его брошюру и в сотый раз тяжело вздохнули об участи нашей бедной литературы, которой как будто на роду написано, или оплакивать преждевременную потерю или сожалеть о нежданном упадке всего того, на чем основывала она самые светлые надежды своего процветания...

Однакож, из того, что мы теперь сказали, не должно выводить слишком скорого заключения, что те, которые почитали г. Баратынского замечательным поэтом, безусловно ошиблись. Нет, в г. Баратынском всегда найдется столько таланта, ума и достоинства, чтоб помрачить многие и очень многие из нынешних наших поэтических знаменитостей. Мы находим упадок его грустным только в отношении к нему самому, к первоначальным его произведениям. В «Сумерках» есть несколько стихотворений, которые можно прочесть с большим удовольствием. На пример:

Алкивиад

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златыя чела,
Юный красавец сидел горделиво задумчив, и смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;
Девы тайно любуясь челом благородно открытым,
Не хотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же и глух был, и слеп; он не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок.

Ропот

Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом властным прервать самовластно[6]
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

В этих двух стихотворениях, совершенно разнородных по мысли, выполнение так удовлетворительно, форма так изящна и оба они запечатлены такою оригинальностью, что невольно вспомнишь прежнего Баратынского. К числу лучших стихотворений, из ныне изданных, должно отнести так-же «Рифму» и «Все мысль да мысль».

Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ея! тебе забвенья нет;
Все тут, да тут, и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечем,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

Рифма

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах Греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа жадного восторгов мусикийских:
В нем вера полная в сочувствие жила:
Свободным и широким метром,
Как жатва зыблемая ветром
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца
И струны звучныя певца
Дарили[7] новым вдохновеньем.

---

[6] В «Сумерках» — «самовольно».
[7] В «Сумерках» — «дарила».

А ныне кто у наших лир
Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир
Опальный голос их уносит?
Меж нас не ведает поэт
Его полет высок иль нет!
Сам судия и подсудимый,
Пусть молвит: песнопевца жар
Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос не разрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

Как в том, так и в другом стихотворении есть мысль изящно выраженная, за то нельзя сказать этого о следующем стихотворении:

Выли[8] бури, непогоды,
Да младые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Бойкой песнью разольется:
Скорбь невзгода распоется!

А как век-то, век-то старой
Обручится с лютой карой;

Груз двойной в[9] груди усталой
Уж не сбросит вздох удалой:

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

---

[8] В «Сумерках» — «Были».
[9] В «Сумерках» — «с груди».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Сумерки. *Сочинение* Евгения Баратынского.
Москва, В тип. А. Семена,
при Императорской Медико-Хирургической Академии.
В 12-ю д. л. 88 стр.[10]

В этой книжке содержатся стихотворения г. Баратынского, писанные им после издания в двух томах собрания стихотворений в 1835 году. Эти, последние, стихотворения были рассеяны в разных журналах: «Московском Наблюдателе», «Отеч.<ественных> Записках» и пр.; изданные теперь отдельно, они могут служить дополнением к означенному собранию стихотворений г. Баратынского 1835 года. Это обстоятельство дает нам повод поговорить в особой статье о всей поэтической деятельности такого замечательного лица в русской литературе, как г. Баратынский, — что мы и сделаем в одной из следующих книжек «Отеч.<ественных> Записок».

П. А. ПЛЕТНЕВ

Сумерки. *Сочинение* Евгения Баратынского.
В 12; 88 и II *стран.*[11]

В Литературе есть имена, есть таланты, есть сочинения, которые появлением своим каждый раз вносят в душу читателя особый мир идей, о́бразов, ощущений, и хотя на мгновение облекают жизнь легкою, светлою радостью. Это те *немногие* из художников, которые, постигнув свое призвание, ему одному оставались всегда верны, любили искуство, потому-что в его только сфере чувствуешь дыхание чистой красоты и высокой истины, не изменяли вечным законам творчества и, уклонившись в обитель созерцательности и гармонии, не узнали о существовании изменчивых приговоров толпы. При неожиданной встрече с собою, долго невиденный, каждый из этих *немногих* вызывает на уста ваши приветствие Поэта:

---

[10] Отечественные записки. 1842. Т. XXIV. № 9 (ценз. разр. 31 августа, вышел 4 сентября — *Боград 1985*. С. 170—171). Отд. VI: Библиографическая хроника. Русская литература. Август. С. 1 (6-й пагинации).

[11] Современник. 1842. Т. XXVII. № 3 (ценз. разр. 30 июня; ценз. билет 3 августа — *Летопись*. С. 387). Отд. II: Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 96—101 (1-й пагинации).

Приди, о друг! дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнию повей!
Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкого вкусить воспоминанья!

К числу поэтов, так действующих на образованного читателя, бесспорно принадлежит *Евгений Баратынский*, писатель, в котором глубокая истина идеи всегда равна простоте и точности выражения, писатель, столько же открывший новых воззрений на жизнь, новых картин, незамеченных до него оттенков в красках элегического рода, сколько Крылов в области аполога. Прочитайте в *Записках Пушкина*, что он говорит о Баратынском. Это приговор самого беспристрастного, самого сведущего и самого законного судьи. Давно мы расстались с поэтом. Он не мог разлучиться с поэзиею, которая живет в душе его; но он не издавал ничего, кроме редко попадавшихся в Современнике небольших стихотворений. Теперь он собрал свои поэтические заметки минутных ощущений и дум — и напечатал их особою книжкою, назвав ее СУМЕРКИ. Всех стихотворений *двадцать шесть*. Чтобы читателям нашим доставить возможность поверить замечания наши о Баратынском, приводим здесь несколько строф из его Элегии: *Осень*.

VI.

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля!
И пред тобой во благостыне дней[12]
Является земная доля,
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты!

VII.

Ты так же ли как земледел богат?
И ты как он с надеждой сеял;
И ты как он о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

[12] В «Сумерках» — «всей».

Любуйся же, гордись воставшим им!
Считай свои приобретенья:
Увы, к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,

VIII.

Твой день взошел — и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один... с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

IX.

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой:
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость;
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек.

X.

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех,
И, как могила, людям страшен:
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

XI.

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит, и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

XII.

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ея предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край благовестящим снам,
Доверясь чувствам[13] обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий как арфам, коих строй
Превыспренний, не понят был тобой,

XIII.

Пред Промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, невидящей границ,
И утоленным разуменьем:
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку,
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя, иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

[13] В «Сумерках» — «чувством».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Сумерки. *Сочинение* Евгения Баратынского. *Москва, 1842.* **Стихотворения** Евгения Баратынского. *Две части. Москва, 1835*[14]

Пытливый дух исследования и анализа, по преимуществу характеризующий новейшую эпоху человечества, проник в таинственные недра земли и по ее слоям начертал историю постепенного формирования нашей планеты. Естествознание еще прежде, через классификацию родов и видов явлений трех царств природы, определило моментальное развитие духа жизни, от низшей его формы — грубого минерала, до высшей — человека, существа разумно-сознательного. Все это богатство фактов, добытых опытным знанием, послужило к оправданию априорных воззрений на жизнь мирового духа и очевидно доказало, что жизнь есть развитие, а развитие есть переход из низшей формы в высшую, и, следовательно, что не развивается, то есть не изменяется в форме, пребывая в однообразной неподвижности, то не живет, то лишено плодотворного зерна органического развития, рождаясь и погибая чрез случайность и по законам случайности. Такое же зрелище представляют и исторические общества, ибо и они или существуют по тому же вечному закону развития, то есть перехождения из низших форм жизни в высшие, или вовсе не существуют, потому что одно фактическое, одно эмпирическое существование, как лишенное разумной необходимости, следственно, случайное, равняется совершенному несуществованию: кто докажет теперь человеку непросвещенному и необразованному, что Греция и Рим существуют? — а между тем для человечества они и теперь существуют несомненно; кто не докажет всем и каждому, что Китай подлинно существует? — а между тем Китай все-таки существует для человечества меньше, чем китайский чай...

Внимательное исследование открывает, что и жизнь обществ, так же как и жизнь планеты, на которой они обитают, слагается из множества слоев, из которых каждый, в свою очередь, подобно разноцветным волнующимся лентам, отличается множеством слоистых пластов. Пласты эти — поколения, из которых каждое, удерживая в себе многое от предшествовавшего поколения, тем не менее и отличается от него собственным колоритом, собственным характером, собственною формою и собственною физиономиею. Каждое последующее поколение относится к предшествующему, как корень к зерну, стебель к корню, ствол к стеблю, ветвь к стволу, лист к ветви, цвет к листу, плод к цвету. Но это

[14] Отечественные записки. 1842. Т. XXV. № 12 (ценз. разр. 30 ноября; вышел 1 декабря — *Боград 1985*. С. 178—179); Отд. V: Критика. С. 49—70 (5-й пагинации).

сравнение только относительно, только внешним образом верно и не обнимает сущности предмета; дерево совершает вечно однообразный круг развития: выходя из зерна, оно зерном вновь становится, чем и оканчивается вся органическая его деятельность. По новейшим открытиям, жизненная сила и прототип каждого растения заключаются не только в зерне, но и во всяком листке его: отпадая и разносясь ветром, листья вновь являются деревьями, и через них нагие степи покрываются лесами. Но от листа дуба и родится дуб, совершенно во всем подобный тому, от которого произошел, и тем дубам, которые сам произведет в свою очередь. Стало быть, здесь только повторение одного и того же типа во множестве одинаковых его проявлений; здесь, стало быть, то или другое дерево — явления совершенно случайные, а важна только идея *рода* дерева, который, возникши раз, вечно повторяет себя через однообразный процесс органического развития. Не таково общество: никто не помнит его исторического начала, теряющегося в туманной дали бессознательного младенчества; никто не скажет, где конец его развития, ни того, что будет с ним завтра, судя по вчера. И между тем, хотя его *завтра* и всегда заключено в его *вчера*, однако *завтра* никогда не походит на *вчера*, если только общество живет *историческою*, а не одною *эмпирическою* жизнию.

Целый цикл жизни отжила наша Русь и, возрожденная, преображенная Петром Великим, начала новый цикл жизни. Первый продолжался более *восьми* веков; от начала второго едва прошло *одно* столетие: но, боже мой, какая неизмеримая разница в значении и объеме жизни, выраженных этими *восемью* веками и этим *одним* веком! Иногда в жизни одного человека бывает день такого полного блаженства и такого глубокого смысла, что перед этим днем все остальные годы жизни его, как бы многочисленны ни были, кажутся только мгновением какого-то темного, смутного и тяжелого сна. То же самое бывает и с народами; то же самое было и с Русью.

Здесь мы опять должны сделать оговорку, чтоб добрые люди, любящие толковать навыворот чужие мысли, не вздумали *буквально* понять нашего сравнения: единичный человек (индивидуум) и народ — не одно и то же, так же как и счастливый день в жизни человека и великая эпоха в истории народа — не одно и то же. Подвиг Петра Великого не ограничился днями его царствования, но совершался и после его смерти, совершается теперь и будет бесконечно совершаться в грядущих временах, и все в более громадных размерах, все в большем блеске и большей славе... И до Петра Великого текло время, и поколения сменялись поколениями; но эта смена состояла только в том, что старики умирали, а дети заступали их место на арене жизни, а не в живой последовательности живых идей. Поколение сменялось поколением, а идеи оставались все те же, и последующее поколение так же походило на предшествующее, как один листок

походит на тысячи других листьев одного и того же дерева. Правнук венчался в нарядном кафтане прадеда, а внучка в той же телогрейке, в которой венчалась ее бабушка, и все те же тут свахи, те же дружки, те же пиры и проч... Ход времени измерялся круговращением планеты, ее вечною весною, за которою всегда следовали лето, осень и зима, да еще лицами и именами, а не идеями, — случайными фактами, а не стройным развитием. Война или потрясала на время внешнее благоденствие государства, или укрепляла и расширяла его извне, а внутри все оставалось неизменным... Явился исполин преобразователь, привил к плодородной и девственной почве русской натуры зерно европейской жизни, — и с небольшим в столетие Русь пережила несколько столетий. Развитие Руси и доселе носит на себе отпечаток могучего характера ее преобразования: она растет не по дням, а по часам, как ее сказочные богатыри. Из многих сторон возьмем ближайшую к предмету нашей статьи — литературу по отношению к обществу: давно ли завелась она у нас, а уже сколько слоев осталось на дне ее недавнего прошедшего, сколько *поколений* резко обозначилось в сфере ее движения! И теперь еще на Руси есть целая публика, хотя и небольшая, которая от всей души убеждена, что Ломоносов «наших стран Малерб и Пиндару подобен», что Херасков — «наш Гомер, воспевший древни брани, России торжество, падение Казани», что Сумароков в притчах победил Лафонтена, а в трагедиях далеко оставил за собою и Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что с этими тремя поэтами кончился цветущий век российской словесности. Поклонники Державина уже холоднее к ним, хотя все еще высоко ставят их в своем понятии: известно, что Державин с горестью признавался, «сколь трудно соединить плавность Хераскова с силою стихов Петрова». Вообще, до Карамзина особенно трудно проследить изменение литературных понятий в поколениях; но с Карамзиным начинается совершенно новая литература и совершенно новое общество: к стукотне громких од до того прислушались, что уж больше писали и хвалили их (и то по преданию), чем читали; плакали над «Бедною Лизою», твердили нежные стихи ее творца: «Пой во мраке тихой рощи, нежный, кроткий соловей», «Кто мог любить так страстно» и пр.; зачитывали до лоскутов книжки умно, ловко и талантливо составляемого им «Вестника Европы»; в умных, прекрасно, по своему времени, обработанных стихах Дмитриева думали видеть бездну поэзии... Литературное поколение до Карамзина было *торжественное*: парад и иллюминация были неисчерпаемым источником его вдохновений, его громких од. Остроумный Дмитриев метко и ловко характеризовал это поколение в своей прекрасной сатире «Чужой толк». Следовавшее затем поколение было *чувствительное*: оно охало, проливало токи слезны и воздыхало в стихах и прозе. Любовь заменила славу, миртовые венки вытеснили лавровые, горлицы своим *томным воркованием* заглушали громкий клект

орлов. Права на любовь состояли в нежности, в одной нежности. Счастливый любовник восклицал своей *Хлое*: «Мы желали — и свершилось!» Несчастный, от разлуки или от измены, кротко и умиленно говорил *милой* или *жестокой*:

Две горленки укажут
Тебе мой хладный прах,
Воркуя томно, скажут:
«Он умер во слезах!»

Нравственность при всем этом не забывалась и шла своим путем. Для доказательства этого стоит только упомянуть о стократы-знаменитой песне: «Всех цветочков боле», которая оканчивается следующею сентенциею:

Хлоя, как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы, опасен
Для красы порок!

В этом *чувствительном* периоде русской литературы есть, конечно, своя смешная сторона, и над нею довольно посмеялись последовавшие затем периоды, воспроизводя его в «Эрастах чертополоховых» и тому подобных более или менее остроумных, более или менее плоских сатирах, как он сам в «Чужом толке» зло подтрунил над предшествовавшим ему *торжественным* периодом. Это круговая порука: в том и состоит жизненность развития, что последующему поколению есть что отрицать в предшествовавшем. Но это отрицание было бы пустым, мертвым и бесплодным актом, если б оно состояло только в уничтожении старого. Последующее поколение, всегда бросаясь в противоположную крайность, одним уже этим показывает и заслугу предшествовавшего поколения, и свою от него зависимость, и свою с ним кровную связь, ибо жизненная движимость развития состоит в крайностях, и только крайность вызывает противоположную себе крайность. Результатом сшибки двух крайностей бывает истина; однакож эта истина никогда не бывает уделом ни одного из поколений, выразивших собою ту или другую крайность, но всегда бывает уделом третьего поколения, которое, часто даже смеясь над предшествовавшими ему *торжественными* и *чувствительными* поколениями, бессознательно пользуется плодом их развития, истинною стороною выраженной ими крайности; а иногда, думая продолжать *их* дело, творит новое, свое собственное, которое само по себе опять может быть крайностию, но которое тем выше и превосходнее кажется, чем больше воспользовалось истинною стороною труда предшествовавших поколений. Так, Жуковский — этот литературный Коломб Руси, открывший ей Америку романтизма в поэзии, повидимому, действовал, как продолжатель

дела Карамзина, как его сподвижник, тогда как в самом деле он создал свой период литературы, который ничего не имел общего с карамзинским. Правда, в своих прозаических переводах, в своих оригинальных прозаических статьях и большей части своих оригинальных стихотворений Жуковский был не больше, как даровитый ученик Карамзина, шагнувший дальше своего учителя; но истинная, великая и бессмертная заслуга Жуковского русской литературе состоит в его стихотворных переводах из немецких и английских поэтов и в подражаниях немецким и английским поэтам. Жуковский внес романтический элемент в русскую поэзию: вот его великое дело, его великий подвиг, который так несправедливо нашими аристархами был приписываем Пушкину. Но Жуковский, нисколько не зависимый от предшествовавших ему поэтов в своем самобытном деле введения романтизма в русскую поэзию, не мог не зависеть от них в других отношениях: на него не могла не действовать крепость и полетистость поэзии Державина, и ему не могла не помочь реформа в языке, совершенная Карамзиным. Карамзин вывел юный русский язык на большую ровную дорогу из дебрей, тундр и избитых проселочных дорог славянизма, схоластизма и педантизма; он возвратил ему свободу, естественность, сблизил его с обществом. Но связь Карамзина и его школы (в которой после него первое и почетное место должен занимать Дмитриев) с Жуковским заключается не в одном языке: пробудив и воспитав в молодом и потому еще грубом обществе *чувствительность*, как *ощущение* (sensation), Карамзин, через это самое, приготовил это общество к *чувству* (sentiment), которое пробудил и воспитал в нем Жуковский. Как ни бесконечно неизмеримо пространство, отделяющее «Бедную Лизу», «Остров Борнгольм» Карамзина, его же и Дмитриева нежные и чувствительные песни и романсы от «Эоловой арфы», «Кассандры», «Ахилла», «Не узнавай, куда я путь склонила», «Орлеанской девы» Жуковского; но общество не поняло бы последних, если б не перешло через первые. И этот переход был тем естественнее, что у самого Жуковского были пьесы *посредствующие* для такого перехода, как-то: «Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Пустынник», «Алина и Альсим» и т. п. Новый элемент, внесенный Жуковским в русскую литературу, был так глубоко знаменателен, что не мог ни быть скоро понят, ни произвести скорых результатов на литературу, и потому Жуковского величали *балладником*, певцом могил и привидений, — а подражатели его наводняли и книги и журналы чудовищными кладбищными балладами, — в чем и заключается смешное этого периода русской литературы. Впрочем, Жуковский так же виноват в смешном этого периода, как Шекспир в уродливых и нелепых немецких трагедиях Грильпарцера, Раупаха, Шенка и подобных им. Кроме того, надо заметить, что смысл поэзии Жуковского обозначился для общества позднее, уже при Пушкине, а до тех пор, особенно при начале по-

прища Жуковского, литература русская представляла собою смешение разных элементов, новое и старое, дружно действовавшее: Капнист допевал свои длинные элегические рассуждения в стихах; Озеров сделал из французской трагедии все, что можно было сделать из нее для России, и в лице его французский псевдоклассицизм совершил на Руси полный свой цикл, так что Озеров был у нас последним даровитым его представителем; Крылов продолжал создание народной басни; Пушкин (Василий) считался одним из знаменитейших поэтов; Батюшков, как талант сильный и самобытный, был неподражаемым творцом своей особенной поэзии на Руси; князь Вяземский был творцом особенной, так называемой светской поэзии и по справедливости почитался лучшим критиком своего времени, блестящим, живым и не связанным классическою схоластикою, которая так много повредила критическому влиянию Мерзлякова на общество. С появлением Пушкина все изменилось, и новое поколение резче чем когда-либо отделилось от старого. Между прочими элементами начал проникать в русскую литературу элемент исторический и сатирический, в котором выразилось стремление общества к самосознанию. Пользуясь этим направлением времени, некоторые ловкие литературщики с успехом пустили в ход разные нравоописательные, нравственно-сатирические и исправительно-исторические романы и повести, которые будто бы изображали Русь, но в которых русского было — одни собственные имена разных совестдралов и резонеров. Но тут были и достойные уважения исключения, из которых самое яркое — романы и повести талантливого, но не развившегося Нарежного. В Гоголе это направление нашло себе вполне достойного и могучего представителя.

Но мы здесь пишем не историю русской литературы, а только слегка обозначаем моментальную последовательность общественного развития, которое в каждом поколении имело своего представителя. Еще и теперь есть люди, которые с восторгом повторяют монологи из «Димитрия Самозванца» и «Хорева» и даже печатают восторженные книжки о поэтическом гении Сумарокова: эти люди — утлые остатки некогда юного, живого и многочисленного поколения: в их хриплом старческом голосе, в их запоздалых восторгах слышится голос невозвратно прошедшего для нас времени. Другие вздыхают о «Титовом милосердии», «Рославле» и «Сбитенщике» Княжнина, говоря про себя: «Что теперь пишут — и читать нечего!» Третьи со слезами на глазах, но уже не споря, говорят равнодушному новому поколению о том, что после «Эдипа», «Димитрия Донского», «Поликсены» и «Фингала» незачем и ездить в театр. Есть люди, для которых русская поэзия умерла с Ломоносовым и Державиным и которые хотя не оспоривают заслуг Жуковского, однако и неохотно говорят о них. Есть люди, которые не иначе могут восхищаться Жуковским, как отрицая всякое поэтическое достоинство в Пушкине. Но сколько теперь таких, которые, юношами

встретив первые опыты таланта Пушкина, остановились на Пушкине, не в силах ни на шаг двинуться вперед, и откровенно признаются, что не видят ничего особенного и необыкновенного в Гоголе. Другие же, которых первые создания Гоголя застали еще в поре юности, в поре живой и быстрой восприемлемости впечатлений и способности умственного движения, — высоко ценят и Пушкина и Гоголя; но даже и не подозревают существенного значения Лермонтова. Это, впрочем, не значит, чтоб они не признавали в Лермонтове таланта: нет, кто от поэзии Пушкина перешел через поэзию Гоголя, тот уже поневоле видит дальше и глубже людей, остановившихся на Пушкине, и не может не восхищаться опытами Лермонтова; но восхищаться поэтом и понимать его — это не всегда одно и то же... И все эти поклонники разных мнений живут в одно и то же время, разделяясь на пестрые группы представителей и прошедших уже, и проходящих, и существующих еще поколений... И их существование есть признак жизни и развития общества, в которое царственный преобразователь-зиждитель вдохнул душу живу, да живет вечно!.. и чем больше количество, чем пестрее разнообразие представителей прошедших вкусов и мнений, тем ярче и поразительнее выказывается жизненность общественного развития. *Отсталые* могут возбуждать сожаление и сострадание, как люди заживо умершие, как дряхлый старец, окруженный одними могилами милых ему существ, живущий одними воспоминаниями о невозвратно прошедшей поре счастия, чуждый и холодный для всех надежд и обольщений, которыми кипят не родные ему новые поколения; но едва ли справедливо было бы презирать этих *отсталых*, а тем более обвинять их. Благо тому, кто *отличенный Зевеса любовию*, неугасимо носит в сердце своем прометеев огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идее и никогда не покоряясь оцепеняющему *времени* или мертвящему *факту*, — благо ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же редкий, сколько и драгоценный дар неба, и немногим избранным ниспосылается он! Прочувствовать великого поэта, вполне выразившего собою момент общественного развития, — это значит пережить целую жизнь, принять в себя целый, отдельный и самобытный мир мысли, следовательно, дать своему нравственному существованию особенную настроенность, отлить дух свой в особую форму. И потому только слишком глубокая и сильная натура способна бывает принимать в себя все, ничем не переполняясь, и носить в груди своей целые миры, всегда жаждая новых. По-большей-части, людям трудно отрываться от того, что̀ раз наполнило их, раз овладело ими, и они враждебно, как на ересь, смотрят на то, что̀ наполняет и владеет уже чуждыми им поколениями. Всякая литература не без живых примеров в этом роде. Так иной пожилой критик, ci-devant поборник *высших взглядов* и новых идей, а теперь отсталой обскурант, так же точно и теми же словами нападает на нового великого поэта и его почи-

тателей, как некогда нападали люди старого поколения на прежнего великого поэта и его почитателей... Он и не подозревает, что он повторяет жалкую роль тех самых людей, которых некогда, может-быть, он первый заклеймил именем «отсталых», что он теперь бросает в молодое поколение тою же грязью, которою некогда швыряли в него классические парики, и что, подобно им, он только себя марает этою грязью... Такое зрелище может возбуждать лишь болезненное сострадание — больше ничего.

На такие мысли навела нас маленькая книжка г. Баратынского, названная им «Сумерками». Все, сказанное нами — нисколько ни отступление от предмета статьи, ни вступление с *яиц Леды*: нет, эти мысли возбудила в нас поэтическая деятельность г. Баратынского, и под влиянием этих мыслей хотим мы рассмотреть ее критически. Кто скоро едет, тому кажется, что он стоит, а все мимо его мчится: вот почему России и не заметен ее собственный ход, между-тем, как она не только не стоит на одном месте, но, напротив, движется вперед с неимоверною быстротою. Эта быстрота движения выразилась и в литературе. Голова кружится, когда подумаешь о расстоянии, которое разделяет предпрошлое десятилетие (1820—1830) от прошлого (1830—1840); а прошлое десятилетие от этих двух протекших лет настоящего! Подлинно скажешь:

Свежо предание, а верится с трудом!

Давно ли было это наводнение альманахов, которое затопило-было все библиотеки; давно ли издавался «Телеграф», которого мнения были так *новы* и *глубоки*, и который так справедливо величался своим чрезвычайным расходом, опираясь на 1200 постоянных подписчиков? Давно ли литература наша гордилась таким множеством (увы! забытых теперь) знаменитостей, которые были потому велики, что одна написала плохую романтическую трагедию и дюжину водяных элегий; другая — издала альманах, третья — затеяла листок, четвертая напечатала отрывок из неоконченной поэмы, пятая тиснула в приятельском журнале несколько невинных и довольно-приятных рассказов?... Давно ли Марлинский был гением? Давно ли повести не только г. Полевого, — но и г. Погодина считались необходимым украшением и альманаха и журнала? Давно ли на «Ивана Выжигина» смотрели чуть-чуть не как на гениальное сочинение? Давно они наводят на грустную думу о непостоянстве сего треволненного мира...

Нет; еще один вопрос! Давно ли г. Баратынский, вместе с г. Языковым, составлял блестящий триумвират, главою которого был Пушкин? А между-тем, как уже давно одинокою стоит колоссальная тень Пушкина, и, мимо своих современников и сподвижников, подает руку поэту нового поколения, которого талант застал и оценил Пушкин еще при жизни своей!... Давно ли каждое новое

стихотворение г. Баратынского, явившееся в альманахе, возбуждало внимание публики, толки и споры рецензентов?... А теперь тихо, скромно появляется книжка с последними стихотворениями того же поэта — и о ней уже не говорят и не спорят, о ней едва упомянули в каких-нибудь двух журналах, в отчете о выходе разных книг, стихотворных и прозаических... Да не подумают, что мы этим хотим сказать, что дарование г. Баратынского не значительно, что оно пользовалось незаслуженною славою: нет, мы далеки от подобного мнения; мы высоко уважаем яркий, замечательный талант поэта уже-чуждого нам поколения, и потому именно, что уважаем его, хотим, в обозрении его поэтической деятельности, показать, почему его произведения, будучи и теперь изящными, как и всегда были, уже не имеют теперь той цены, какую имели прежде.

Такие явления всегда имеют две причины: одна заключается в степени таланта поэта, другая в духе эпохи, в которую действовал поэт. Никто не может стать выше средств, данных ему природою; но исторический и общественный дух эпохи или возбуждает природные средства действователя до высшей степени свойственной им энергии, или ослабляет и парализирует их, заставляя поэта сделать меньше, чем бы он мог. Отношения поэта к его эпохе бывают двояки: или он не находит в ее сфере жизненного содержания для своего таланта; или, не следя за современным духом, он не может воспользоваться тем жизненным содержанием, какое могла бы представить его таланту эпоха. В каждом из этих случаев результат один — безвременный упадок таланта и безвременная утрата справедливо-стяжанной славы. Открытие причин такого печального конца блестящим образом начатого поприща, не принесет пользы поэту, о котором идет дело; но уроки прошедшего полезны для настоящего и будущего, — и одна из обязанностей основательной критики — обращать внимание на такие уроки.

Было время, когда русская критика состояла из заметок об отдельных стихах. «Какой гармонический стих! как удачно воспользовался поэт звукоподражанием: в этом стихе слышен рокот грома и завывание ветра! Но следующий затем стих оскорбляет слух какофониею, и притом, после отрицательной частицы *не* поставлен винительный падеж вместо родительного. А вот в этом стихе и ударения неправильны и усечения многочисленны; конечно, *пиитические вольности* дозволяются стихотворцам, но они должны иметь свои границы. Как удачно, вот в этом стихе, выражена нежность пастушки, и сколько простодушия и невинности в ее ответе!» Так, или почти-так критиковали поэтов наши аристархи доброго старого времени. С двадцатых годов текущего столетия стали критиковать иначе. Вместо филологических, грамматических и просодических заметок, вместо похвал или порицаний отдельно-взятым стихам, стали делать эстетические замечания на *отдельные места* поэтического произведения: такой-то характер выдержан, а такой-то не выдержан, такое-то место

поразительно своим драматизмом, или своим лиризмом, а такое-то слабо, и т. п. Эта критика была большим шагом вперед; но теперь и она неудовлетворительна. Теперь требуют от критики, чтоб, не увлекаясь частностями, она оценила целое художественного произведения, раскрыв его идею и показав, в каком отношении находится эта идея к своему выражению, и в какой степени изящество формы оправдывает верность идеи, а верность идеи способствует изяществу формы. Если же дело идет о целой поэтической деятельности поэта, то от современной критики требуют не восклицаний вроде следующих: «сколько души и чувства в этой элегии г. N., сколько силы и глубокости в этой его оде, какими поразительными положениями изобилует его поэма, как верно выдержаны характеры в его драме!» Нет, от современной критики требуют, чтоб она раскрыла и показала дух поэта в его творениях, проследила в них преобладающую идею, господствующую думу всей его жизни, всего его бытия, обнаружила и сделала ясным его внутреннее созерцание, его пафос.

Если мы скажем, что преобладающий характер поэзии г. Баратынского есть *элегический*, то скажем истину, но этим еще ничего не объясним, ибо характер чьей бы то ни было поэзии еще не составляет ее сущности, как физиономия не поставляет сущности человека, хотя и намекает на нее. Чтоб объяснить то и другое, должно раскрыть идею и в ней найти причину и разгадку характера и физиономии. Что такое *элегический тон* в чьей бы то ни было поэзии? — грустное чувство, которым проникнуты создания поэта. Но чувство само-по-себе еще не составляет поэзии: надо, чтоб чувство было рождено идеею и выражало идею. Бессмысленные чувства — удел животных; они унижают человека. К чести г. Баратынского должно сказать, что элегический тон его поэзии происходит от думы, от взгляда на жизнь, и что этим самым он отличается от многих поэтов, вышедших на литературное поприще вместе с Пушкиным. Рассмотрим же *идею*, которая проникает собою создания г. Баратынского и составляет пафос его поэзии. Возьмем для этого одно из лучших, хотя и позднейших его произведений — «Последний Поэт». В этой пьесе поэт высказался весь, со всею тайною своей поэзии, со всеми ее достоинствами и недостатками. Разберем же ее всю от слова до слова.

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

По этой энергии и поэтической красоте стихов уж, тотчас видно, что поэт выражает свое proffession de foi, передает огненному слову давно-накипевшие в груди его жгучие мысли... Настоящий век служит исходным пунктом его мысли; *по нем* он делает заключение, что близко время, когда проза жизни вытеснит всякую поэзию, высохнут растленные корыстию и рассчетом сердца людей, и их верованием сделается «насущное» и «полезное»... Какая страшная картина! Как безотрадно будущее! Поэзии более нет. Куда же девалась она? — *исчезла при свете просвещения*... И так, *поэзия* и *просвещение* — враги между собою? И так, только *невежество* благоприятно *поэзии*? Не-уже-ли это правда? Не знаем: так думает поэт — не мы... Впрочем, поэт говорит не о поэзии, но о *ребяческих снах поэзии*, а это — другое дело! Но посмотрим, как разовьется далее мысль поэта.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
В ней опять цветут науки,
Дышит роскошь, блещет вкус;
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек:
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек;
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы,
Возник поэт: идет он и поет.

Теперь любопытно, о чем он поет; любопытно потому особенно, что в его песне ясно должна высказаться мысль автора этой пьесы.

Воспевает простодушный
Он любовь и красоту,
И науки, *им ослушной*,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья,
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья.
Радость чувствует земля!

А, вот что! теперь мы понимаем! Наука ослушна (то есть непокорна) *любви* и *красоте*; *наука пуста и суетна*!.. Нет страданий глубоких и страшных, как основного, первосущного звука в аккорде бытия, страдание мимолетно — его должно исцелять легкомыслием; в дни незнания (т. е. невежества) земля лучше чувствует радость!..

Это стихотворение написано в 1835 году от Р. Х.!..

Как жаль, что люди не знают языка, на-прим.<ер>, *птичьего*: какие должны быть удивительные поэты между птицами! Ведь птицы не знают глубоких страданий — их страдания мимолетны, и они целят их не только легкомыслием, но даже и совершенным безмыслием — что́ для поэзии еще лучше; а о науках птицы и не слыхивали, стало-быть, и понятия не имеют о пустоте и суете наук; что́ же касается до *незнания* — птицы ушли дальше его, — они пребывают в решительном *невежестве*... Какие благоприятные обстоятельства для поэзии, и как жаль, что, по незнанию птичьего языка, мы незнакомы с птичьею поэзиею!..

Но, полно, прав ли поэт в своей основной мысли? Полно, невежеством ли сильна поэзия? По-крайней-мере до-сих-пор известно всему грамотному свету, что сильнейшее развитие изящных искусств совершалось только у просвещеннейших народов мира — Греков, Римлян, Итальянцев, Англичан, Французов и Немцев, — а не у Чукчей, Коряков и Самоедов...

Поклонникам Урании холодной
Поет, увы! он благодать страстей:
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подъемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины волн морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им?
Верьте сладким убежденьям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Какие чудные, гармонические стихи! Не грех ли заставить их выражать такие неосновательные мысли? И удивительно ли, что —

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста *вещать полуотверсты* (?),
Но гордыя главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; *но свет*
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Сила грустного чувства словно молния проблеснула в последних стихах этого куплета: видно, что мысль стихотворения явилась в скорбях рождения! Видно, что она вышла не из праздно-мечтающей головы, а из глубоко-растерзанного сердца... И тем не менее все-таки она — ложная мысль!

Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно и просторно
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон...

Эти стихи так хороши, так хороши, что напоминают собою строфы, переведенные Жуковским из стихотворений Шиллера, посвященных древнему миру.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. голос волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой *бесполезный* дар!

Именно — *бесполезный* дар!..

И по-прежнему блистает
Хладной роскошию свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;

Но в смущение приводит
Человека глас морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

Опять повторяем: какие дивные стихи! Что, если бы они выражали собою истинное содержание! О, тогда это стихотворение казалось бы произведением огромного таланта! А теперь, чтоб насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сделать усилие: надо *заставить себя* стать на точку зрения поэта, согласиться с ним на-минуту, что он прав в своих воззрениях на поэзию и науку; а это теперь решительно невозможно!.. И от-того впечатление ослабевает, удивительное стихотворение кажется обыкновенным...

Бедный век наш — сколько на него нападок, каким чудовищем считают его! И все это за железные дороги, за пароходы — эти великие победы его, уже не над материею только, но над пространством и временем! Правда, дух меркантильности уже чересчур овладел им; правда, он уже слишком низко поклоняется златому тельцу; но это отнюдь не значит, чтоб человечество дряхлело и чтоб наш век выражал собою начало этого дряхления: нет, это значит только, что человечество, в XIX веке, вступило в переходный момент своего развития, а всякое переходное время есть время дряхления, разложения и гниения. И пусть за этим дряхлением последует смерть — что́ нужды! Человечество совсем не то́, что́ человек: умирая, человек уже не существует более на земле; но человечество, как идеальная личность, составляющаяся из мильйонов реальных личностей, которые если и убывают, зато и прибывают, — человечество старым и дряхлым умирает на земле для того, чтоб на земле же воскреснуть юным и крепким. Уже не раз оно было и младенцем, и юношею, мужем и старцем, умирало и воскресало, подобно фениксу, из собственного своего пепла. Разве последние дни древне-языческого мира, дни от царствования Августа почти до царствования Августула, не были днями разложения, гниения и смерти, и разве за ними не последовало воскресения и нового младенчества человечества? Разве последовавшие потом девять столетий не были эпохою пылкой юности человечества, а с пятнадцатого века не вступило оно в свой возраст мужества? Восьмнадцатый век был веком его старости... А сколько было частных смертей, означивших собою эпоху перелома и возрождения? И разве не были эпохами смерти — крестовые походы, когда вся Европа в ужасе ожидала страшного суда, и все народы ее двинулись в Азию, чтобы в своей колыбели найти и свой гроб; или тридцатилетняя война, когда выжженная, обгорелая Германия походила на разграбленный стан?.. И так, думать, что человечество когда-нибудь умрет, и что наш век есть его предсмертный век, — значит не понимать, что́ такое человечество, значит не иметь высокой

веры в его высокое значение... Если наш век и индюстриален по-преимуществу, это нехорошо для нашего века, а не для человечества: для человечества же это очень-хорошо, потому-что через это будущая общественность его упрочивает свою победу над своими древними врагами — материею, пространством и временем. При этом не худо не забывать, что наш индюстриальный век гордо называет своими сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранже, и многих других художников. Не-уже-ли же это — все *последние поэты*?.. Много же их!.. Мы еще понимаем трусливые опасения за будущую участь человечества тех недостаточно-верующих людей, которые думают предвидеть его погибель в индюстриальности, меркантильности и поклонении тельцу златому; но мы никак не понимаем отчаяние тех людей, которые думают видеть гибель человечества в *науке*. Ведь человеческое знание состоит не из одной *математики* и *технологии*, ведь оно прилагается не к одним железным дорогам и машинам... Напротив, это только одна сторона знания, это еще только низшее знание, — высшее объемлет собою мир нравственный, заключает в области своего ведения все, чем высоко и свято бытие человеческое, все, что́ составляет достоинство и величие имени человеческого, все те великие вопросы, которые присущны самой натуре человека, с которым он родится и которые носит в груди своей... Кроме математики и технологии, есть еще философия и история — одна как наука развития в мышлении довременных и бесплотных идей, другая — как наука осуществления в фактах, в действительности, развития этих довременных идей, таинственных и первосущных матерей всего сущего, всего рождающегося и умирающего и, несмотря на то, вечно живущего!..

Нам, может-быть, скажут, что стихотворение не есть философская система, и что особенно по одному стихотворению нельзя заключать о мыслительном воззрении поэта на мир. На первое мы дадим ответ ниже; вместо же ответа на второе перейдем к другим стихотворениям г. Баратынского: они ответят за нас.

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой;
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ея знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.
Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье:
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъемля щетину,
Победу пророчил: и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала:
В пустыне безлюдной он не был одним,
Не чуждая жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний!

Коротко и ясно: все наука виновата! Без нее, мы жили бы не хуже Ирокезов... Но хорошо ли, но счастливо ли живут Ирокезы без науки и знания, без доверенности к уму, без суеты изысканий, с уважением к чувству, с томагоуком в руке и в вечной резне с подобными себе? Нет ли и у них, у этих счастливых, этих блаженных Ирокезов, своей *суеты испытаний*, нет ли у них своих понятий о чести, о праве собственности, своих мучений честолюбия, славолюбия? И всегда ли вран успевает предостерегать их от беды, всегда ли волк пророчит им победу? Точно ли они — невинные дети матери-природы?.. Увы, нет, и тысячу раз нет!.. Только животные бессмысленные, руководимые *одним* инстинктом, живут в природе и природою. Дикарь-человек татуирует свое тело, пронзает свои ноздри и уши (в последнем недалеко ушел от него и просвещенный Европеец, по-крайней-мере, в лице своего прекрасного пола, — знак, что еще много ему работы для освобождения себя от первобытного варварства), пронзает свои ноздри и уши, чтоб украшать их блестящими привесками: варварство и грубость — без сомнения; но уже этим самым варварством он стоит выше животного. Животное родится готовым; чего не выростет на нем, того не приделает оно себе искусственно; оно не может сделаться ни лучше, ни хуже того, каким создала его природа. Человек бывает животным только до появления в нем первых признаков сознания; с этой поры, он отделяется от природы и, вооруженный искусством, борется с нею всю жизнь свою. Это мы видим на дикарях: они те же люди, что и просвещенные Европейцы, и существенное их различие от последних заключается только в том, что их искусственность неразумна: озарите их светом разума, и они свое татуирование заменят одеждой, т. е. ложную искусственность заменят истинною. Но в самых дикостях и нелепостях этих *несчастных* детей природы видно уже порывание выйти из оков природы, порывание от инстинкта к разуму. В XVIII веке величайшие умы были наклонны видеть в дикарях образец неиспорченной человеческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностию гнив-

шего в ложной искусственности европейского общества, была и нова и блестяща. В XIX веке эта мысль и стара и пошла:

> Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!
> О жрец ее! Тебе забвенья нет;
> Все тут, да тут, и человек и свет,
> И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
> Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
> К ним чувственным, за грань их не ступая!
> Есть хмель ему на празднике земном![15]
> Но пред тобой, как пред нагим мечом,
> Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная!

И это понятие об отношении мысли к искусству совершенно гармонирует с понятием г. Баратынского об отношении ума к чувству, науки к жизни. Чтó такое искусство без мысли? — тó же самое, чтó человек без души, — труп... И почему разум и чувство — начала враждебные друг другу? Если они враждебны, то одно из них — лишнее бремя для человека. Но мы видим и знаем, что глупцы бывают лишены чувства, а бесчувственные люди не отличаются умом. Мы видим и знаем, что преимущественное развитие чувству насчет ума делает человека, самым счастливым образом одаренного от природы, или фанатиком-зверем, или старою бабою, суеверною и слабоумною; так же, как один ум без чувства делает человека или безнравственным существом, эгоистом, или сухим диалектиком, безжизненным педантом, который во всем видит одни логические формальности, и ни в чем не видит души и содержания. Очевидно, что разум и чувство — две силы, равно нуждающиеся друг в друге, мертвые и ничтожные одна без другой. Чувство и разум — это земля и солнце: земля в своих таинственных недрах скрывает растительную силу и все зародыши плодов своих; солнце возбуждает ее растительную силу — и радостно рвутся на свет его из темной орковой страны зеленеющие стебли ее порождений... Так в груди человека — в этом подземном царстве темных предчувствий и немых ощущений, скрываются, словно в земле, корни всех наших живых стремлений и страстных помыслов; но только свет разума может и развивать, и крепить, и просветлять эти ощущения и чувства до мысли, — без него они остаются или животным инстинктом, или дикими страстями, чорными демонами, устрояющими гибель человека... Чувство, в свою очередь, есть действительность разума, как тело есть реальность души: без чувства идеи холодны, светят, а не греют, лишены жизненности и энергии, неспособны перейдти в дело. И так, полнота и

[15] В «Сумерках» — «мирском».

совершенство человеческой натуры заключается в органическом единстве разума и чувства. Горе дому, который разделяется сам на себя; горе человеку, в котором чувство восстанет на разум, или разум восстанет на чувство! И, однакож, это горе неизбежное, необходимое, и мертв, ничтожен тот человек, который не испытал его! Чувство, по натуре своей, стремится к положению, любит останавливаться на положительных результатах; разум контролирует положения чувства и, если не найдет их основательными, отрицает их. Отсюда происходит мука сомнения. Но без этого сомнения, человек, остановившись раз на известном положении, и закоснел бы в нем, не двигаясь вперед, следовательно, не развиваясь, — не делался бы из младенца отроком, из отрока юношей, из юноши мужем, из мужа старцем, но до смерти своей оставался бы младенцем. Дух сомнения гонит человека от одного определения к другому, — и благо тому, кто сомневался в известных истинах, не сомневаясь в существовании истины, ибо истины преходящи, но истина вечна!

Помнится нам, г. Баратынский где-то сказал что-то вроде следующей мысли: положение поэта трудно потому, что в одно и то же время, он находится под противоположным влиянием огненной творческой фантазии и обливающего холодом рассудка. Мысль, не скажем несправедливая, но не точная: обливающий холодом рассудок действительно входит в процесс творчества, но когда? — в то время, когда еще поэт вынашивает в себе концепирующееся свое творение, следовательно, прежде, нежели приступит к его изложению, ибо поэт излагает уже готовое произведение. Разумеется, здесь должно предполагать высшие таланты, потому что только низшие сочиняют с пером в руке, еще не зная сами, что́ сочиняют они; или затрудняются в выражении собственных идей. Истинный поэт тем и велик, что свободно дает образ каждой глубоко прочувствованной им идее, выражает словом постижимое для одного ума и невыразимое для каждого, кто не поэт.

Этот несчастный раздор мысли с чувством, истины с верованием составляет основу поэзии г. Баратынского, и почти все лучшие его стихотворения проникнуты им. В одном из них ему предстает, в горькую минуту, истина, и обещает успокоить путем холодного бесстрастия. Она говорит поэту:

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
    Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
    И ближних и друзей.
Я бытия все прелести разрушу,
    Но ум наставлю твой,
Я оболью суровым хладом душу,
    Но дам душе покой.

Поэт в трепете отказывается от страшного дара *неземной гостьи*; но в-заключение просит его у ней так:

......Когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мне,
Явись тогда! открой мне очи[16],
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти.

Так, в другом стихотворении, поэт окрыляет надеждами обольщений безумную юность, но, обращаясь к *знающим*, говорит:

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету надежд, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!
Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши,
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.
Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхвы словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов;
Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

Большое, отличающееся превосходными стихами стихотворение «Последняя смерть» есть апофеоза всей поэзии г. Баратынского. В нем вполне выразилось его миросозерцание. Поэт представляет, в яркой картине, кипящий жизнию мир; потом, в другой картине, увядание мира, а в третьей —

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущая судьбина.

[16] В Изд. 1835: «Явись тогда! раскрой тогда мне очи» (Ч. I. С. 18).

Где люди, где? скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладное блеянье.
И тишина глубокая во след
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был *позор* (?)
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло:
Один туман, над ней синея, вился
И жертвою чистительной дымился.

Великолепная фантазия, но не более, как фантазия! И главный ее недостаток заключается в том, что она везде является чорным демоном поэта. Жизнь как добыча смерти, разум как враг чувства, истина как губитель счастия, — вот откуда проистекает элегический тон поэзии г. Баратынского, и вот в чем ее величайший недостаток. Здание, построенное на песке, не долговечно; поэзия, выразившая собою ложное состояние переходного поколения, и умирает с тем поколением, ибо для следующих не представляет никакого сильного интереса в своем содержании. Мало того: сделавшись органом ложного направления, она лишается той силы, которую мог бы сообщить ей талант поэта.

Конечно, этот раздор мысли с чувством, явился у поэта не случайно, — он заключался в его эпохе. Кто не знает и не помнит пушкинского *Демона*? Пушкин, как первый великий поэт русский, которого поэзия выходила из жизни, первый и встретился с *демоном*. «Печальны были наши встречи!» восклицает он о своем демоне.

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи,
Вливали в душу хладный яд.

Неистощимый клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

В-самом-деле, это страшный демон, особенно для первого знакомства! Впрочем, он опасен не тем, что он на-самом-деле, а тем, чем он может показаться человеку. Люди имеют слабость смешивать свою личность с истиною: усомнившись в *своих* истинах, они часто перестают верить существованию истины на земле. Вот тут-то демон и бывает опасен, тут-то он и губит людей. От него может спасти человека только глубокая и сильная, живая вера. Пусть он во всем разочаровался, пусть все, что́ любил и уважал он, оказалось недостойным любви и уважения, пусть все, чему горячо верил он, оказалось призраком, а все, что думал знать он, как непреложную истину, оказалось ложью, — но да обвиняет он в этом свою ограниченность, или свое несчастие, а не тщету любви, уважения, веры, знания! Пусть самое отчаяние его в тщете истины будет для него живым свидетельством его жажды истины, а его жажда — живым свидетельством существования истины: ибо чего нет, о том несродно страдать человеческой натуре. Пусть прошло для него время познания истины, и он отчается навсегда узреть ее обетованную землю, но пусть же не смешивает он себя с истиною, и не думает, что если она не для него, то уже и ни для кого. Но как же, скажут, верить, если вся действительность есть отрицание всякой веры?.. Действительность? — Но что́ такое действительность, если не осуществление вечных законов разума? Всякая другая действительность — временное затмение света разума, болезненный витальный процесс, — а разве может быть вечное затмение солнца, разве солнце не является после затмения в бо́льшем блеске и бо́льшей лучезарности; разве страдание, претерпеваемое младенцем при прорезывании зубов, бывает продолжительно и не составляет необходимого временного зла для продолжительного добра? Скажут: младенцы часто умирают от процессов физического развития. Правда, умирают — младенцы, которые подчинены необходимо болезненным процессам органического развития и которые смертны, но не человечество, которое подчинено болезненным процессам исторического развития, и которое бессмертно. Надо уметь отличать разумную действительность, которая одна действительна, от неразумной действительности, которая призрачна и преходяща. Вера в идею спасает, вера в факты губит. Есть люди, которые отрицают добродетель и достоинство

женщины, потому-что случай сводил их все с пустыми и легкими женщинами, потому-что они не знали ни одной женщины высшей натуры. И это безверие, как проклятие, служит достойным наказанием безверию, ибо в душе благодатной должен заключаться идеал женщины, — в действительности же должно искать не идеала, а только осуществления идеала; найти или не найти его, это дело случая. То же можно сказать и о людях, которых разложение и гниение элементов старой общественности, продажность, нравственный разврат и оскудение жизни и доблести в современном — заставляют отчаиваться за будущую участь человечества... Здесь, очевидно, демон губит их на факте, за которым они не видят идеи, не понимая, что умирает и гниет только отжившее, чтоб уступить место новому и живому. Еслиб вместо того, чтоб испугаться демона, они испытали его — он указал бы им на последнее время умиравшей древности, которая в амфитеатрах своих тешилась кровавым зрелищем, как звери терзают христиан, и которая, в слепоте своей, не подозревала, что этою победою над мучениками она сама была побеждена с своими уже опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означает смерти истины вообще... Демон, по своей демонической натуре, зол и насмешлив. Он презирает бессилие и веселится, терзая его; но он уважает силу и сторицею воздает ей за временное зло, которым ее терзает. Он служит и людям и человечеству, как вечно движущая сила духа человеческого и исторического. То страшный и мрачный, то веселый и злой, он, как Протей, неистощим в формах своего проявления, как Антей, неистощим в своих средствах. Он внушал Сократу откровения его нравственной философии и помогал ему дурачить софистов их же обоюду-острым оружием. Он внушал Аристофану его комедии; он нашептывал ритору Лукиану его «Диалоги богов»; он помог Колумбу открыть Америку; он изобрел порох и книгопечатание; он продиктовал Ульриху Гуттену его злую сатиру «Epistolae obscurorum divorum <так!>»; Бомарше — его «Фигаро», и много философских сказок и сатирических поэм продиктовал он Вольтеру; он уничтожил ошейники вассалов и рыцарские разбои феодальных баронов, священную инквизицию и благочестивое ауто-да-фе. Гёте схватил его только за хвост в своем Мефистофеле, а в лицо только слегка заглянул ему. За то, колоссальный Байрон не трепеща смотрел ему в очи, и гордо мерялся с ним силою духа, и как равный равному, подал ему руку на вечную дружбу. Из русских поэтов, первый познакомился с ним Пушкин, и тягостно было ему его знакомство, и печальны были его встречи с ним... Он не пал от него, но и не узнал, не понял его... И не удивительно: ничто не делается вдруг. Зато другой русский поэт, явившийся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшного гостя: он знаком был с ним еще с-детства, и его фантазия с любовию лелеяла этот «могучий образ», для него:

Как царь немой и гордый, он сиял
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно...

Он был избранным героем пламенного бреда его юности, и ему посвятил он целую поэму, где, за все утраченные блага жизни, этот страшный герой сулит открыть «пучину гордого познанья»...

Человек страшится только того, чего не знает; знанием побеждается всякий страх. Для Пушкина, *демон* так и остался темною, страшною стороною бытия, и таким является он в его созданиях. Поэт любил обходить его, сколько было возможно, и потому он не высказался весь и унес с собою в могилу много нетронутых струн души своей; но, как натура сильная и великая, он умел, сколько можно было, вознаградить этот недостаток, тогда-как другие поэты, вышедшие с ним вместе на поэтическую арену, пали жертвою неузнанного и неразгаданного ими духа, и для них навсегда мысль осталась врагом чувства, истина — бичом счастия, а мечта и ребяческие сны поэзии — высшим блаженством жизни...

Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит г. Баратынскому. Не смотря на его вражду к мысли, он, по натуре своей, призван быть поэтом мысли. Такое противоречие очень-понятно: кто не мыслитель по натуре, тот о мысли и не хлопочет; борется с мыслию тот, кто не может овладеть ею, стремясь к ней всеми силами души своей. Эта невыдержанная борьба с мыслию, много повредила таланту г. Баратынского: она не допустила его написать ни одного из тех творений, которые признаются капитальными произведениями литературы, и если не навечно, то надолго переживают своих творцов.

Взглянем теперь на некоторые стихотворения г. Баратынского со стороны мысли. В послании к Г-чу поэт говорит:

Враг суетных утех и враг утех позорных,
Не уважаешь ты безделок стихотворных,
Не угодит тебе сладчайший из певцов
Развратной прелестью изнеженных стихов:
Возвышенную цель поэт избрать обязан.

Затем, он объясняет Г-чу, почему не может принять его вызова —

оставить мирный слог
И, едкой жолчию напитывая строки,
Сатирою восстать на глупость и пороки.

И чем же? — тем, что сатирою можно нажить себе врагов, а благодарность общества — плохая благодарность, ибо он, поэт, не верит благодарности. Вот заключение этого стихотворения:

Нет, нет! *разумный* муж идет путем иным,
И снисходительный к дурачествам людским,
Не выставляет их, но *сносит благонравно,*
Он не пытается, уверенный забавно
Во всемогуществе болтанья своего,
Им в людях изменить людское естество,
Из нас, я думаю, не скажет ни единый
Осине: дубом будь, иль дубу: будь осиной;
Меж-тем — как странны мы! — меж-тем любой из нас
Переиначить свет задумывал не раз.

Подобные мысли, без сомнения, очень благоразумны и даже благонравны, но едва-ли они поэтически-великодушны и рыцарски-высоки... Благоразумие не всегда разумность: часто бывает оно то равнодушием и апатиею, то эгоизмом. Но вот еще несколько стихов из этого же стихотворения:

Полезен обществу сатирик беспристрастный,
Дыша любовию к согражданам своим,
На их дурачества он жалуется им:
То укоризнами восстав на злодеянье,
Его приводит он в благое содраганье,
То едкой силою забавного словца
Смиряет попыхи надменного[17] глупца;
Он нравов опекун и вместе правды воин.

Сличив эти стихи с приведенными выше, легко понять, почему такое стихотворение, даже если бы оно было написано и хорошими стихами, не может теперь читаться...

«На смерть Гёте» есть одно из лучших между мелкими стихотворениями г. Баратынского. Стихи в нем удивительны; но стихотворение, не смотря на то, не выдержано и потому не производит того впечатления, какого бы можно было ожидать от таких чудесных стихов. Причина этого очевидна: неопределенность идеи, неверность в содержании. Поэт слишком-много и слишком-бездоказательно приписал Гёте, говоря, что

[17] В Изд. 1835 — «надутого» (Ч. I. С. 58).

...ничто не оставлено им
Под солнцем живым без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что́ просит у сердца ответа:
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел он предел[18].

Прекрасно сказано, но не справедливо! Не было, нет и не будет никогда гения, который бы *один* все постиг, или все сделал. Так и для Гёте существовала целая сторона жизни, которая, по его немецкой натуре, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразил Шиллер. Оба эти поэта знали цену один другого, и каждый из них умел другому воздавать должное. Обидно видеть, как люди, не понимая дела, все отдают Гёте, все отнимая у Шиллера... Если уж надо сравнивать друг с другом этих поэтов, то, право, еще не решенное дело — кто из них долее будет владычествовать в царстве будущего; — и многие не без основания догадываются уже, что Гёте, поэт прошедшего, в настоящем умер развенчанным царем... Вместо безотчетного гимна Гёте — поэту следовало бы охарактеризовать его, — и он сделал это только в четвертом куплете, в котором довольно-удачно схвачен *пантеистический* характер жизни и поэзии Гёте:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал
И чувствовал трав прозябанье,
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Следующие за тем заключительные куплеты слабы выражением, темны и неопределенны мыслию, а потому и разрушают эффект всего стихотворения. Все, что́ говорится в пятом куплете, так же может быть применено ко всякому великому поэту, как и к Гёте; а что́ говорится в шестом, то ни к кому не может быть применено за темнотою и сбивчивостию мысли.

Теперь обратимся к поэмам г. Баратынского. В них много отдельных поэтических красот; но в целом ни одна не выдержит основательной критики.

Русский молодой офицер, на постое в Финляндии, обольщает дочь своего хозяина, Чухоночку Эду — добродушное, любящее, кроткое, но ничем особенным не отличное от природы создание. Покинутая своим обольстителем, Эда умирает с тоски. Вот содержание «Эды» — поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства. И этих немногих строк, которые сказа-

[18] В Изд. 1835 — «нашел ей предел» (Ч. I. С. 213).

ли мы об этой поэме, уже достаточно, чтоб показать ее безотносительную неважность в сфере искусства. Такого рода поэмы, подобно драмам, требуют для своего содержания *трагической коллизии*, — а что трагического (т. е. *поэтически*-трагического) в том, что шалун обольстил девушку и бросил ее? Ни характер такого человека, ни его положение, не могут возбудить к нему участия в читателе. Почти такое же содержание, на-пр., в повести Лермонтова «Бэла»; но какая разница! Печорин — человек, пожираемый страшными силами своего духа, осужденного на внутреннюю и внешнюю бездейственность; красота Черкешенки его поражает, а трудность овладеть ею раздражает энергию его характера и усиливает очарование ожидающего его счастия; холодность Бэлы еще более подстрекает его страсть, вместо того, чтоб ослабить ее. Но когда он упился первыми восторгами этой оригинальной любви к простой и дикой дочери природы, он почувствовал, что для продолжительного чувства мало одной оригинальности, для счастия в любви мало одной любви, — и его начинает терзать мысль о гибели милого, хотя и дикого, женственного существа, которое, в своей естественной простоте, не умело ни требовать, ни дать в любви ничего, кроме любви. Трагическая смерть Бэлы, вместо того, чтоб облегчить положение Печорина, страшно потрясает его, с новою силою возбуждая в нем вспышку прежнего пламени, — и от его дикого хохота содрогается сердце не у одного Максима Максимыча, и становится понятно, почему он, после смерти Бэлы, долго был нездоров, весь исхудал и не любил, чтоб при нем говорили о ней... Это не волокита, не водевильный дон-Хуан, вы не вините его, но страдаете с ним и за него, говоря мысленно: «О горе нам, рожденным в свет!» Для некоторых характеров не чувствовать, быть вне какой бы то ни было духовной деятельности — хуже, чем не жить; а жить — это больше чем страдать, — и вот является трагическая коллизия, как мысль неотразимой судьбы, достойная и поэмы и драмы великого поэта...

Гораздо-глубже, по характеру героини, другая поэма г. Баратынского — «Бал»:

Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит;
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?

Но как влекла к себе всесильно
Ее живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбалися умильно?
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец чорных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?
Какая фея самовластной
Не уступила б из харит?

——

Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слезы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В нее томленье слезы те:
Кто б не отер их у печали,
Кто б не оставил красоте?

——

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом ее заразы страстной
Исполнен воздух! Жалок тот,
Кто в сладкий чад его вступает:
Ладью пловца водоворот
Так на погибель увлекает!

Беги ее: нет сердца в ней!
Страшися вкрадчивых речей
Одуревающей приманки;
Влюбленных взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар — не жар любви.

И этот демонический характер в женском образе, эта страшная жрица страстей, наконец, должна расплатиться за все грехи свои:

Посланник рока ей предстал.
Смущенный взор очаровал,
Поработил воображенье,
Слиял все мысли в мысль одну
И пролил страстное мученье
В глухую сердца глубину.

В этом «посланнике рока» должно предполагать могучую натуру, сильный характер, — и в-самом-деле портрет его, слегка, но резко-очерченный поэтом, возбуждает в читателе большой интерес:

Красой изнеженной Арсений
Не привлекал к себе очей:
Следы мучительных страстей,
Следы печальных размышлений
Носил он на челе: в очах
Беспечность мрачная дышала,
И не улыбка на устах —
Усмешка праздная блуждала.
Он не задолго посещал
Края чужие; там искал,
Как слышно было, развлеченья,
И снова родину узрел;
Но видно, сердцу исцеленья
Дать не возмог чужой предел.
Предстал он в дом моей Лаисы,
И остряков задорный полк
Не знаю как пред ним умолк —
Главой поникли Адонисы.
Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,
Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,

Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца,
И сколько ни был хладно-сжатым
Привычный склад его речей,
Казался чувствами богатым
Он в глубине души своей.

Нашла коса на камень: узел трагедии завязался. Любопытно, чем развяжет его поэт, и как оправдает он, *в действии*, портрет своего героя. Увы! все это можно рассказать в коротких словах: Арсений любил подругу своего детства и приревновал ее к своему приятелю; на упреки его Ольга отвечала детским смехом, и он, как обиженный ребенок, не понимая ее сердца, покинул ее с презрением... Воля ваша, а портрет неверен!.. Что́ же потом? — Потом Нина получила от него письмо:

Что ж медлить (к ней писал Арсений)
Открыться должно... небо! в чем?
Едва владею я пером,
Ищу напрасно выражений.
О, Нина! Ольгу встретил я;
Она поныне дышит мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смешною.
Удел решен. По старине
Я верен Ольге, верной мне.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до поздних дней:
В нем понесу я наказанье
Ошибок юности моей.

Несмотря на трагическую смерть Нины, которая отравилась ядом, такая развязка такой завязки похожа на водевиль, вместо пятого акта приделанный к четырем актам трагедии... Поэт, очевидно, не смог овладеть своим предметом... А сколько поэзии в его поэме, какими чудными стихами наполнена она, сколько в ней превосходных частностей!..

«Цыганка», самая большая поэма г. Баратынского, была издана им в 1831 году под названием «Наложница», с предисловием, весьма-умно и дельно-написанным. «Цыганка» исполнена удивительных красот поэзии, — но опять-таки в частностях; в целом же не выдержана. Отравительное зелье, данное старою Цыганкою бедной Саре, ничем не объясняется и очень похоже на deus ex machina для трагической развязки во что́ бы то ни стало. Чрез это ослабляется

эффект целого поэмы, которая, кроме хороших стихов и прекрасного рассказа, отличается еще и выдержанностию характеров. Очевидно, что причиною недостатка в целом всех поэм г. Баратынского есть — отсутствие определенно-выработавшегося взгляда на жизнь, отсутствие мысли крепкой и жизненной.

Кроме этих трех поэм, у г. Баратынского есть и еще три: «Телема и Макар», «Переселение душ» и «Пиры». Первых двух — признаемся откровенно — мы совершенно не понимаем, ни со стороны содержания, ни со стороны поэтической отделки. «Пиры» собственно не поэма, а так — шутка в начале и элегия в конце. Поэт, как-будто только принявшись воспевать пиры, заметил, что уже прошла пора и для пиров и для воспевания пиров... У времени есть своя логика, против которой никому не устоять... В «Пирах» г. Баратынского много прекрасных стихов. Как мила, например, эта характеристика нашей доброй Москвы:

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольный,
Не золоченые главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленяли своевольный.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол;
Вполне торжественны обеды;
Вполне богат и лаком стол. —

и прочее. Г. Баратынского за эту поэму некогда величали «певцом пиров»: мы думаем, что за этот отрывок его следовало бы называть «певцом Москвы»...

Как хороши эти стихи в «Пирах»:

Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.

Чтó потакать мечте унылой,
Кричали вы, смелее пей!
Развеселись, товарищ милый,
Для нас живи, забудь о ней!
Вздохнув рассеянно послушный,
Я пил с улыбкой равнодушной;
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,
И задрожавшие уста
«Бог с ней!» невнятно лепетали...

Говоря о поэзии г. Баратынского, мы были чужды всяких предубеждений в-отношении к поэту, которого глубоко уважаем. Не скрывая своего мнения и открыто, без уклончивости, высказывая его там, где оно было не в пользу поэта, мы и не старались, в пользу нашего мнения, скрывать его достоинства, и выписывали только такие отрывки из его стихотворений, которые могли дать высокое понятие о его таланте. Стих г. Баратынского не только благозвучен, но часто крепок и силен. Однакож, говоря о художественной стороне поэзии г. Баратынского, нельзя не заметить, что он часто грешит против точности выражения, а иногда впадает в шероховатость и прозаичность выражения. Вот несколько примеров:

Снять поспешила как-нибудь
Дня одеяния *неловки*.

Что знаменует сей *позор* (вм. *зрелище*),

Хотело б сердце у нее
Себе избрать кумир единый,
И тем *осмыслить* бытие.
<...>

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится *озаренье*,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее *вихревращенье*.

Кроме стихотворений, на которые мы уже ссылались, в сборнике г. Баратынского особенно достойны памяти и внимания еще следующие: *Финляндия; Завыла буря; Я возвращусь к вам, поля моих отцов; Лета; Падение листьев; Глупцы не чужды вдохновенья; Когда печалью вдохновенный; Тебя из тьмы не изведу я; Идиллик новый на искус; Элизийские поля; Когда взойдет денница золотая; Когда исчезнет омраченье; Напрасно мы, Дельвиг,*

мечтаем найти; Не бойся едких осуждений; Разуверение; Старик; Притворной нежности не требуй от меня; Болящий дух врачует песнопенье; Череп; О, мысль, тебе удел цветка; Наяда; Мудрецу; На что вы, дни!; Осень и проч.

Нельзя вернее и беспристрастнее охарактеризовать *безотносительное* достоинство поэзии г. Баратынского, как он сделал это сам в следующем прекрасном стихотворении;

Не ослеплен я музою моею,
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором,
Ни склонности у ней, ни дара нет,
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой,
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

Не берем на себя тяжелой обязанности определять поэтическое достоинство г. Баратынского *относительно* к другим поэтам и в-отношении историческом, т. е. в-отношении к выраженной им эпохе, к настоящему и будущему положению и значению его в русской литературе. Скажем только — и то, чтоб чем-нибудь закончить нашу статью, а не для какого-нибудь поучительного вывода, — скажем, что все поэты, по нашему мнению, разделяются на два разряда. Одни называются великими, и их отличительную черту составляет *развитие*: по хронологическому порядку их созданий можно проследить диалектически-развивающуюся живую идею, лежащую в основании их творчества и составляющую его пафос. Неподвижность, т. е. пребывание в одних и тех же интересах, воспевание одного и того же, одним и тем же голосом, есть признак таланта обыкновенного и бедного. Бессмертие — удел движущихся поэтов. Если и прошли навсегда интересы их времени, — их поэзия непреходяща именно потому, что представляет собою памятник эпохи: так вечна история, написанная великим историком, хоть она и содержит в себе давно-прошедшие дела и интересы. Другие поэты более или менее могут приближаться к первым, особенно, если они выразили своими созданиями тó, чтó было в их эпохе существенно-исторического, а не одни ее недостатки. Для таких поэтов всего невыгоднее являться в переходные эпохи развития обществ; но истинная гибель их таланта заключает-

ся в ложном убеждении, что для поэта довольно чувства... Это особенно-вредно для поэтов нашего времени: теперь все поэты, даже великие, должны быть вместе и мыслителями, иначе не поможет и талант... Наука, живая, современная наука, сделалась теперь пестуном искусства, и без нее — немощно вдохновение, бессилен талант!..

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Русская литература в 1842 году[19]
<Отрывок>

<...>

«Сумерки», маленькая книжка г. Баратынского, заключающая в себе едва-ли не последние стихотворения этого поэта, тоже принадлежит к немногим примечательнейшим явлениям по части поэзии в прошлом году. По поводу ее, мы в последней книжке «Отеч.<ественных> Записок» обозрели всю поэтическую деятельность г. Баратынского. Теперь же, прибавим только, что едва-ли это и действительно не последние стихотворения знаменитого поэта: вот пьеса из «Сумерок», доказывающая это:

На что вы, дни? юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы и только повторенья
Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Бессмертная[21] душа!

И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

[19] Отечественные записки. 1843. Т. XXVI. № 1 (ценз. разр. 31 декабря 1842; вышел 2 января 1843 — *Боград 1985*. С. 182). Отд. V: Критика. С. 16 (5-й пагинации).

[20] В «Сумерках» — «Безумная душа».

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
        Без нужды ночь сменя;
Как в мрак холодный вечер канет[22],
        Венец пустого дня!

Страшно чувство, которым внушено это выстраданное стихотворение! не обещает оно новых и живых вдохновений; и лучше совсем не писать поэту, чем писать такие, напр.<имер>, стихотворения:

Сначала мысль воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная *темна*
Для невнимательного света;
Потом осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена,
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, за тем
Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Что́ это такое? не-уже-ли стихи, поэзия, мысль?..
<...>

С. П. ШЕВЫРЕВ

Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 г.[22]
<Отрывок>

<...>

Поэзия стихотворная предходит в истории всем прочим произведениям словесности: потому и начнем с нее. Здесь всего более обращает внимание наше книжка маленькая, едва заметная по наружности в груде книг прошлого

---

[21] В «Сумерках» — «Как в мрак ночной бесплодный вечер канет».

[22] Москвитянин. 1843. Ч. I. № 1 (ценз. разр. 10 января; вышел 12 января — объявление о раздаче подписчикам: Московские ведомости. 1843. № 4. 9 января. С. 28). Критика. С. 280.

года: это *Сумерки Баратынского.* Поэт принадлежит к поколению Пушкина, и по связи особенной с Музою Жуковского и Батюшкова, может быть назван даже старшим его товарищем. Всего более поражает в Сумерках Баратынского чудное изменение, в нем происшедшее: глубокая, сосредоточенная меланхолия, — плод опыта жизни — удалила все прежние, легкие, светлые мысли и чувства, покрыла самою черною тенью живой образ его возмужалой Музы, и воцарилась на нем одна, без спутников, без всякого иного окружения. Такая метаморфоза в одном из сверстников Пушкина есть событие весьма замечательное и достойное изучения: мы к нему возвратимся и постараемся разгадать ей причину.

<...>

О. И. СЕНКОВСКИЙ (?)

Стихотворения Евгения Баратынского.
Две части. Москва, в тип. А. Семена, 1835, *в-8, стр.* 240, 183.
Сумерки. *Сочинение Евгения Баратынского.*
Москва, в тип. А. Семена, 1842, *стр.* 88[23].
<Отрывки>

Недавно под небом Италии скончался один из русских поэтов: *Евгений Абрамович Баратынский.* Он умер в Неаполе, куда переехал-было для поправления своего здоровья. Имя «Баратынского» давно известно в русской литературе как имя друга Пушкина, поэта, явившегося с ним в одно время; оно, вместе с именем Дельвига, было произносимо некогда каждый раз, когда хотели указать на современников Пушкина, вызванных его могучим дарованием. Великое почти нигде и никогда не является одиноким, но окруженное спутниками. Так и поэты, если бы мы захотели выражаться сравнениями, всегда почти являются перед современниками не одинокою звездою, но созвездием, составленным из большего, или меньшего числа светил. О причинах таких собирательных явлений надобно бы много говорить. По-крайней-мере, явления неоспоримы. Лет за двадцать пять, повторим, говоря о Пушкине, и иссчисляя надежды свои, мы указывали на Баратынского с Дельвигом, как на одну из надежд самых блестящих. В какой степени исполняются наши надеж-

[23] Библиотека для Чтения. 1844. Т. 66. № 9 (ценз. разр. 31 августа; вышел 1 сентября — объявление о выходе: Северная пчела. 1844. № 200. 4 сентября. С. 800). Отд. V: Критика. С. 1—22 (5-й пагинации); без подписи.

ды, нельзя решать, пока люди, возбуждавшие их, остаются еще между нами. Могила разгадывает задачу окончательно. Тут прекращаются и рассчеты и надежды. Остается одно *исполненное*, оправданное жизнью, и во всяком случае, совершились или нет ожидания, современникам поучительно остановиться, прощаясь с усопшим братом, благословить тихий сон его до радостного пробуждения, и передать надежды свои его преемникам, потому что надежды никогда не умирают, ни у человека, ни у людей.

Многие не верят суду современников. Не говорим о споре нашего личного самолюбия. Оно никогда не соглашается с решением современным, и всегда грозить апелляциею к потомству. И кому потомство не было отрадным словом — и великому человеку, в минуту сознания несправедливого приговора судей, и мелкому самолюбию, обиженному неумолимою правдою, и пишущему челобитную о том, что оно дарование непонятое и неузнанное современниками! Но в самом деле, суд современников нельзя не оставлять в сильном подозрении, и совсем не потому, чтобы он всегда был внушен умышленным пристрастием с той, или другой стороны, при осуждении, или при похвале. Не всегда осуждение бывает подсказано насмешливою злостью, или похвала слепым предубеждением. Одна из истин, в которой опыт удовлетворит каждого, что люди совсем не так злы как уверяют желчные сатиры, и особливо новейшие романы, хоть, правду сказать, люди опять и не такие добродушные Аркадцы, как уверяли нас классическая идиллия и сентиментальный старинный роман. Суд современников такое же смешение правды и неправды, ошибки и истины, добра и зла, как многое другое на свете. А суд потомства? Неужели он осуществляет идеал беспристрастия? Потомство! Оглянитесь на себя — разве мы не потомство, и — каких предков! А между-тем вернее ли, справедливее ли говорим мы, нежели говорили прежде нас? Личных отношений между нами и подсудимыми никаких нет, а пристрастие остается, и переживает личные отношения, льнет к правде, как ржавчина к железу, остается при истине, как тень при свете, и каждое поколение пересуживает решения своих отцов, и спорит против справедливости их суждения. Право, беспристрастие потомка такая же задача, как беспристрастие современника. По-крайней-мере, при современном суде есть сильные оправдания, если и находятся противоречия против уложения истины. Прежде всего вмешивается наша личность: зная поэта, например, мы знаем в нем и человека, а это мешает взаимно. С другой стороны является память впечатлений: вы хвалите, вы восхищаетесь, не догадываясь, что в вас остается впечатление не *поэта*, но *вас самих*, вашего *прошедшего*, вашей юности, чувства, какое передала вам нечаянность ваших первых впечатлений. Как отрешиться от всего, что соединено с нашею природою? Остается допустить современный суд, по-крайней-мере, как важный акт в критическом

судопроизводстве, даже для будущего. Пусть жалуются на него подсудимые. Он всегда будет любопытен даже потому, что послужит для потомства поверкой поэту и веку, а такое обстоятельство довольно важно.

Если бы теперь забрать все выписки суда и мнения современников о Баратынском, что мы найдем? Суд современников делится на три различия. Сперва современники смотрят на первые опыты поэта, и тут почти всегда они судят благосклонно, даже слишком снисходительно. И не мудрено: не говоря о том, что начало не оскорбляет ни чьего самолюбия, не возбуждает ни чьей зависти, тут берет верх доброе основание нашей человеческой природы: кто без участия, без чувства приязни смотрит на дитя, его беспечность, его доверие к жизни? Далее обстоятельства изменяются. Обман возбужденных надежд оскорбляет негодование обманутых судей. Осуществление их расшевеливает злое основание нашей природы. Самую блестящую победу найдутся охотники оспоривать, а между-тем никакой подвиг не удовлетворяет ожиданий, потому что каждый возбуждает новые, и беспрерывно более и более, когда каждый проигрыш взыскивается чем более, тем строже. И не только проигрыш, но замедление новых успехов, остановка после выигрышу, потому что не приобретая вновь, мы уже проигрываем, потому что все вокруг нас движется, идет, и идет вперед, а назад не пятится, и не дожидается нас, пока мы сидим на одном месте, не спрашивает даже готовимся ли мы отдыхом на новый подвиг, или чувствуем свое бессилие, и не можем подняться с того места, где сели. Наконец приходит время расчета окончательного — костлявою рукою стучится общий наш кредитор, не дает никакой отсрочки, и просит идти за ним, не спрашивая о том, заплатили ль мы здесь долг свой с процентами, как Гёте, требуем ли зачета в уплату тем, что успели заплатить, как Пушкин, или вовсе ничего не заплатили, довольствуясь одним обещанием, как Веневитинов. Тогда люди, при виде могилы человека, еще так недавно бывшего между ними, поэта, который сам надеялся, заставлял надеяться других, люди, при мысли, что все для него кончилось безвозвратно... Да, тогда люди не оскорбляют усопшего собрата — злость мирится, зависть молчит, участие скорбит, суд современников бывает снисходительнее, и едва-ли не правдивее всех, не только предшествовавших, даже следующих за ним суждений, потому что посылка на отношения поэта к его веку, на условия, ограничивавшие бытие его здесь, явны и близки современникам. Они знают и общие условия своего века, своего общества, чего не могут хорошо знать потомки.

Не знаем, что́ скажут теперь современники, когда для Баратынского все кончилось в здешнем мире. Обращаясь к общности мнений при жизни его, можем сказать с полною уверенностью, что если, как мы уже говорили, с великими надеждами встречен был Баратынский, до конца его земного по-

прища сохранено было к нему современниками почтительное внимание, хотя ожидания от него уже давно прекратились. Чтó ж? Разве он кончил свою деятельность, отказался от своего призвания? Нет, показав первые прекрасные опыты своего дарования около 1820 года, Баратынский издал в 1842 году собрание своих *новых* стихотворений, и после того стихотворения его, хотя изредка, мелькали в листочках журналов, но уже не возбуждали ничего, и даже не производя никаких впечатлений. Слушали стихи его, как нечто давно знакомое, осуждая иногда с снисходительным упреком, но всего более соблюдали ласковое молчание. Следственно первоначальные надежды не были оправданы поэтом? Вопрос затруднительный, и гораздо вернее можно говорить о том, чтó *исполнил* поэт, соединяя замечания наши об нем самом с взглядом на все, им созданное. Начнем библиографическим отчетом.

В двух книгах «второго издания» *Стихотворений* Баратынского, напечатанных в 1835 году, в Москве, помещены были *сто тридцать одно* мелких стихотворений, и *шесть* небольших *поэм*, как называли их. В «первом издании», напечатанном также в Москве, в 1828 году, было *осемьдесят три пиесы*. Последнее собрание стихотворений своих Баратынский назвал *Сумерками* (напечатано в Москве, в 1842 году); здесь было помещено *двадцать шесть* мелких пиес. Таким образом деятельность Баратынского, втечении двадцати-пяти лет, ограничилась полутораста пиесами — и много, и мало: *много*, мы знаем, что наши русские поэты за десяток стихотворений просятся в храм Муз и Мнемозины, и *мало*, если показанным числом ограничилась *четверть века* деятельности того, кому литература не была мимоходным занятием, но у него обнимала она всю жизнь, все время. Главное тут однако ж, что *число* никогда не говорит ни в пользу, ни против поэта. Томы Бавия только свидетельство его пустоцветного многоплодия и несколько листков истинного поэта перевешивают груз его тяжеловесных творений. Гораздо любопытнее заметить, что по хронологическому расчету *осемьдесят три* пиесы Баратынского относятся к времени до 1827 года, времени юности и изгиннической жизни его, втечении семи лет; в половину менее создал он потом; впрочем к этому периоду жизни относятся его поэмы. Наконец в последние семь лет еще на половину уменьшилась его деятельность — рассматривая с этой точки зрения, как-будто видите перед собою всю жизнь Баратынского.

<...>

Для публики всегда оставался Баратынский добрым, старым знакомым, а сам он искал развлечения в семействе и в свете, и год-от-году реже и холоднее обращался к забываемой им Музе. Свет и отношения жизни овладели им, и здесь еще доказательство, что поэзия была у Баратынского случайностью, а не увлечением непобедимым. Пушкина также схватили жизнь и свет, но по-

смотрите на борьбу поэта-Пушкина в жизни Пушкина-человека, прислушайтесь к сердечной скорби, выражающей его страдания в битве с самим собою, рассмотрите величие и разнообразие последних, недоконченных им созданий. Не так поступал Баратынский. Спокойно продолжал он изобретать мысли, обстанавливал их обработанными стихами, переправлял прежнее, и допевал *эпилог* своей поэзии. Вот чем заключил он свои стихотворения в 1835 году:

Бывало, отрок, звонким кликом....
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И *рифма юношу пленила*,
Лесное эхо заменя.
Игра стихов, игра златая!
Как *звуки звукам отвечая*
Бывало нежили меня!
Но все проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов,
И как дубрав[24] не окликаю,
Так не ищу *созвучных слов*.

Так ли прощается поэт истинный с тем, что́ было ему дороже жизни? *Пленяющая звуками рифма, ответ звука звуку, созвучные слова* — вот все, о чем помнит поэт! Прочтите эпилоги Шиллера, Жуковского, сличите их, и вы все поймете без дальнейших изъяснений. И вот что говорит, наконец Баратынский, думая, что мир разлюбил поэзию, потому что его стихи плохо читали:

А ныне кто у наших лир
Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир
Опальный голос их уносит?
Меж нас *не ведает поэт*
Его полет высок иль нет.
Сам судия и подсудимый,
Пусть молвит: *песнопевца жар*
Смешной недуг, иль высший дар?
Решит вопрос неразрешимый,
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света...

[24] В Изд. 1835 — «дубров» (Ч. I. С. 240).

Опять скажем: прочтите негодование против людей и света, выражаемое Пушкиным — вот он, высокий гнев поэта, вот как высказывается его поэтическое вдохновение, крепкое уверенностью, и в святое призвание свое, и в могущество сил своих!

Здесь, в сказанном нами отношении Баратынского к поэзии, был источник той *образности*, какую любил изображать Баратынский, но его изображения всегда принадлежали *описательной поэзии*, введенной в моду в прошедшем веке французскими стихотворцами. Это рисовка ландшафтов, писанные акварелью красивые пейзажи, а не образы природы, чудесно отразившиеся в волшебном зеркал поэзии. Отсюда также и *дидактическое* направление некоторых стихотворений Баратынского, особливо в последнее время. Здесь также источник легких небольших стихотворений Баратынского, которые не есть произведения *антологические*, но принадлежащие к *мадригальной*, светской поэзии, к стихотворениям гостиных, как принадлежит им светское *искусство разговаривать* (causer). Здесь, где требуется иногда немножко мысли, иногда только изъисканная ловкость оборота, Баратынский был превосходен — прочтите его: *Когда б избрать возможно было мне — Желанье счастия в меня вдохнули боги — Перелетай к веселью от веселья — Мила, как грация — В дорогу жизни снаряжая — Нет, обманула вас молва — Как много ты в немного дней — Храни свое неопасенье — Выдь, дохни нам упоеньем — Не знаю, милая, не знаю — Очарованье красоты*, и прочая. Заметим, однако ж, что многие из этих прелестных безделок были подражание французскому.

Избави Бог подумать, что нас укорят в неуважении к памяти поэта, когда едва могила сокрыла его. Мы хотим только оправдать ту холодность, какую видел Баратынский при жизни своей, особливо в последнее время, от русских читателей. И при жизни его мы говорили ему истину откровенно, хотя совесть не укорит нас в несоблюдении уважения к поэту. Он предпочитал советам искренности пустую хвалу пристрастных друзей, и людей ослепленных, или корыстно действовавших. Истина всегда должна быть выше всего и прежде всего. И надобно же нам приучаться к истинному взгляду на предметы, к отдаче самим себе отчета в наших впечатлениях! Долго ли еще будем мы забывать наши прошедшие опыты, увлекаться безотчетно, и потом грустно разочаровываться до нового увлечения. Увеличится ли заслуга и достоинство литератора, если мы поставим его на подмостки похвал незаслуженных? Виноват ли кто, если он не выполнил того, чего не завещала ему природа при рождении? Нет, и не будем требовать, чего требовать нельзя и не должно, благодаря за то, что кто мог и успел сделать.

<...>

Перечитайте наконец все те пиесы Баратынского, где заключается какая-нибудь мысль, и вы изумитесь однообразию и безотчетности их, если не удивитесь чему-нибудь более. <...>

Вот одна тема, на которую разъигрывались все вариации поэзии Баратынского. В самой лучшей из пиес своих: *На смерть Гёте*, пиесе писанной прекрасными стихами — мысль всё одна и та же, и ее не изменило сильное впечатление при известии о смерти человека, о котором сам поэт говорит:

Творца оправдает могила его.

Такая поэзия не может найти ни чьего сочувствия, и к чему доводит она самого поэта? Здесь замечательны две пиесы Баратынского: *Последняя смерть* и *Последний человек*. Не выписывая их, мы выпишем одно из последних стихотворений Баратынского, в его *Сумерках* — здесь *эпилог* всей жизни, и всей поэзии его:

На что вы, дни? Юдольный мир явленья...
Свои не изменит
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.
Не даром ты металась и кипела
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь, а оно —
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

Бессильная грусть младенца трогает нас, но сознание бессилия мужа — чуждо нашей душе: оно оскорбляет ее, по-крайней-мере, оно губит очарование поэзии, если и вся поэзия в самом деле обман....

Мы хотели привесть в ясность несколько идей, которые возбуждают творения Баратынского, важные для нас тем, что он был товарищ Пушкина, и, бесспорно, первый из его товарищей, но не думали оскорбить памяти поэта осуждением. Нет! не осуждать собрата, но поучаться исследованием об его жизни и деле его жизни должны мы, прибавляя таким образом еще одну лепту в сокро-

вищницу, собираемую опытом времен и поколений. Мы все вкладчики в нее — один менее, другой более. Блажен, кому было дано много, и много отдано им, но благословение и тому, кто приложил не многое, не скрыл малого, данного ему. Имя Баратынского не умрет на листах летописей нашего просвещения, и всегда останется оно подле имени Пушкина, как спутник звезды, следующий за летучим путем ее.

А. Д. ГАЛАХОВ

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ
(*Посвящается князю В. Ф. Одоевскому*)[25]
<Отрывки>

Баратынский оригинален, ибо мыслит. Он мыслит по-своему, правильно и независимо, между-тем, как чувствует сильно и глубоко.

А. Пушкин (*Соч., том XI*).

Гамлет-Баратынский.

А. Пушкин (*Череп. Послание к Д.*).

Баратынский принадлежит к числу тех писателей, о которых говорили у нас много, но сказали мало. При первом известии о его смерти, фёльетонист «Северной Пчелы» пришел в недоумение, от-чего прежде восхищались поэтом, а в-последствии почти забыли его, и тут же решает трудный вопрос очень-просто: «от-того, что прежде хвалили его не по заслугам». Глубокомысленный критик мог бы не краснея прибавить: «а после не хвалили его по заслугам». Направление же поэзии Баратынского высказал он коротко и ясно: «Стихотворения его носят знамения души светлой (!), думы сердечной, стиха своенравного, но проникнутого чувством, если не мыслью поэтическою». Такой отзыв был бы совершенно-удовлетворителен, еслиб на деле не выходило совершенно-противное, т. е., что в стихотворениях Баратынского есть всегда мысль, хотя не всегда в них есть чувство.

[25] Отечественные записки. 1844. Т. XXXVII. № 12 (ценз. разр. 30 ноября, вышел 1 декабря — *Боград 1985*. С. 252). Отд. II: Науки и Художества. С. 83—104 (2-й пагинации); подпись: *Сто-один*.

За двадцать лет Пушкин писал: «Пора занять Баратынскому на русском Парнассе место, давно ему принадлежащее»; — в 1844 году, газетный трибунал гонит Баратынского с русского Парнасса. Вот как у нас произносят панегирики и пишут эпитафии. Сначала, громкий привет, не вполне заслуженный, потом легкомысленный приговор, еще менее заслуженный. Мы и встречаем неосторожно, и провожаем неблагодарно...

Что́ значит наша похвала прежде, наше забвение после? Ошибка, прибавленная к ошибке! Заключать о достоинстве писателя по одной, видеть его недостоинство в другом — значит обаяние минутного успеха принимать за истинное торжество, а равнодушие к заслуге считать законным приговором.

Вспомним, как мы тогда судили и рядили без твердых оснований критики. Сам Пушкин, которого так любила публика, презирая анафемы староверов — чем особенно ей нравился? Не «Борисом Годуновым», не «Каменным Гостем», не «Моцартом и Сальери», но «Кавказским Пленником», «Бахчисарайским Фонтаном», «Братьями-Разбойниками». А эти любимые пьесы — чем особенно поражали? Не поэтическим развитием глубокой мысли, не богатством внутреннего, многим невидимого содержания, а внешней своей формой, языком, картинностью описаний, отдельными местами. И в стихах его — на что обращали внимание? не на художественность их строения, а на звонкую рифму, да на блистательный эпитет. Давно ли, кажется, в последний, более-зрелых пьесах поэта, «Телескоп» видел его упадок, и сравнивал его *Кавказ* с *Кавказом* В. Теплякова, не во вред последнему? Ведь и теперь еще мы помним слова Гоголя: «По справедливости ли оценены последние его поэмы? Определил ли, понял ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?»

Общими, неопределенными чертами изображен Баратынский в «Северных Цветах» 1828 года: «Точность слога, краткость речи, разнообразие периодов, переливы тонов, отчетливость мыслей, элегическое направление» суть такие принадлежности Баратынского, которыми он на одних поэтов походит очень много, на других нисколько. Критик и не мог, на сей раз, представить другой характеристики, приняв за начало своего воззрения — «Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева».

Суждение Пушкина (том XI) отзывается также общими местами: «Верность ума и чувства, точность выражения, вкус, ясность, стройность, простота, прелесть рассказа, живость красок, мастерски означенные характеры, гармония стихов»... все это необходимая дань времени. Но поэт выкупил ее, назвав Баратынского Гамлетом и отличив в нем оригинальность самобытной мысли. Эти

два замечания до того верны, что каждый последующий критик поэзии Баратынского должен начать ими статью свою, как я и сделал.

Когда критика утвердилась на других основаниях, тогда многие повершенные дела приняли новое решение. На писателей стали смотреть с высоты *идеи*, которая может быть строгою, но никогда не бывает низкою. Литературный судья награждал усердных ее служителей и поражал дерзновенных, оскорблявших ее величие. Имея исключительное дело с тою стороною поэта, которою он соприкасается идее, критика впадала иногда в односторонность, против которой запрещено вооружаться: если похвально идти на добровольное заклание во славу великого, то не укорительно быть его насильственною жертвой; кто понес наказание за одну вину, тому в утешение остаются достоинства, которых не удостоила взглядом идея, занятая своим стремлением. Такого рода критика помещена была в «Отечественных Записках».

Наконец, «Библиотека для Чтения» помянула умершего поэта исчислением à la Villemain обстоятельств его жизни, думая читать в них объяснение элегического направления, и грустной мыслию о скоропостижности земной славы, сопрягая с ней понятие об утрате собственной известности. Баратынский осужден и за язык и за содержание произведений: в языке критик видит отсутствие поэтического дара, в содержании — гибель поэзии. Но какое нам дело до здоровья и жизни поэзии, если — как думает критик — суждено ей умереть по выходе стихотворений Баратынского?.. Пусть гибнет мир — лишь бы осталась истина!

В этой статье я не всходил на высоту идеи, откуда много может показаться мелким, не спрашиваю совета у собственных ощущений, при которых многое может казаться великим, но просто выговариваю мысли и чувства, лежащие в стихотворениях. Скажу более: статья как-бы продиктована Баратынским; моя собственность — только упрощение поэтического выражения, да развитие мест, где краткость, дозволительная поэту, предосудительна критику. Анализ, независимый от любимых идей и задушевных чувств, имеет то преимущество, что мысль поэта развивается из самой-себя, выходит изнутри, а не оглядывается извне, часто искажаясь приложением чуждых ей материалов. И потому, процесс моих суждений и заключений очень-прост: я читаю стихотворения и, увлекаемый ими, становлюсь посредником между ими и читателями. Если последние назовут меня верным докладчиком поэта, они могут ошибиться или сказать правду, но не могут придумать лучшей похвалы.

<...>

Но от-чего из спокойной груда поэта часто вырывается болезненный, напрасно-сдерживаемый вздох? Во многих стихотворениях его так много печали, и эта печаль, пробиваясь на свет, тем больше возбуждает участия, чем более она сознательна, чем меньше исцелима. <...>

Прочтите «Истину» (Ч. I, стр. 16), «Я возвращуся к вам, поля моих отцов» (стр. 12), «Мне с упоением заметным» (стр. 40), «Судьбой наложенные цепи» (стр. 189), «Весна, весна, как воздух чист» (стр. 223), «Отрывок» (стр. 233), и вы пожалеете поэта, как пожалели бы всякого, кто,

О счастии с младенчества тоскуя
Все счастьем беден...

Поэт, в своем миросозерцании, доходит даже до того, что видит бесполезность жизни, хотя и не видит пользы преждевременной смерти:

На что вы, дни? Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь: а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет
Без нужды ночь сменя;
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня! *(«Сумерки», стр. 49 и 50)*

Но нигде нет такой тягостной насмешки над блаженством нашим, как в пьесе *Осень*, которая вся дышит горькой иронией. Поэт, переходя от земледельца к человеку, говорит:

А ты, когда вступаешь в осень дней,
  Оратай жизненного поля!
И пред тобой во благостыне всей
  Является земная доля;

Когда тебе житейские бразды,
        Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
        И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
        Судеб людских достигнув полноты, —

Ты также ли, как земледел богат?
        И ты как он с надеждой сеял:
И ты как он о дальнем дне наград
        Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись воставшим им!
        Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
        Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
        Души твоей обманов и обид!

Твой день взошел и для тебя ясна
        Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
        Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
        Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь, и вдруг
        Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
        Едва твоей гордыней задушен.

Но если бы негодованья крик,
        Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
        Вполне торжественный и дикой:
Костями бы среди своих забав
        Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
        Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его на-век,
        И заживо б в нем умер человек!

Зови ж теперь на праздник честный мир!
        Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
        Затейливый, замысловатый!

Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех,
И как могила людям страшен:
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье:
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет,
Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ея предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным
И, бытия мятежным голосам
В великом гимне примиренным,
Внимающий как арфам, коих строй
Превыспренний, не понят был тобой, —

Пред промыслом оправданный[26] ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою не видящей границ
И утоленным разуменьем:
Знай, внутренней своей во веки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку:
Знай — горняя, иль дольная она,
Нам на земле не для земли дана.

---

[26] В «Сумерках» — «Пред Промыслом оправданным».

Вот буйственно несется ураган
И лес подъемлет говор шумной,
И пенится и ходит Океан,
И в берег бьет волной безумной:
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешелъ. («*Сумерки*», *стр. 72—81*).

Какая глубокая, невыносимая печаль!.. От-чего она?

Мы находим тому не одну, а две причины: ложное убеждение и неполноту уверения. Философия Баратынского, *установив* жизнь, не кончила еще всего дела. Оставалось решить главнейшую задачу: определить характер явлений в жизни *установленной*. Что она такое, эта жизнь? Беспрерывное совершенствование, которое тоже может быть предначертанным, или оконченное дело? движение вперед или определенное круговращение? ежемгновенная перемена явлений, которые никогда не бывают одинакими, или периодический возврат явлений, которые всегда одни и те же? Решение Баратынского совершенно-противоположно теории прогресса, во всем и всегда видящей успех. Для него — жизнь есть не только круговращение, но и волнение, не только волнение, но и постепенное унижение.

Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно («*Сумерки*», *стр. 40*).

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада.
И тишина глубокая во след
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась. (*Ч. I*, *стр. 203 и 204*).

Итак, отдаленные потомки наши будут свидетелями тех же явлений, которые волнуются в нас и около нас, приближаясь к роковой године смерти. Новые поколения встанут на старое и неизбежно-стареющее зрелище. Вот первая причина скорби для человека, который, получив от природы чуткий слух и зоркое зрение, узнал заблаговременно возвратные явления мира, прежде окончания своей жизни изведал жизнь. Ему, конечно, мало охоты жить и действовать. Богатый рабскою преданностью настоящему, в котором пребывает своим, еще живущим, телом, он не питает привязанности к будущему, в котором уже отжил душою. Как подёнщик, принявший плату за все труды, выходит он на ежедневную работу, без мысли оплодотворить ее надеждой, заработать новую плату. Он так же мало радуется крепости сил, как мало жалеет о силах скудеющих. «Все измерено и взвешено» думает он. «Там, в туманной дали, Геркулесовы-Столбы; за ними нет Америки!». У Гамлета становились дыбом волосы при рассказе отца его о посмертных мучениях; Баратынский называет стократно-благим закон, запечатлевший молчанием уста черепа (Ч. I, стр. 187): это молчание красноречивее рассказа, и слова поэта страшнее угроз небывалой тени. Между-тем, сходство Баратынского с Гамлетом верно подметил еще Пушкин: в обоих, энергия жизни, восторженность, страсти, желания умерщвлены тем анализом, который, последним своим заключением, приходить к развалинам; в обоих скорбь питается мыслию, и эта скорбь в обоих одинакового свойства: тихая, сознающая свое начало, невидящая себе конца.

Если «установленность» природы водворяет в ней спокойствие, которому часто завидует человек, то «неполная установленность мысли» поражает мыслящего прежде тревогой, потом грустной апатией. Жизнь требует полноты служения кому-нибудь или чему-нибудь. Это — древнее капище, где лики богов, суровые или благостные, приемлют дары молящихся, отзываясь на их стремления. Но когда прежние боги сошли с своих подножий, не уступив места новым, дотоле-неведомым богам, тогда храм есть образ жизни, опустошенной, но вновь-незаселенной. И потому поэт-философ прав, жалуясь на невполне-совершившееся разуверение души:

> Но для чего души разуверенье
> Свершилось не вполне?
> Зачем же в ней слепое сожаленье
> Живет о старине»? *(Ч. 1, стр. 18)*.

«Неполное разуверение» или, определеннее, «неполное уверение» — вторая причина его страданий. Он живет болезненно в новом, затем, что не совсем еще умер в старом. Различные периоды жизни — то же, что заколдованные

круги: до-тех-пор счастлив в одном, пока не приближался к черте другого. Сила очарования влечет тогда порывисто — надобно скорее переступить черту, чтоб жить без страха новой жизни, без печального воспоминания о прошлой. Хорошо тому, кто всеми стремлениями души и всеми нервами тела держится за старых друзей своих: за наследство отца и матери, за предания старины, за привычку. Но если ты уже выучился проводить целые годы с ними в разлуке, если удалился от них на такое расстояние, на котором утихают родные голоса и теряет свою власть чудовище-привычка, если это солнце, заходящее до завтра, не говорит тебе «надейся» — тогда подними скорее другое солнце и в прощальных лучах его читай ежедневное обетование надежды. Новая жизнь немедленно полюбит нас, когда мы ее полюбим. В стихотворении «Ахилл» («Сумерки», стр. 51) поэт говорит человеку, «сыну купели новых дней», что он невредим, если одною пятою стал на «живую веру». Для чего не мог он сам исполнить своего прекрасного совета? он именно стоит в средине — мучительной, а не блаженной. Оттуда открытый вид на запад прежнего счастья, на восток новой мысли. По дальнему небосклону, озаренному вечерней зарей, гуляют остатки розовых облаков, готовых скрыться: вон они, светлые спутники первых лет — беспечное неведение, сладостный покой, тихая доверенность... все, что было в нас когда-то. Сличая непосредственное наслаждение чувством бытия, которое радостно сказывалось ему желаниями и надеждами, с тем круговоротом явлений, где исчезли надежды и нет новых желаний, он тоскует и волнуется, он поминает надгробным рыданием отошедшие радости.

И кто из нас не уносился порою в тот край, далекий и прекрасный, где цвели луга, на которых мы бегали? кто из тьмы воспоминаний не выводил первых лет, проведенных в доме родительском, под надзором любви и дружбы, — когда солнце так приветно освещало сад, раскинутый под нашими окнами, когда ветви душистой черемухи просились в комнату, осеняя лицо беззаботно-спящего, беззаботно-встающего? Кто теперь, под гнетом нужд или забот, в вечном рабстве у мысли, лишенной сил отвязаться от самого-себя, не молил самозабвения, одной минуты самозабвения?..

Прости мне, читатель, что я при мысли о новых благах, к которым так медленно спешу, вспомнил старое счастие, которым так жадно упивался! Трудно молчать, когда говорит сердце. Мы все немощны, все до одного.

В тесном кругу возвратных явлений тесно человеку. Еслиб поэт, который думал исчерпать жизнь, увидел в жизни развитие, путь, на котором нет ни ночлегов, ни полуденных отдыхов, — эта мысль спасла бы его, указав ему пожизненный труд. При таком убеждении, нет возможности осудить себя на бездействие: кто остановился, тот уже отстал. На границах прожитого, решенного для духа, новая жизнь задает новые вопросы. И между-тем, как он придумывает

ответы, его сопровождает, на безграничном поприще знания, вера в неизменное совершенствование человечества, — та живая вера, на которой должен остановиться каждый, пришедший в мир.

Мы не упрекаем поэта за воззрение, противное нашему, но показываем только, где источник его внутренних страданий. Одно из этих страданий так важно, что требует особенного указания. Поэт часто говорит о нем, как о болезни, отравляющей жизнь новых людей и неизвестной людям прежним. Мы разумеем *перевес мысли над чувством*, столь сильный избыток одной, что другое глохнет и почти уничтожается. Когда человек довольствовался простым, непосредственным ощущением бытия, тогда печаль и радость его являлись искренними и полными. Электрическим потрясением пробегало по нем принятое от природы или от самого-себя влияние, сладость которого заключалась в забвении всех прочих влияний. Мысль не присутствовала при рождении чувства; не шла по пятам его, когда оно уже родилось. Таков был человек древних времен, при благостном посещении земли небожителями; таков бывает каждый мыслящий в первый период своего развития, ласкаемый бессознательным вкушением земных благ; такими навсегда остаются люди, для которых затворены врата глубокого сознания. Но теперь — другое дело:

Чувство презрев, он доверил уму (*«Сумерки», стр. 27*).

Он слишком-мало слушается одного, слишком-часто спрашивается другого. Наступим ли ногою на цветочную головку — мы тотчас думаем, к какому классу растений принадлежите цветок и как его имя, забывая, что малейшая былинка есть проявление всемирного духа, и потому доступнее отвлеченного образа, важнее искусственного названия. Увидим ли прекрасное лицо женщины? мы сами ослабляем впечатление прекрасного, думая возвысить дар природы душевными достоинствами, как-будто красота сама-по-себе не есть уже достоинство. Возникнет ли радость? мы искажаем редкое счастие желанием знать его начало и конец, указать ему место в психологической системе. Когда из глаз стыдливой девы польются горестные слезы, которые Байрон запрещал даже любовнику отирать страстным лобзаньем — у нас готовы утешительные средства. Восторг при наступлении желанного свиданья охлаждается тою мыслию, что

.... дни печали
Быть может, поздно миновали (*Ч. I, стр. 49*).

На утре дня померкают пред нами вещественные явления природы, при задумчивом вопросе: «Что же совершится в будущем с природой?» Самый

кинжал, направленный в тоскующую грудь — что́ останавливает? *Мысль*, «что́ будет там, в той стороне, откуда нет пришлецов?» Наблюдая за каждым движением тела, анализируя каждый трепет сердца, человек убивает чрез это целую половину своего существования, а другою рассуждает о самоубийстве и смерти. Мания мысли овладела и литературой, как зеркалом жизни. Поэзия перестала изображать предметы, а занялась действием предметов на душу: вместо страшного, она описываете страх, вместо отвратительного — отвращение. Такой сильный перевес одного элемента к крайнему ущербу другого заметил Гёте и противодействовал ему многими произведениями, в которых видно не только сочувствие наивной простоте древнего искусства, но и блистательное его воспроизведете, а Баратынский, более других преданный мысли, наконец вооружился против нее открыто:

Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Все тут, да тут и человек и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная. *(«Сумерки», стр. 63 и 64).*

Всегдашний надзор мысли в развитии чувства, борьба их, в которой чувство, омраченное мыслию, теряет свою напряженность и свежесть, прекрасно выражена следующими, полными глубокого значения стихами:

Не даром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа. *(«Сумерки», стр. 49 и 50).*

Вот где корень болезни: в спешном развитии души, в задержке или остановке развития телесного. Жорж Занд (в романе «Жак») называет такое гибельное состояние человека столкновением юности чувств с умственной старостью. Лермонтов отпел несчастных похоронной *Думой*. Как же выйдти из ужасной коллизии? Уравновешиванием сил, полученных свыше. Новые забыли необходимое условие счастия: mens sana in corpore sano. Довольно уже было гонений на тело, презрения к земному: пора земле занять принадлежащее ей место в жизни, как давно занимает она почетное место в солнечной системе.

Тело, как хранилище чувства, и ум, как источник мысли, враждуя между собою, полагают вражду между наукой, стремящейся к мысли, и поэзией, стремящейся к чувству. Поэзия (так рассуждает Баратынский) есть очарование; она любит тайну, и сама является облеченной в волшебное покрывало. Чем меньше, следовательно, изведал человек, тем восприимчивей его душа, тем больше верит он чудесным силам природы, тем скорее засыпает под напевы чувства и сказки фантазии. Первые поэты отважною мыслью пускались в моря, где не гулял еще корабль, населяли предполагаемые острова, садились под тень девственного леса, к которому не подходил человек. Им нравился полусвет с мелькающими в нем смутными образами смутных существ. Но

Исчезнули при свете просвещенья
   Поэзии ребяческие сны. *(«Сумерки», стр. 15)*

Аполлон на-веки отпряг пламенных коней своих; розоперстая Аврора уже не выведет на восток сияющего утра; рыдая, ушли Дриады из очарованных лесов, и боги оставили Олимп, на котором пасутся теперь козы. Мир покорился человеку, прежнему поклоннику мира, поэзия отлетела. Что́ делать последнему поэту?

Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Ужь праздного вертепа не являет,
   И на земле уединенья нет. *(«Сумерки», стр. 18)*.

Понятие о вражде поэзии с наукой последовательно вытекает из понятия поэта о жизни не развивающейся, а волнующейся. Но поэзия, как и все в мире, развивается, не умирая. Можем видеть, что прежняя поэзия отлична от новой, потому-что не могла, при новой жизни, сохранить старую форму, остаться на старом месте; но не заключим отсюда, что поэзии нет никакой. Исчез или ослаблен вид, как исчезнут, может-быть, многие ее виды; сохраняется род, воплощаясь в те или другие формы. Не место здесь показывать различие между разными проявлениями поэзии; скажем только, что опасения Баратынского решительно напрасны. Чего он боится? Открытий, опытов, короче: *науки*, переводящей неизвестное в известное? Если согласимся даже — неизвестность, один из элементов первобытной поэзии, принять за существенное и потому всегдашнее основание всех поэтических произведений, то и в этом случае мнете Баратынского ошибочно.

Во-первых, каждая истина, открытая наукой, гораздо-способнее возбудить творческая силы, фантазию и чувство, чем все ребяческие сны, все выдумки неведения. Известное, представленное умом, выше неизвестного, представ-

ляемого воображением. Для греческих философов, солнце было величиною с Пелопонез. Что же это солнце значит пред землею, которая в тысячи раз более Пелопонеса, пред истинным солнцем, которое в мильйоны раз больше земли, пред теми еще невиденными светилами, которых свет, пробегающий в секунду триста тысяч верст, не дошел еще до нас от сотворения мира? Что все чудовища мифологического мира: Сцилла и Харибда, Цербер и гарпии, сфинкс и циклопы пред миром допотопных животных, открытых Кювье, пред миром инфузорий, открытых Эренбергомъ?.. Пиры и колесницы богов — для нас самые обыкновенные вещи; советы Минервы не удивили бы теперь мальчика. Если от физического перейдем к нравственному, то увидим, что и здесь новый человек имеет справедливое право гордиться. С-тех-пор, как женщина ходит без покрывала и живет без страха под одной кровлей с мужчиною, — целый мир особенных, прекрасных чувств, закрытый гордостью и силой, предстал душе нашей. Мы выучились отказываться от приобретенной и временем укрепленной власти; живя собственною жизнию, умеем переживать отжитое веками. В постепенном развитии, показали мы такие свойства человеческой натуры, которые осуждены недальновидностию, потому-что она осуждает все, чего не видывала прежде, принимая разнообразие за искажение. А мир общественный с его стремлениями к лучшему, совершеннейшему?... Я только исчисляю некоторые преимущества, не имея надобности исчислять все преимущества и входить в подробное объяснение каждого.

Во-вторых, всякое знание, завоевывая часть вселенной, раздвигает мир, задает новую работу мысли, показывает необходимость нового знания. Следовательно, неизвестное всегда остается, хотя иногда не в прежнем виде представляется. Ограниченность, невежество думают в *своем* знании видеть знание *всех* и *всего*, но Сократ сказал: я *только-то знаю, что я ничего не знаю*. Новый философ, менее-скромный и столь же справедливый, может сказать: «я знаю, что мне и будущим векам остается нескончаемое знание, ибо развитие мысли беспредельно». Где же та исчерпаемость, при которой погибает поэзия?

———

Здесь оканчиваем статью свою. Мы старались определить характер *мысли*, которой служила поэзия Баратынского, — ее философское развитие и приложения, оставляя в стороне вопрос о поэтическом представлении этой мысли. Предметом нашим был Баратынский, как *мыслитель:* пускай другие рассмотрят Баратынского, как *поэта* или *не-поэта*. Может-быть, в последнем отношении, он станет ниже многих предшественников и современников, но в первом он стоит высоко. Такой искренней, верной и вместе страдальческой преданности *одной идее* не было ни у Пушкина, многостороннего и вселюбящего, ни у Дель-

вига, страстного жреца изящных искусств: только Лермонтов блистательно показал, как можно жить для одной еще более возвышенной идеи, соединяя в себе мыслителя и поэта. Говорю *только*, потому-что, кроме этих двух писателей (да еще Жуковского, в прежнее время), так много занятых своею мыслию, все прочие были заняты всем или ничем. Не думайте, чтоб поэт набросил на себя печаль и вздумал прославиться оригинальностью: нет, «его грусти не рассеевал веселый шум пиров; он тщетно хотел жить вне себя» (ч. I, стр. 25). Он же, в другом месте, говорить:

На грудь мне дума роковая
Тяжелой насыпью легла. *(Ч. I, стр. 120)*.

В этих словах — полная исповедь его души, весь он.

Как любопытно было бы узнать не формулярный список поэта, заслуживающего истинное уважение и соучастие, а подробности его общественной и семейной жизни! Она явилась бы свету или спасительным уроком, или важной психологической задачей.

Из круга ведомых тебе явлений перешедший к истинам, известным гробу — спокойно тлей, поэт! Что́ бы ни ожидало тебя за гробом — Творца оправдает твоя могила: удел твой было волнение — ты волновался...

Мы все можем страдать и волноваться, испытывая на себе суд Божий. Немногие встанут чистыми, как Иов; но в каждом из нас оправдается Бог!

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Алмазов 1854 — [*Алмазов Б. Н.*] Современник. 1854 года, №№ X и XI // Москвитянин. 1854. № 23. Отд. IV. С. 113—125 (подпись: Б. А.).

Анненков 1855—1857 — Пушкин А. С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. / Издание П. В. Анненкова. Т. 1—7. СПб., 1855—1857.

Балакин 2007 — *Балакин А. Ю.* Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 189—208.

БАН — Библиотека Российской Академии наук.

Баратынские 1993 — Баратынские (I. Генерал Абрам Баратынский; II. Воспоминания Н. В. Путяты о Е. А. Баратынском; III. Письмо из Марселя; IV. «Душинька моя Попинька»; V. Chère Sophie. VI. Каймары. Мемориальная записка К. Н. Алексеевой) / Публ. Е. Э. Ляминой, Е. Е. Пастернак, А. М. Пескова // Лица. Биографический альманах. [Вып.] 2 / Ред.-сост. А. А. Ильин-Томич. М., СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. С. 206—268.

Белинский 1845 — [*Белинский В. Г.*] Русская литература в 1844 году // Отечественные записки. 1845. Т. 38. № 1. Отд. V. С. 1—42.

Белинский 1953—1959 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. / Ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953—1959.

Благой 1923а — *Благой Д. Д.* Тургенев — редактор Тютчева // Тургенев и его время. Первый сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. С. 142—163.

Благой 1923б — *Благой Д. Д.* Тургенев — редактор Фета // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 45—64.

Блинчевская 1964 — *Блинчевская М. Я.* Стихотворения Баратынского // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем

И. С. Тургенева / Редколлегия: М. П. Алексеев (глав. ред) и др. Вып. 1. М.; Л.: Наука, Ленигр. отд-ние, 1964. С. 239.

Боград 1985 — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки», 1839—1845: Указатель содержания. М.: Книга, 1985.

Бодрова 2010 — *Бодрова А. С.* Поздняя лирика Е. А. Боратынского: источниковедческий и текстологический аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2010.

Бодрова 2010а — *Бодрова А. С.* О журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензоров: из истории раннего «Москвитянина» // Пермяковский сборник / Ред.-сост. Н. Мазур. Ч. 2. М.: Новое издательство, 2010. С. 350—371 (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7. Ч. 2).

Бодрова, Велижев 2009 — *Бодрова А. С., Велижев М. Б.* И. С. Тургенев — издатель Баратынского, или Русские второстепенные поэты в 1854 году // Тыняновский сборник. Вып. 13. XII—XIII—XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 119—147.

Боратынский 2002 — *Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1: Стихотворения 1818—1822 годов / Ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. М.: Языки славянской культуры, 2002; Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823—1834 годов / Ред. О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Боратынский Л. Е. 1869 — *Боратынский Л. Е.* Баратынский, Евгений Абрамович // Портретная галерея русских деятелей / Изд. А. Мюнстера. Т. 2: Сто биографий. СПб.: Тип. А. Мюнстера, 1869. С. 70—73.

Брюсов 1899 — *Брюсов В. Я.* О собраниях сочинений Е. А. Баратынского // Русский архив. 1899. Кн. III. № 11. С. 437—446.

Брюсов 1901 — *Брюсов В. Я.* Эпиграммы и пародии на Е. А. Баратынского // Русский архив. 1901. Кн. I. № 2. С. 347—349.

Бухштаб 1956 — *Бухштаб Б. Я.* Адресат эпиграммы Баратынского // Труды Ленинградского гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской / Ред. коллегия Н. Н. Житомирова и др. Т. 1. Л.: [Изд. Лен. госуд. библитечного ин-та им. Н. К. Крупской], 1956. С. 233—235.

Вацуро 1974 — *Вацуро В. Э.* Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974. С. 55—62.

Вацуро 1975 — *Вацуро В. Э.* Мнимое четверостишие Баратынского // Русская литература. 1975. № 4. С. 154—156.

Вацуро 1979 — *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 3—56.

Вацуро 1989 — *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989.

Верховский 1908 — *Верховский Ю. Н.* Отчет о поездке летом 1908 г. // Известия императорской Академии наук. VI серия. 1908. № 16. С. 1202—1210.

Верховский 1935 — *Верховский Ю. Н.* Гранки примечаний к изданию: «Е. А. Боратынский. Полное собрание сочинений, в двух томах / Подгот. текста и коммент. Ю. Н. Верховского. Статьи Ю. Н. Верховского и В. В. Гиппиуса» // Научный архив музея-усадьбы «Мураново», шифр Б 35/86 КП.

Верховский 2008 — *Верховский Ю. Н.* Автобиография // Верховский Ю. Струны. Собрание сочинений / Сост., ст., коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 728—738.

Винокур 1927 — *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М.: ГАХН, 1927 (Гос. Акад. Худож. наук. История и теория искусства. Вып. 10).

Витберг 1903 — *Витберг Ф. А.* Кто автор стихов «Цапли»? // Литературный вестник. Издание Русского Библиологического Общества. 1903. Т. VI. Кн. 7—8. С. 245—247.

Гаевский 1853 — *Гаевский В. П.* Дельвиг. Статья вторая // Современник. 1853. Т. 39. № 5. Отд. III. С. 1—66.

Галахов 1844 — [*Галахов А. Д.*] Е. А. Баратынский // Отечественные записки. 1844. Т. 37. № 12. Отд. II. С. 83—104 (подпись: Сто-один).

Гербель 1861а — Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений. Дополнение к 6 томам петербургского издания / [Под ред. Н. В. Гербеля]. Берлин: Издание Р. Вагнера, 1861.

Гербель 1861б — Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений / [Под ред. Н. В. Гербеля]. Берлин: Р. Вагнер, под липами, 1861.

Гербель 1870 — Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений / [Под ред. Н. В. Гербеля]. 2-е изд. Берлин, 1870.

Гербель 1876 — *Гербель Н. В.* Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина // Русский Архив. 1876. Кн. III. № 10. С. 205—244.

Гоголь 1952 — *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 12. Письма, 1842—1845 / Ред. изд.: Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский; Ред. тома Г. М. Фридлендер. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1952.

Гофман 2004 — Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть I (1904—1921) / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 180—238.

Грот, Плетнев. Переписка — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. С прил. портр. Грота и Плетнева / Изд. под ред. К. Я. Грота. Т. 1—3. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1896.

Дельвиг 1912 — *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания / [Предисл.: хранитель Г. Георгиевский]. Т. 1—4. Москва: Моск. публ. и Румянцев. музей, 1912—1913.

Дельвиг 1930 — *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820—1870 / Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха; Предисл. Д. О. Заславского. Т. 1—2. М.: Л.: Academia, 1930.

Дельвиг 1934 — *Дельвиг А. А.* Полное собрание стихотворений / Ред. и прим. Б. В. Томашевского; Вступ. ст. И. Виноградова и Б. Томашевского. [Л.]: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

Дельвиг 1986 — *Дельвиг А. А.* Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуро. Л.: Худож. лит: Ленингр. отд-ние, 1986.

Долгополова, Тархов 1989 — *Долгополова С. А., Тархов А. Е.* История тютчевского мемориального собрания // Литературное наследство. Т. 97: Ф. И. Тютчев. Кн. II. М.: Наука, 1989. С. 600—609.

Ефремов 1879 — *Ефремов П. А.* Александр Сергеевич Пушкин. «Моя родословная» по подлинной рукописи // Русская старина. 1879. Т. 26. № 12. Декабрь. С. 729—737.

Ефремов 1903 — *Ефремов П. А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб.: [Типография А. С. Суворина], 1903.

Изд. 1835 — Стихотворения Евгения Баратынского. Ч. 1—2. М.: Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1835.

Изд. 1869 — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портр. авт., снимк. его почерка, его письмами и биогр. о нем сведениями: Сверено с преж. изд. М.: Тип. Грачева и К°, 1869.

Изд. 1884 — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портр. авт., снимк. его почерка, его письмами и биогр. о нем сведениями. 4-е изд. Казань: В университетской типогр., 1884.

Изд. 1894 — Полное собрание сочинений Евгения Абрамовича Баратынского: С портр. авт., его письмами и биогр. о нем сведениями / Ред. изд. И. Н. Божерянова. Т. 1—2. СПб.: М. К. Ремезова, 1894.

Изд. 1900 — Стихотворения Евгения Абрамовича Боратынского. Ч. 1. Лирические стихотворения, элегии, послания и эпиграммы: С подстроч. вариантами; [Ч. 2. Поэмы]. Казань: Типо-лит. И. С. Перова, 1900.

Изд. 1914—1915 — Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. Т. 1—2. СПб.: Разряд изящ. словесности Имп. Акад. наук, 1914—1915. (Академическая библиотека русских писателей. Вып. 10—11).

Изд. 1936 — *Баратынский*. Полное собрание стихотворений / Ред., коммент. и биографич. статья Е. Купреяновой и И. Медведевой; Вступ. ст. Д. Мирского. Т. 1—2. [Л.]: Сов. писатель, 1936 (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. 1945 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения / Ред. ст. и примеч. И. Н. Медведевой. М.: Гослитиздат, 1945.

Изд. 1951 — *Боратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Вступ. ст. К. Пигарева; Подгот. текста и примеч. О. Муратовой и К. Пигарева. М.: ГИХЛ, 1951.

Изд. 1957 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. Л.: Сов. писатель, 1957 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Изд. 1982 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения; Поэмы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1982 (Литературные памятники).

Изд. 1987 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост. С. Г. Бочарова; Вступ. ст. Л. В. Дерюгиной; Примеч. Л. В. Дерюгиной и С. Г. Бочарова. М.: Правда, 1987.

Изд. 1989 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина; Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Л.: Сов. писатель, Ленигр. отд-ние, 1989. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

Изд. 2000 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Е. В. Невзглядовой и Л. Г. Фризмана; Сост., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана. СПб.: Академический проект, 2000 (Новая Библиотека поэта).

Каллаш 1902 — *Каллаш В. В.* Историко-литературные мелочи: I. «Цапли» Баратынского // Литературный вестник. Издание Русского Библиологического Общества. 1902. Т. IV. Кн. 7. С. 197.

Каллаш 1907 — *Каллаш В. В.* К литературной истории двух мнимых стихотворений Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 5. СПб., 1907. С. 110—116.

Каталог 1925 — Е. А. Боратынский. Каталог выставки в ознаменование 125-летия со дня его рождения (1800—1925) / Сост. Н. И. Тютчев. Музей имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, 1925.

Киреевский 1845а — [*Киреевский И. В.* Введение к отд. «Библиография»] // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Отдел «Библиография». С. 1—5.

Киреевский 1845б — [*Киреевский И. В.*] Стихотворения Баратынского // Библиотека для воспитания. 1845. Ч. 3. Отд. I. С. I—VI (подпись: И. К.).

Клепиков 1959 — *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.

Лернер 1911а — *Лернер Н.* Эпиграмма Пушкина и Баратынского // Речь. 1911. № 9 (1605). 10 января. С. 3.

Лернер 1911б — *Лернер Н. [О.]* Заметки о Пушкине. IV. Из псевдо-пушкинианы // Русская старина. 1911. Т. 148. № 12. Декабрь. С. 667—669.

Лернер 1913 — *Лернер Н. О.* Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 16. СПб., 1913. С. 19—76.

Лернер 1915 — *Лернер Н. О.* Сочинения Боратынского. [Рец. на: Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского. Т. II. Под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана] // Речь. 1915. № 225 (3248), 17/30 августа. С. 3.

Летопись — Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков; Текст подгот. Е. Э. Лямина и А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Летопись Тургенева 1995 — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. [Т. 1] (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб.: Наука, 1995.

ЛН. Т. 58 — Литературное наследство. Т. 58: Пушкин, Лермонтов, Гоголь М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Лонгинов 1864 — *Лонгинов М. Н.* Материялы для полного собрания сочинений Баратынского // Русский архив. 1864. № 1. Стлб. 110—118.

Лонгинов 1869 — *Лонгинов М. Н.* Библиографический список напечатанных стихотворений Баратынского в хронологическом порядке // Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. С. 374—385.

Лотман 1977 — *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1977. С. 25—47.

Лютня II — Лютня. II. Потаенная литература XIX столетия / Издание Э. Л. Каспровича в Лейпциге 1874 г. Третье издание. Berlin: J. Ladyschnikow Verlag. G. m. b. H.

Мазур 2002 — *Мазур Н.* Еще раз об адресате эпиграммы Баратынского «Увы! Творец непервых сил!..» // Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. М.: ОГИ, 2002. С. 285—300.

Майков 1899 — *Майков Л. Н.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. С приложением портрета Пушкина. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1899.

Манн 1984 — *Манн Ю. В.* В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М.: Книга, 1984 (Судьбы книг).

Манн 2004 — *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни. 1809—1845. М.: Аспект-пресс, 2004.

Материалы 1916 — Е. А. Боратынский: Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских / С введением и примеч. Ю Н. Верховского. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1916.

Медведева 1968 — *Медведева И. Н.* Последний день Помпеи. Картина К. Брюллова в восприятии русских поэтов 1830-х годов // Annali dell'Instituto Universitario Orientale. Sezione Slava. 1968. T. XI. P. 119—120.

Медовой 2007 — *Медовой М. И.* Кто автор хвалебной песни К. Брюллову // Русская литература. 2007. № 3. С. 116—120.

Межевич 1844 — *Межевич В.* <Некролог Е. А. Боратынскому> // Северная Пчела. 1844. № 183. 12 августа. Смесь. С. 731.

Модзалевский 1907 — Дельвиг и Пушкин: (Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) к П. В. Анненкову) / Публ. и коммент. Б. Л. Модзалевского // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 5. СПб., 1907. С. 140—157.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ОРК НБ СПбГУ — Отдел редких книг Научной библиотеки Санкт-петербургского государственного университета.

ОРКиР МГУ — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета.

Осповат 1980 — *Осповат А. Л.* «Как слово наше отзовется...»: о первом сборнике Ф. И. Тютчева. М.: Книга, 1980 (Судьбы книг).

Отчет ИПБ 1892 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895.

Павлищев 1890 — *Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М.: Университетская тип., 1890.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Песков 2002 — *Песков А. М.* Е. А. Боратынский. Очерк жизни и творчества // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1: Стихотворения 1818—1822 годов. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 22—70.

Пигарев 1935 — *Пигарев К. В.* Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева // Литературное наследство. Т. 19—21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 371—418.

Пигарев 1948 — *Пигарев К. В.* Мураново. М.: Моск. рабочий, 1948.

Плетнев 1844 — *Плетнев П. А.* Евгений Абрамович Баратынский // Современник. 1844. Т. 35. № 9. С. 298—329.

Полевой 1888 — Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1888.

Поэты 1790—1810-х — Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альтшуллера; Вступ. заметки, биографич. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. [Л.]: Советский писатель, 1971.

Поэты 1820—1830-х — Поэты 1820—1830-х годов / Биографич. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина; Общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Т. 1—2. [Л.]: Сов. писатель, 1972.

Пушкин 1887 — Сочинения А. С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым / Под ред. и с объяснительными примеч. П. О. Морозова. Т. 1—7. СПб., 1887.

Пушкин 1903—1905 — *Пушкин А. С.* Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903—1905. Т. 1—8. СПб., 1905.

Пушкин 1903—1906 — Сочинения и письма А. С. Пушкина / Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биографич. очерком, вступ. ст., объяснит. примеч. и худож. приложениями, под редакцией П. О. Морозова. Т. 1—8. СПб.: Просвещение, 1903—1906.

Пушкин 1907—1915 — *Пушкин А. С.* [Собрание сочинений] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., Пг: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1907—1915 (Библиотека великих писателей).

Пушкин 1937—1959 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

Пушкин 2004 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. Стихотворения. Кн. 1: Петербург. 1817—1820 / Редакторы тома В. Э. Вацуро, Е. О. Ларионова. СПб.: Наука, 2004.

Пушкин в воспоминаниях 1998 — Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. / Вступ. ст. В. Э. Вацуро; Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. Т. 1—2. СПб.: Академический проект, 1998 (Пушкинская библиотека).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Рейтблат 1998 — Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Сенковский 1844 — [*Сенковский О. И.*?] Стихотворения Евгения Баратынского. *Две части*... Сумерки. *Сочинение Евгения Баратынского* // Библиотека для Чтения. 1844. Т. 66. № 132—133. Отдел V. С. 1—22 (5-й пагинации).

Смирнова 1888 — А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844—1851 гг. // Русская старина. 1888. Т. 60. № 10. С. 125—147.

Снегирев 1904 — Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл. А. А. Титова. Т. 1—2. М.: Унив. тип., 1904—1905.

Соболевский 1912 — *Соболевский С. А.* Эпиграммы и экспромты / Под ред. [и с предисл.] В. В. Каллаша. М.: С. Г. Мамиконян, 1912.

Соболевский 1927 — *Беляев М. Д.* Соболевский о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 31/32. Л., 1927. С. 35—48.
Справочный том — Е. А. Боратынский. Авторская книга лирики: В 4 кн. / Науч. ред. А. М. Песков. [Кн. 4]: Справочный том. М.: Пашков дом, 2003.
Сумерки — Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М.: Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1842.
Татевский сборник 1899 — Татевский сборник С. А. Рачинского. С приложением портрета А. С. Хомякова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1899.
Томашевский 1928 — *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии Л.: Прибой, госуд. типогр. им. Ив. Федорова, 1928.
Тургенев 1854 — XV стихотворений Е. А. Баратынского // Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Октябрь. Отд. I. С. 147—160 (1-й пагинации).
Тургенев 1961 — *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 2. Письма, 1851—1856 / Тексты подгот. и прим. сост. А. И. Батюто и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Ленингр. отд-ние, 1961.
Хетсо 1964 — *Хьетсо Г.* Анастасия Львовна Баратынская о своем муже // Scando-Slavica. 1964. Т. X. P. 5—22.
Хетсо 1973 — *Хетсо Г.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø, 1973.
ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы.
Цявловская 1961 — *Цявловская Т. Г.* Новонайденный автограф Пушкина (эпиграмма на Булгарина) // Русская литература. 1961. № 1. С. 120—133.
Цявловский 1936 — Из пушкинианы П. И. Бартенева / Публикация и комментарии М. Цявловского // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин / Редакция М. Цявловского. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 491—562.
Шапошников 1928 — *Шапошников Б. В.* Письма Е. М. Языковой о Пушкине (Из архива Музея Сороковых Годов) // Искусство. 1928. Т. IV. Кн. 1—2. С. 153—168.
Шубин 1985 — *Шубин В. Ф.* Поэты пушкинского Петербурга. Л.: Лениздат, 1985.
Шубин, Файбисович 1982 — *Шубин В. Ф., Файбисович В. М.* К литературной жизни пушкинского Петербурга // Русская литература. 1982. № 3. С. 149—159.
Эпиграмма и сатира — Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX^{го} века. Т. 1. 1800—1840 / Сост. В. Орлов. М.; Л.: Academia, 1931.
Barratt 1969 — *Barratt G. R.* A. L. Baratynskaja and P. A. Pletnëv: Correspondence // Scando-Slavica. 1969. T. XV. P. 35—45.
Pacini Savoj 1959 — *Pacini Savoj L.* Documenti. E. A. Boratynski // Annali dell'Instituto Universitario Orientale. Sezione Slava. 1959. T. II. P. 201—203.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРАТЫНСКОГО, ПОМЕЩЕННЫХ В Т. I—III[1]

Настоящий указатель охватывает полный корпус лирики Боратынского. Все тексты, опубликованные в первых трех томах настоящего собрания, имеют сквозную нумерацию. В указателе все вхождения снабжены ссылками на порядковый номер текста. При основном вхождении даны также ссылки на номер тома и начальную страницу публикации. После специального значка (#) приводятся номера страниц, на которых воспроизведены важнейшие источники данного текста (автографы, авторизованные копии, авторитетные списки и прижизненные публикации).

[1] Составлен А. С. Бодровой.

СОДЕРЖАНИЕ

II. Стихотворения 1835—1844 гг.,
не включенные в книгу «Сумерки» или написанные после ее выхода

III. Juvenilia

IV. Коллективное

V. Dubia

Приложения

Научное издание

Евгений Абрамович Боратынский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Том 3
Часть 1

«Сумерки». Стихотворения 1835—1844 годов.
Juvenilia. Коллективное. Dubia

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 25.11.2011 Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Academy
Усл. п. л. 49,02. Тираж 800. Заказ № 5341

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: **95-95-260.** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**

*

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.